

ДЖОН ГРИШЭМ

ИНФОРМАТОР

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Annotation

Что ждет судью, нарушившего закон и справедливость ради больших денег? За расследование его деятельности возьмутся специалисты из КПДС — Комиссии по проверке действий судей.

Такие, как Лейси Штольц и ее напарник Хьюго Хэтч.

И однажды на связь с ними выходит таинственный информатор — чтобы предоставить доказательства преступлений судьи Клаудии Макдоувер. Судья, которая уже два десятка лет связана с могущественной мафиозной группировкой...

Кто же этот загадочный информатор? Откуда ему столько известно? И понимает ли он, какой опасности подвергает не только себя, но и Лейси с Хьюго, бросая вызов продажным «блюстителям закона» и их безжалостным криминальным покровителям?..

- [Джон Гришэм](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Эпилог](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
-

Джон Гришэм

Информатор

Джон Гришэм — обладатель уникального таланта. Только он умеет превратить рассказ о самых серьезных проблемах в захватывающую историю с погонями, опасностями и смертельным риском. Его герои — адвокаты, судьи, а еще самые разные нарушители закона и жертвы судебных ошибок — воспринимаются читателями как ближайшие знакомые, за которых переживаешь и к судьбе которых ощущаешь личную причастность. Может быть, именно поэтому книги Гришэма лидируют в списках бестселлеров, переведены на 40 языков, а их тираж превысил 375 миллионов экземпляров.

Гришэм все так же хорош. В его романе есть всё — и обаятельная главная героиня, и необычайно увлекательный сюжет, и события, развивающиеся с почти пугающей скоростью.

«New York Times»

Завораживающе увлекательный и необычайно убедительный роман. Джон Гришэм обнажает в «Информаторе» проблемы современного американского общества с необычайными талантом и силой!

«The Washington Post»

Глава 1

Спутниковое радио передавало мягкий джаз. Это был компромисс. Лейси, хозяйка «тойоты приус» и радиоприемника, терпеть не могла рэп, а Хьюго, ее пассажир, так же люто ненавидел современное кантри. Им не удалось достичь согласия ни по спортивным программам, ни по общедоступным радиоканалам, ни по «золотым» хитам, ни по взрослой комедии, ни по Би-би-си, не говоря о фолк-блуграсс, «Си-эн-эн», опере, сотне других станций. Она отчаялась, он устал. Оба признали себя побежденными и сошлись на мягком джазе. Мягкий — чтобы не мешать долгому и глубокому сну Хьюго. Мягкий — потому что Лейси вообще-то не была любительницей джаза. Взаимная уступка, одна из многих, годами поддерживавших их тандем. Он спал, она вела машину, и оба были довольны.

До Большой рецессии Комиссия по проверке действий судей пользовалась небольшим парком принадлежавших штату белых четырехдверных «хонд» с маленьким пробегом. Но урезание бюджета поставило на них крест. Теперь Лейси, Хьюго и всем бесчисленным должностным лицам Флориды полагалось ездить по служебным делам на собственных машинах; компенсация за милю пробега составляла 50 центов. Хьюго, отец четверых детей, отягощенный неподъемной закладной, ездил на древнем «бронко», на котором едва дотягивал до офиса; для дальней дороги этот рыдван никак не подходил. Потому он сейчас и спал.

Лейси наслаждалась покоем. Большинство дел она разбирала самостоятельно, так поступали и ее коллеги. Урезание бюджета повлекло сокращение сотрудников: в КПДС удержалось всего шесть человек, ну, семь — и это на весь штат с 20 миллионами жителей, с тысячей судей и шестьюстами судами, разбавившими в год по полмиллиона дел. Лейси благодарила судьбу за то, что почти все судьи штата были честными и работающими приверженцами принципов законности и равенства. Но даже те немногие, кто грешил продажностью, обеспечивали ей 50-часовую рабочую неделю.

Она тронула рычаг сигнала поворотника, свернула с трассы и стала притормаживать. Как только машина остановилась, с Хьюго как рукой сняло сон: можно было подумать, что он ни на секунду не переставал бодрствовать.

— Где мы? — спросил он.

— Почти на месте. Осталось двадцать минут. Как раз успеешь перевернуться на правый бок и похрапеть в окно.

— Извини. Я храпел?

— Ты всегда храпишь, если верить твоей жене.

— В свое оправдание скажу, что в три утра я еще не спал, потому что укачивал ее последнее произведение. Кажется, это девочка. Не подскажешь, как ее зовут?

— Жену или дочку?

— Очень смешно!

Очаровательная и вечно беременная Верна знала о своем муже все и почти ничего не утаивала. Ее призванием было сбивать с него спесь — задачка не из легких. В прошлой жизни, в средней школе, Хьюго был футбольной звездой, потом высоко котирировался в команде «Флорида Стейт», где сразу обошел всех остальных игроков. Три с половиной игры он не жалел себя, восхищая болельщиков, пока его не унесли на носилках со сплюснутым шейным позвонком. Он поклялся, что вернется на поле, но его мать твердо сказала «нет». Хьюго с почетным дипломом закончил школу и поступил на юридический факультет. Былая слава быстро меркла, что не мешало ему, члену символической сборной США, гордо задирать нос. Слаб человек!

— Двадцать минут, говоришь? — буркнул он.

— Хочешь дольше? Могу оставить тебя в машине, не глуша мотор, — весь день продыхнешь!

Хьюго повернулся на правый бок, закрыл глаза и сказал:

— Хочу нового напарника.

— Здравая мысль, но есть проблема: на такого, как ты, больше никто не согласится.

— Нового, и чтобы машина побольше.

— Зато этот «гибрид» пробегает пятьдесят миль на одном галлоне.

Хьюго еще поворчал и затих — но ненадолго. После нового приступа возни в кресле и нечленораздельного мычания он сел прямо, протер глаза и спросил:

— Что это мы слушаем?

— Этот разговор был у нас давным-давно, еще на выезде из Таллахасси, прежде чем ты впал в спячку.

— Помнится, я вызывался сесть за руль.

— Ну да, с одним открытым глазом. Благодарю покорно. Как Пиппин?

— Та еще плакса! Обычно, как учит меня обширный опыт, у плача новорожденного есть причина: хочет есть, пить, сменить пеленки, на ручки

к маме — мало ли чего... Но эта не такая, эта вопит просто так, ради чистого удовольствия. Ты не знаешь, чего лишаешься!

— Вспомни, мне уже дважды предоставлялась честь укачивать Пиппин.

— Помню. Благослови тебя Бог! Как насчет сегодняшнего вечера?

— Только свистни. Она у вас уже четвертая. Вы что, противники предохранения?

— Начинаются мои любимые разговорчики! Раз мы этого коснулись, как с половой жизнью у тебя самой?

— Извиняюсь. Мой прокол. — Лейси исполнилось 36 лет, она была очень привлекательна, и о ее личной жизни с любопытством шептался весь офис.

Они ехали на восток, к Атлантическому океану. До Сент-Огастина оставалось восемь миль. Лейси выключила радио.

— Ты здесь уже бывала? — поинтересовался Хьюго.

— Было дело, пару лет назад. Провели с приятелем недельку у друга в кондоминиуме.

— Сплошной секс?

— Опять ты за свое! У тебя что, все мысли ниже пояса?

— Ну, если подумать, то придется дать утвердительный ответ. Войди в мое положение: Пиппин только месяц, а это значит, что у нас с Верной уже месяца три не было нормальных отношений. Есть подозрение, что она отказала мне на несколько недель раньше положенного срока, хотя это спорный вопрос. Как ни велико желание вернуться назад и наверстать, никак не выходит... Так что в моем углу ринга царят сумятица и смятение; не уверен, что с ней происходит то же самое. Три малыша и новорожденный младенец плохо совмещаются с интимом.

— Все это неведомые мне материи.

Милю-другую Хьюго пытался смотреть на дорогу, но потом веки отяжелели, и он снова стал клевать носом. Лейси покосилась на него и улыбнулась. За девять лет службы в Комиссии у них с Хьюго набралась дюжина совместных дел. У них получалось работать рука об руку, они друг другу доверяли, и оба знали, что о любой его попытке взбрыкнуть — пока что таковых не отмечалось — будет немедленно доложено Верне. С Хьюго Лейси работала, а с Верной сплетничала и совершала покупки.

Сент-Огастин считался старейшим городом Америки: это здесь высадился и начал исследовать новый материк Понсе де Леон. Город с богатой историей, излюбленный туристами, был усеян историческими зданиями и древними дубами, заросшими бородастым мхом. Уже на

подъезде к нему движение замедлилось из-за тормозивших перед достопримечательностями туристических автобусов. Впереди, по правую руку, над городом возвышался кафедральный собор. В памяти Лейси все это было очень свежо. Неделя со старым другом получилась катастрофической, хотя сам Сент-Огастин вспоминался с теплым чувством.

Вместе с катастрофой — одной из многих.

— Кто этот загадочный анонимный источник, с которым у нас здесь встреча? — спросил Хьюго, еще раз протирая глаза. Он больше не собирался засыпать.

— Пока не знаю. Откликается на «Рэнди».

— Не напомнишь, зачем нам понадобилась тайная встреча с человеком, скрывающимся за кличкой и еще не подававшим официальной жалобы на кого-то из самых наших уважаемых судей?

— Не могу объяснить. Просто я три раза беседовала с ним по телефону, и он показался довольно серьезным малым.

— Отлично! Когда ты в последний раз говорила со стороной истца, не показавшейся воплощением серьезности?

— Доверься мне, ладно? Майкл велел ехать, мы и поехали. — Майклом звали директора КПДС, их босса.

— Ну, конечно. Что там за предполагаемое неэтичное поведение?

— По словам Рэнди, это что-то крупное.

— Никогда о таком не слыхал!

Они свернули на Кинг-стрит и поползли с черепашной скоростью в сторону центра. Была середина июля, все еще высокий сезон на севере Флориды. Туристы в шортах и сандалиях бродили по тротуарам без видимой цели. Лейси припарковалась на боковой улице, и они влились в толпу. Засев в кафе, они убили полчаса на листание глянцевого брошюра агентств недвижимости. В полдень, как им было сказано, они нашли ресторан-гриль «Лука» и попросили столик для троих. Заказав чай со льдом, они стали ждать. Прошло полчаса, Рэнди не появлялся, и они заказали сэндвичи плюс жареную картошку для Хьюго и фрукты для Лейси. Ели они так неторопливо, как только могли, и не сводили глаз с двери.

Как юристы они высоко ценили время, но как расследователи научились терпению. Эти две роли часто вступали в конфликт.

В два часа дня они сдались и вернулись к машине, раскалившейся хуже сауны. Стоило Лейси повернуть ключ зажигания, как ожил ее мобильный. Звонили с неизвестного номера. Она схватила телефон.

— Да?

— Я просил вас приехать одной, — сказал мужской голос. Это был Рэнди.

— Что ж, вы вправе недоумевать. Мы как будто должны были встретиться в полдень, для ленча?

Пауза, потом голос ответил:

— Жду вас на городской пристани для яхт, это в конце Кинг-стрит, в трех кварталах. Пусть ваш знакомый где-нибудь погуляет, а мы поболтаем.

— Послушайте, Рэнди, я не коп и не сильна в разных шпионских штучках. Мы встретимся, поздороваемся и все такое, но если я через минуту не услышу вашего настоящего имени, то уйду.

— Логично.

Лейси нажала на отбой и пробормотала:

— Логично...

У пристани для яхт кишели прогулочные суденышки, отплывали и швартовались рыбаки. На длинном понтоне шумела толпа туристов. Ресторанчик с открытой верандой над водой делал тройную выручку. Экипажи арендных яхт драили палубы и наводили блеск для завтрашних клиентов.

Лейси шла по центральному пирсу, высматривая человека, которого никогда прежде не встречала. Впереди, рядом с бензопомпой, стоял стареющий пляжный завсегдатай. Увидев ее, он неуверенно помахал рукой и кивнул. Лейси тоже кивнула и не стала замедлять шаг. Ему было лет шестьдесят, на обильную седую шевелюру была нахлобучена панамы. Шорты, сандалии, кричащая рубашка в цветочек, типичный бронзовый загар, затвердевшая морщинистая кожа человека, злоупотребляющего солнцем. Авиаторские темные очки. Улыбаясь, он шагнул ней навстречу.

— Вы, наверное, Лейси Штольц.

Она ответила на его рукопожатие.

— Да, это мое имя. А ваше?

— Меня зовут Рэмси Микс. Рад познакомиться.

— Я тоже. Мы договаривались встретиться в полдень.

— Прошу прощения, нелады со шлюпкой. — Микс указал на большую моторную яхту, покачивавшуюся на краю пирса, — не самую длинную в гавани, но все равно впечатляющую. — Может, перейдем на нее, там и поговорим?

— На борту?

— Ну да. Там можно будет пообщаться с глазу на глаз.

Уединиться на яхте с совершенно незнакомым человеком? Это

показалось ей неважной идеей, и Лейси заколебалась. Не дожидаясь ее ответа, Микс спросил:

— Кто тот чернокожий парень? — Он смотрел в сторону Кинг-стрит. Оглянувшись, Лейси увидела Хьюго, прикинувшегося членом шествовавшей к причалам группы туристов.

— Мой коллега, — ответила она.

— Вроде телохранителя?

— Мне телохранитель ни к чему, мистер Микс. Мы не вооружены, хотя мой друг может за пару секунд макнуть вас в воду.

— Будем надеяться, что этого не понадобится. Я пришел с миром.

— Рада это слышать. Я согласна на яхту, только если она не снимется с якоря. Запустите мотор — нашей встрече конец.

— Логично.

Лейси прошла следом за ним по пирсу, мимо парусных яхт, месяцами, судя по их виду, не выходивших в море. Его яхта была без лишних затей наречена «Конспиратором». Микс перешел на борт и подал ей руку. На палубе, под брезентовым козырьком, стоял деревянный столик и четыре складных стула.

— Добро пожаловать! — сказал он, указывая туда. — Присаживайтесь.

Лейси первым делом огляделась и, оставшись стоять, спросила:

— Мы одни?

— Вообще-то не совсем. Здесь моя подруга, ее зовут Карлита. Хотите, познакомлю?

— Только если она имеет значение для вашей истории.

— Не имеет. — Микс смотрел на причал, на Хьюго, опершегося об ограду и махавшего им рукой, словно хотевшего сказать: «Я все вижу». Помахав ему в ответ, Микс спросил: — Можно задать вам вопрос?

— Задавайте, — разрешила Лейси.

— Верно ли будет предположить, что сказанное мною вам будет немедленно передано мистеру Хэтчу?

— Он мой коллега. Мы вместе работаем над некоторыми делами, может, этим тоже займемся вдвоем. Откуда вы знаете его фамилию?

— Представьте, у меня есть компьютер. Я заходил на ваш сайт. Комиссии стоило бы его обновить.

— Знаю. Бюджет не позволяет.

— Фамилия звучит смутно знакомой...

— Он какое-то время блистал в футбольной команде «Флорида Стейт».

— Может, поэтому. Хотя сам я болельщик «Гейтор».

Эти слова Лейси не стала комментировать. Ее раздражала типичная

для южан склонность фанатично болеть за команды колледжей.

— Итак, от него ничего не укроется? — напомнил Микс свой вопрос.

— Ничего.

— Ну, так зовите его сюда. Вам обоим пора освежиться.

Глава 2

Карлита принесла деревянный поднос с напитками: диетическую содовую для Лейси и Хьюго, бутылочку пива для Микса. Она была симпатичной латиноамериканкой лет на двадцать моложе его и, похоже, радовалась гостям на борту, особенно женщине.

Лейси чиркнула в своем блокноте и начала:

— Маленький вопрос. Номер, с которого вы звонили пятнадцать минут назад, не совпадает с тем, что был на прошлой неделе.

— Какой же это вопрос?

— Не важно.

— Ладно. У меня много временных телефонов с предоплатой трафика. И я все время перемещаюсь. Надо полагать, ваш номер, который у меня сохранен, предоставлен вашим офисом?

— Так и есть. Мы не пользуемся для служебных надобностей личными телефонами. Так что мой номер вряд ли поменяется.

— Хорошо, так будет проще. Мои меняются каждый месяц, а бывает, и раз в неделю.

Сказанное Миксом в первые пять минут только порождало новые вопросы. Лейси еще не отошла от раздражения из-за того, что он не пришел на ленч. Первое впечатление от него было неважным.

— Значит, так, мистер Микс, — заговорила она. — Мы с Хьюго молчим и слушаем вас. Выкладывайте свою историю. Если в ней будут дыры, которые заставят нас слепо шарить и спотыкаться в темноте, то нам станет скучно, и мы уедем домой. По телефону вы говорили уклончиво и заманили меня сюда. Говорите, хватит вилять.

Микс с улыбкой посмотрел на Хьюго и поинтересовался:

— Она всегда такая прямая?

Хьюго улыбаться не стал, только мрачно кивнул и, сложив руки на столе, изобразил ожидание. Лейси положила ручку.

Микс отпил пива и начал:

— Я тридцать лет занимался юридическим бизнесом в Пенсакеле. Маленькая фирма, не больше пяти-шести юристов. В те времена мы будь здоров как вкалывали и процветали. Один из моих первых клиентов был девелопером, крупным дельцом: строил кондоминиумы, разные филиалы, отели, торговые стрип-моллы — обычные для Флориды объекты, вырастающие там и сям как по щелчку пальцев. Я ему не доверял, но он

зашибал такую деньгу, что я сдался и заглотнул наживку. Он втягивал меня во всевозможные сделки, кусочек здесь, кусочек там. Поначалу все шло гладко. Я уже размышлял, что разбогатею, а от этого — по крайней мере, во Флориде — рукой подать до беды. Мой друг фальсифицировал бухгалтерские данные и залезал в долги, но я ничего этого не знал. Пошли, как потом оказалось, фиктивные займы и вообще сплошной обман. Вмешалось ФБР, пустило в ход свои кассетные бомбы с начинкой из RICO^[1] и предъявило обвинения половине Пенсаколы, включая меня. Погорела куча народу — девелоперы, банкиры, риелторы, юристы и прочие темные дельцы. Вы, наверное, не в курсе, потому что занимаетесь судьями, а не адвокатами. В общем, я сдрейфил и распелся, как мальчишка в хоре, получил в награду досудебную сделку, признал один случай почтового мошенничества и оттрубил год и четыре месяца в федеральном исправительном учреждении. Лишился лицензии, нажил кучу врагов. Теперь залег, головы не поднимаю. Запросил и добился восстановления лицензии. Сейчас у меня завелся один клиент — тот самый, о котором у нас с вами пойдет речь. Вопросы? — Микс взял с пустого стула папку без пометок на обложке и протянул Лейси. — Можете полюбопытствовать, здесь вся моя подноготная: газетные статьи, сделка о признании моей вины, все, что вам понадобится. Перед законом я чист — в той степени, в какой это можно сказать о бывшем заключенном. Каждое мое слово — чистая правда.

— Какой ваш нынешний адрес? — спросил Хьюго.

— В Миртл-Бич живет мой брат, для официальных целей я пользуюсь его адресом. У Карлиты дом в Тампе, почта приходит туда. А на самом деле я обитаю здесь, на яхте. С телефонами, факсом, Интернетом, душем, холодным пивом и хорошенькой женщиной. Я счастливый человек. Плаваем себе вокруг Флориды, на острова Кис, на Багамы. На пенсии живется неплохо, спасибо Дядюшке Сэму.

— Зачем вы взяли клиента? — спросила Лейси, не заглядывая в папку.

— Это друг старого друга, знающего мое темное прошлое и считающего, что за кругленькую сумму я обязательно продамся. Он не ошибся: другу удалось уговорить меня взяться за это дело. Имя клиента не спрашивайте: оно мне неизвестно. Между ним и мной посредничает мой друг.

— Вы не знаете имени своего клиента? — не поверила Лейси.

— Не знаю и знать не хочу.

— Нам следует поинтересоваться, почему, или молча согласиться? — спросил Хьюго.

— Дыра номер один, мистер Микс, — заметила Лейси. — Мы в дыры не суемся. Либо вы все выкладываете, либо мы уходим, ничего не забрав с собой.

— Не торопитесь, — попросил Микс, прихлебывая пиво. — Это длинная история, на нее потребуется время. Тут замешана уйма денег, умопомрачительная коррупция и плохие-преплохие парни, которые глазом не моргнут, чтобы всадить пулю-две в лоб мне, вам, моему клиенту и любому, кто задает слишком много вопросов.

Повисла долгая пауза. Лейси и Хьюго переваривали услышанное. Наконец Лейси спросила:

— Тогда почему вы в игре?

— Ради денег. Мой клиент собрался вчинить иск согласно флоридскому Статусу о гражданских инициативах. Мечтает огрести миллионы. Мне тоже перепадет. Если все пойдет хорошо, то мне больше не понадобятся клиенты.

— Тогда он, наверное, государственный служащий, — предположила Лейси.

— Я знаю закон, мисс Штольц. У вас ответственная работа, у меня нет. У меня есть время рыться в параграфах законов и в прецедентном праве. Да, работодатель моего клиента — штат Флорида. Нет, раскрыть его личность нельзя, по крайней мере, сейчас. Возможно, потом, с деньгами на столе, мы сумеем уговорить судью соблюсти конфиденциальность. Для начала скажем так: мой клиент слишком напуган, чтобы подать вам в Комиссию официальную исковую жалобу.

— Мы не можем принять дело без подписанной, оформленной по всем правилам жалобы, — возразила Лейси. — Сами знаете, как четко все это прописано.

— Мне ли не знать! Исковую жалобу подпишу я.

— Под присягой? — спросил Хьюго.

— Да, если понадобится. Я верю в правдивость своего клиента и добровольно подписываюсь собственным именем.

— Вам не страшно?

— Я долго жил в страхе. Наверное, я к этому привык, хотя теперь все может обернуться гораздо хуже. — Микс потянулся за другой папкой, вынул из нее несколько страниц и положил на стол. — Полгода назад, — продолжил он, — я обратился в суд в Миртл-Бич, чтобы сменить имя и фамилию. Теперь я Грег Майерс, так и подпишусь под иском.

Лейси пробежала глазами распоряжение суда из Южной Каролины и в первый раз засомневалась, правильно ли они поступили, приехав в Сент-

Огастин для встречи с этим человеком. Перепуганный служащий штата, боящийся назвать себя. Оступившийся и исправившийся юрист, которого страх погнал в суд другого штата для смены имени. Бывший заключенный без нормального почтового адреса.

Хьюго тоже прочел распоряжение суда и впервые за долгие годы пожалел, что не носит оружия.

— В данный момент вы считаете, что находитесь в бегах?

— Назовем это осторожностью, мистер Хэтч. Я опытный мореход, я разбираюсь в морях и океанах, в течениях, рифах и отмелях, в укромных пляжах и тайных убежищах гораздо лучше, чем любой, кто станет меня искать — если кто-то действительно этим займется.

— Звучит так, будто вы и впрямь в бегах, — заключила Лейси.

Майерс закивал, словно в знак согласия. Все трое пригубили свои напитки. Поднялся ветер, стало не так влажно. Лейси пролистала тонкую папку.

— Еще вопрос. Ваши трудности с законом как-то связаны с судебским должностным преступлением, которое вы хотите обсудить?

Кивки прекратились. Майерс обдумал вопрос и ответил:

— Нет.

— Вернемся к вашему загадочному клиенту, — предложил Хьюго. — У вас есть с ним прямой контакт?

— Никакого. Он отказывается пользоваться электронной и обыкновенной почтой, факсом, телефонной связью, которую можно отследить. Он говорит только с посредником, посредник навещает меня лично или звонит по одноразовому номеру. Это неудобно, пожирает массу времени, но зато безопасно. Ничего не остается: ни следов, ни записей.

— Если бы он вам понадобился прямо сейчас, как бы вы его нашли?

— Такого еще ни разу не бывало. Наверное, позвонил бы посреднику и подождал час или около того.

— Где живет клиент?

— Точно не знаю. Где-то на флоридском «отростке».^[2]

Лейси глубоко вздохнула, переглянулась с Хьюго и осведомилась:

— Так что там у вас за история?

Майерс уставился вдаль, за мачты. Там разводили мост, чтобы пропустить выстроившиеся в очередь яхты, и это зрелище его, казалось, заворожило. Наконец он проговорил:

— В этой истории много глав, некоторые все еще пишутся. Цель этой встречи — рассказать ровно столько, чтобы вас заинтересовать, но при этом и предостеречь, чтобы вы при желании смогли дать задний ход.

Сейчас вопрос звучит так: вы хотите в это соваться?

— Речь идет о судебном должностном преступлении? — спросила Лейси.

— Определение «должностное преступление» было бы здесь огромным преуменьшением. Мне известно о коррупции, превосходящей все, что вскрывалось в этой стране раньше. Видите ли, мисс Штольц, мистер Хэтч, я провел шестнадцать месяцев в тюрьме не совсем зря. Я заведовал тюремной библиотекой и не поднимал носа из книг. Я изучил все до единого дела о коррупции судей, когда-либо расследовавшиеся во всех пятидесяти штатах. Прodelан огромный труд: дела, записи, что хотите. Я — ходячая энциклопедия, другого такого всезнайку не найти, обращайтесь, если что. История, которую я намерен вам поведать, содержит больше грязных денег, чем все остальные вместе взятые. Ну и, конечно, подкуп, вымогательство, запугивание, поддельные судебные процессы, минимум два убийства и один противоправный обвинительный приговор. Всего в часе езды отсюда гниет в камере смертников осужденный, которого подставили. Настоящий преступник сейчас, вероятно, нежится на яхте, которой моя и в подметки не годится.

Майерс сделал паузу, еще раз приложился к бутылке с пивом и самодовольно ухмыльнулся, радуясь, что полностью завладел их вниманием.

— Повторяю вопрос: вы хотите в это лезть? Опасное занятие!

— Почему мы? — спросил Хьюго. — Почему вы не обращаетесь в ФБР?

— У меня есть опыт общения с ФБР, мистер Хэтч, — прямо скажем, очень неважный. Я не доверяю никаким носителям блях, особенно в этом штате.

— Повторяю, мистер Майерс, — произнесла Лейси, — мы не пользуемся оружием. Мы не расследуем уголовные преступления. Если послушать вас, здесь есть где развернуться сразу нескольким федеральным агентствам.

— Зато в вашей власти вызывать людей в суд, — сказал Майерс. — Вы наделены правом добиваться повесток. Вы вправе требовать от любого судьи штата предоставления любых документов, имеющих в его распоряжении. У вас серьезная власть, мисс Штольц. А это значит, что вы можете расследовать и преступную деятельность.

— Мочь-то можем, — согласился Хьюго, — но для борьбы с гангстерами мы слабоваты. Если ваша история правдива, то у этих преступников высокая степень организации.

— Слыхали о «мафии каракатиц»? — спросил Майерс, оторвавшись от бутылки после большого глотка.

— Нет, не приходилось, — ответил Хьюго. Лейси отрицательно покачала головой.

— Ну, это другая, тоже долгая история. Вы правы, мистер Хэтч, банда отлично организована. Она давно занимается преступной деятельностью, не имеющей касательства к вам, так как в ней не задействован судебный корпус. Но для одной сделки им пришлось купить судью. А это уже ваша епархия.

«Конспиратор» покачнулся на волне, поднятой проплывавшим мимо старым креветочным баркасом, и все трое ненадолго умолкли.

— Что, если мы откажемся? — снова заговорила Лейси. — Что тогда?

— Если я подам исковую жалобу по всем правилам, то вам не придется с ней разбираться, не так ли?

— Теоретически — да. Как вам наверняка известно, нам дается сорок пять дней на определение судебной перспективы иска. Затем мы ставим в известность ответчика, судью, и портим ему жизнь. Но игнорировать жалобы мы тоже большие умельцы.

— О, да! — подхватил с улыбкой Хьюго. — Мы бюрократы хоть куда. Способны замотать и самое роскошное дело!

— Это не замотаете, — заверил Майерс. — Больно крупное.

— Раз оно такое крупное, то почему до сих пор не раскрыто? — осведомилась Лейси.

— Потому что оно продолжает разворачиваться. Потому что время было неподходящее. Потому что... По уйме причин, мисс Штольц, но прежде всего потому, что до сих пор никто из посвященных не осмеливался подать голос. Теперь такой смельчак нашелся — я. Все сводится к простому вопросу: желает ли Комиссия по проверке действий судей расследовать действия самого коррумпированного судьи за всю историю американского судопроизводства?

— Он один из наших? — уточнила Лейси.

— Совершенно верно.

— Когда мы получим его имя? — спросил Хьюго.

— Вы считаете, что угадали пол?

— Угадывание — не наш метод.

— Уже хорошее начало.

Прохладный ветерок стих, вентилятор над их головами стал без пользы перемешивать липкий воздух. Майерс последним спохватился, что

гости взмокли от пота, вспомнил, что он здесь хозяин, и предложил:

— Прогуляемся вон до того ресторанчика и что-нибудь выпьем. Там есть бар с богатым выбором.

Он постоянно теребил потертую курьерскую сумку из оливковой кожи — прирос он к ней, что ли? Лейси гадала, что лежит внутри: маленький пистолет? Наличность? Фальшивый паспорт? Или еще одна папочка?

На пирсе Лейси спросила у Майерса:

— Это одно из ваших любимых местечек?

— Думаете, я стану отвечать? — фыркнул он, и Лейси пожалела, что открыла рот. Она имела дело с человеком-невидимкой, спасающимся от плахи, а не с бездельником, мотающимся из одного порта в другой. Хьюго покачал головой, а Лейси обругала себя последними словами.

В ресторане было пусто, и они выбрали столик внутри, с видом на гавань. После часа на жаре здесь показалось прохладно, даже захотелось поежиться. Расследователи заказали чай со льдом, Майерс — кофе. Они находились здесь одни, подслушать было некому.

— Что, если это дело не вызовет у нас интереса? — спросил Хьюго.

— Тогда мне придется перейти к плану Б. Честно говоря, не хотелось бы. Этот план подразумевает участие прессы, парочки знакомых репортеров — не слишком надежных. Один из Мобила, другой из Майами. Буду откровенен: они быстро дадут задний ход.

— Почему вы так уверены, что мы не сдрейфим, мистер Майерс? — поинтересовалась Лейси. — Вы слышали: мы не привыкли воевать с гангстерами. У нас и без них работы по горло.

— Нисколько не сомневаюсь. В плохих судьях нет недостатка.

— На самом деле их не так много, всего лишь горстка. Рассерженные истцы — вот кто не дает нам передохнуть. Куча жалоб, немногие из которых выдерживают проверку на объективность.

— Понятно. — Майерс медленно снял и положил на стол темные очки. Глаза у него были красные, опухшие, как у пьяницы, вокруг них белели круги; напрашивалось сравнение с енотом, только наоборот. Очевидно, он редко снимал очки. Майерс огляделся, будто желая лишний раз убедиться в отсутствии в ресторане людей, представляющих для него опасность, и вроде бы приободрился.

— Что там насчет «мафии каракатиц»? — напомнил Хьюго.

Майерс довольно закряхтел, словно ему не терпелось поведать что-то интересное.

— Хотите послушать?

— Вы сами об этом упомянули.

— И то верно... — Официантка принесла всем троим напитки и ушла. Майерс сделал глоток и начал: — Началось все лет пятьдесят назад. Собралась шайка лихих ребят, орудовавшая в Арканзасе, Миссисипи, Луизиане — всюду, где появлялась возможность подкупить шерифа. Нелегальная торговля выпивкой, проституция, азартные игры — старомодные делишки, но все очень серьезно, трупов хватало. Подберут «мокрый» округ, где разрешалась торговля спиртным, поближе к «баптистской пустыне», предпочтительно на границе штатов, и давай орудовать. Местным это рано или поздно надоедало, они выбирали нового шерифа, и мошенникам приходилось переезжать. Наконец они осели на побережье штата Миссисипи, вокруг Билокси и Галфпорта. Те, кто избежал пули, садили в тюрьму. К началу восьмидесятых от первоначального состава банды почти никого не осталось, но эстафету подхватило молодое поколение. Когда в Билокси легализовали азартные игры, это пробило в их бюджете изрядную дыру. Пришлось перебираться во Флориду. Здесь они распробовали подложные сделки с продажей земельных участков и вошли во вкус кокаиновой торговли — вот это доход так доход! Заколотили деньгу, перестроились и превратились в структуру, известную как «береговая мафия».

Хьюго покрутил головой:

— Я вырос в Северной Флориде, учился здесь в колледже и на юридическом факультете. Всю жизнь тут прожил, последние десять лет расследую случаи коррупции в судебном корпусе — и ни разу не слышал ни о какой «береговой мафии».

— Они избегают рекламы, их имена никогда не попадают в газеты. Сомневаюсь, чтобы за последние десять лет кого-то из них арестовывали. Это небольшая сеть, замкнутая и дисциплинированная. Подозреваю, что большинство из них связывает кровное родство. Рано или поздно в их ряды все равно затесался бы чужак, дело лопнуло бы и все угодили за решетку — если бы не один человек. Пока я буду называть его Омаром. Очень скверный субъект, но хитер — это у него не отнимешь. В середине восьмидесятых Омар перетасил свою банду на юг Флориды, где в то время как раз произошел настоящий взрыв кокаиновой торговли. Несколько лет они как сыр в масле катались, но потом перешли дорогу колумбийцам — и все рухнуло. В Омара стреляли, в его братца тоже, вот только братец не выжил. Его тело так и не нашли. Они сбежали из Майами, но остались во Флориде. Омар — блестящий криминальный ум. Лет двадцать назад он загорелся идеей построить казино на землях индейцев.

— Почему-то я не удивлена... — пробормотала Лейси.

— И правильно. Как вам, наверное, известно, сейчас во Флориде девять «индейских» казино, семь из которых принадлежат семинолам — самому большому племени, причем только одно из трех признается федеральным правительством. Вместе казино семинолов приносят четыре миллиарда долларов в год. Омар и его ребята не устояли перед соблазном.

— Как я погляжу, в вашем сюжете участвует организованная преступность, индейцы — владельцы казино и продажный судья, все в одном флаконе?

— Что-то в этом роде.

— Штука в том, что индейцы принадлежат к юрисдикции ФБР, — заметил Хьюго.

— Вот только ФБР никогда не проявляло энтузиазма по части отлова злоумышляющих индейцев. И потом, мистер Хэтч — внимание, я не зря повторяюсь, — с ФБР я дел не имею. Они не располагают фактами, а я располагаю, и я говорю с вами.

— Когда мы получим полную информацию? — спросила Лейси.

— Как только Гейсмар, ваш босс, включит зеленый свет. Поговорите с ним, перескажите услышанное от меня, постарайтесь, чтобы он понял, насколько все это опасно. Пусть сам заверит меня по телефону, что Комиссия по проверке действий судей серьезно отнесется к моей официальной жалобе и проведет полноценное расследование. Тогда я заполню столько бланков, сколько потребуется, — только подкладывайте!

Хьюго, барабанив пальцами по столу, думал о своей семье. Лейси, провожая глазами еще один рыбацкий катер, размышляла о возможной реакции Гейсмара. Майерс, наблюдая за обоими, не мог их не пожалеть.

Глава 3

Комиссия по проверке действий судей Флориды занимала половину третьего этажа в четырехэтажном здании, принадлежавшем штату, в центре Таллахасси, в двух кварталах от местного Капитолия. Все здесь — от ветхого ковра до узких тюремных окошек, каким-то образом отражавших почти весь солнечный свет, от потемневших после десятилетий воздействия сигаретного дыма квадратных панелей потолка до заслонивших все стены полок, грозивших обвалиться от тяжести папок разной степени ненужности и забвения, — вопило о нехватке средств, как и о том, что работа этого учреждения вовсе не является приоритетной в глазах губернатора и законодателей штата. Раз в год, в январе, бессменному директору КПДС Майклу Гейсмару приходилось плестись в Капитолий и там с протянутой рукой наблюдать, как всевозможные комитеты кромсают бюджетный пирог. От просителя ждали пресмыкательства. Вечно он клянчил хотя бы небольшой прибавки и неизменно получал меньше, чем выпрашивал. Такова была жизнь директора агентства, о существовании которого большинство законодателей даже не подозревало.

Собственно Комиссия состояла из пяти политических назначенцев, чаще всего отставных судей и юристов, которым благоволил губернатор. Шесть раз в год они собирались и просматривали иски и материалы слушаний по действиям судей, напоминая документы судебных процессов, и внимали разъяснениям Гейсмара и его сотрудников. Ему требовалось существенно расширить штат, но на это не было денег. Шестеро его расследователей — четверо в Таллахасси и двое в Лодердейле — работали в среднем по пятьдесят часов в неделю; неудивительно, что почти все они втихаря подыскивали себе новые местечки.

Из своего углового кабинета Гейсмар мог при желании (которое возникало нечасто) любоваться соседним сооружением бункерного типа, но большей этажности, и мешаниной других правительственных построек. Кабинет Гейсмара был просторным, потому что он снес стены и водрузил длинный стол; остальные помещения в КПДС нельзя было назвать иначе, чем чуланами и клетушками. Заседания Комиссии приходилось проводить в конференц-зале Верховного суда Флориды.

Сегодня вокруг директорского стола собралось четыре человека: сам Гейсмар, Лейси, Хьюго и секретное оружие КПДС — пожилая помощница юриста по фамилии Сейделл, которая в свои без малого семьдесят лет

сохранила способность не только перелопачивать горы документов, но и все их запоминать. Тридцать лет назад Сейделл отучилась на юридическом факультете, после чего трижды провалила экзамен на право заниматься адвокатской деятельностью и была низведена до роли постоянной помощницы. Когда-то она была заядлой курильщицей — это она, главным образом, прокурила все здешние окна и потолки — и последние три года сражалась с раком легких, хотя ни разу не пропускала работу больше чем на неделю.

Стол был завален бумагами, многие из которых, отколотые от файлов, были испещрены желтыми и красными подчеркиваниями.

— ...Этот человек заслуживает доверия, — докладывал Хьюго. — Мы поговорили в Пенсаколе с людьми, знавшими его в бытность адвокатом. Он пользовался хорошей репутацией, пока не попал под суд. Он тот, за кого себя выдает, хотя и сменил имя.

— Тюремное досье у него незапятнанное, — подхватила Лейси. — Он отсидел шестнадцать месяцев и четыре дня в федеральной тюрьме Техаса и почти все это время заведовал тюремной юридической библиотекой. Настоящий тюремный адвокат: помогал сидевшим с ним подавать апелляции и даже добился для двоих из них досрочного освобождения на основании непрофессиональных действий их адвокатов в суде.

— Сам-то за что сел? — спросил Гейсмар.

— Я произвел раскопки, чтобы проверить слова Майерса. Федералы копали под застройщика по фамилии Кубяк, бывшего калифорнийца, двадцать лет возводившего черт знает что здесь, в Дестине и в Панама-Сити. В конце концов они его сцапали. Теперь он отбывает тридцатилетний срок за длинный список преступлений, в основном банковское и налоговое мошенничество и отмывание денег. Вместе с ним погорела уйма народу, в том числе некто Рэмси Микс, быстро задравший лапки и заключивший досудебную сделку. Он заложил всех, кто шел по одному с ним делу, особенно Кубяка. От него многие пострадали. Наверное, он правильно делает, что бороздит моря под чужим именем. Он получил всего шестнадцать месяцев, все остальные — не меньше пяти лет. Главный приз достался Кубяку.

— Личная жизнь? — подал голос Гейсмар.

— Два развода, сейчас не женат, — стала докладывать Лейси. — Вторая жена ушла, когда его посадили. Есть сын от первого брака, живет в Калифорнии, владеет рестораном. Признав свою вину, Майерс заплатил сто тысяч долларов штрафа. На суде он показал, что столько же с него взыскали в качестве компенсации судебных издержек. В общем, он остался

без цента и за неделю до посадки объявил себя банкротом.

Хьюго порылся в увеличенных снимках и сказал:

— Кое-что все же озадачивает. Я сфотографировал его яхту. Это моторное судно модели «Sea Breeze» длиной пятьдесят два фута, очень недурная посудина с дальностью хода двести миль и с четырьмя удобными спальными местами. Числится за багамской компанией — «почтовым ящиком», поэтому узнать ее регистрационный номер мне не удалось, но она точно стоит не меньше полумиллиона. Его выпустили из тюрьмы шесть лет назад. По данным Бюро регистрации Флориды, его права на управление плавсредством были восстановлены три месяца назад. Офиса у него нет, живет он, по его собственным словам, на яхте, которую, возможно, арендует. Так или иначе, это не образ жизни бедняка. Возникает естественный вопрос: на какие средства?

Эстафету снова приняла Лейси:

— Возможно, когда им занялось ФБР, он разместил какие-то средства на оффшорных счетах. Это было крупное дело по RICO со множеством пострадавших. Я пошептала с нашим осведомителем, бывшим прокурором, и он говорит, что Микса, нынешнего Майерса, всегда подозревали в том, что он кое-что утаил. Мол, многие подсудимые пытались спрятать наличность. Но разве теперь докопаешься? Если ФБР ничего не нашло семь лет назад, то приходится заключить, что у нас тоже не выйдет.

— Можно подумать, у нас есть время на поиски! — проворчал Гейсмар.

— Вот именно, — подтвердил Хьюго.

— Выходит, этот человек — мошенник? — уточнил Майкл.

— То, что он отбывал наказание по суду, — это факт. Но он его отбыл, за все заплатил и снова является уважаемым членом коллегии, как и мы трое. — Хьюго покосился на Сейделл и улыбнулся, однако она на эти слова и улыбку не отреагировала.

— Допустим, мошенник — сильно сказано, — заметил Гейсмар. — Тогда назовем его сомнительным субъектом. С версией спрятанных денег я еще не готов согласиться. Если они на оффшорном счету, а судье по банкротствам он наврал, значит, его можно обвинить в подлоге. Зачем ему в таком случае этот риск?

— Не знаю, — пожал плечами Хьюго. — Он производит впечатление осторожного человека. Не забудьте, он уже шесть лет на свободе. Во Флориде права на повторное обращение о приеме в коллегию адвокатов приходится ждать пять лет. Почему бы за время ожидания не заработать

деньжат? Человек он башковитый.

— Собственно, какая разница? — не выдержала Лейси. — Мы кем занимаемся — им или коррумпированным судьей?

— Тоже верно, — согласился Гейсмар. — Говорите, он намекнул, что судья — женщина?

— Типа того, — ответила Лейси. — Это не вполне ясно.

Гейсмар повернулся к Сейделл.

— Насколько я понимаю, у нас во Флориде политкорректное количество судей-женщин.

Сейделл с усилием набрала в прокуренные легкие воздух и заговорила своим охрипшим голосом:

— Это как посмотреть. Одно дело — десятки девочек в дорожных и тому подобных судах, но из его слов можно заключить, что речь идет о гнили, поразившей окружной уровень. А там из шестисот судей женщин где-то треть. По штату разбросано девять казино, поэтому гадать — напрасно тратить время.

— А как насчет этой так называемой «береговой мафии»?

Сейделл втянула столько воздуха, сколько вмещали ее больные легкие, и ответила:

— Кто ее знает! В свое время орудовали «мафия дикси», «мафия реднеков», «техасская мафия», мало ли какие еще... Похоже на легенды, не подтвержденные криминальной хроникой. Подумаешь, крутые парни, любители торговать виски и ломать кому ни попадя ноги! Ни о какой «мафии каракатиц» и «береговой мафии» ничего не слышно. Что их вообще не существует, утверждать не берусь, но лично я ничего не накопала. — И она умокла, использовав весь воздух.

— Не будем торопиться, — сказала Лейси. — Я наткнулась на одну статейку сорокалетней давности в одной из газет Литтл-Рока. Это красочная история некоего Ларри Уэйна Фаррела, владельца нескольких рыбных ресторанов в Арканзасской Дельте. Он вроде бы для виду торговал сомами, при этом через заднюю дверь нелегально приторговывал спиртным. В какой-то момент ему и его родным захотелось большего, они расширились и перешли к организации азартных игр, крышеванию проституции, торговле угнанными автомобилями. Дальше — все как говорит Майерс: дрейф по Глубокому югу в поисках коррумпированного шерифа для новой реорганизации. В конце концов они осели в окрестностях Билокси. Статья длинная, приводить все подробности нет смысла, но за этими ребятами тянется удивительно длинная вереница трупов.

— Признаю свою ошибку, — сказала Сейделл. — Спасибо, просветили.

— Пожалуйста.

— Напрашивается очевидный вопрос, — заговорил Хьюго. — Допустим, он подает свой иск, мы приступаем к расследованию и выходим на что-то действительно опасное. Почему попросту не обратиться к ФБР? Разве Майерс сможет нам помешать?

— Конечно, не сможет, — ответил Гейсмар. — Именно так и произойдет. Расследование контролируем мы, а не он. Если нам потребуется помощь, мы ее обязательно получим.

— Значит, приступаем? — спросил Хьюго.

— А как же, Хьюго! У нас нет выбора. Если он подает иск с обвинением кого-то из судей в должностном преступлении или коррупции, то наш статус диктует единственную линию поведения — оценку ситуации. Все просто. Ты нервничаешь?

— Нет.

— Есть колебания, Лейси?

— Конечно, нет.

— Прекрасно. Поставьте в известность Майерса. Если он захочет говорить со мной, я не возражаю.

На то, чтобы дозвониться Майерсу, ушло два дня. Когда это наконец получилось, он не проявил желания общаться с Лейси или с Гейсмаром. Сказал, что по горло занят делами и перезвонит позже. Связь была слабая, с помехами, как будто он заплыл в невесть какую даль. На следующий день он позвонил Лейси с другого номера и попросил Гейсмара. Тот заверил его, что иск будет рассмотрен в приоритетном порядке и расследование начнется немедленно. Через час Майерс перезвонил Лейси и попросил о встрече. Сказал, что хочет снова увидеться с ней и Хьюго и обсудить дело. Что есть много сведений, которые он готов сообщить только устно и которые критически важны для расследования. Предупредил, что откажется от подачи иска, если они отклонят его просьбу о встрече.

Гейсмар дал добро, осталось дождаться, пока Майерс назначит время и место. Тот ждал неделю, потому что, как объяснил, они с Карлитой «болтаются вокруг островов Абако», что на севере Багамского архипелага, и вернутся во Флориду через несколько дней.

Ближе к вечеру субботнего дня, когда температура, достигнув 40 градусов Цельсия, стала понемногу снижаться, Лейси въехала в никогда не

закрывавшиеся ворота и покатила мимо вереницы рукотворных прудов с фонтанчиками, выстреливавшими вверх струйки теплой водички, мимо запруженного людьми поля для гольфа, мимо шеренг одинаковых домов, выставлявших напоказ гаражи на две машины, и затормозила перед парком с цепочкой сообщающихся бассейнов. Здесь плескались и забавлялись сотни ребятишек, чьи мамы болтали и тянули напитки под широкими зонтиками.

Комплекс «Мидоус» пережил Большую рецессию и неплохо котиrowался на рынке как мультирасовое сообщество молодых семей. Хьюго и Верна Хэтч поселились здесь пять лет назад, когда завели второго ребенка. Теперь их семья с четырьмя детьми с трудом помещалась в бунгало площадью 2200 квадратных футов. Но о переезде в дом побольше не могло быть речи. Хьюго получал 60 тысяч долларов в год, как и Лейси, но та жила одна и могла кое-что откладывать, в то время как Хэтчи жили от зарплаты до зарплаты.

Это, впрочем, не отучило их от любви к дружеским сборищам, поэтому почти каждую летнюю субботу Хьюго вставал к грилю у бассейна с банкой холодного пива в руке и принимался жарить бургеры и болтать с приятелями о футболе, поглядывая на плещущихся в бассейне детей и на прячущихся в тени женщин. Лейси пошла к женщинам и под их привычные приветствия добралась до беседки у бассейна, где Верна нянчила малышку, отдыхая от жары. Месячная Пиппин была пока что очень слабенькой. Лейси, бывало, сидела с детьми Хэтчей, давая родителям передохнуть. Правда, найти бэбиситтера тоже не составляло труда, да и обе бабушки жили не дальше тридцати миль. И Хьюго, и Верна происходили из многолюдных семейств, имели бесчисленных тетушек, дядюшек, кузенов и кузин и не жаловались на нехватку семейных драм и конфликтов. Лейси часто завидовала ощущению надежности, обеспечиваемому такого рода кланом, но при этом была рада, что не должна отвлекаться на кучу людей с их проблемами. Верна и Хьюго тоже порой, ища помощи, не хотели обращаться к родственникам.

Лейси взяла у Верны Пеппин и отпустила мать за напитками. Качая малютку, она наблюдала за сборищем — черными, белыми, латинос и азиатами, сплошь молодыми парами с маленькими детьми. Двое папаш, однокурсники Хьюго по юридическому факультету, работали в прокуратуре, еще один — в сенате штата. Неженатые мужчины отсутствовали, перспектива знакомства тоже, да Лейси ее и не ждала. Она редко с кем-то встречалась ввиду почти полного отсутствия пригодных — во всяком случае, для нее — мужчин. На ее счету был один болезненный

разрыв, даже теперь, спустя восемь лет, отягощавший ее память.

Верна вернулась с двумя банками пива, села напротив нее и спросила шепотом:

— Вот интересно, почему у тебя на руках она всегда успокаивается?

Лейси улыбнулась и пожала плечами. В свои 36 лет она частенько задавалась вопросом, появится ли и у нее когда-нибудь свой ребенок. Ответа не было, но часы тикали, и она тревожилась, что шансов становится все меньше. У Верны, как и у Хьюго, был усталый вид. Им хотелось большой семьи, но, если серьезно, четверо детей — не достаточно ли? Лейси не отваживалась заводить этот разговор, но для нее ответ был очевиден. Оба супруга получили высшее образование, став в своих семьях пионерами, и мечтали, чтобы и у их детей была эта возможность. Но как обеспечить такое всем четверым?

— Хьюго говорит, что Гейсмар поручил вам двоим крупное дело, — тихо произнесла Верна.

Лейси удивилась: обычно Хьюго не обсуждал дома семейные дела. Кроме того, КПДС по понятным причинам требовала от своих сотрудников соблюдения конфиденциальности. Им случалось вечером, хлебнув пива, высмеивать втроем выходки очередного судьи, попавшего под их прожектор, но имена при этом никогда не звучали.

— Может, крупное, а может, никакое, — отозвалась Лейси.

— Он немного мне сказал, такая уж у него манера, но я вижу, что он беспокоится. Странно, мне никогда не приходило голову, что у вас опасная работа.

— Нам тоже. Мы же не копы с «пушками». Мы — юристы, наше оружие — повестка в суд.

— Хьюго говорит, что хотел бы носить револьвер. Меня это серьезно тревожит, Лейси. Обещай мне, что вас не подстерегает никакая опасность.

— Даю тебе слово, Верна: лишь только я почувствую необходимость вооружиться, мигом уволюсь и стану искать другую работу. В жизни ни из чего не стреляла!

— В моем, то есть в нашем мире слишком много оружия и слишком много бед из-за него.

Пиппин, проспавшая целых пятнадцать минут, вдруг разразилась отчаянным плачем. Верна потянулась к ней.

— Ну что за ребенок!..

Лейси отдала ей малютку и пошла проверить, готовы ли бургеры.

Глава 4

Выйдя наконец на связь, Майерс предложил Лейси встретиться на той же пристани в Сент-Огастине. Все было по-прежнему: тот же изнурительный зной, та же влажность, те же сходни в конце пирса, даже та же самая цветастая рубашка на Майерсе. Они сели за знакомый деревянный столик под тентом у него на яхте, он отхлебнул пива из бутылки с той же этикеткой и начал рассказ.

Омар, герой его рассказа, в реальной жизни звался Вонном Дьюбозом и был потомком тех гангстеров, которые действительно замышляли свои первые преступления в кладовке рыбного ресторанчика под Форрест-Сити, штат Арканзас. Ресторанчик принадлежал его деду по материнской линии, погибшему спустя годы в устроенной полицейскими засаде. Отец Вонна повесился в тюрьме — во всяком случае, официальный рапорт гласил, что его нашли повешенным. Многочисленных дядьев и кузенов ждала схожая судьба, и банда изрядно поредела, прежде чем Вонн открыл для себя золотую жилу — торговлю кокаином в Южной Флориде. Несколько тучных лет дали средства для укрепления небольшого синдиката. Теперь он сам, почти семидесятилетний, жил где-то на южном побережье, обходясь без постоянного адреса, банковского счета, водительских прав, номера социального страхования и паспорта. Начав разрабатывать новую золотую жилу, Вонн сократил численность своей банды до горстки кузенов, чтобы к кассе не тянулись лишние руки. Он орудовал совершенно анонимно и скрывался за частоколом оффшорных компаний, управляемых некой юридической фирмой из Билокси. По всем сведениям — правда, малочисленным, — он был очень богат, но жил скромно.

— Вы когда-нибудь с ним встречались? — спросила Лейси.

Майерса вопрос позабавил.

— Не глупите! С этим человеком никто никогда не встречается. Он живет в густой тени, чем похож на меня. В Пенсаколе и вокруг вряд ли найдутся трое людей, готовых сознаться, что знакомы с Вонном Дьюбозом. Я прожил там сорок лет и то узнал о его существовании всего несколько лет назад. Он появляется и исчезает.

— Причем не имеет паспорта, — заметил Хьюго.

— Настоящего. Если его когда-нибудь схватят, то найдут с полдюжины фальшивых паспортов.

В 1936 году Бюро по делам индейцев предоставило хартию маленькому племени таппаколов численностью всего в 400 человек, проживавшему на флоридском «отростке»; большинство их ютилось в лачугах среди болот округа Брансуик. Тогда у племени было что-то вроде штаб-квартиры — резервация площадью триста акров, предоставленная ему федеральным правительством за восемьдесят лет до того. К 1990-м годам могучий народ Южной Флориды семинолы, как и племена всей страны, увидел яркий свет, испускаемый индустрией азартных игр. Так сошлось, что Вонн и его банда как раз начали скупать дешевые земли по соседству с резервацией таппаколов. В начале 1990-х годов — точнее никто не скажет, потому что тот разговор все давно поспешили забыть, — Дьюбоз сделал таппаколам невероятно выгодное предложение.

— «Трежеар Ки», ^[3] — пробормотал Хьюго.

— Оно самое. Единственное в Северной Флориде казино, удобно расположенное всего в десяти милях от федеральной автострады номер десять и в десяти милях севернее пляжей. Казино с полным комплектом обслуживания, открыто круглосуточно семь дней в неделю, развлечения в стиле Диснейленда для всей семьи, крупнейший в штате аквапарк, кондоминиумы на продажу, в аренду и в тайм-шер — выбор за вами. Настоящая Мекка для желающих рискнуть или просто поиграть на солнышке — заметьте, меньше, чем в двухстах милях от пятимиллионного скопления людей! Не знаю цифр — индейцы, управляющие казино, ими не делятся, — но «Трежеар Ки» вполне может приносить полмиллиарда баксов в год.

— Мы побывали там прошлым летом, — сознался Хьюго, как будто его уличили в постыдном поступке. — Неплохое местечко, чтобы спустить лишний доллар-другой. Честно скажу, мне понравилось.

— Неплохое?! Сказочное место! Неудивительно, что у них всегда аншлаг, а таппаколы купаются в деньгах.

— Делясь ими с Вонном и его ребятами? — подсказал Хьюго.

— Не только. Но все по порядку.

— Это округ Брансуик в двадцать четвертом судебном округе, — сказала Лейси. — В двадцать четвертом двое окружных судей — мужчина и женщина. Уже теплее?

Майерс с улыбкой похлопал ладонью по закрытой папке посередине стола.

— Здесь исковая жалоба. Отдам вам ее позже. Судья — достопочтенная Клаудия Макдоувер, занимает должность уже семнадцать лет. О ней тоже потом. Пока позвольте продолжить предысторию. Она

критически важна.

Возвращаемся к таппаколам. Из-за казино в племени произошел жестокий раскол. Противников разврата возглавил агитатор Сон Разко, христианин, не принимавший азартных игр по соображениям морали. Он возглавил своих сторонников, как будто оказавшихся в большинстве. Поборники открытия казино сулили всем заманчивые блага — новые дома, пожизненные пенсии, хорошие школы, бесплатную учебу в колледже, здравоохранение и так далее. Кампанию в пользу открытия казино тайно финансировал Вонн Дьюбоз, но отпечатков, как всегда, не оставлял. В 1993 году вопрос поставили на голосование. Правом голоса обладали лица старше восемнадцати лет, всего человек триста. К урнам пришли все, за исключением четырнадцати душ; за процедурой — чтобы чего не вышло — наблюдали федеральные приставы. Победил Сон Разко со своими традиционалистами: им досталось пятьдесят четыре процента голосов. Последовал иск о фальсификации итогов голосования и о запугиваниях, но окружной судья не дал ему хода. Казино погибло.

Как вскоре после этого и Сон.

Тело нашли в чужой спальне, рядом с чужой женой. Оба оказались убиты выстрелами в голову. Оба были обнажены и, похоже, застигнуты на месте прелюбодеяния. Мужа убитой, некого Джуниора Мейса, арестовали по обвинению в убийстве. Пока шли борения из-за казино, он оставался близким соратником Разко. Он настаивал, что невиновен, тем не менее ему грозил смертный приговор. Ввиду широкой огласки процесса недавно избранная судьей Клаудия Макдоувер перенесла его в другой округ, но настояла на том, чтобы продолжать вести его самой. На всех этапах она поддерживала обвинение.

На пути создания казино стояло две преграды. Одной был Сон Разко, другой — местоположение. Земли таппаколов — почти сплошь необитаемые низинные болота и рукава морских заливов, но и там можно было выкроить сушу для строительства казино и всего необходимого вокруг. Проблемой оставалась транспортная доступность. В резервацию вела старая дорога, пришедшая в негодное состояние. Предполагаемую нагрузку она бы ни за что не выдержала. Руководство округа Брансуик, польстившись на налоговые поступления, создание хорошо оплачиваемых рабочих мест и прочее, согласилось построить новую четырехполосную трассу от местной дороги номер 288 до границы резервации, откуда было уже рукой подать до будущей стройплощадки. Вот только для строительства дороги пришлось бы прибегнуть к принудительному отчуждению или конфискации частных земельных участков, большинство

владельцев которых выступали против казино.

Округ возбудил одновременно одиннадцать судебных исков с целью конфискации одиннадцати участков вдоль проектируемой трассы. Судья Макдоувер приняла иски к рассмотрению и надавила на адвокатов. События развивались стремительно: в считанные месяцы первый иск был готов к разбирательству в суде. К этому времени почти никто, особенно среди адвокатов, не сомневался, что судья занимает сторону округа и выступает за оперативное строительство дороги. Незадолго до первого заседания она устроила у себя в зале заседаний совещание по достижению соглашения, подразумевавшего выплату округом каждому землевладельцу вдвое больше оценочной стоимости его участка. Законы Флориды почти не оставляли сомнений, что округ получит землю. Вопрос сводился к компенсации. Также имели значение сроки. Проталкивая разбирательство, судья Макдоувер позволяла казино избежать многолетнего промедления.

Пока тянулись дела с принудительным отчуждением, убрали Сона Разко, и поборники казино потребовали нового референдума. В этот раз они победили, получив большинство в тридцать голосов. Новый иск о подтасовках при голосовании судья Макдоувер опять отвергла. Наконец-то можно было приступить к строительству «Трежеар Ки». В 2000 году казино открылось.

Апелляции Джуниора Мейса ползли через систему, многие эксперты критиковали суд и приговор, однако серьезных нарушений не обнаруживалось, и приговор оставался в силе.

— Мы изучали это дело на юридическом факультете, — вспомнил Хьюго.

— Убийство было совершено шестнадцать лет назад. Вам было тогда лет двадцать? — уточнил Майерс.

— Примерно. Самого убийства я не помню, суда тоже, но речь о нем шла, это точно. Об уголовном процессе. Об использовании доносчиков из числа сокамерников в процессе по тяжкому убийству, караемому смертной казнью.

— Вы об этом вряд ли слышали? — обратился Майерс к Лейси.

— Я — нет, — ответила та. — Я выросла не во Флориде.

— Я собрал полное досье по делу об этом убийстве, начиная с законности взятия под арест. Я занимался им много лет и знаю больше, чем кто-либо другой. Можете задавать любой вопрос.

— Итак, Мейс застал жену в постели с Соном и сильно обиделся?

— Сомневаюсь. Мейс утверждает, что находился в другом месте, но свидетель его алиби не очень надежен. Назначенный судом защитник был

неопытным новичком, не то что шустрый обвинитель. Тому судья Макдоувер разрешила вызвать в качестве свидетелей двух тюремных доносчиков, показавших, что в тюрьме Мейс хвастался, будто совершил убийство.

— Нам следует с ним поговорить? — поинтересовался Хьюго.

— Я бы именно с этого и начал.

— Почему? — спросила Лейси.

— Потому что Джуниор Мейс может что-то знать, и есть шанс, что он станет с вами говорить. Таппаколы — суровый и неразговорчивый народ, очень подозрительный к чужакам, особенно к властям и носителям мундиров. К тому же они запуганы Дьюбозом и его бандой. Их легко удалось запугать. Поэтому они предпочитают помалкивать. На них неожиданно свалилась уйма денег. Теперь у них дома, машины, школы, медицина, деньги на колледж для отпрысков. Зачем раскачивать лодку? Даже если казино делает грязные дела, якшается с гангстерами — кому какое дело? А вот тому, кто распустит язык, грозит пуля.

— Может, поговорим о судье? — предложила Лейси.

— Поговорим. Клаудия Макдоувер, пятьдесят шесть лет, первый раз ее избрали судьей в 1994 году и с тех пор переизбирают каждые шесть лет. Как ни посмотри, усердная судья, очень серьезно относящаяся к своей работе. Переизбирается с внушительным счетом. Яркая личность, но очень управляема. Ее бывший муж был популярным врачом в Пенсаколе и любителем молоденьких медсестер. На громком бракоразводном процессе муженек и шайка его адвокатов здорово потрепали Клаудию. Она со зла поступила на юридический факультет, чтобы выучиться и отомстить, но в процессе учебы решила послать своего бывшего куда подальше. Поселилась в главном городке округа Брансуик Стерлинге и пошла работать в захудалую риелторскую фирму. Однако в маленьком городе она быстро заскучала. В какой-то момент пути Вонна Дьюбоза и ее пересеклись. Эта часть истории для меня покрыта мраком. Слышал, что они то сходились, то расходились, но проверить это вряд ли возможно. В 1993 году, после того как таппаколы проголосовали против казино, Клаудия Макдоувер вдруг заинтересовалась политикой и решила баллотироваться в окружные судьи. Я ни о чем таком понятия не имел, потому что был занят своей адвокатской практикой в Пенсаколе и не смог бы показать Стерлинг на карте. О таппаколах слышал, читал о борьбе вокруг проекта казино, но интереса к этому не испытывал. Судя по всему, ее кампания имела прекрасное финансирование и организацию. На выборах Клаудия получила на тысячу голосов больше, чем прежний судья. Через месяц после ее

вступления в должность был убит Сон Разко, и, как я говорил, она председательствовала на суде над Джуниором Мейсом. Шел 1996 год, Вонн Дьюбоз с сообщниками и деловыми партнерами активно скупали землю в округе Брансуик, вблизи резервации. Когда выяснилось, что таппаколы жаждут казино, зашевелились и другие земельные спекулянты, но после первого голосования у них пропал интерес. Вонн с радостью завладел их бывшей собственностью. Он-то знал, чем все закончится, и вскоре взял индейские земли в кольцо. После драматического устранения Сона Разко прошел второй референдум, на котором победили сторонники казино. Остальное — история.

Лейси прильнула к своему ноутбуку и вскоре открыла большую официальную фотографию судьи Клаудии Макдоувер в черной мантии, с судейским молоточком в руке. Ее короткие черные волосы, собранные в пучок, выглядели очень стильно, на лице выделялись дизайнерские очки, не позволявшие разобраться в выражении глаз. Ни улыбки, не тени тепла, юмора — сугубо деловой вид. Могла ли она быть частью заговора по ложному обвинению человека, пятнадцать лет после этого ожидающего приведения в исполнение смертного приговора? Трудно было в такое поверить.

— Ну и где тут коррупция? — спросила Лейси.

— Всюду. Как только таппаколы взялись строить казино, Дьюбоз тоже принялся за дело. Начал с гольф-клуба «Рэббит Ран» по соседству с казино.

— Помню, проезжали, — заметил Хьюго. — Я думал, это часть «Трежеар Ки».

— Нет, хотя от стоянки гольф-клуба до казино можно дошагать за пять минут. Часть уговора с таппаколами — что они не касаются гольфа. Их область — азартные игры и увеселения; все остальное — за Дьюбозом. Он начал с восемнадцати лунок в «Рэббит Ран» и с прекрасных домов-кондоминиумов вдоль всех лужаек.

Майерс положил на стол папку.

— Вот исковая жалоба за подписью приведенного к присяге Грега Майерса. В ней я утверждаю, что уважаемая Клаудия Макдоувер владеет минимум четырьмя кондоминиумами в комплексе «Рэббит Ран», уступленными ей зарегистрированной в Белизе безликой корпорацией CFFX.

— Дьюбоз? — осведомилась Лейси.

— Уверен, что он, хотя доказать пока не могу.

— Что там с правами собственности? — спросил Хьюго.

Майерс постучал по папке:

— Все здесь. Вы увидите, что CFFX оформила как минимум двадцать единиц жилья на оффшорные компании. У меня есть основания полагать, что судья Макдоувер имеет отношение к четырем, принадлежащим якобы иностранным собственникам. Мы имеем дело с искушенными злоумышленниками, пользующимися услугами прекрасных юристов.

— Сколько стоят кондоминиумы? — спросила Лейси.

— Сегодня — примерно миллион каждый. «Рэббит Ран» — очень успешный проект, умудрившийся даже не заметить Большую рецессию. Благодаря казино у Дьюбоза много наличности, он предпочитает огороженные жилые кварталы с домиками-близнецами и кондоминиумами вдоль лужаек для гольфа. Он начал с восемнадцати лунок, дошел до тридцати шести, потом до пятидесяти четырех. Земли хватит еще на много новых.

— Зачем было отдавать кондоминиумы судье Макдоувер?

— Может, он просто милый человек? Думаю, это изначально входило в их сделку. Клаудия Макдоувер продала душу дьяволу, чтобы ее избрали, и с тех пор плата все поступает и поступает. Сооружение казино и массовое строительство в округе Брансуик породили уйму судебных тяжб. Споры по зонированию, иски защитников окружающей среды и хозяев земельных участков, отчуждение земель — во всем этом она очень поднаторела. Те, кто спелся с Дьюбозом, похоже, всегда оказываются в выигрыше, а его враги — в проигрыше. Судья чертовски умна и может убедительно и профессионально обосновать любое решение. Ее решения редко отменяются по результатам апелляции. В 2001 году у них с Дьюбозом возникли разногласия. Не уверен, что послужило их причиной, но свара вышла будь здоров. Считают, что ей захотелось большей доли от доходов казино. Дьюбоз решил, что прежнее возмещение было в самый раз. И тогда судья Макдоувер закрыла казино!

— Как ей такое удалось? — удивилась Лейси.

— Еще один любопытный сюжет! Когда казино заработало на всю катушку и стало печатать деньги, в округе сообразили, что на налогах им не нажиться. В Америке индейцы не платят налогов от доходов с казино. Таппаколам не захотелось делиться. Округ решил, что его провели, — он ведь наизнанку вывернулся, чтобы построить новейшую четырехполосную дорогу длиной в семь миль! Ну и, не будь дурак, убедил законодателей штата дать разрешение на сбор платы за проезд по новой дороге.

— Так и есть! — засмеялся Хьюго. — Примерно в миле от казино с тебя берут за проезд пять баксов.

— Все сложилось удачно. Индейцы счастливы, округ тоже имеет свою

денежку. Но тут Дьюбоз и судья Макдоувер схлестнулись. Что делает она? Подговаривает знакомого адвоката запросить судебного запрета на том основании, что на пунктах сбора платы за проезд не соблюдаются правила безопасности. Может, кому-то помяли крыло или бампер, только и всего. Проблема была высосана из пальца, тем не менее судья тут же наложила запрет, и платную дорогу закрыли. Казино не закрывалось, потому что кое-кто просачивался туда объездными путями, но с тем же успехом можно было бы запереть двери и погасить свет. Так продолжалось шесть дней, пока Вонн и Клаудия ждали, кто первым моргнет. Потом обоим это надоело, судебный запрет был снят, и все вздохнули с облегчением. Это стало поворотным моментом в истории казино и связанной с ним коррупции. Судья Макдоувер всем дала понять, что главная — она.

— Вы так говорите о Дьюбозе, как будто его все знают, — произнес Хьюго.

— Его не знает никто. Я думал, что ясно сказал об этом. У него небольшая организация, главари которой состоят между собой в родстве, и все огребают кучу денег. Он велит кузену зарегистрировать компанию с ограниченной ответственностью на Бермудах и прикупить земли. Другой кузен с Барбадоса приобретает кондоминиумы. Дьюбоза ограждает частокोल оболочечных оффшорных компаний. Он безлик и не оставляет следов.

— На ком его юридическое обеспечение? — спросила Лейси.

— На маленькой фирме из Билокси, парочка тамошних адвокатов-налоговиков поднаторела в грязных делишках. Они годами представляют банду Дьюбоза.

— Все звучит так, будто судья Макдоувер не боится Дьюбоза, — заметила Лейси.

— Дьюбоз слишком умен, чтобы убрать судью, хотя, уверен, ему приходили такие мысли. Она нужна ему, он ей. Вот прикиньте: вы — амбициозный флоридский девелопер-жулик, плюс практически в вашей собственности целое казино, хотя это, конечно, незаконно и нуждается в защите. Что может быть ценнее уважаемой судьи в вашем заднем кармане?

— Акт RICO принимался как раз для таких случаев, — сказал Хьюго. — Да тут пробу ставить негде!

— Негде. Но мы ведь не прибегнем к акту RICO, мистер Хэтч? Это же федеральный закон, тогда пришлось бы обращаться в ФБР. Мне плевать, что будет с Дьюбозом. Я хочу прижать судью Макдоувер, чтобы мой клиент-разоблачитель получил небольшие денежки.

— Небольшие — это сколько? — поинтересовалась Лейси.

Майерс допил пиво и вытер губы тыльной стороной ладони.

— Не знаю. Уточнять такие вещи — ваша работа.

Из каюты появилась Карлита.

— Обед готов.

Майерс встал.

— Приглашаю вас присоединиться ко мне.

Лейси и Хьюго переглянулись. Они просидели на палубе два часа, успели проголодаться и минуту назад понятия не имели, что их собираются кормить, но сейчас почему-то усомнились, правильно ли будет есть на борту. Однако Майерс уже манил их вниз:

— Пошли, пошли!

Они последовали за ним. Стеклянный столик посреди тесного трюма был накрыт на три персоны. Невидимый кондиционер трудился на совесть: их встретила освежающая прохлада. В ноздри ударил аппетитный запах жареной рыбы. Карлита суежилась вовсю, довольная, видимо, возможностью кого-то накормить. Она поставила на столик блюдо тако с рыбной начинкой, разлила по стаканам газированную воду, предложила вина. Все отказались, и она исчезла из виду.

Майерс, не прикасаясь к еде, продолжил рассказ:

— Эта исковая жалоба — не та, которую я намерен подать. В ней я заявляю о коррупции в ограниченном масштабе — в виде владения несколькими кондоминиумами в комплексе «Рэббит Ран». Настоящие деньги — это ежемесячно поступающая судье Макдоувер доля от прибылей казино. Моя истинная мишень — они, потому что для моего клиента это золотая жила. Если удастся это доказать, я внесу в иск дополнения. Если нет, то здесь хватит обвинений, чтобы лишить ее мантии, а то и для предъявления обвинения.

— В вашем иске упомянут Вонн Дьюбоз? — спросила Лейси.

— Нет. Его корпорации именуются здесь «преступными структурами».

— Как оригинально! — скривилась Лейси.

— У вас есть лучшее предложение, мисс Штольц? — осведомился Майерс.

— Может, хватит «мистеров» и «мисс»? — не вытерпел Хьюго. — Она — Лейси, вы — Грег, я — Хьюго.

— Я не против. — Все трое потянулись за тако. Майерс, жуя, продолжил болтать: — У меня вопрос. Согласно вашему статусу, у вас есть сорок пять дней начиная с сегодняшнего, чтобы вчинить судье Макдоувер иск. А пока вы будете проводить свое расследование — как это у вас называется?

— Разработка.

— Ну да. Меня вот что беспокоит... Уверен, этим людям невдомек, что кто-то под них копает, и когда судья Макдоувер получит экземпляр исковой жалобы, то испытает шок. Первым делом она позвонит Дьюбозу, после чего могут начать раскручиваться безумные события. Судья мобилизует крупнокалиберную адвокатуру, станет категорически все отрицать, возможно, примется перемещать свои активы. Дьюбоз запаникует, построит свои фургоны кольцом, может, начнет искать, кого бы запугать...

— У вас был вопрос.

— Вопрос: сколько времени вы можете выжидать, прежде чем дать по ней залп? Как долго сможете выжимать педаль тормоза? По-моему, здесь самое главное — успеть разведать как можно больше, прежде чем она прознает, что вы за нее взялись.

Лейси и Хьюго переглянулись.

— Мы — бюрократы, — сказала Лейси. — Нам ли не уметь жать на тормоза! Но если она бросится в контратаку, как вы предрекаете, то ее адвокаты живо найдут к чему придраться. Стоит нам хоть в чем-то отступить от процедуры — и она превратит иск в ничто.

— Давайте перестрахуемся, — предложил Хьюго. — Будем считать, что разработка продлится положенные сорок пять дней.

— Слишком мало времени, — заметил Майерс.

— Больше у нас нет, — напомнила Лейси.

— Может, расскажете хоть что-нибудь про вашего загадочного клиента? — попросил Хьюго. — Откуда у него все эти сведения?

Майерс отпил воды и улыбнулся:

— Снова вы заранее присвоили клиенту мужской пол.

— Ну, так назовите клиента, как вам нравится.

— В нашей коротенькой цепочке всего три звена: я, мужчина средних лет, связавший клиента со мной, и сам — или сама — клиент. Мы с посредником называем клиента «кротом». «Крот» может быть мужчиной или женщиной, старым или молодым, черным, белым или серо-буромалиновым — без разницы.

— «Крот»? — фыркнула Лейси. — Как-то неоригинально.

— Не важно. Или у вас есть более выразительное обозначение?

— Ладно, пусть остается это. Так откуда у него такие знания?

Майерс отправил в рот половинку тако и стал медленно жевать. Мимо яхты проплыло что-то крупное, погнавшее высокую волну. Переждав ее, Майерс ответил:

— «Крот» очень близок к судье Макдоувер и пользуется у ее чести

безоговорочным доверием. Как видите, даже избыточным. Пока это все, что я могу раскрыть.

Все трое помолчали.

— Теперь вопрос возник у меня, — нарушила молчание Лейси. — Вы говорите, что эти люди, Дьюбоз и его банда, очень ушлые и пользуются услугами хороших адвокатов. Самой Макдоувер тоже нужен умелый адвокат для отмывки ее доли грязных денег. К кому бы ей обратиться?

— Ясное дело, к Филлис Турбан, она в Мобиле ведет дела по доверительному управлению собственностью.

— Что-то многовато женского пола, — скривилась Лейси.

— Они с Макдоувер вместе учились на юридическом факультете, обе разведены, бездетные, подруги не разлей вода. Такие закадычные, что, может, даже больше, чем подруги.

Лейси и Хьюго дружно сглотнули, переваривая услышанное.

— Предлагаю предварительный итог услышанного, — заключила Лейси. — Объект, судья Клаудия Макдоувер, подкуплена преступным элементом, снимает пенку с доходов индейского казино и каким-то образом отмывает деньги при помощи своей близкой подруги, по совместительству адвоката по управлению собственностью.

— Вы на верном пути, — улыбнулся Майерс. — Хочу пива! Кому еще пива? Карлита!

Юристы расстались с ним на пирсе, помахав ему и пообещав поддерживать связь. Майерс намекнул, что намерен зарыться еще глубже: иску был дан ход, что вскоре могло привести к неприятностям. Лейси и Хьюго не заметили никаких указаний на то, что Вонн Дьюбоз и Клаудия Макдоувер могут заподозрить в чем-то Грега Майерса, раньше именовавшегося Рэмси Миксом, с которым вроде бы никогда не пересекались. Еще одна дыра в его истории. В этой истории набиралось многовато дыр.

Глава 5

Следующий день они провели в офисе, занимаясь вместе с Гейсмаром мозговым штурмом и составляя план. Теперь, когда появился иск, стрелка часов начала движение. По графику Лейси и Хьюго скоро предстояло отправиться в городок Стерлинг и вручить копию иска достопочтенной Клаудии Макдоувер. До этого требовалось раскопать как можно больше.

Но первым делом они должны были посетить корпус смертников. Хьюго бывал там один раз — на факультетской учебной экскурсии. Лейси всю свою профессиональную карьеру периодически слышала о тюрьме в Старке, но никогда ее не посещала. Они выехали с утра пораньше, чтобы не угодить в пробку, регулярно возникавшую вокруг Таллахасси, и к тому моменту, когда трафик на шоссе I-10 поредел, Хьюго уже поклевывал носом. До тюрьмы было два с половиной часа езды. Лейси не пришлось бодрствовать ночью с плачущим младенцем на руках, но и она совершенно не выспалась. У нее и у Хьюго, как и Гейсмара, было ощущение, что их подстерегает непролазная грязь, которую им не разгрести. Если верить Грегу Майерсу, в округе Брансуик уже давно безнаказанно орудовала организованная преступность. Расследовать все это должны были бы структуры с гораздо более широкими полномочиями и опытом. Вооруженные до зубов копы, а не они — всего-навсего юристы, категорически не желающие носить оружие. Они были обучены разоблачать коррумпированных судей, а не организованные преступные синдикаты.

Эти мысли не давали ей спать почти всю ночь. Сейчас, спохватившись, что неудержимо зевает, Лейси свернула в круглосуточный «драйв-фру» и заказала кофе.

— Просыпайся! — затормошила она напарника. — Нам пилить еще полтора часа. Я тоже вырубаюсь.

— Извини... — пробормотал Хьюго, протирая глаза.

В пути, отпивая за рулем кофе, она слушала Хьюго, излагавшего одну из составленных усердной Сейделл памяток.

— Как пишет наша коллега, с 2000 по 2009 год в округе Брансуик разбиралось девять тяжб с участием компании «Найлан Тайтл», багамской фирмы, зарегистрированным агентом которой является адвокат из Билокси. В каждом случае истец пытался выяснить истинных владельцев «Найлан Тайтл», но раз за разом судья, наша подруга Клаудия Макдоувер, говорила

«нет». Вход воспрещен. Компания с багамским юридическим адресом подчиняется законам Багамских островов, у них есть собственный способ защищать свои компании. Так или иначе, у «Найлан Тайтл» шикарные адвокаты, потому что компания совершенно непобедима, во всяком случае, в зале суда у судьи Макдоувер. Счет десять-ноль.

— Что ей пытались вменить?

— Недобросовестное зонирование, неисполнение контрактных обязательств, занижение стоимости недвижимости, даже прекращенный групповой иск нескольких владельцев кондоминиумов о конструктивных недостатках. Сам округ предъявлял «Найлан» иск по оценке собственности и налоговым недоимкам.

— Кто выступает от имени «Найлан»?

— Один и тот же адвокат из Билокси, очень подкованный выразитель корпоративных интересов. Если «Найлан» — это на самом деле Вонн Дьюбоз, то он хорошо спрятался, Майерс не врет. Частокол адвокатов. Хорошо сказано!

— Просто очаровательно!

Хьюго отхлебнул еще кофе и отложил памятку.

— Знаешь что, Лейси? Я не доверяю Грегу Майерсу.

— Верно, он не внушает доверия.

— Но при этом приходится признать: все, что он говорит, подтверждается. Если он нас использует, то с какой целью?

— В полчетвертого ночи я задалась тем же самым вопросом. Мы должны поймать судью Макдоувер с кучей наличных. И точка. «Крот» получает в награду свою долю, Майерсу тоже обломится. Сцапают заодно Вонна Дьюбоза и его ребят — тем лучше. Но как это поможет Майерсу?

— Никак, разве что Макдоувер погорит вместе с Дьюбозом.

— Он точно нас использует, Хьюго. Он подал исковую жалобу о коррумпированной судебной практике и прямых хищениях. Мы не можем не провести расследование. Но тогда можно сказать и так: любой, кто жалуется на судью, использует нас для обнаружения истины. Такова суть нашей работы.

— Да, но что-то с этим типом не то...

— У меня такое же безотчетное ощущение. Стратегию Гейсмара я одобряю: приглядываемся, отщипываем кусочки по краям, начинаем писать историю, пытаемся узнать, кто владеет теми четырьмя кондоминиумами, делаем свою работу, но аккуратно. Находим настоящие доказательства правонарушений — передаем их ФБР. Майерс не может нам помешать.

— Согласен, но с него станет исчезнуть и больше ни разу с нами не

заговорить. Если он располагает доказательствами коррупции в казино, то нам их ни за что не раздобыть, если вмешается ФБР.

— Что еще хорошего дала нам на дорожку Сейделл?

Хьюго взял другую памятку.

— Здесь подноготная судьи Макдоувер: выборы, избирательные кампании, оппоненты и прочее. Поскольку выборы внепартийные, о ее политических предпочтениях остается только гадать. Ни слова о финансировании других кандидатов в других выборах. Раньше жалоб в КПДС не было. В адвокатуру штата тоже. Ни тяжких уголовных преступлений, ни проступков. С 1998 года получает в ассоциации адвокатов штата самый высокий рейтинг. Много пишет, здесь длинный список ее публикаций в разных юридических журналах. Любит выступать на семинарах и перед студентами-юристами. Три года назад вела курс судебной практики в университете Флориды. Ничего так резюме, правда? Лучше, чем у среднестатистического окружного судьи. Активов не густо. Дом в центре Стерлинга оценивается в 230 тысяч, построен семьдесят лет назад, закладная — 110 тысяч. Собственность оформлена на Макдоувер — это ее девичья фамилия. Судья вернула ее себе после развода. С 1998 года не замужем, детей нет, в брак больше не вступала. Данные о принадлежности к церкви, клубам, ассоциациям выпускников, политическим партиям отсутствуют. На юриста училась в Стетсонском университете, была там одной из лучших студенток. До этого отучилась в университете Северной Флориды в Джэксонвилле. Здесь есть кое-что о разводе с мужем-врачом, но не будем тратить на это время.

Лейси внимательно слушала, время от времени отпивая из стакана с кофе.

— Если Майерс прав, она получает долю с индейского казино. В это трудно поверить, верно? Окружная судья, народная избранница, пользуется большим уважением...

— Действительно! Мы повидали судей, делающих странные вещи, но чтобы до такой степени...

— Как бы ты это объяснил? Какой у нее мотив?

— Это ты незамужняя женщина, работающая в сфере юриспруденции. Ты и отвечай.

— Не могу. Есть другие памятки?

Хьюго порылся в портфеле и достал еще бумаги.

Сельский округ Брэдфорд встретил их указателями тюрем и исправительных заведений. Перед городком Старк с населением 5 тысяч

человек они свернули и поехали к тюрьме штата Флорида, где отбывали заключение 15 тысяч осужденных, в том числе четыреста ожидающих исполнения смертного приговора.

По количеству смертников Флорида уступала только Калифорнии. На третьем месте, поджигая лидеров, находился Техас, но там старались сократить цифру, которая колебалась вокруг 330. Калифорния, не торопившаяся с казнями, набирала 650 смертников. Флорида стремилась стать вторым Техасом, но на пути к возжеленной цели вставляли апелляционные суды. Годом раньше, в 2011 году, в тюрьме Старк смертельную инъекцию сделали всего одному человеку.

Оставив машину на заполненной стоянке, расследователи зашагали к зданию администрации. Для них как для юристов штата процедура посещения была облегчена. Быстро миновав пропускные пункты, они заторопились за охранником, перед которым немедленно открывались все двери. В корпусе Q, известном тем, что там содержали всех смертников Флориды, их пропустили через очередной контрольный пункт и ввели в длинную комнату. На двери висела табличка «Совещания с адвокатами». Охранник открыл еще одну дверь в маленькое помещение, разделенное пополам прозрачной пластмассовой перегородкой.

— Первый раз в корпусе для смертников? — спросил охранник.

Лейси ответила «да».

— Я уже был один раз, когда учился на юриста, — сказал Хьюго.

— Отлично. Форму согласия оформили?

— Она у меня. — Хьюго поставил на стол портфель и расстегнул на нем молнию. Интересы Джуниора Мейса представляла крупная юридическая фирма из Вашингтона. Перед беседой с ним Лейси и Хьюго были обязаны заверить эту фирму, что не станут обсуждать вопросы текущего дела о законности ареста. Хьюго достал бумагу, охранник внимательно ее прочел, не нашел, к чему придраться, отдал бумагу Хьюго и сообщил:

— Предупреждаю, Мейс — странный субъект.

Лейси отвернулась, не желая комментировать эти слова. Ночью, отчаявшись уснуть — слишком много всячины ворочалось в голове, — она прочла в Интернете несколько статей о флоридской тюрьме для смертников. Каждый из здешних заключенных 23 часа в сутки находился в одиночной камере. Один час отводился на отдых — прогулку под солнцем по маленькой, поросшей травой лужайке. Размер одиночной камеры — шесть на девять футов, потолок — девять футов. Узенькая койка, в нескольких дюймах от нее — унитаз из нержавеющей стали. Ни кондиционера, ни

сокамерника, почти никакого человеческого общения, не считая болтовни с надзирателями, разносящими еду.

Если Джуниор Мейс не являлся «странным» до того, как угодил сюда пятнадцать лет назад, то сейчас ему можно было простить любые причуды. Полная изоляция ведет к угнетенности чувственного восприятия и ко всевозможным проблемам с рассудком. Специалисты по исправлению начинали это понимать, отчего набирало силу движение против практики одиночного заключения. Правда, до Флориды оно еще не добралось.

Дверь по другую сторону открылась, и вошел надзиратель. За ним брел Джуниор Мейс в наручниках и в стандартном облачении заключенного-смертника: синие тюремные штаны и оранжевая футболка. Следом за ним в комнату вошел еще один надзиратель. Сняв с него наручники, надзиратели вышли.

Джуниор Мейс сделал два шажка и сел за столик на своей половине. Посетителей от него отделяла пластмассовая перегородка. Хьюго и Лейси тоже сели. Первые секунды все трое чувствовали себя не в своей тарелке.

Ему было пятьдесят два года. Волосы — длинные, густые, седые — он завязал в хвост на затылке. Смуглая кожа не посветлела от жизни в изолированном помещении. Большие карие глаза глядели печально. Он был высоким, поджарым, с накачанными бицепсами — наверное, усердно отжимается, решил Хьюго. Согласно делу, его жене Эйлин к моменту гибели исполнилось 32 года. У них имелось трое детей, которых после ареста Джуниора взяли на воспитание родственники.

Лейси подняла одну из телефонных трубок на их стороне комнаты и проговорила в нее:

— Спасибо, что согласились с нами встретиться.

Джуниор, держа в руке трубку, молча пожал плечами.

— Не знаю, получили ли вы наше письмо. Мы работаем в Комиссии штата по проверке действий судей и расследуем деятельность судьи Клаудии Макдоувер.

— Я получил, — сказал он. — Вот он я. Я согласился встретиться. — Заключенный говорил медленно, как будто обдумывал каждое слово.

— Мы здесь не для обсуждения вашего дела, — вступил в разговор Хьюго. — В этом мы вам не помощники, и потом, у вас хорошие адвокаты из Вашингтона.

— Я до сих пор жив. Наверное, они выполняют свою работу. Что вы от меня хотите?

— Информации, — ответила Лейси. — Имен людей, с которыми мы могли бы поговорить. Тех таппаколов, кто на правильной, на вашей

стороне. Для нас это другой мир, нельзя просто так туда заявиться и начать задавать вопросы.

Джуниор прищурил глаза и втянул губы — больше всего это походило на улыбку наоборот. Глядя на них, он кивнул и заговорил:

— Тут такое дело. Мою жену и Сона Разко убили в 1995 году. Мне вынесли приговор в 1996-м, заковали в наручники и увезли в фургоне. Это было до строительства казино, и я не уверен, что могу вам помочь. Им надо было убрать меня и Сона, прежде чем начать строить. Вот и убили Сона и мою жену, а вину повесили на меня.

— Вы знаете, кто это сделал? — спросил Хьюго.

Теперь Джуниор по-настоящему улыбнулся — растянул рот, хотя глаза остались суровыми.

— Мистер Хэтч, — медленно произнес он, — я шестнадцать лет твержу, что не знаю, кто убил мою жену и Сона Разко. Кто-то со стороны, не иначе. Наш тогдашний вождь был хороший человек, но он продался. Чужаки взяли его в оборот, уж не знаю как, только без денег не обошлось, и он решил, что ответом на все будет казино. Мы с Соном боролись и победили на первом голосовании в 1993-м. Они надеялись на выигрыш и уже приступили к земляным работам, чтобы побыстрее начать зарабатывать на казино и окрестных землях. Когда наши люди в первый раз отказались пойти у них на поводу, они решили избавиться от Сона. И от меня заодно. Придумали, как это сделать. Сон умер, я здесь. Казино вот уже десять лет штампует им деньги.

— Вам знакомо такое имя — Вонн Дьюбоз? — спросила Лейси.

Джуниор как будто отпрянул назад и выдержал паузу. Было очевидно, что ответ станет утвердительным, поэтому, услышав «нет», оба сделали пометки в блокнотах — будет что обсудить на обратном пути.

— Не забывайте, я уже давно не там, — выдавил он. — Пятнадцать лет одиночества выедают душу, ум, дух. Я уже не тот, не всегда помню то, что, казалось бы, должен помнить.

— Вы бы не забыли Вонна Дьюбоза, если бы знали его, — поднажала Лейси.

Джуниор сжал челюсти и покачал головой:

— Нет, не знаю такого.

— Полагаю, вы невысокого мнения о судье Макдоувер, — заметил Хьюго.

— Это очень мягко сказано. Она председательствовала на шутовском суде и постаралась вынести обвинительный приговор невиновному. Конечно, она отпирается. Я всегда подозревал, что она знает больше, чем

ей полагается. Это был кошмар, мистер Хэтч. С того момента, как мне сказали, что жена мертва, Сон тоже. Потом мне предъявили обвинение, арестовали, упекли в тюрьму. К тому времени систему заточили против меня, и все, на кого падал мой взгляд, были против меня: полицейские, обвинители, судья, свидетели, присяжные. Система прожевала меня и выплюнула. Я глазом не успел моргнуть, как меня подставили, осудили, приговорили и зашвырнули сюда.

— От чего отпирается судья? — спросила Лейси.

— Не хочет признавать правду. Думаю, она знает, что я не убивал Сона и Эйлин.

— Сколько людей знают правду? — поинтересовался Хьюго.

Джуниор положил трубку на стол и стал тереть глаза, как будто не спал несколько ночей. Потом запустил правую пятерню в густые волосы, до самого хвоста на затылке. Медленно подняв трубку, он ответил:

— Мало кто. Большинство считают меня убийцей. Они верят в эту басню. Почему бы нет? Суд вынес приговор, и я гнию здесь заживо и жду, пока в меня вгонят иглу. Рано или поздно это случится, тогда меня вернут в округ Брансуик и где-нибудь зароят. А басня продолжит жить. Джуниор Мейс застал жену с другим мужчиной и в приступе гнева убил обоих. Хороша история, разве нет?

На это нечего было сказать. Лейси и Хьюго строчили в блокнотах и одновременно придумывали следующий вопрос. Молчание нарушил сам Джуниор:

— Чтоб вы знали: для адвокатского визита нет ограничений во времени. Если вы не спешите, то можете не сомневаться, я тем более не тороплюсь. В моей клетке сейчас та еще жара, маленький вентилятор без толку месит горячий воздух. Для меня это приятная передышка, я всегда вам рад, когда будете поблизости.

— Спасибо, — сказал Хьюго. — Вас часто навещают?

— Реже, чем хотелось бы. Иногда дети заглядывают, но это тяжелые визиты. Я годами их сюда не пускал, а они взяли и выросли. Теперь у них свои семьи. Даже дедом меня сделали, но внуков я ни разу не видел вживую. Только фотографии, у меня все стены ими увешаны. Как вам это понравится? Четверо внуков, а я к ним еще ни разу не притронулся.

— Кто вырастил ваших детей? — спросила Лейси.

— Моя мать помогала, пока была жива. В основном мой брат Уилтон с женой, они очень старались. Положения хуже этого не придумать. Представьте, вы — ребенок, у которого убили мать. Все говорят, что это сделал ваш отец. Теперь он сидит в камере смертников.

— Ваши дети считают вас виновным?

— Нет. Им рассказали правду Уилтон и моя мать.

— Уилтон согласится с нами поговорить? — поинтересовался Хьюго.

— Не знаю. Попробуйте. Не уверен, что он захочет в это лезть.

Поймите, наши люди живут теперь хорошо, гораздо лучше, чем раньше. Сейчас, оглядываясь назад, я уже не уверен, что мы с Соном были правы, когда воевали против казино. Оно дало работу, школы, дороги, больницу, процветание, о каком наши и мечтать не могли. Когда таппаколу исполняется восемнадцать лет, он или она начинает получать по пять тысяч долларов в месяц, и так до конца жизни. Сумма может еще подрасти. Называется «дивиденды». Даже я, сидя здесь, в камере смертников, получаю эти дивиденды. Я бы откладывал их для своих детей, но им без надобности. Ну, так я перевожу деньги своим адвокатам в Вашингтон — что еще я могу для них сделать? Когда они занялись моим делом, системы дивидендов еще не существовало, никаких денег они от меня не ждали. Каждый таппакол имеет бесплатную медицину, бесплатное образование, даже оплату учебы в колледже, если захочет. У нас собственный банк и низкопроцентные займы на приобретение машин и домов. Говорю же, там теперь чудесная жизнь, не то что раньше. Это хорошая сторона. Есть и плохая: серьезные проблемы с мотивацией, особенно у молодежи. Зачем учиться в колледже, зачем делать карьеру, если тебе гарантирован пожизненный доход? Зачем пытаться найти работу? Казино предоставляет работу половине взрослых людей племени — вот вам постоянный источник тренировок. Кому достанется непыльная работенка, а кому нет? Здесь и внутренняя борьба, и всякие козни, и даже политика. Но в целом племя понимает, что ему ужасно повезло. Зачем раскачивать лодку? Зачем кому-то за меня переживать? Зачем Уилтону помогать вам скovyрнуть судью-мошенницу, если от этого всем будет один вред?

— Вы знаете о коррупции в казино? — спросила Лейси.

Мейс снова положил трубку, опять взъерошил себе волосы, как будто напряженно взвешивал ответ. Его колебания наводили на мысль, что он борется не с истиной, а с тем, какой ее вариант выбрать. Взяв, наконец, трубку, он ответил:

— Я же говорю, казино открылось через несколько лет после того, как меня сюда посадили. Я ни разу его не видел.

— Бросьте, мистер Мейс! — сказал Хьюго. — Сами же говорите, племя у вас маленькое. Большое казино для горстки людей. Какие тут могут быть секреты? Наверняка до вас доходят слухи.

— Вот вы их мне и перескажите.

— Слухи о деньгах, которые выносят в заднюю дверь. По оценкам, сейчас казино «Трежеар Ки» приносит по полмиллиарда в год, девяносто процентов выручки — это наличные. По сведениям одного нашего источника, организованная банда преступников сговорилась с главными индейцами и знай себе снимает толстенную пенку. Ничего об этом не слышали?

— Одно дело слышать слухи, другое — что-то знать.

— Тогда кто знает? — поинтересовалась Лейси. — К кому нам обратиться?

— У вас наверняка хороший источник, иначе вы бы сюда не пришли. К нему и обращайтесь.

Лейси и Хьюго переглянулись, дружно представив себе Грега Майерса, болтающегося на волнах где-то у Багам с холодным пивом в руке под Джимми Баффета из стереоколонок.

— Может, и вернемся — потом, — согласился Хьюго. — А пока нам нужен кто-то на месте, кто-то, знакомый с казино.

Мейс покачал головой:

— У меня один источник — Уилтон, а он говорит немного. Не уверен, что он много знает. Во всяком случае, сюда, в Старк, проникают сущие крохи.

— Можете позвонить Уилтону и сказать ему, что с нами можно разговаривать? — спросила Лейси.

— Что я этим приобрету? Я вас не знаю. Не знаю, можно ли вам доверять. Уверен, что у вас добрые намерения, но вы можете оказаться в ситуации, которую не сумеете контролировать. Даже не знаю... Мне надо подумать.

— Где живет Уилтон? — спросил Хьюго.

— В резервации, недалеко от казино. Пытался устроиться туда работать, но его не взяли. Среди моих родственников нет работников казино. Их туда не берут. Политика, чего вы хотите!

— Вашей родне мстят?

— Еще бы! Те, кто выступал против казино, занесены в черный список и о работе там могут не мечтать. Чеки они получают, и на том спасибо, а работы им не видать.

— Как эти люди относятся к вам? — спросила Лейси.

— Как я сказал, большинство верит, что я убил Сона, их предводителя, и не могут мне сочувствовать. Ну а сторонники казино с самого начала меня ненавидели. Ясное дело, я у своего народа непопулярен. За это расплачивается моя родня.

— Представим, что судья Макдоувер разоблачена, коррупция доказана. Вам это поможет?

Мейс медленно поднялся, с трудом потянулся, прошелся до двери, вернулся и снова сел. Сидя, он снова потянулся, похрустел запястьями и взял трубку.

— Это вряд ли. Мой процесс был давным-давно. Отличные адвокаты подробно разобрали в порядке апелляции вынесенный судьей приговор. Мы считаем, что несколько ее решений ошибочны. Будь наша воля, новый процесс назначили бы еще десять лет назад, но все апелляционные суды встали на ее сторону. Не единодушно, правда: все решения по моему делу принимались не единогласно, у меня было много сторонников. Но большинство есть большинство, поэтому я здесь. Оба тюремных доносчика, обеспечившие мне обвинительный приговор, пропали много лет назад. Это для вас новость?

— Я читала об этом в памятке, — ответила Лейси.

— Причем пропали одновременно, — добавил Мейс.

— Что вы об этом думаете?

— Есть две версии. Одна, лучшая, — что обоих убрали вскоре после вынесения приговора. Оба — профессиональные преступники, законченные лгуны, убедившие присяжных, что я хвастался совершенным двойным убийством. С доносчиками ведь какая штука: они часто идут на попятный. Так что первая версия — что настоящие убийцы ликвидировали их, не дав передумать. Я придерживаюсь ее.

— А вторая версия? — спросил Хьюго.

— Что их из мести убрали мои соплеменники. Мне это сомнительно, но совсем невероятным это не назовешь. Там кипели такие страсти, что могло произойти что угодно. В общем, оба доносчика пропали, уже много лет их никто не видел. Надеюсь, они мертвы. Это из-за них я здесь.

— Нам не положено обсуждать ваше дело, — спохватилась Лейси.

— А мне больше нечего обсуждать. Кому какое дело? Сейчас все для всех доступно.

— Получается по меньшей мере четыре трупа, — сказал Хьюго.

— По меньшей мере.

— Что, есть еще? — насторожилась Лейси.

Джуниор закивал — то ли это был утвердительный ответ, то ли нервный тик.

— Это смотря как копать, — проговорил он наконец.

Глава 6

Первое здание суда, построенное налогоплательщиками округа Брансуик, сгорело дотла. Второе взорвали. После урагана 1970 года окружные власти утвердили проект, в котором было много кирпича, бетона и стали. Результатом стал кошмарный трехэтажный ангар в советском стиле с редкими окнами и немедленно начавшей протекать крышей. В то время округ, расположенный на полпути между Пенсаколой и Таллахасси, являлся малонаселенным, его пляжи были еще свободны от хаотической застройки и суеты. По переписи 1970 года в округе проживало 8100 белых, 1570 черных и 411 коренных американцев. Через несколько лет после открытия «нового суда», как прозвали это здание, побережье флоридского «отростка» вдруг ожило: девелоперы принялись возводить здесь кондоминиумы и отели. «Изумрудное побережье» с его бесконечными широкими и нетронутыми пляжами обрело небывалую популярность. Население выросло, и в 1984 году округу Брансуик пришлось расширить здание своего суда. Верный стилю пост-модерн, он прилепил к суду странную фаллосообразную пристройку, многим напомнившую злокачественное разрастание. Недаром местные жители прозвали ее «опухолью» — вопреки официальному термину «крыло». Еще через двенадцать лет ввиду продолжившегося роста населения округ прирастил к своему «новому суду» еще одну «опухоль», теперь с другой стороны, и объявил, что отныне готов к любым вызовам времени.

Главным городом округа был Стерлинг. Браунсуик и два соседних округа образовывали 24-й судебный округ Флориды. Один из двух окружных судей, Клаудия Макдоувер, работала в Стерлинге, поэтому распоряжалась в здании суда она. Все чиновничество округа признавало ее солидность и влияние и ходило вокруг нее на цыпочках. Ее просторный кабинет располагался на третьем этаже, из окон которого открывался приятный вид. Клаудия терпеть не могла это здание и мечтала о дополнительной власти, чтобы снести его и построить новое. Но это были только мечты.

Проведя спокойный день за рабочим столом, она предупредила секретаршу, что уйдет в четыре часа — для нее это было ранним уходом. Робкая вышколенная секретарша не стала задавать вопросов. Никто никогда не спрашивал Клаудию Макдоувер о причинах ее поступков.

Она села в свой «лексус» последней модели, выехала из Стерлинга и

направилась на юг. Через двадцать минут она подрулила к широкой подъездной аллее «Трежеар Ки», которое называла про себя «своим» казино. Клаудия была убеждена, что казино существовало только благодаря ее усилиям. Пожелай она его закрыть — оно бы уже завтра оказалось закрыто. Но такое ни за что не должно было случиться.

Она поехала вдоль ограды, как всегда, с улыбкой любуясь заполненными автостоянками, автобусами-шаттлами, развозящими игроков в отели и забирающими их оттуда, ослепительной неоновой рекламой выдохшихся певцов кантри и дешевых цирковых представлений. Ей было чему радоваться. Индейцы процветали. У людей имелась работа. Люди развлекались. Семьи приезжали отдохнуть. «Трежеар Ки» было чудесным местом, и то, что ей причиталась лишь небольшая доля его дохода, ничуть ее не огорчало.

В эти дни у Клаудии Макдоувер не было никаких причин для огорчения. За семнадцать лет она заработала себе твердую репутацию и могла не беспокоиться за свое место и рейтинг. Одиннадцать лет «участия» в прибылях казино сделали ее невероятно богатой, ее активы, надежно спрятанные по всему миру, увеличивались месяц за месяцем. Да, люди, с которыми приходилось иметь дело, были ей неприятны, но их мошенничество оставалось скрытым для внешнего мира. Никаких следов, ни малейших улик. Жульническая система работала как часы все одиннадцать лет с момента открытия казино.

Клаудия въехала в ворота, за которыми располагался шикарный гольф-клуб и жилой комплекс «Рэббит Ран». В нем ей — через оффшорные компании — принадлежали четыре кондоминиума. Один она держала для себя, три другие сдавала через своего поверенного. Ее гнездышко на четвертой гольф-лужайке представляло собой двухэтажную крепость с бронированными дверями и окнами. Несколько лет назад, укрепляя эту оборону, она ссылаясь на необходимость «выдержать ураган». В ее небольшой спальне было устроено хранилище площадью десять на десять футов с бетонными стенами и противопожарной и прочей сигнализацией. Здесь Клаудия держала кое-какие носимые ценности: деньги, золото, драгоценные украшения. Некоторые предметы не относились к категории носимых: две литографии Пикассо, египетская урна давностью 4 тысячи лет, фарфоровый чайный сервиз древней династии, коллекция редких первых изданий романов XIX века. Дверь в спальню была спрятана за вращающимся книжным шкафом, поэтому случайный человек не нашел бы ни спальни, ни хранилища. Впрочем, случайных людей в кондоминиуме не бывало. Редкому гостю предлагалось посидеть во внутреннем двореке,

тогда как само «гнездышко» не предназначалось ни для выпивки, ни для посещения, ни даже для жизни.

Клаудия раздвинула шторы и взглянула на поле для гольфа. Стояли самые жаркие августовские дни — при такой жаре и влажности поле пустовало. Судья налила в чайник воды. Пока вода кипятилась, она сделала два телефонных звонка адвокатам, занятых делами, ожидавшими решения в ее суде.

В пять, с минутной точностью, появился ее гость. Они всегда встречались в первую среду месяца ровно в пять вечера. Иногда, если Клаудия находилась за границей, они договаривались иначе, но так случалось нечасто. Они всегда общались лицом к лицу, в ее кондоминиуме, где не нужно было опасаться ни подслушивания, ни какого-либо наблюдения. К телефону они прибегали раз, от силы два в год. Принцип сводился к максимальной простоте и к стараниям не оставлять следов. Им ничего не угрожало, так было с самого начала, но они предпочитали не рисковать.

Клаудия пила чай, Вонн — водку со льдом. Он пришел с коричневой сумкой, которую, как всегда, положил на диван. В сумке лежали двадцать пять стянутых резинкой пачек 100-долларовых купюр, по 10 тысяч в каждой. Ежемесячная «пенка» составляла полмиллиона, и они, насколько она знала, делили ее поровну. Клаудия годами гадала, сколько Вонн на самом деле забирает у индейцев, но поскольку грязную работу делал он, дальше гадания дело не шло. Со временем она удовлетворилась своей долей. Почему нет?

Клаудия была избавлена от подробностей. Как именно откладывалась наличность? Как удавалось уводить ее из отчетности, как утаивалась их «пенка»? Кто именно в глубинах казино забирал добычу и оставлял ее для Вонна? Куда он за ней ездил? От кого получал? Сколько людей приходилось ради этого подкупать? Ничего этого Клаудия не знала. Как и того, как он поступал со своей долей наличности, — все это никогда не обсуждалось.

Она ничего не знала — и не желала знать — о его банде. Она имела дело только с Вонном Дьюбозом и иногда с Хэнком, его верным помощником. Вонн нашел ее восемнадцать лет назад, когда Клаудия скучала в маленьком городе, пытаясь заработать на достойную жизнь адвокатской практикой и планируя месть бывшему мужу. У Вонна созрел великий план массовой застройки, горячее для которого должно было качать казино на индейской земле, но на его пути стоял старый судья. Избавившись от судьи и еще от парочки обструкционистов, Вонн мог бы

пустить в ход бульдозеры. Он предложил профинансировать ее кампанию и сделать все необходимое для ее избрания.

Ему было под семьдесят, но нельзя было дать больше шестидесяти. Всегда загорелый, в цветастых рубашках для гольфа, он сошел бы за состоятельного пенсионера, наслаждающегося хорошей жизнью под солнцем Флориды. Дважды разведен, давно живет один. Когда Клаудия стала судьей, Вонн начал за ней ухаживать, но она не проявила к этому интереса. Он был старше ее на пятнадцать лет — не так уж сильно, но искра не высеклась, ничего не поделаешь. Тогда, в 39 лет, Клаудия постепенно привыкала к тому, что предпочитает мужчинам женщин. И потом, если уж честно, она находила его скучным. Необразованный, интересуется только рыбалкой, гольфом, строительством очередного «стрип-молла» или поля для гольфа; главное, ее всегда отпугивала темная сторона его натуры.

Ходившие годами слухи, все новые всплывавшие подробности, апелляционные суды порождали все больше вопросов. Клаудия начала сомневаться, что Джуниор Мейс действительно убил свою жену и Сона Разко. До и во время суда она была убеждена в его виновности и хотела добиться правильного вердикта от присяжных, своих недавних избирателей. Но со временем и с накоплением опыта у нее крепили сомнения. Что ж, ее работа судьи первой инстанции давно была сделана, и теперь она мало чем могла помочь восстановлению справедливости. Да и чего ради? Сон и Джуниор провалились в небытие. Появилось казино. На жизнь она не жаловалась.

Но если Джуниор не убийца, то пули в голову Сону Разко и Эйлин Мейс всадил кто-то из банды Вонна, а потом кто-то организовал исчезновение двух тюремных доносчиков, обеспечивших Джуниору обвинительный приговор. Как ни изображала Клаудия напускную храбрость, она до смерти боялась Дьюбоза и его головорезов. Всего один раз десять лет назад им пришлось друг на друга орать, и тогда она его убедила, что если с ней что-то случится, Вонн будет немедленно разоблачен.

За годы у них сложились цивилизованные отношения взаимного недоверия, в которых каждый играл четко прописанную роль. В ее власти было издать по любой притянутой за уши причине судебное постановление о закрытии казино, и все доказывало, что Клаудия не побоится это сделать. На Вонне лежала вся грязная работа, это он держал в узде таппаколов. Они месяц за месяцем гарантировали друг другу процветание и обогащение. Оставалось удивляться — или убеждаться, какая может родиться

сердечность и как можно махнуть рукой на подозрения по единственной причине — больших поступлений наличности.

Они сидели во внутреннем дворике, наслаждались тенью и прохладой, тянули напитки и поглядывали на пустую лужайку для гольфа, погруженные в мысли о своих удачных деловых схемах и невероятном богатстве.

— Как поживают «Северные Дюны»? — спросила Клаудия.

— Продвигаются, — ответил Вонн. — На следующей неделе соберется комиссия по зонированию и, как ожидается, даст зеленый свет. Через два месяца земляные работы будут в полном разгаре.

«Северные Дюны» были последним прибавлением в его гольф-империи: 36 лунок, озера и пруды, шикарные кондоминиумы и еще более шикарные особняки, а посередине всей этой роскоши — затейливый бизнес-центр с городской площадью и амфитеатром. Все это на расстоянии всего одной мили от пляжа.

— Контролеры взяли под козырек? — задала Клаудия глупый вопрос. Не одна она получала от Дьюбоза деньги, в округе получателей набиралось немало.

— Четверо против одного, — сказал он. — Поули, конечно, против.

— Почему ты от него не избавишься?

— Нет, без него никак, иначе все покажется слишком просто. Четверо против одного — наилучший расклад.

В этой части страны можно было бы обойтись и без подкупа. Достаточно предложить любой вариант развития, от комфортабельных жилых комплексов до простеньких торговых центров, сочинить толстую брошюру с полуправдой под названием «экономический рост», наобещать налоговые поступления и рабочие места — и выборные чиновники торопливо штамповали согласие. От того, кто заговаривал об охране природы, избыточной транспортной нагрузке и переполненных школьных классах, отмахивались как от либералов, любителей обниматься с деревьями или, что хуже всего, как от «северян». Вонн овладел этой игрой уже много лет назад.

— Как насчет ДК? — спросила Клаудия. Речь шла о дополнительном кондоминиуме.

— Разумеется, ваша честь. На поле для гольфа или многоэтажка?

— Сколько этажей?

— Сколько тебе нравится?

— Чтобы был виден океан. Можно?

— Никаких проблем. В здании десять этажей, и Залив в ясный день

будет виден уже с пятого.

— Это мне нравится: вид на океан. Не пентхаус, но что-то близкое к этому.

Идею дополнительного кондоминиума довел до совершенства легендарный флоридский девелопер «Кондо» Конрой. В разгар борьбы с наглым проектом небоскреба на океанском берегу устраивалась чехарда планов и схем, возникала путаница проектов, и в результате появлялся дополнительный кондоминиум, о котором ничего не знала комиссия по зонированию. Ему можно было найти дюжину применений, сплошь незаконных. Вонн научился этому фокусу, и у его карманной судьи набрался за годы целый портфель таких ДК. Клаудия получала отчисления и от законного бизнеса: торгового центра, аквапарка, двух ресторанов, нескольких небольших отелей. Кроме того, она владела землями, на которые еще не заезжали бульдозеры.

— Тебе подлить? — спросила она. — Надо обсудить еще две вещи.

— Я сам. — Вонн встал и подошел к кухонной стойке, где у хозяйки стояли крепкие напитки — сама она никогда к ним не притрагивалась. Налив себе стакан, он добавил два кубика льда и вернулся в кресло. — Слушаю тебя.

Клаудия сделала глубокий вдох: предстоял нелегкий разговор.

— Уилсон Ванго.

— Что с ним? — насторожился Дьюбоз.

— Сначала выслушай. Он сидит уже четырнадцать лет. Теперь он тяжело болен: эмфизема, гепатит, что-то с головой. Его неоднократно избивали и подвергали всевозможному насилию, отсюда повреждения головного мозга.

— Хорошо.

— Через три года его ждет досрочное условное освобождение. Его жена умирает от рака яичников, семья остро нуждается и так далее. Ситуация хуже не придумаешь. Кто-то добрался до губернатора, и теперь он готов скостить оставшийся Ванго срок, но только при моем согласии.

Вонн сверкнул глазами и поставил рюмку. Сердито тыча в нее пальцем, он ответил:

— Этот сукин сын нагрел одну из моих компаний на сорок тысяч. Я хочу, чтобы он сдох в тюрьме, желательно после нового нападения. Ты меня поняла, Клаудия?

— Остынь, Вонн. Ты просил дать ему максимальный срок, я дала. Видишь, сколько он сидит? Бедняга при смерти. Прояви снисхождение.

— Ни за что, Клаудия. Я никогда не проявляю снисхождения. Пусть

радуется, что отделался тюрьмой, а не схлопотал дырку в башке. Ни хрена, Клаудия! Ванго не выйдет, и точка.

— Ладно, ладно. Выпей еще. Успокойся. Чего ты кипятишься?

— Я спокоен. Что еще ты надумала?

Клаудия отпила чаю и с минуту посидела молча. Решив, что гроза миновала, она заговорила:

— Знаешь, Вонн, мне уже пятьдесят шесть лет. Я семнадцать лет ношу мантию и подустала от этой работы. Это уже мой третий срок, оппозиции не предвидится, и после выборов в следующем году мне будут гарантированы двадцать четыре года судейства. С меня довольно. Филлис тоже собирается на пенсию, мы хотим попутешествовать по миру. Мне надоел Стерлинг и Флорида, ей — Мобил. Детей у нас нет, ничто нас не держит, почему бы не пуститься в вольный полет? Почему бы не потратить немного наших индейских денег? — Клаудия замолчала и впилась в него взглядом. — Что скажешь?

— То и скажу, что мне нравится все, как есть. В тебе что хорошо, Клаудия? Что тебя легко было купить и после этого ты безнадежно влюбилась в деньги. Прямо как я. С той разницей, что я рожден для коррупции, у меня это в генах. Я лучше буду красть деньги, чем зарабатывать. Ты-то была чистенькой, но перетянуть тебя на темную сторону оказалось до смешного просто.

— Нет, не чистенькой. Меня душила ненависть, я горела желанием унижить бывшего мужа. Я хотела отомстить, какая уж тут чистота!

— Штука вот в чем: я совсем не уверен, что смогу найти другого судью, которого будет так же легко купить.

— Так ли уж тебе сейчас нужен судья? Если я выйду из игры, то все, что приносит казино, будет поступать одному тебе. Просто и надежно! Политики у тебя в кармане. Ты проехался на бульдозерах по половине округа и вон сколько всего нагородил! Вполне очевидно — по крайней мере, для меня, — что теперь ты прекрасно обойдешься без платного судьи. Я просто устала от работы, и, честно говоря — хотя в нашей беседе такое слово звучит нелепо, — мне хочется хотя бы немного пожить открыто.

— В смысле секса или денег?

— Денег, дубина! — усмехнулась Клаудия.

Вонн с улыбкой подлил себе водки. Было видно, как он ворочает мозгами. На самом деле предложение пришлось ему по душе. Отпадал один лишний рот. И какой прожорливый!

— Как-нибудь проживем, — бросил он.

— Прекрасно проживете! Я еще не совсем решила, просто хотела

поделиться с тобой своими мыслями. Ну, устала я разводить супругов и присуждать пожизненное недорослям. Никому еще этого не говорила, одной Филлис.

— Можете доверять мне свои самые темные тайны, ваша честь.

— Вот это настоящий друг!

Вонн встал.

— Ну, мне пора. В это же время через месяц?

— Да.

Уходя, он забрал с собой пустую кожаную сумку, такую же, как та, с которой пришел, только намного легче.

Глава 7

Фамилия посредника была Коули. Он тоже был адвокатом, только его расставание с профессией было не таким ярким, как у его приятеля Грега Майерса. Коули удалось избежать огласки, быстро признав себя виновным в Джорджии и отказавшись от лицензии. Планов вернуть ее он не строил.

Они встретились в тихом дворике отеля «Пеликан» в Саут-Бич и за напитками просмотрели свежие документы.

В первых содержалась информация о поездках Клаудии Макдоувер за последние семь лет со всеми датами, маршрутами, продолжительностью пребывания и так далее. Она оказалась любительницей путешествовать, причем делала это стильно, обычно пользуясь частными самолетом, хотя чартерные рейсы никогда не заказывались на ее имя. Всем этим занималась ее юрист Филлис Турбан, обращавшаяся, как правило, к одной из базировавшихся в Мобиле авиакомпаний. Минимум раз в месяц Клаудия ездила в Пенсаколу или в Панама-Сити, садилась в маленький реактивный самолет, на борту которого ее ждала Филлис, и летела на уик-энд в Нью-Йорк или Новый Орлеан. О том, чем они там занимались, сведений не было, но у «крота» имелись кое-какие соображения. Каждое лето Клаудия проводила две недели в Сингапуре, где у нее, скорее всего, был дом. В подобные длительные путешествия она отправлялась рейсами компании «Америкэн эйрлайнз», первым классом. По меньшей мере трижды в год она летала частным самолетом на Барбадос. Сопровождала ли ее в Сингапур и на Барбадос Филлис Турбан, было неясно, но «крот», часто звоня с сотовых телефонов с неотслеживаемыми номерами в офис Турбан в Мобиле, выяснил, что та во время пребывания Макдоувер за границей тоже отсутствует. Юрист всегда возвращалась на работу одновременно с судьей.

В одной из своих памяток «крот» писал: «В первую среду каждого месяца КМ покидает рабочее место немного раньше обычного и едет в кондоминиум в „Рэббит Ран“. Некоторое время определить, куда она ездит, не получалось, но прикрепленное снизу к ее заднему бамперу следящее устройство джи-пи-эс позволило решить эту проблему. Кондо расположено по адресу 1614D Фэрвей-Драйв. Как следует из земельного кадастра округа Брансуик, кондо дважды меняло хозяев и сейчас принадлежит компании, зарегистрированной в Белизе. Легко предположить, что в кондо она получает наличность из казино и улетает со всеми деньгами или с их частью. Развивая предположения, мы допустим, что на деньги

приобретается золото, серебро, бриллианты, предметы коллекционирования. В Нью-Йорке и Новом Орлеане есть дилеры, принимающие наличные, но с большой торговой премией. Вывезти из страны бриллианты и драгоценные украшения не составляет труда. Наличие легко ежедневно отправлять посылками в любую часть мира, особенно на Карибы».

— Не нравятся мне все эти предположения, — сказал Грег. — Что ему известно точно?

— Ты шутишь? — ответил Коули. — Посмотри на график поездок. Тут все точно расписано за последние семь лет. К тому же этот парень явно разбирается в том, как отмываются деньги.

— Парень? Он мужчина?

— Я этого не говорил. Его или ее пол тебя не касается.

— Он или она — мой клиент.

— Прекрати, Грег. Мы же договорились!

— Чтобы так много знать, нужно находиться в постоянном контакте с судьей. Может, это ее секретарь?

— Однажды я слышал от него/нее, что Макдоувер увольняет секретарей раз в год-два. Хватит гадать, слышишь? «Крот» и так живет в страхе. Ты подал исковую жалобу?

— Да. Расследование началось, скоро они прижмут нашей старушке хвост. Вот когда дерьмо попадет на вентилятор! Представь ужас Макдоувер, когда она поймет, что ее песенка спета!

— Эта не будет паниковать — слишком хладнокровна и умна, — возразил Коули. — Привлечет своих адвокатов, мобилизует Дьюбоза, и уж тот себя покажет! Ты-то, Грег? Ты же подписал исковую жалобу. Утверждения исходят от тебя.

— Меня будет трудно опознать. Вспомни, я никогда не встречался ни с Макдоувер, ни с Вонном Дьюбозом. Они понятия не имеют о моем существовании. В стране тысяч восемнадцать Грегов Майерсов, и все с адресами, номерами телефона, семьями, работой. Где прикажешь Дьюбозу начинать поиск? И потом, стоит мне заметить малейшую тень — и я прыгну в свою лодчонку и растаю в океанской дали. Ему меня ни за что не найти. Почему «крот» живет в страхе? Его имя никогда не выплывет.

— Даже не знаю, Грег. Например, потому, что неуверенно себя чувствует в мире организованного преступного насилия. Или тревожится, что, вылив на Макдоувер ушат грязи, разоблачит себя.

— В общем, теперь уже поздно, — махнул рукой Грег. — Жалоба подана, колеса завертелись.

— Ты скоро дашь этому ход? — поинтересовался Коули, помахивая бумагами.

— Не знаю. Мне нужно время на размышление. Допустим, они смогут доказать, что судье нравится летать с партнершей частными реактивными самолетами. Велика важность! Адвокаты Макдоувер заявят, что здесь все чисто: Филлис оплачивает счета, Макдоувер не разбирает в суде никаких ее дел. В чем дело, в чем претензия?

— У Филлис Турбан в Мобиле маленькая лавочка. Готов поспорить, она имеет в год не больше ста пятидесяти тысяч. Самолет, который они нанимают, обходится в три тысячи в час, а их средний годовой налет — восемьдесят часов. Нехитрая математика, верно? На одни чартеры уходит в год четверть миллиона баксов — это только то, что мы знаем. Зарплата окружного судьи Макдоувер в этом году — сто сорок шесть тысяч. На двоих у них не хватит даже на горючее для самолета.

— Филлис Турбан — не объект расследования. Может, она и должна им стать, но до нее мне нет дела. Чтобы заработать на этом деле денег, мы должны ухватить действующего судью.

— Понял.

— Как часто ты видишься с «кротом»? — спросил Майерс.

— Не очень часто. Он/она в эти дни робеет, трусил до смерти.

— Тогда зачем ему/ей вообще в это соваться?

— Дело в ненависти к Макдоувер. И в деньгах. Я убедил нашего «крота», что это золотое дно. Очень надеюсь, все обойдется без трупов.

Лейси жила в квартире с двумя спальнями в жилом доме, получившемся из бывшего склада, неподалеку от кампуса университета штата Флорида и в пяти минутах езды от своей работы. Архитектор, перестраивавший склад, проделал фантастическую работу, и все двадцать квартир ушли на ура. Благодаря отцу, застраховавшему свою жизнь, и щедрости матери Лейси смогла внести крупный первоначальный взнос. Она подозревала, что ничего другого родители ей уже не подарят. Отец пять лет как умер, а мать, Энн Штольц, с возрастом становилась все прижимистее. В свои без малого семьдесят лет она старела совсем не так, как хотелось Лейси. Она не отъезжала дальше пяти миль от своего дома, поэтому мать и дочь встречались все реже.

Единственным сожителем Лейси был Фрэнки, французский бульдог. С восемнадцати лет, когда она покинула родительский кров, чтобы поступить в колледж, Лейси никогда не жила с мужчиной. Собственно, этот соблазн никогда ее всерьез не манил. Десять лет назад единственный человек,

которого она по-настоящему любила, как будто начал намекать на совместное проживание, но, как вскоре оказалось, он уже готовил бегство с замужней женщиной. Что и осуществил, причем скандальным образом. Правда заключалась в том, что в свои 36 лет Лейси была довольна жизнью в одиночестве: спала одна посреди кровати, убирала только за собой, сама зарабатывала и сама тратила собственные деньги, была сама себе хозяйка, строила карьеру, не оглядываясь на интересы спутника жизни, беспрепятственно планировала свои вечера, без помех решая, готовить ей или нет, и не имела других претендентов на пульт дистанционного управления телевизором. Где-то третья часть ее подруг успели развестись и жили ранеными, перепуганными, без желания, хотя бы пока, снова впускать в свою жизнь мужчину. Еще одна треть застряли в неудачных браках и мало надеялись на освобождение. Остальные, довольные отношениями, делали карьеру или рожали детей.

Ей эта арифметика совершенно не нравилась. Не нравилась уверенность общества, что она несчастна, потому что не нашла подходящего человека. Почему ее жизнь должна определяться тем, когда и с кем она вступит в брак? Лейси бесило само предположение, что ей одиноко. Раз она никогда не жила с мужчиной, то как ей горевать по такому сожительству? До чего же ей надоели шумные расспросы родни, особенно матушки и ее сестрицы, тети Труды! Ни один разговор с ними не обходился без вопроса, встречается ли она с кем-нибудь «всерьез».

«Кто сказал, что я ищу чего-то серьезного?» — был ее стандартный ответ. Как ни неприятно Лейси было признаваться даже себе, из-за этих разговоров она избегала общества матери и Труды. Ну, хорошо ей одной, не рыщет она в поисках своего Идеального Мужчины! Но они как раз поэтому считали ее неудачницей, достойной жалости именно из-за своего одиночества. Ее мать была безутешной вдовой, у Труды имелся ужасный муж, тем не менее они считали, что ее жизнь уступает их.

Что ж, избрала одиночество — изволь мириться с ошибочными умозаключениями окружающих.

Лейси налила себе еще зеленого чая без кофеина и приготовилась посмотреть какой-нибудь старый фильм. Но было уже почти десять вечера, завтра рабочий день, и следовало выспаться. Сейделл прислала по электронной почте две свежих памятки, и Лейси решила прочесть хотя бы одну, прежде чем переодеться в пижаму. Многолетний опыт свидетельствовал: писанина Сейделл действовала лучше любого снотворного.

Текст поменьше был озаглавлен: «Таппаколы: факты, цифры, слухи».

«Население. Не уверена, сколько именно насчитывается коренных американцев таппаколов. (Кстати, термин „коренные американцы“ — политкорректное изобретение белых невежд, предпочитающих пользоваться им, тогда как сами коренные американцы называют себя индейцами и смеются над теми, кто говорит иначе. Но я отвлеклась.) Согласно Бюро по делам индейцев, в 2010 г. их было 441, в 2000 г. — 402. Но „золотое дно“, которым оказалось казино, привело к новым демографическим явлениям, так как впервые в истории многим отчаянно захотелось стать таппаколами. Все дело в распределении доходов по схеме, называемой в обиходе „дивидендной“. Согласно показаниям Джуниора Мейса, любой таппакол начиная с 18-летнего возраста каждый месяц получает чек на 5000 долларов. Проверить это невозможно, так как об этом, как и обо всем остальном, племя никому не докладывает. Когда женщина выходит замуж, ее ежемесячные дивиденды по загадочным причинам уменьшаются вдвое.

Дивиденды сильно колеблются от племени к племени, от штата к штату. Много лет назад прославилось одно племя в Миннесоте, чье казино, приносившее около миллиарда долларов в год, принадлежало всего 85 людям. Ежегодные дивиденды каждого превышали миллион. Считается, что этот рекорд до сих пор не побит.

В США 562 признанных племени, из них только 200 завели у себя казино. Еще примерно 150 племен пытаются добиться признания, но у федеральных властей есть серьезные подозрения. Новым племенам предстоят тяжелые бои за признание. Многие критики утверждают, что их внезапная гордость наследием предков возникла исключительно от желания заняться игорным бизнесом.

Большинство индейцев ничего не имеют от этих богатств, многие по-прежнему прозябают в нищете.

Так или иначе, к таппаколам, как и к другим племенам, хлынули люди, утверждающие, что состоят с ними в родстве. Их подстегивает мечта о дивидендах. У племени есть комитет, изучающий и утверждающий родство. Чтобы соответствовать требованиям, нужно иметь не меньше одной восьмой доли крови таппаколов. Это приводит к сильным трениям.

Похоже, трения стали в этом племени обычным делом. Семь

лет назад газета „Пенсакола Ньюс Джорнал“ писала, что в племени раз в четыре года проводятся выборы нового вождя и его совета из десяти человек. Очевидно, у вождя много власти в решении племенных дел, особенно относящихся к казино. Должно быть, это важный пост, недаром в то время вождь получал 350 тысяч в год. Кроме прочего, у вождя широкие полномочия по части найма; обычно он назначает в администрацию членов своей семьи, и они получают высокие зарплаты. Поэтому на выборах сильная конкуренция, вечные обвинения в подтасовках результатов голосования и в запугивании (наверное, научились у нас, некоренных). Еще бы, раз победитель получает все!

Теперешнего вождя зовут Элиас Кэппел (кстати, современные индейцы очень редко носят красочные имена прежних времен; в какой-то момент большинство приняло западные имена). Кэппела избрали вождем в 2005 году и через 4 года переизбрали повторно. Его сын Билли — член совета.

Племя распоряжается деньгами разумно: теперь у него современные школы, бесплатное медицинское учреждение — скорее поликлиника, чем больница, спортивные сооружения, детские сады, дороги и все остальное, обычно обеспечиваемое вмняемыми властями. Если выпускник школы хочет поступить в колледж, особый фонд берет на себя оплату его учебы, проживания и питания в высшем учебном заведении штата. Племя также расходует деньги на борьбу с пьянством и наркоманией и на лечение алкоголиков и наркоманов.

Как суверенная нация таппаколы пишат и защищают свои законы, не поощряя вмешательство извне. Констебль племени работает примерно как шериф округа, имея в распоряжении отряд обученных и экипированных полицейских. Активно действует собственное подразделение по борьбе с наркотиками. (При всей своей закрытости вождь и некоторые члены его совета не прочь поделиться выгодными для них фактами, при этом их излюбленной темой являются успехи в поддержании законности.) Существует суд племени из трех судей, разбирающих споры и проступки. Назначает судей вождь, утверждает совет. Есть, конечно, и следственная тюрьма, и исправительное заведение для длительного заключения.

Таппаколы усиленно замалчивают возникающие в их среде

споры и противоречия. „Пенсакола Ньюс Джорнал“ и в несколько меньшей степени „Таллахасси Демократ“ годами вынюхивают скандалы, пытаясь вывести, сколько племя зарабатывает и какая его фракция вершит всеми делами. Но обе газеты мало что вывели. Таппаколы — скрытный народ».

Как ни любопытно было все это читать, Лейси по привычке раззевалась. Переодевшись в пижаму, она исполнила свой обычный ритуал по подготовке ко сну при открытой двери ванной, в который раз радуясь, что ей некому помешать. Ближе к 23 часам — она уже почти уснула — зазвонил телефон. Лейси услышала голос Хьюго, как всегда, усталый.

— Не жду ничего хорошего, — буркнула она вместо приветствия.

— Правильно делаешь. Нам нужна помощь. Верна валится с ног, мне не лучше. Пиппин орет, как резаная, весь дом на уши поставила. Нам необходимо хотя бы немного поспать. Верна не хочет вызывать мою мать, я — ее. Как насчет неоценимой услуги?

— А как же, уже еду.

Это был третий ночной вызов после появления новорожденной, не считая вечернего сидения со всеми четырьмя детьми, чтобы Хьюго и Верна могли спокойно поужинать. Лейси быстро натянула джинсы и футболку и оставила Фрэнки в явном недоумении перед дверью. Гонка по пустым улицам в «Мидоус» — и она предстала перед Хэтчами через двадцать минут после их звонка. Верна встретила ее в дверях с примолкшей Пиппин на руках.

— Это, наверное, зубки, — прошептала она. — Мы трижды за неделю показывали ее доктору. Не спит, и все, ну что тут поделаешь?

— Где бутылочки? — спросила Лейси, осторожно забирая малышку у матери.

— На кофейном столике. В доме полный кавардак. Мне так стыдно! — Губы Верны кривились, в глазах стояли слезы.

— Брось, Верна, меня можно не стыдиться. Ступай в постель, попробуй уснуть. Утро вечера мудренее.

Верна чмокнула ее в щеку, сказала «спасибо» и уползла. Лейси услышала звук тихо затворяемой двери. Прижав к себе Пиппин, она заходила взад-вперед по захлавленной детской, бормоча ласковые словечки и поглаживая бедняжку по спинке и попке. Спокойствие длилось недолго. При новом приступе рева Лейси сунула ей в ротик бутылочку с соской, опустила в кресло-качалку и заворковала; это продолжалось до тех пор, пока малышка наконец не забылась. Через полчаса, когда ребенок крепко

уснул, Лейси положила ее в переносную люльку-качалку и тихо включила колыбельную. Пиппин нахмурилась и завозилась; казалось, она сейчас снова примется надрываться, но вместо этого успокоилась и продолжила спать.

Немного погодя Лейси оставила ребенка и на цыпочках прошла в кухню. Включив верхний свет, она вздрогнула от зрелища первозданного хаоса. Мойка была переполнена грязной посудой, всюду громоздились кастрюли и сковородки, стол был завален пустыми коробками, ранцами и даже нестиранным бельем. Здесь требовалось как следует потрудиться, но это значило бы поднять шум, поэтому Лейси решила отложить уборку, пока семья не проснется. Выключив свет, она испытала счастливое чувство, которым ни с кем не могла поделиться: с улыбкой возблагодарила свою удачу, одиночество и блаженную необремененность.

Она соорудила себе гнездышко на диване рядом с малышкой и тоже уснула. В 3.13 Пиппин проснулась голодной и сердитой, но твердо отправленная ей в рот бутылочка с соской сделала свое дело. Лейси поменяла ей подгузник, еще поворковала, умаслила плаксу ласковым голосом и заставила уснуть, после чего сама проспала почти до шести часов.

Глава 8

Уилтон Мейс жил в разноуровневом доме из красного кирпича на гравийной дороге, в двух милях от казино. Он не проявил желания разговаривать по телефону, сказав, что сначала должен посоветоваться с братом. На завтра он позвонил Хьюго и согласился встретиться. Он ждал в шезлонге у навеса для автомобиля, отгоняя мух и попивая чай со льдом. День выдался облачный и не слишком жаркий. Он предложил Лейси и Хьюго сладкого чаю, те отказались. Он указал на другие два шезлонга, и они сели. На заднем дворе в пластмассовом бассейне-корыте плескался под бабушкиным надзором годовалый ребенок.

Уилтон был на три года моложе Джуниора, но мог сойти за его близнеца: смуглая кожа, еще более темные глаза, длинные седые волосы почти до плеч. Он говорил низким голосом и, казалось, взвешивал, превосходя обстоятельностью даже Джуниора, не просто каждое слово, а каждый слог.

— Это ваш внук? — спросила Лейси, чтобы самой сломать лед, раз Уилтон не порывался этого сделать.

— Внучка, первая. А это моя жена Нелл.

— На той неделе мы познакомились в Старке с Джуниором, — сообщил Хьюго.

— Спасибо, что навестили брата. Я бываю у него два раза в месяц и знаю, что это не лучшее развлечение. Собственный народ забыл Джуниора, и это тяжело вынести, особенно когда ты такой гордец, как Джуниор.

— По его словам, большинство таппаколов верит, что он убил жену и Сона Разко, — сказала Лейси.

Уилтон опустил голову, а потом проговорил:

— Так и есть. Удобная история, ее легко повторять, легко запомнить. Джуниор застал их в постели и прикончил.

— Насколько мы понимаем, вы говорили с ним после нас? — уточнил Хьюго.

— Да, вчера. Ему дают двадцать минут в день на телефонные разговоры. Он мне рассказал, что у вас за дело.

— Джуниор говорит, что вы хотели устроиться работать в казино, но не получилось. Можете объяснить, почему? — поинтересовалась Лейси.

— Запросто. Племя раскололось на две части, и обе части серьезно окопались. Это продолжается с голосования об азартных играх.

Выигравшие построили казино, их вождь всем заправляет, включая наем и увольнения. Я оказался на неправильной стороне, поэтому работы мне не видать. В казино трудятся две тысячи человек, большинство — пришлые. Таппаколы, желающие работать, должны быть политически благонадежными, иначе — мимо кассы.

— Обида еще свежа? — спросил Хьюго напрямик.

Уилтон закрихтел, потом улыбнулся.

— Можно подумать, что мы — два племени, которые развела кровная вражда. Никто не делает попыток примирения. Это никому не нужно.

— По словам Джуниора, они с Соном напрасно боролись с казино, потому что оно принесло племени много пользы, — заметила Лейси. — Вы с этим согласны?

Уилтон долго молчал, собираясь с мыслями. Его внучка подняла плач и была унесена в дом. Он хлебнул чаю и ответил:

— Как ни трудно признать свою неправоту, я сознаюсь: да, мы были не правы. Казино вытащило нас из нищеты, дало нам много хороших вещей, все это — один большой плюс. Мы стали счастливее, здоровее, наше положение надежно. Чужие съезжаются сюда и отдают нам свои деньги — очень вдохновляющее зрелище и чувство! Нам кое-что возвращается, это как возмездие. Правда, некоторые из нас переживают, что наша жизнь основана на подачках. От безделья недалеко до беды. Мы стали больше пить, наши дети употребляют наркотики.

— Если жизнь стала богаче, почему не рождается больше детей? — спросил Хьюго.

— По глупости. В совете тон задают идиоты, и правила они пишут идиотские. Когда женщине исполняется восемнадцать лет, она начинает получать по пять тысяч в месяц, и так происходит уже не первый год. Если она выходит замуж, чек уменьшается вдвое: например, моя жена получает две с половиной тысячи. Поэтому наши молодые женщины все чаще отмахиваются от замужества. Мужчины пьют и безобразничают, так зачем женщинам мужья, когда одиночкам платят вдвое больше? Есть еще предположение, что чем меньше нас останется, тем больше будут получать выжившие... Опять плохой план. В здоровом обществе надо вкладывать в детей.

Лейси посмотрела на Хьюго и произнесла:

— Теперь перейдем к Макдоувер.

— Про судью я знаю мало, — предупредил Уилтон. — Я высидел весь процесс. Тогда я считал ее слишком молодой и неопытной. Она никак не защищала права моего брата. Ее атакуют апелляциями, но ее приговор

удерживается, хотя иногда кажется, что он вот-вот рухнет.

— Вы читаете апелляционные жалобы? — поинтересовался Хьюго.

— Все до одной, мистер Хэтч. Читаю и перечитываю. Моего брата могут казнить за преступления, которых он не совершал. Вникать во все подробности и поддерживать его — наименьшее, что я могу для него сделать. Да и времени у меня хоть отбавляй.

— У Сона Разко действительно была связь с женой Джуниора? — спросил Хьюго.

— Это очень сомнительно, хотя, как вам известно, в таких делах чего только не бывает... Сон был человеком принципиальным, нравственным, состоял в счастливом браке. Я не верил и не верю, что он связался с моей невесткой.

— Кто же тогда их убил?

— Не знаю. Вскоре после открытия казино мы стали получать наши куски пирога, вернее, началось с маленьких кусочков. Я тогда водил грузовик, в профсоюзе, ясное дело, не состоял, и с моей зарплатой, с зарплатой жены — она была поварихой — и с дивидендов мы наэкономили двадцать пять тысяч. Я отдал эти деньги частному детективу из Пенсаколы — говорят, одному из лучших. Он рылся почти год и ничего не накопал. Адвокат у брата на суде был хуже некуда — парень-неумеха, совершенно ни в чем не разбирался. Зато апелляции подают ребята хоть куда. Эти уж как роются, пыль столбом, вон сколько лет не унимаются — и тоже ничего. Так что я не могу назвать вам подозреваемого, мистер Хэтч. Хотел бы, но нет, не могу. Моего брата подставили так, что не подкопаешься. Все идет к тому, что штат Флорида в конце концов с ним расправится.

— Вы знаете человека по имени Вонн Дьюбоз? — спросила Лейси.

— Имя слышал, но не встречал.

— Что про него говорят?

Уилтон поболтал кубиками льда в стакане. Вид у него стал вдруг усталым. Лейси пожалела его: трудно представить, каково это — полжизни ждать казни брата, да еще осужденного по ложному обвинению. Наконец Уилтон проговорил:

— Болтали тут одно время всякое... Будто бы все это — дело рук крупного мошенника по фамилии Дьюбоз: и казино, и строительство вокруг, и жилые комплексы, растущие как грибы, отсюда до самого побережья. Будто бы ради этого Сона с Эйлин и убили. Но сейчас болтовня стихла, не выдержала напора развлечений, игр, звонкой монеты, джекпотов, водных аттракционов и «счастливых часов», я уж не говорю про соцобеспечение... Какое это имеет значение теперь, когда жизнь так

хороша? Есть ли этот человек, действительно ли у него рыльце в пушку — никому нет дела, никому не хочется его тормозить. Если бы он сейчас появился в казино и объявил правду, его бы провозгласили героем. Не будь его, ничего этого не было бы.

— А вы сами как считаете? — задал вопрос Хьюго.

— Мое мнение не имеет значения, мистер Хэтч.

— Предположим, не имеет. Но мне все равно интересно.

— Ну, если вы настаиваете... Да, в строительстве казино участвовала организованная преступность. Те же самые парни, безымянные и безликие, по-прежнему при делах. Они вооружены, они сумели запугать нашего вождя и его подпевал.

— Как вы думаете, сможем мы найти внутри казино кого-нибудь, кто согласился бы с нами поговорить? — спросила Лейси.

Уилтон усмехнулся и пробормотал:

— Как я погляжу, вы ничего не понимаете... — Он снова погрел кубиками льда и уставился на что-то за дорогой. Лейси и Хьюго ждали, глядя друг на друга. Ждать пришлось долго. Наконец он выдал: — Мы — племя, народ, раса — не доверяем чужакам. Мы держим язык за зубами. Я сижу тут и болтаю с вами, но на общие темы. Мы никогда никому не раскрываем секретов. Скрытность у нас в крови. Я презираю тех, на другой стороне, но никогда ничего вам про них не расскажу.

— Вдруг какой-нибудь рассерженный работник окажется не таким осторожным? — предположила Лейси. — Такой раскол, столько недоверия! Наверняка найдется хотя бы горстка обозленных на вождя и его камарилью.

— Есть такие, кто ненавидит вождя, но не забывайте, что он получил на последних выборах семьдесят процентов голосов. У него сплоченный внутренний круг. Каждый из них имеет жирный кусок пирога и счастлив до беспамятства. Найти болтуна внутри? Даже не надейтесь. — Уилтон снова умолк. Юристы терпеливо ждали, беря пример с собеседника, который, казалось, мог промолчать до следующего утра. В конце концов он над ними сжалился: — Я бы советовал вам держаться от всего этого подальше. Если судья Макдоувер заодно с мошенниками, значит, ее надежно защищают ребята, любящие пугать и применять насилие. Это индейская земля, мисс Штольц, здесь попросту не действуют правила нормального общества, все то, во что вы верите. Мы сами себе хозяева. У нас свои законы. Ни штат Флорида, ни федеральное правительство не могут вмешиваться в наши дела, особенно в том, что касается казино.

Они простились с Уилтоном спустя час, так и не услышав ничего

полезного, кроме предостережений, и вернулись на четырехполосную платную дорогу, построенную округом, чтобы получать от казино хотя бы что-то. Перед въездом в резервацию они остановились у будки и заплатили пять долларов за право ехать дальше.

— Наверное, это то место, где судья Макдоувер однажды решила остановить движение своим судебным запретом, — заметил Хьюго.

— Ты читал дело? — осведомилась Лейси, набирая скорость.

— В кратком изложении Сейделл. Судья аргументировала тем, что плотное движение представляет угрозу для здоровья населения, и шестеро сотрудников управления шерифа шесть дней блокировали движение. Дело было в две тысячи первом году, десять лет назад.

— Представляешь себе ее разговор с Вонном Дьюбозом?

— Ей повезло, обошлось без пули в лоб.

— Ну, для этого она слишком умна. Не глупее самого Дьюбоза. Они сумели найти общий язык, и судебный запрет был отменен.

Сразу за постом оплаты запестрели щиты, оповещающие о том, что они въехали на земли таппаколов. На больших указателях было написано «Рэббит Ран», вдали виднелись ряды кондоминиумов и особняков вдоль лужаек для гольфа. До резервации оттуда было рукой подать, и, как говорил Грег Майерс, от поля для гольфа до резервации не больше пяти минут пешком. На карте собственность таппаколов могла соперничать замысловатостью очертаний с выкроенным с целью махинаций округом для выборов в конгресс. Дьюбоз и компания натыкали по ее периметру домов. Кто-то — скорее всего, сам Дьюбоз — выбрал место для казино как можно ближе к своим землям. Все удалось блестяще.

Расследователи подкатили к огромному зданию казино, манившему сиянием огромных неоновых панелей всех цветов радуги. По обеим сторонам от казино громоздились отели, спроектированные в одном с ним стиле. С переполненной стоянки автобус-шаттл подвез их к ослепительному входу. Внутри они разделились и битый час слонялись по игровым этажам. Встретившись в четыре часа, юристы сели пить кофе в баре над столами для игры в кости и «очко». Все здесь — неумолкающая музыка, непрерывный лязг игровых автоматов и звон выплевываемых ими монет, рев голосов, сопровождавший выигрыши, возбужденные разговоры за выпивкой — свидетельствовало о непрерывном переходе из рук в руки крупных денежных сумм.

Глава 9

Комиссию Флориды по игорному бизнесу возглавлял Эдди Нейлор, бывший сенатор штата, с радостью обменявший место законодателя на заманчивую зарплату главы нового агентства в начале 90-х, когда в штате началась эпидемия азартных игр, вместе с которой возникла потребность как-то ее регулировать. Его офис находился в трех кварталах от офиса Лейси, поэтому организовать встречу не составило труда. В отличие от плачевного состояния штаб-квартиры Комиссии по проверке действий судей кабинет Нейлора располагался в современном здании и был хорошо обставлен. Это, а также большое количество сотрудников свидетельствовало о щедром бюджете. Азартные игры добавляли Флориде процветания, гибкие налоговые схемы этому вовсе не мешали, а наоборот, способствовали.

Всего разок взглянув на Лейси, Нейлор решил, что с ней лучше беседовать не из-за баррикады рабочего стола, а за кофейным столиком. Пока несли кофе, она дважды отметила его интерес к ее ногам, унять который не удавалось одергиванием коротковатой юбки. После необходимых вводных фраз Лейси приступила к делу:

— Как вы понимаете, наша структура проверяет жалобы на судей нефедерального уровня в штате. Жалоб набирается много, работы полно. Наши расследования конфиденциальны, прошу учитывать это при сотрудничестве с нами.

— А как же! — отозвался Нейлор. Ничто в нем не вызывало доверия: ни бегающие глазки, ни масляная улыбка, ни плохо сидевший костюм, ни грозившие оторваться от напора пуговицы на белой рубашке. «Свобода расходов» — вот как Лейси обобщила про себя впечатление, производимое собеседником. Его вполне можно было принять за одного из многочисленных в столице штата лоббистов.

Желая произвести впечатление, Нейлор долго перечислял обязанности «своей» комиссии. За всеми заведениями штата, специализировавшимися на азартных играх, наблюдала одна она, а он был в ней царь и бог. Скачки, собачьи бега, лотереи, игровые автоматы, казино, круизные корабли, даже джай-алай^[4] — все находилось в его юрисдикции. Задача выглядела колоссальной, но он не жаловался.

— Насколько вам подконтрольны индейские казино? — спросила Лейси.

— Всеми казино во Флориде распоряжаются индейцы. На первом месте семинолы. Честно говоря — хочу быть с вами совершенно откровенным, — в случае индейских казино наш надзор и контроль минимальны. Признанное федеральными властями племя — это государство в государстве с собственными законами. Мы во Флориде вступили со всеми операторами казино в договорные отношения, позволяющие взимать хоть какой-то налог с их доходов. Как он ни мал, это лучше, чем ничего. Сейчас действует девять казино, и у всех дела идут неплохо.

— Вы вправе войти в казино и проверить его бухгалтерию?

Нейлор важно покачал головой:

— Нет, не можем. Каждое казино подает ежеквартальный отчет, где показывает свою выручку и чистую прибыль, что служит основанием для исчисления налога. Как видите, нам приходится полагаться на их честное слово.

— Выходит, казино может заявлять о любых цифрах?

— Таков закон. Вряд ли он изменится.

— Как насчет федеральных налогов?

— Нет, их казино не платят. Договор — способ взять с них хоть что-то в казну штата. Мы со своей стороны строим дороги, предоставляем какие-то услуги вроде медицинских и образовательных. Бывает, они о чем-то просят штат. Но, честно говоря, здесь действует принцип добровольности. Если племя говорит «нет» тому или иному виду налогообложения, то мы бессильны что-либо предпринять. К счастью, они так не поступают.

— Сколько они платят?

— Полпроцента от чистой выручки. В прошлом году это составило сорок миллионов. Средства идут нашей комиссии и в фонд экстренных ситуаций Флориды. Можно поинтересоваться, куда вы клоните?

— Разумеется. Поступила исковая жалоба на поведение одного окружного судьи. Там замешан девелопер, сговорившийся с индейским племенем и с его казино. Судья участвует в дележе прибылей.

Нейлор поставил свою кофейную чашку на столик и покачал головой:

— Хотите начистоту, мисс Штольц? Я не очень удивлен. Если казино хочет мошенничать и передавать часть прибылей в чьи-то руки или просто тайно их распределять, то ему почти нельзя помешать. Самая что ни есть коррупционная ситуация. Казалось бы, непритязательные люди — и вдруг на них сваливаются колоссальные доходы. Понятно, жулики и любители «помочь» слетаются на них, как пчелы на мед. Добавьте к этому, что там почти весь оборот происходит наличными. Понимаете, какая это

взрывчатая смесь? Мы, комиссия, только руками разводим. Они нам почти не подотчетны.

— Значит, здравствуй, коррупция?

— Я этого не говорил. Я толкую только о потенциале.

— Наблюдение и то отсутствует?

Нейлор повозил полными ногами, обдумывая ответ.

— Полномочиями расследовать любые правонарушения на индейских территориях обладает ФБР. Страшноватая перспектива, вы согласны? Повторяю, мы говорим о простых людях: от одной мысли, что к ним нагрянет ФБР, они без постороннего принуждения строятся в шеренги. К тому же большинство наших казино состоят в договорных отношениях с уважаемыми фирмами, умеющими управлять казино.

— Может ли ФБР предъявить ордер и конфисковать бухгалтерские книги?

— Не уверен. Насколько я знаю, такого еще не бывало. В последние двадцать лет ФБР проявляет мало интереса к индейским делам.

— Почему?

— Точно не знаю. Наверное, дело в нехватке людей. ФБР сосредоточилось на борьбе с терроризмом и с киберпреступностью. Какой интерес представляет для него мелкое мошенничество в казино? Зачем отвлекаться? Индейцам никогда так хорошо не жилось, в последние пару сотен лет — точно. — Нейлор бросил в свой кофе еще кусочек сахара и помешал кофе пальцем. — Речь случайно не о таппаколах?

— О них.

— Неудивительно.

— Почему неудивительно?

— Многолетние слухи. — Он отпил кофе, ожидая следующего вопроса.

— Что за слухи?

— О влиянии извне. Там с самого начала были замешаны какие-то темные личности, не брезгавшие убийствами, лишь бы появилось казино. Это только подозрения, не более того. Мы не расследуем преступления, даже близко к этому не подходим. Если нам становится известно о злоупотреблениях, полагается уведомлять ФБР.

— А слухи о дележе наличности не ходят?

Нейлор покачал головой:

— О таком не слышал.

— А про судью?

Он еще раз помотал головой, но оговорился:

- Хотя что-то в этом роде меня бы не удивило.
- Как ни странно, наш источник это подтверждает.
- Такие горы живых денег творят с людьми чудеса. Советую вам быть настороже, мисс Штольц. Осторожность и еще раз осторожность!
- Сдается мне, вы знаете больше, чем готовы сказать.
- Вовсе нет.
- Ну, как хотите. Прошу, не забудьте, что наше расследование сугубо конфиденциальное.
- Обещаю помнить.

Пока Лейси в первый — и в последний — раз посещала Комиссию Флориды по игорному бизнесу, ее напарник в первый — и в последний — раз оказался на поле для гольфа. По предложению Майкла Гейсмара, одолжившего ему по такому случаю свои редко используемые клюшки, Хьюго уговорил коллегу Джастина Барроу прикинуться парой гольфистов. Джастин обратился к своему другу, тот еще к кому-то, и в результате тонких манипуляций и наглого вранья один игрок получил возможность пригласить другого в качестве гостя на партию в «Рэббит Ран». Джастин играл в гольф по уик-эндам, поэтому, зная основные правила и этикет, не вызвал подозрений. Хьюго, напротив, был абсолютным новичком, вдобавок не испытывал к гольфу ни малейшего интереса. В мире, где он вырос, гольф считался нелепым занятием белых, которому они предаются в своих белых загородных клубах.

Первый ти-бокс — площадка для первого удара — в восточной части «Рэббит Ран» находился совсем рядом с площадкой для отработки дальних ударов и с клубхаусом, поэтому то, что Хьюго, в отличие от Джастина, не произвел первого удара, ни привлекло ничьего внимания. К 10.30 августовского утра температура значительно превысила 30 градусов по Цельсию, поэтому на поле было пусто. Даже будучи полным профаном в игре, Хьюго, руливший гольф-каром, радостно критиковал неумелость Джастина. Когда тот три раза подряд не смог выбить мяч из бункера — песчаной ловушки — на грине, участке с короткой травой вокруг ловушки, Хьюго покатился со смеху. На третьем грине Хьюго вооружился клюшкой-паттером Гейсмара, уверенный, что загнать мяч в лунку — невесть какая премудрость. Но даже с расстояния всего в десять футов это оказалось непростой задачей. Джастин отыгрался и разразился презрительной тирадой сплошь из заумных терминов.

При помощи спутниковых фото были обнаружены все четыре кондо, предположительно принадлежавшие под разными прикрытиями одному и

тому же владельцу — судье Клаудии Макдоувер. Но Гейсмар требовал снимков, сделанных на месте. Стоя на четвертом ти-боксе, Хьюго и Джастин провожали взглядом мяч, улетевший после «пар 5» влево, и при этом изучали вереницу симпатичных кондо на удалении 250 ярдов.

— Теперь я знаю, что ты мастер отправлять мяч в неведомую даль. Запули-ка его лучше вон туда, к тем трем развалюхам! — попросил Хьюго. — Покажи класс!

— А может, сам попробуешь, раз это так просто, как ты утверждаешь?

— И попробую! — Хьюго воткнул подставку в траву, поставил на нее мяч, изготовился, расслабился и картинно исполнил свинг. Мяч улетел на добрую милю, от хука отклоняясь на лету влево. Место его падения в зарослях отследить не удалось. Хьюго молча достал из кармана еще один мяч и поставил его на подставку. Новый, еще более решительный взмах. Мяч сначала летел низом, потом стал набирать высоту. Казалось, траектория влечет его прямым к цели, но он взмыл так высоко, что упал где-то за кондоминиумами.

— Хорошо, что поле такое широкое, тебе есть где развернуться, — заметил Джастин. — Миля туда, миля сюда — подумаешь! Вот только перелет нам ни к чему.

— Сгодится для первого раза.

— Как скажешь. — Джастин, готовясь к удару, оглядел фервей — участок с травой средней длины. — Я буду осторожен, чтобы не засветить прямо в окно. Не хочу бить стекла.

— Не болтай, лучше бей. Я готов искать мяч.

Удар, отменный слайс, удался: мяч нырнул в кусты у самой цели.

— В яблочко! — похвалил Хьюго.

— Спасибо на добром слове, — сказал Джастин.

Они сели в гольф-кар, промчались поперек фервея и свернули вправо, к кондоминиумам. Джастин незаметно обронил мяч в траву — пусть кто-нибудь заикнется, что не он его сюда забросил! — а потом достал приборчик, похожий на лазерный дальномер, которым определяют расстояние от мяча до флагштока. На самом деле это была видеокамера. Пока Хьюго лениво брел к ограде дома номер 1614D, изображая поиски потерявшегося мяча, Джастин отснял кондоминиум с близкого расстояния. У Хьюго на поясе был прикреплен фотоаппарат, делавший снимки, пока он шарил в кустах, используя супер-клюшку, айрон номер 7, как вульгарную палку.

Со стороны они выглядели гольфистами-неудачниками, ищущими потерявшиеся мячи. Такое происходило ежедневно и ни у кого не вызывало

любопытства.

Через три часа, устав от поисков лжепотерь, Хьюго с Джастином решили, что дело сделано. Уезжая, Хьюго молча поклялся, что ноги его больше никогда не будет на поле для гольфа.

По пути в Таллахассу они завернули в городок Экмен, поболтать с тамошним адвокатом Элом Беннетом. У Беннета был хороший офис на Мейн-стрит, и он был рад гостям, отвлекшим его от надоевшей рутины. Джастин предложил посидеть часок в кафе.

Пятью годами раньше Беннет в первый и в последний раз попытал удачи в политике, сразившись с пошедшей на переизбрание Клаудией Макдоувер. Он подошел к кампании со всей серьезностью и очень потратился, поэтому, получив всего 31 процент голосов, поспешил убраться обратно в Экмен с сильно поколебленным желанием служить обществу. В предварительном телефонном разговоре Хьюго не сказал ему ничего определенного, а только попросил разрешения задать несколько вопросов о местном судье.

Теперь, при личной встрече, Хьюго сознался, что КПДС в конфиденциальном порядке разбирает жалобу на судью Макдоувер, которая вполне может оказаться пустяком. Тема была скользкая, так что Хьюго первым делом взял с Беннета слово держать язык за зубами.

— А как же! — пообещал Беннет. Его уже разбирало любопытство. Разговаривая с ним, Хьюго не переставал удивляться, как этот человек умудрился набрать даже 31 процент голосов: торопливая сбивчивая речь, визгливый голос — угроза для барабанных перепонки. Невозможно было представить его произносящим предвыборную речь или обращающимся к присяжным.

Хьюго начинал разговор настороженно. Адвокатам полагалось соблюдать тайны клиентов, но в остальных случаях они сплошь и рядом оказывались чудовищными сплетниками. Чем больше свидетелей придется опросить, тем больше будет утечек, и в результате судья Макдоувер очень скоро узнает, что под нее копают. Лейси была того же мнения, но Гейсмар настоял, что без разговора с Беннетом обойтись нельзя.

— Напряженная была кампания? — спросил Хьюго.

— В конце — да, даже очень. Это как попасть под оползень. Было больно, но я уже оправился.

— Больно и нечисто?

Беннет испытал соблазн облить бывшую соперницу грязью, но быстро его превозмог:

— До личностей не доходило. Она умело использовала отсутствие у

меня судейского опыта. С этим я не мог поспорить, пришлось набраться терпения и объяснять, что у нее тоже не было этого опыта, пока ее не выбрали в первый раз. Объяснения выходили долгими, а избиратель, как вам известно, грешит рассеянностью. И потом, не забывайте, мистер Хэтч, что у судьи Макдоувер была хорошая репутация.

— Вы на нее нападали?

— Несильно. Мало что нашел.

— Кто-нибудь упрекал ее в нарушении этических стандартов?

Беннет покачал головой:

— Нет. Какого рода нарушения этических стандартов вы расследуете?

Хьюго решил избегать конкретики. Раз Беннет даже в разгар острой борьбы не слышал разговоров о должностных нарушениях, то зачем делиться с ним неподтвержденными предположениями?

— Совсем ничего не слышали? — поинтересовался Хьюго.

Беннет пожал плечами:

— Толком ничего. У нее за плечами был тяжелый развод. Она так и осталась одинокой, живет одна, детей нет, общественных интересов тоже. Мы не искали грязи, поэтому не вскрыли грязевых гейзеров. Простите, если разочаровал.

— Все в порядке. Спасибо, что уделили нам время.

На самом деле Хьюго был разочарован. Он покидал Экмен с мыслью, что зря потратил целый день, не узнав о Клаудии Макдоувер ничего нового.

Вдова Сона Разко жила в маленьком доме около Форт-Уолтон-Бич, примерно в часе езды от резервации таппаколов. Она снова вышла замуж и технически вдовой не была. Звали ее Луизой. Сначала она не хотела говорить с Лейси, но во втором телефонном разговоре согласилась ненадолго встретиться в кондитерской. Она работала, поэтому встречу назначили после завершения рабочего дня. На дорогу у Лейси ушло три часа. Встреча произошла в 6 часов вечера того дня, когда Хьюго разъезжал в гольф-каре по лужайкам гольф-клуба «Рэббит Ран».

В бумагах Лейси значилось, что Луизе Разко был 31 год, когда обнаженное тело ее убитого мужа нашли в одной спальне с телом жены Джуниора Мейса. У них с Соном было двое детей, которые с тех пор успели повзрослеть и покинуть Флориду. Несколько лет назад Луиза снова вышла замуж и уехала из резервации.

Перед Лейси сидела приземистая седая женщина пятидесяти лет. Годы оказались к ней немилосердны.

Лейси объяснила цель встречи, но Луиза осталась равнодушной.

— Я не буду обсуждать убийства и вообще все это, — сразу

предупредила она.

— Хорошо, давайте о другом. Вы помните судью Макдоувер?

Луиза тянула через соломинку чай со льдом. Было видно, что ей хочется сбежать. Небрежно пожав плечами, она ответила:

— Только на суде.

— Значит, вы следили за судом? — спросила Лейси наугад, лишь бы завязать разговор.

— А как же, конечно, следила. От начала до конца.

— Какое впечатление на вас произвела судья?

— Какая разница? Столько лет прошло. Вы расследуете какие-то тогдашние дела судьи?

— Нет, тут совсем другое. В исковой жалобе говорится об участии судьи в незаконной деятельности, связанной с подкупом. Все упирается в казино.

— Мне бы не хотелось разговаривать о казино. Оно развратило мой народ.

Отлично, Луиза! Казино не трогать, об убийстве мужа молчок. Зачем тогда было сюда тащиться? Лейси писала в блокноте, изображая глубокие раздумья.

— Кто-нибудь из ваших родственников когда-либо работал в казино?

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что нам нужны сведения о казино. Их нелегко раздобыть. Нам бы очень помог человек, знающий все изнутри.

— Даже не мечтайте. С вами никто не станет говорить. Те, кто там работает, счастливы: у них и работа, и чеки. Те, кто туда не допущен, завидуют и, может, даже злятся, но тоже получают чеки, поэтому помалкивают. На казино никто не замахнется.

— Вам что-нибудь говорит такое имя — Вонн Дьюбоз?

— В первый раз слышу. Кто это?

— А если я вам скажу, что это он, скорее всего, убил вашего мужа, который мешал ему построить казино? Вы бы поверили?

Сама Лейси в это уже верила, проблемой было отсутствие доказательств. Она сделала смелое предположение в отчаянной попытке добиться от Луизы отклика и заинтересованности.

Та отпила еще и стала смотреть в окно. Лейси начинала кое-что понимать о таппаколах. Во-первых, они не доверяли чужакам, чему не приходилось удивляться. Она не собиралась их за это осуждать. Во-вторых, терпеть не могли торопливость. Им была свойственна медленная, обстоятельная речь и продолжительные паузы, выводившие из себя

собеседников.

Наконец Луиза взглянула на Лейси и сказала:

— Моего мужа убил Джуниор Мейс. Это доказали на суде. Меня унизили.

Лейси возразила со всей возможной твердостью:

— Что, если это был все-таки не Джуниор? Что, если вашего мужа и Эйлин Мейс убили те самые преступники, которые убедили таппаколов строить казино, те, кто нажился на строительстве вокруг него и кто, судя по всему, теперь изо всех сил «доит» его? Судья Макдоувер состоит с ними в доле. Вас это не шокирует, Луиза?

У нее в глазах появились слезы, по правой щеке покатилась слезинка.

— Откуда вы знаете? — прошептала Луиза. Она столько лет верила в одну версию, что теперь ей трудно было перестроиться.

— Мы расследуем такие вещи. Это наша работа.

— Полиция давным-давно раскрыла это преступление.

— Это была пародия на суд, закончившаяся неправосудным приговором. Оба ключевых свидетеля на самом деле были тюремными доносчиками, копы и обвинение заставили их солгать присяжным.

— Говорю же, я не желаю обсуждать убийства.

— Я помню. Тогда перейдем к казино. Я не жду от вас помощи, пока вы как следует не поразмыслите. Но нам нужны имена людей, ваших соплеменников, знающих, что там творится. Если вы назовете хотя бы пару имен, никто ничего не узнает, обещаю. Мы умеем хранить в тайне имена наших свидетелей.

— Я ничего не знаю, мисс Штольц. Я никогда не переступала и не переступлю порог казино, моя родня тоже. У нас почти все уехали. Чеки мы берем, это ведь наша земля, но казино испоганило нашему народу душу. Ничего не знаю и знать не хочу! Я презираю это место и тех, кто там заправляет.

Луиза говорила убежденно. Лейси понимала, что продолжения не будет.

Еще одна несбывшаяся возможность.

Глава 10

Майкл Гейсмар расхаживал от стены к стене кабинета, ослабив галстук и засучив рукава рубашки. Тупики, в которые раз за разом утыкались его подчиненные, выводили его из себя. Лейси в сотый раз вглядывалась в фотографию одного из домов судьи Макдоувер, не зная, какой от нее может быть прок. Хьюго, по своему обыкновению, потягивал взбадривающий напиток и боролся с дремотой. Сейделл не отрывалась от ноутбука, охотясь за неуловимыми фактами.

— У нас ничего нет, — подытожил Майкл. — Четыре кондоминиума, принадлежащие оффшорным компаниям, а те и вовсе неизвестно кому, прячущемуся в густой тени и не подлежащему опознанию. При необходимости судья Макдоувер, пользуясь помощью своих юристов, будет попросту отрицать, что они принадлежат ей, или в крайнем случае объявит их инвестиционным приобретением. В таких инвестициях есть, конечно, что-то нечистое, при ее скромном заработке, но нарушением судейской этики их вряд ли назовешь. Не стану вам напоминать, что у нее хватит юридического таланта, чтобы оставаться судьей еще десяток лет. Нет, нам нужно гораздо больше грязи.

— Ну, нет, в гольф я больше не играю, — заявил Хьюго. — Совершенно бессмысленная трата времени!

— Ладно, виноват, — согласился Майкл. — У кого есть более светлые мысли?

— Мы не опускаем руки, Майкл, — заговорила Лейси. — Того, что мы раскопали, достаточно для заключения, что Грег Майерс не врет или почти не врет. Теперь уже нельзя дать задний ход.

— Я этого и не предлагаю, во всяком случае, пока. Но у нас есть всего три недели. После этого мы либо предъявляем Макдоувер иск, либо уведомляем Грега Майерса, что, исходя из собранных нами сведений, эта жалоба не имеет судебной перспективы. Думаю, все мы с этим не согласны: имеет! Значит, будет иск, потом повестки с целью получить ее судебные дела. Судья, конечно, спрячется за стену из адвокатов и станет опротестовывать каждый наш запрос. Допустим, мы все-таки получим ее дела — и прежние, и нынешние. Будем требовать ее личные финансовые счета, если у нас не появится оснований подозревать ее в хищении, подкупе или растрате.

— Мы знаем свои полномочия, — сказал Хьюго.

— Еще как знаем, Хьюго! Я просто прошу немного меня потерпеть. Я пытаюсь осмыслить наше положение. Я — босс, мне можно. Или тебе снова захотелось на гольф?

— Только не это!

— Любой, кому хватает хладнокровия, чтобы орудовать под прикрытием таких хитроумных оболочечных компаний, додумается не хранить свою бухгалтерию в легкодоступном месте.

Лейси и Хьюго послушно кивали: они терпели своего босса, как он велел.

Наступила тишина. Майкл все расхаживал и чесал затылок. Хьюго пытался прищипорить свою мозговую деятельность при помощи сильнодействующего тонизирующего напитка. Лейси уткнулась в блокнот, напряженно размышляя. Тишину нарушал только стук клавиш — это мучила свой ноутбук Сейделл.

— А вы чего помалкиваете, Сейделл? — обратился к ней Майкл.

— Мне что, я простая помощница, — отозвалась она и, кашлянув, продолжила: — Я нырнула на глубину одиннадцати лет и просмотрела тридцать три строительных проекта в округе Брансуик: поля для гольфа, торговые центры, жилые комплексы, мини-молл в Си-Столле, даже кинотеатр-мультиплекс на четырнадцать залов. Многие связаны с багамской «Найлан Тайтл», но, помимо нее, есть еще десятки оффшорных компаний, владеющих другими оффшорными компаниями, а еще там фигурируют компании с ограниченной ответственностью, принадлежащие иностранным корпорациям... Лично я думаю, это явно указывает на чьи-то старания держать все в тайне. Чую запашок! Никогда не видела, чтобы столько оффшорных компаний проявляли такой острый интерес к захолустью вроде округа Брансуик. Я сравнила его с другими округами флоридского «отростка» — с Окалусой, Уолтоном, даже Эскамбией, к которой относится Пенсакола. Всюду строят гораздо больше, чем в Брансуике, но при участии куда меньшего числа оффшоров, чем в нем одном.

— Что там с этой «Найлон Тайтл»? — поинтересовался Хьюго.

— Ничего. Законы и правила на Багамских островах совершенно непроницаемы. Без ФБР с этим не разобраться.

— ФБР мы пока не привлекаем, — напомнил Майкл. — Вы давно не говорили с Майерсом? — спросил он Лейси.

— Давно. Мы разговариваем только тогда, когда возникает охота у него самого.

— А пора бы! Самое время предупредить мистера Майерса, что его

жалоба под угрозой. Если мы не получим новой информации, причем быстро, то как бы не пришлось ее похоронить.

— Вы серьезно? — вскинула голову Лейси.

— Пока еще нет. Но на него нужно надавить. Он — единственный, кто располагает инсайдом.

Чтобы Майерс откликнулся, потребовалось два дня звонить на три разных сотовых номера. Когда он наконец удосужился перезвонить, Лейси показалось, что он рад слышать ее голос. По его словам, он сам уже подумывал о новой встрече, потому что располагал свежей информацией. Лейси попросила его назначить более удобное место. Сент-Огастин, конечно, полон очарования, но до него им три с половиной часа езды. У них напряженный график, а у него, видимо, нет. По очевидным причинам Майерс предпочитал держаться подальше от «отростка». Его слова «у меня там полно врагов» прозвучали почти как похвальба. Сошлись на Мехико-Бич — городке на берегу Мексиканского залива, к юго-востоку от Таллахасси, в двух часах езды.

Встретились в местной забегаловке у пляжа, заказали креветки на гриле. Майерс стал подробно описывать свои рыбацкие достижения в водах Белиза и ныряние с аквалангом на британских Виргинских островах. Он еще сильнее загорел и немного похудел. Хьюго уже не в первый раз поймал себя на зависти к его беззаботному образу жизни: яхта, отсутствие финансовых проблем... Возможность пить пиво из холодной запотевшей кружки тоже вызывала у Хьюго зависть. Лейси это чувство было чуждо, Майерс ее все больше раздражал. На его приключения ей было искренне наплевать. Ей требовались факты, подробности, доказательства достоверности его иска.

— Как продвигается расследование? — спросил Майерс с набитым ртом.

— Еле-еле, — ответила Лейси. — Босс на нас давит: хочет больше грязи, иначе отправит вашу жалобу в утиль. Часы-то тикают.

Он перестал чавкать, вытер тыльной стороной ладони губы и снял темные очки.

— Какой утиль?! Зря я, что ли, поклялся? В собственности Макдоувер четыре кондоминиума, полученные в качестве взятки.

— Как это доказать, когда все зарыто в оффшорах? — вступил в разговор Хьюго. — Мы уперлись в толстую стену. Вся бухгалтерия на Барбадосе, Большом Каймане, в Белизе, по всей карте оффшоров. Сколько ни забрасываем удочку — никакой поклевки. Показать под присягой, что

она хозяйка компаний, владеющих кондоминиумами, — это только половина дела. Теперь надо это доказать, Грег.

Майерс улыбнулся, хлебнул пива и сообщил:

— Доказательства есть. Подождите.

Лейси и Хьюго удивленно переглянулись. Грег подцепил вилкой еще одну креветку, окунул ее в соус и отправил в рот.

— Вы не будете есть?

Юристы принялись без всякого аппетита тыкать пластмассовыми вилками в свои тарелки. Майерс, похоже, сильно проголодался, его мучила жажда, но, кроме того, он явно тянул время. За соседний столик села странная пара — так близко, что серьезный разговор стал невозможен. Когда официантка принесла Майерсу вторую кружку пива, пара удалилась.

— Сколько еще ждать? — не выдержала Лейси.

— Я готов. — Грег сделал еще глоток и снова вытер рот. — В первую среду каждого месяца судья уезжает из своего офиса в Стерлинге на час раньше обычного и едет двадцать минут в один из своих кондо на «Рэббит Ран». Оставляет свой «лексус» на подъездной дорожке, идет к двери. Две недели назад на ней было синее платье без рукавов и туфли от Джимми Чу, в руках сумочка «Шанель», та же, с какой она уехала с работы. Подойдя к двери, Макдоувер отперла ее своим ключом. Доказательство владения номер один. У меня есть фотографии. Примерно через час рядом с «лексусом» остановился «мерседес»-внедорожник, с переднего пассажирского места вылез мужчина. Водитель остался сидеть. Пассажир направился к двери дома. У меня есть и его фотографии. Да, леди и джентльмены, наконец-то мы можем полюбоваться на неуловимого Вонна Дьюбоза! В руках у него была набитая чем-то коричневая кожаная сумка. Нажимая на звонок, он смотрел по сторонам с совершенно беззаботным видом. Дьюбоз пробыл внутри тридцать шесть минут. Вышел с той же самой сумкой, но, судя по тому, как он нес ее теперь, она изрядно полегчала. Но это только догадка. Дьюбоз снова сел в машину и уехал. Через четверть часа так же поступила и Макдоувер. Эти встречи происходят, как я сказал, по первым средам каждого месяца. Можно предположить, что договоренность об этом графике жесткая и не требует специальных звонков и мейлов.

Майерс отодвинул свою тарелку, в которой не осталось креветок, выпил еще пива и достал из своей неизменной оливковой сумки две неподписанные папочки. Оглядевшись, он отдал одну Лейси, другую Хьюго. Все фотографии в папках оказались крупными, восемь на десять дюймов, цветными, сделанными, как видно, с противоположной стороны

улицы. На самой первой был снятый сзади «лексус» с легко читаемым номерным знаком.

— Я уже проверил, — сообщил Грег. — Машина зарегистрирована на нашу подругу Клаудию Макдоувер. Это редкий случай, когда судья не постеснялась. Приобретена новой в прошлом году в салоне в Пенсаколе.

На второй фотографии была сама Клаудия в больших темных очках, снятая почти в полный рост. Взглянув на ее четырехдюймовые каблуки, Лейси спросила:

— Откуда вы знаете модель ее туфель?

— От «крота», — лаконично ответил Майерс.

На третьей фотографии Клаудия стояла спиной к камере, отпирая дверь — наверное, ключом, хотя в кадр он не попал. На четвертой красовался припаркованный за «лексусом» черный «мерседес», тоже с читаемым номерным знаком.

— Зарегистрирован на человека, проживающего в многоквартирном кондоминиуме под Дастином. Владельца зовут не Вонн Дьюбоз, что неудивительно. Раскопки продолжаются. Взгляните на пятый снимок.

На пятом снимке был сам гость — приятного вида, загорелый флоридский пенсионер в рубашке и брюках для гольфа, с золотыми часами на левом запястье.

— Насколько я знаю — про материалы ФБР мне ничего не известно, но, подозреваю, там пусто, — это единственная фотография Вонна Дьюбоза.

— Кто это снимал? — поинтересовалась Лейси.

— Человек с камерой. Есть еще видео. Как видите, «крот» находчив.

— Нам нужно больше! — Лейси сердито сверкнула глазами. — Мы поняли, что за Макдоувер ведется наблюдение. Кто его ведет? Продолжается игра в кошки-мышки, и мне надо знать, в чем ее причина.

Майерс по привычке — это тоже бесило Лейси — огляделся, удостоверился, что все чисто, и снова снял темные очки.

— Сведениями меня снабжает посредник, чьего имени я вам не назову. Он имеет дело с «кротом», имени которого я сам не знаю и не уверен, что хочу знать. Когда у «крота» появляется важная информация, посредник находит меня и делится информацией. От меня она переходит к вам. Если вам не нравится такая схема, мне очень жаль, но прошу не забывать, что «крот», посредник, я, мы и вообще любой, замешанный в эту историю, может в один прекрасный день схлопотать пулю промеж глаз. Мне не важно, доверяете вы мне или нет. Мое дело — снабдить вас информацией, с помощью которой вы сможете прищемить хвост судье Клаудии Макдоувер.

Чего вам еще? — Майерс приложился к пивной кружке. — Вернемся к фотографии номер пять. Мы не знаем, кто это, но давайте предположим, что это и есть Вонн Дьюбоз. Обратите внимание на его сумку. Большая, из коричневой кожи, довольно потертая — или это мода такая? Не какой-нибудь портфельчик на пару папочек. Нет, здесь лежит что-то весомое. Что же? Наш источник сообщает, что Макдоувер и Дьюбоз встречаются в первую среду каждого месяца для некоего обмена. Зачем Дьюбозу, одетому как гольфист, такая большая сумка в это время суток? Он что-то привез — или у вас есть другой ответ? Перейдем к шестой фотографии. Она сделана через тридцать шесть минут после пятой. Тот же человек, та же сумка. Если изучить видео, можно прийти к выводу: то, как герой движется, доказывает, что сумка значительно полегчала. Как ваше мнение?

— Выходит, раз в месяц он привозит судье ее долю, — заключила Лейси.

— Долю не долю, но что-то привозит.

— Когда сделаны снимки? — осведомился Хьюго.

— Двенадцать дней назад, третьего августа.

— Можно как-нибудь установить, действительно ли это Вонн Дьюбоз? — спросила Лейси.

— Я таких способов не знаю. Дьюбоза никогда не арестовывали. У него нет криминального прошлого. Что с чем сличать? На жизнь он тратит только наличные. На него работают всевозможные подручные и партнеры, сам он не оставляет следов. Мы кое-где копнули, как, уверен, и вы, и что же? В стране не существует ни водительского удостоверения, ни номера социального страхования, на паспорта на имя Вонна Дьюбоза. Как мы видим, у него есть водитель. Кто его знает, вдруг он преспокойно живет под именем какого-нибудь Джо Блоу и имеет безупречные документы?

Майерс извлек из своей сумки фокусника очередные две папочки и сунул одну Хьюго, другую Лейси.

— Что это? — спросила та.

— Подробности путешествий Макдоувер за последние семь лет. Даты, маршруты, наем самолетов и все такое прочее. Почти всегда ее сопровождает подруга, Филлис Турбан, это она арендует самолеты и оплачивает счета. Она же снимает при необходимости номера в отелях. Все детали на ней. От имени самой Макдоувер не делается ничего.

— Почему это так ценно? — поинтересовалась Лейси.

— Само по себе это, может, и не ценность, зато подтверждает, что две эти пташки высокого полета тратят прорву денег, мотаясь по стране и скупая на грязные деньги ценности. Зарплат их обеих не хватило бы на

одну заправку для реактивного самолета. Судейская зарплата не составляет тайны. Могу себе представить, сколько зарабатывает Турбан — гораздо меньше Макдоувер. Возможно, когда-нибудь придется стряпать иск на сопоставлении заработков и расходов, поэтому я собираю всю грязь, какую только могу наскрести.

— Ройте, ройте, — сказал Хьюго. — Без вашей помощи нам не обойтись.

— Уверен, ваша угроза отправить мою жалобу в корзину была несерьезной. Взгляните на эти снимки! Как можно сомневаться, что дом ее, когда судья ездит туда уже не меньше семи лет, да еще имеет ключ? Дом зарегистрирован на оболочечную компанию в Белизе и стоит на сегодняшнем рынке не меньше миллиона.

— Она когда-нибудь там ночует, принимает гостей? — спросила Лейси.

— Не думаю.

— Я проверял на той неделе, — сообщил Хьюго. — Играл в гольф и фотографировал с лужайки.

Майерс бросил на него любопытный взгляд.

— Что же вы разведали?

— Совершенно ничего. Напрасная трата времени. Как и игра в гольф.

— А вы попробуйте рыбалку. Это гораздо интереснее!

Лейси досматривала фильм с Гэри Грантом и красила ногти на ногах, когда ей позвонили с неизвестного номера. Предчувствие, что это Майерс, не обмануло.

— Экстренная новость! — начал он. — Завтра пятница.

— Как вы догадались?

— Терпение. Похоже, наши девочки собрались в Нью-Йорк. Клаудия сядет в самолет в аэропорту Панама-Сити в полдень, хотя точное время не имеет значения: когда арендуешь самолет, можно вылететь когда хочешь. «Лир-60», бортовой номер N38WW, собственник и распорядитель — чартерная компания из Мобила. Думаю, ее подруга-адвокат будет уже на борту, и полетят они в Нью-Йорк, играть и развлекаться. Наверное, возьмут с собой кучу живых денег для серьезного шопинга. На случай, если вы не в курсе: на частные реактивные самолеты почти не распространяются правила безопасности. Никаких просвечиваний багажа и личных досмотров. Наверное, умники из внутренней безопасности считают, что богачам не придет в голову взорвать в воздухе собственный самолет. Так что если у вас возникнет мысль перевезти в пределах национальной

территории сто фунтов чистого героина — счастливого пути!

— Интересно, нам-то что с того?

— На вашем месте — если у вас, конечно, нет на завтра более интересных планов — я бы отправился в терминал общего назначения — он называется «Галф Авиэйшн» — и сам на это взглянул. Хьюго я бы оставил сидеть в машине: в чартерном бизнесе темнокожие наперечет, он бы привлек внимание. Пусть, сидя в машине, не теряет времени зря, а делает фотографии. Кто знает, вдруг Филлис отлучится из самолета по-маленькому? Так можно много узнать и заодно посмотреть, с кем вы имеете дело.

— Я не вызову подозрений? Не буду слишком бросаться в глаза?

— Дорогая Лейси, вы всегда бросаетесь в глаза: слишком уж вы хороши собой. Наденьте джинсы, зачешите назад волосы, примерьте другие очки. Все будет хорошо. Там есть зал отдыха с журналами и газетами, где всегда сидит народ. Спросят — отвечайте, что кого-то встречаете. Вход туда свободный, вы ничего не нарушите. На вашем месте я бы хорошенько разглядел Клаудию: во что она одета, а главное, что берет с собой. Набитых деньгами карманов ждать не приходится, а вот лишнего багажа — вполне. Это больше забава, конечно, но не худший способ провести время. Лично я воспользовался бы шансом задеть плечом женщину из Флориды, которая на самом деле является самым коррумпированным судьей во всей американской истории! И скоро будет красоваться на всех обложках. Пока она этого не знает — действуйте.

— Что ж, попытаемся.

Глава 11

Судья Макдоувер остановилась неподалеку от «приуса» Лейси, в котором не очень-то удобно устроился Хьюго, прятаясь за газетой и державший наготове фотоаппарат. К его зряшной коллекции бесполезных снимков дома рядом с полем для гольфа теперь добавились фотографии самолета «Лир-60» на летном поле. Пока Клаудия катила свой небольшой чемоданчик через стоянку к дверям «Галф Авиэйшн», он щелкал ее спину. Для своих 56 лет она была стройной женщиной, сзади ей можно было дать лет на двадцать меньше. Он даже был вынужден признать, что с этого ракурса она выглядит лучше Верны, которая после четвертых родов набрала вес и мечтала похудеть. Он все чаще ругал себя за манеру заглядываться на попки стройных женщин вокруг.

Когда Клаудия исчезла внутри терминала, Хьюго отложил фотоаппарат и газету и уснул.

Годы председательства на уголовных процессах научили Клаудию Макдоувер мыслить как подозреваемая. Она все замечала: и черного мужчину в пассажирском кресле «тойоты», читавшего газету, что выглядело в полдень довольно странно, и красивую рыжую дежурную за центральной стойкой, встретившую ее широкой улыбкой, и торопливого бизнесмена в темном костюме, определенно опаздывавшего на рейс, и привлекательную молодую женщину на диване, листавшую «Вэнити Фэйр», — Клаудии показалось, что она здесь чужая. Оглядев за доли секунды зал, судья пришла к выводу, что угрозы нет, и сразу стерла из памяти все лица. В ее мире любой телефон мог подслушиваться, любой незнакомец мог за ней следить, любое письмо могло быть перлюстрировано, любая электронная почта — вскрыта. Но Клаудия не страдала паранойей и не жила в страхе. Она просто соблюдала осторожность, которая за годы практики превратилась в ее вторую натуру.

Молодой человек в новенькой форме назвался одним из пилотов и взял у нее чемодан, рыжая красotka нажала кнопку, двери разъехались, и Клаудия покинула терминал. Такие мгновения, пусть в них не было драматизма, пусть они оставались невидимыми миру, доставляли ей наслаждение. Пускай остальные выстаивают бесконечные очереди, ждут рейсов, которые могут задержаться или вообще отмениться, пусть потом загружаются, как скот, в плохо убранный самолет с узкими для

современных американских задов креслами. Она, судья Клаудия Макдоувер из 24-го судебного округа Флориды, тем временем проследует, как королева, в свой частный самолет, где ее ждет шампанское со льдом, вовремя вылетит и обойдется без промежуточных посадок.

В самолете ее встретила Филлис. Когда летчики пристегнулись и стали готовиться к взлету, Клаудия поцеловала ее и сжала ей руку. После взлета, когда самолет набрал высоту 38 тысяч футов и лег на горизонтальный курс, Филлис откупорила бутылку «Вдовы Клико», и они, как всегда, выпили за процветание племени таппаколов.

Они познакомились на втором курсе юридического факультета университета Стетсон и удивились тому, насколько похожи. Обе отходили после своих ужасных первых замужеств. Обе ошибочно избрали юридическую стезю. Клаудия, растоптанная и уничтоженная мужем и его злобными адвокатами, вынашивала месть. В приговоре суда, разведшем Филлис с мужем, содержалось требование к бывшему оплатить продолжение ее образования. Она выбрала медицину, добросовестно готовилась, но провалила вступительный экзамен. Тогда наступил черед юриспруденции, позволявшей еще три года потом тянуть с экс-мужа деньги на аспирантуру. Они с Клаудией стали украдкой встречаться на третьем курсе, но после выпуска их пути разошлись. Рынок труда был слабым, тем более для женщин, и привередничать не приходилось. Клаудия поступила в маленькую фирму в маленьком городе. Филлис работала государственным защитником в Мобиле, пока не устала от уличных преступников и не нашла убежище в частной офисной практике. Теперь, когда индейцы сделали их богатыми, они стильно и эффектно путешествовали, жили роскошно, хотя могли бы позволить себе гораздо больше роскоши, и строили планы окончательного бегства, еще не зная, правда, куда сбегут.

Допив шампанское, обе уснули. Вот уже семнадцать лет Клаудия исправно тянула судейскую лямку, потому что должна была переизбираться. Филлис тоже прилежно трудилась в своей маленькой компании. Обе мучились недосыпом. Через два с половиной часа после вылета из Флориды они приземлились в аэропорту Тетерборо, штат Нью-Джерси, к которому было приписано больше частных самолетов, чем к какому-либо еще аэропорту мира. Оттуда их тут же увез большой черный автомобиль. Уже через двадцать минут они оказались в своем здании в Хобокене — новом стеклянном небоскребе на Гудзоне, напротив финансового района. С их четырнадцатого этажа открывался захватывающий вид на Нижний Манхеттен, до статуи Свободы рукой подать. В просторной квартире был строгий минимум мебели. Это

являлось вложением, а не жильем, активом, который они собирались скоро сбыть с рук. Собственность была, разумеется, оформлена на оффшор — на сей раз зарегистрированный на далеких Канарских островах.

Филлис наслаждалась игрой в заморские юрисдикции и постоянно перемещала по миру их деньги и компании, подыскивая самый удобный налоговый рай. Со временем она стала опытейшим экспертом по сокрытию денег — естественно, своих и Клаудии.

Когда стемнело, женщины натянули джинсы, заказали машину и покатали в Сохо, ужинать в маленьком французском бистро. Потом, сидя в полутемном баре, они снова пили шампанское и, хихикая, рассуждали о том, какой длинный путь проделали — не только по расстоянию, но и в жизни вообще.

Армянина звали Папазян — они никогда не уточняли, фамилия это или имя. Какая разница? Их дела были окружены тайной, стороны не задавали вопросов, так как не нуждались в ответах. В десять часов утра в субботу он позвонил в их дверной звонок и после положенных любезностей открыл свой чемоданчик. На темно-синий бархат, расстеленный на столике, лег его товар: бриллианты, рубины, сапфиры. Филлис, как водится, подала ему двойной эспresso, и он стал, попивая кофе, описывать каждую драгоценность. За четыре года они убедились, что Папазян предлагает только самое лучшее. У него имелся магазин в деловом центре, где они когда-то познакомились, но он был рад являться с товаром на дом. Он не знал, кто они и откуда. Его интересовал только факт приобретения и наличные деньги. Меньше чем за час они отобрали горсть лучшего товара — «переносное богатство», как называла это Филлис, — и отдали продавцу деньги. Папазян медленно пересчитал сотенные купюры, в общей сложности 230 тысяч долларов, что-то бормоча на родном языке. Все остались довольны. Он допил вторую чашечку кофе и откланялся.

Грязная работа была сделана, теперь можно было расслабиться. Девочки оделись, заказали машину и покатали в город. Они купили туфли в «Барнис», долго обедали в «Ле Бернардин», потом забрели в «бриллиантовый квартал», где заглянули в свой излюбленный магазин, чтобы приобрести за наличные новые, не предназначенные для обращения золотые монеты: южноафриканские крюгеррэнды, канадские «кленовые листья» и американские «орлы» — для помощи отечественной экономике. Все за живые деньги, без чеков и квитанций, не оставляя следов. Магазинчик был крохотный, но с целыми четырьмя камерами наблюдения; когда-то это их настораживало. Наблюдение было им совершенно ни к

чему; но со временем они перестали тревожиться. В их бизнесе всегда существовали опасности. Фокус заключался в том, чтобы выбрать приемлемый риск.

Субботний вечер женщины посвятили мюзиклу на Бродвее и ужину в «Орсо» — увы, в этот раз поглазеть на знаменитостей в прославленном ресторане не удалось. В первом часу ночи улеглись, довольные успехом очередной отмывки. Воскресным утром, вдоволь навалявшись, они упаковали свои трофеи и коллекцию новых туфель, обошедшуюся в целое состояние, и вернулись в Тетерборо, чтобы улететь тем же реактивным самолетом к себе на Юг.

Глава 12

Хьюго запаздывал. Дожидаясь его, Гейсмар разглядывал новые фотографии и данные о поездках, а Лейси отвечала на электронные письма.

— Как ты думаешь, почему глубина поиска — только семь лет? — спросил он.

— Понятия не имею. Майерс тоже не знает, но предполагает, что именно тогда завелся «крот». «Крот» — близкий к Макдоувер человек; наверное, раньше он/она был от нее далек.

— Зато мы можем сказать со всей определенностью, что он/она несет расходы. Трудно поверить, что такие фотографии можно было сделать из окна автомобиля. Скорее всего, фотограф находился внутри одного из кондоминиумов.

— Там напротив их целых четыре, — напомнила Лейси. — Два сдаются по тысяче долларов в неделю. Будем считать, что он/она снял один и приготовил камеру, точно зная время приезда Макдоувер и Дьюбоза. Вполне профессиональная разведывательная операция.

— Согласен. Майерс знает, о чем говорит. Эти ребята делают грязные дела. Не уверен, что нам удастся это доказать, но улики становятся все внушительнее. Что скажет Макдоувер, если все это ей предъявить?

— Скоро увидим и услышим.

Дверь распахнулась, вбежал Хьюго.

— Извините за опоздание. Опять выдалась бессонная ночь. — Он кинул на стол портфель и вцепился зубами в край высокого стакана с кофе. — Я бы раньше приехал, но меня задержал разговор по телефону с человеком, отказавшимся себя назвать.

Гейсмар выжидающе кивал, держа перед собой один из снимков.

— Давай, выкладывай! — поторопила Хьюго Лейси.

— Первый звонок был в пять утра, рановато, но я уже бодрствовал. Звонивший сказал, что работает в казино и может рассказать кое-что любопытное. Знает, мол, что мы занимаемся племенем и судьей, и может нам помочь. Я попробовал поднажать, и он повесил трубку. Час назад он перезвонил с другого номера и сказал, что хочет встретиться и обсудить условия. На мой вопрос, что за условия, он не ответил ничего определенного. Совершаются, говорит, всякие темные дела, как бы все не взорвалось. Он принадлежит к племени, знает вождя и тех, кто управляет казино, и не хочет захлебнуться в дерьме, когда струя ударит в вентилятор.

Хьюго излагал все это, бегая по комнате — такую завел в последнее время привычку. Сесть значило бы тут же начать клевать носом.

— А что, любопытно... — протянула Лейси.

Гейсмар опустил в свое вращающееся кресло и заложил руки за голову.

— Больше ничего?

— Нет. Он хочет встретиться сегодня вечером. Говорит, что работает в позднюю смену, освобождается только после девяти.

— Думаешь, это не развод? — спросил Гейсмар.

— Пока непонятно. Он нервничал, звонил с разных телефонов — скорее всего, одноразовых. Повторял про необходимость секретности, интересовался, как мы сохраним в тайне его личность. По его словам, коррупция многим осточертела, но заговорить мало кто осмелится.

— Где он предлагает встретиться? — спросила Лейси.

— Он живет недалеко от казино, в резервации. Обещал выбрать место для встречи и позвонить, когда мы будем подъезжать.

— Надо соблюдать осторожность, — сказал Гейсмар. — Вдруг это ловушка?

— Не думаю, — возразил Хьюго. — У меня было впечатление, что я говорю с человеком, нуждающимся в помощи и готовым помочь.

— Что у тебя за сотовый?

— От КПДС. Я знаю правила, босс.

— Как же он тогда добыл твой номер? — поинтересовался Гейсмар. — Кому в рамках этого расследования вы оба сообщали ваши номера?

Хьюго и Лейси, глядя друг на друга, напрягли память.

— Майерсу, Джуниору Мейсу, тюремному начальству, Уилтону Мейсу, Элу Беннету — это адвокат, соперничавший с Макдоувер пять лет назад, Нейлору из комиссии по азартным играм, — перечислила Лейси. — Кажется, все.

— Да, больше никому, — подтвердил Хьюго. — По дороге на работу я тоже задал себе этот вопрос.

— Достаточно для утечки, — подытожил Гейсмар.

— Никто из этих людей даже отдаленно не связан с Дьюбозом и с коррупцией, — напомнила Лейси.

— Насколько мы знаем — никто, — сказал Хьюго.

— Хотите поехать? — спросил их Гейсмар.

— Не хотим, но поедem, — уточнила Лейси.

Гейсмар встал и подошел к узкому окну.

— Это может оказаться прорывом. Человек внутри системы!

- Уже едем, — сказала Лейси.
- Давайте! Только осторожно.

Они просидели в машине Лейси в дальнем конце стоянки казино почти до 11 вечера, дожидаясь звонка осведомителя. Был понедельник, почти мертвое время за игорными столами и игральными автоматами. Хьюго, конечно, дремал, Лейси вошла на айпаде в Интернет. В 10.56 незнакомец наконец позвонил и объяснил, куда ехать. Они проехали две мили по узкой, неосвещенной, извилистой дороге и остановились перед заброшенным железным сараем. Судя по ржавой вывеске, когда-то здесь играли в бинго. Вдалеке виднелся дом. Яркие огни «Трежеар Ки» давно померкли. Была жаркая душная ночь, полная жужжания комаров. Хьюго вылез из машины, чтобы размяться. Шесть футов два дюйма роста, двести фунтов веса и самомнение известного спортсмена делали его бесстрашным, и Лейси чувствовала себя в его компании в безопасности. Одна она бы сюда не поехала. Хьюго позвонил по самому свежему из имевшихся в его телефоне номеров, но ответа не было.

От сарая донесся шорох.

— Эй! — крикнул Хьюго в темноту. Лейси тоже вышла из машины.

— Подойдите сюда, — позвал голос. Появившийся силуэт не двигался. На мужчине была кепка, судя по огоньку, он курил сигарету. Они послушно двинулись на голос и на огонек.

— Все, стойте! — скомандовал незнакомец. — Вам не нужно видеть мое лицо.

— Надеюсь, наши лица вы видите, — сказал Хьюго.

— Там и стойте. Вы мистер Хэтч?

— Он самый.

— А женщина кто?

— Меня зовут Лейси Штольц. Мы коллеги.

— Вы не сказали, что привезете женщину.

— Вы не спрашивали, — отозвался Хьюго. — Она моя напарница, мы работаем вдвоем.

— Не нравится мне это.

— Ничего не поделаешь.

Мужчина затаился, молча их разглядывая, откашлялся, сплюнул и проговорил:

— Как я понял, вы сели на хвост судье Макдоувер.

— Мы работаем в Комиссии по проверке действий судей штата Флорида, — произнесла Лейси. — Мы не полицейские, а юристы. Наше

дело — разбирать жалобы на судей.

— По этой судье тюрьма плачет, как и по куче других... — нервно зачастил он, выпуская в сырой воздух дым.

— Вы говорили, что работаете в казино, — напомнил Хьюго.

После долгой паузы мужчина откликнулся:

— Правильно. Что вам известно о судье?

— Нам подали жалобу на должностные правонарушения, — сообщила Лейси. — Мы не имеем права раскрывать подробности.

— Правонарушения? — Мужчина нервно усмехнулся и бросил окурок. Огонек описал дугу и замерцал на асфальте. — Вы производите аресты или так, сунете нос — и назад?

— Нет, арестов мы не производим, — ответил Хьюго.

Из темноты снова донесся нервный смешок:

— Ну, тогда я зря теряю время. Мне нужны влиятельные люди.

— У нас есть полномочия проводить расследования и при необходимости лишать судей должностей.

— Судья здесь — не главная проблема.

Расследователи ждали продолжения, но собеседник молчал. Они напрягли зрение, но силуэт испарился. Сбежал! Хьюго сделал несколько шагов вперед и позвал:

— Вы здесь?

Тишина.

— Кажется, ушел, — прошептала Лейси.

Через несколько секунд Хьюго разочарованно ответил:

— Похоже, ты права.

— Мне это совершенно не нравится. Скорее уезжаем!

Они открыли дверцы машины и нырнули внутрь.

Отъезжая задним ходом, Лейси осветила фарами сарай. Там никого не было. Она выехала на дорогу и помчалась обратно к казино.

— Странно... — пробормотал Хьюго. — Так и по телефону можно было бы поговорить.

Впереди появились фары.

— Думаешь, я его спугнула? — спросила Лейси.

— Кто его знает? Если он меня не обманывал, то, наверное, хочет поделиться сведениями, от которых некоторым может не поздоровиться. Естественно, он колеблется. Наверное, перетрухнул и сбежал. — Хьюго похлопал себя по животу. — Опять ремень безопасности отстегнулся! Уже третий раз за вечер. Почему бы тебе не починить защелку?

Лейси скосила глаза вправо и хотела ответить, но тут Хьюго

пронзительно вскрикнул. С их полосы, прямо в лоб, бил ослепительный свет. Навстречу мчался пересекавший осевую линию пикап. Произошло лобовое, бампер в бампер, столкновение, от которого «приус» взлетел в воздух и развернулся на 180 градусов. Грузовой пикап, «Додж-Рам 2500» массой 6 тысяч фунтов, вдвое больше, чем у «приуса», пострадал от столкновения гораздо меньше. Он завис искореженным передом над мелкой канавой, пролежавшей вдоль узкой обочины.

Подушка безопасности из рулевого колеса выстрелила Лейси в грудь и в лицо, лишив ее чувств. Удар макушкой в потолок чуть не раскроил ей череп. Со стороны пассажира подушка безопасности не сработала. Непристегнутый Хьюго влетел в лобовое стекло, разбив его головой и плечами. Острые осколки искромсали ему лицо и распороли шею.

Асфальт был усеян стеклянным крошечным и рваными клочьями железа, правое переднее колесо пикапа отчаянно вращалось. Водитель вылез из пикапа, снял мотоциклетный шлем и перчатки и оглянулся. Рядом притормаживал еще один пикап. Водитель потянулся, потер левое колено и, прихрамывая, подошел к расплюсченному «приусу». Он увидел зажатую раскрывшейся подушкой окровавленную женщину и истекающего кровью чернокожего мужчину, на котором не было живого места. Пробыв немного времени рядом с ними, он залез во второй пикап и стал массировать себе ногу. У него шла из носа кровь. Второй водитель взялся за руль, и они медленно отъехали, не включая огней. Пикап свернул в поле и исчез из виду. Обошлось без звонка в Службу спасения.

До ближайшего жилья было полмили. Дом принадлежал семье Билл. Айрис Билл, жена и мать, услышала звук столкновения, хотя сперва не сообразила, что стряслось. Догадываясь, что событие необычное, она решила проверить, что и как, и, растолкав своего мужа Сэма, заставила его одеться и выйти на дорогу. Пока Сэм добрался до места аварии, там уже остановилась другая машина. Через несколько минут раздались сирены, подъехали две машины из полиции таппаколов с вращающимися мигалками, а потом и две машины пожарных-спасателей. Из ближайшей больницы — она находилась в Панама-Сити — почти сразу вызвали вертолет с бригадой медиков-эвакуаторов.

Хьюго извлекли наружу вместе с остатками ветрового стекла. Он был еще жив, но без сознания, пульс едва прощупывался. Чтобы отодрать переднюю дверь и вытащить Лейси, пришлось пустить в ход гидравлические домкраты. Она пыталась заговорить, но получалось одно невнятное мычание. Ее поместили в «Скорую» и отправили в клинику племени рядом с казино. Оттуда ее забрал вертолет. Перед этим она

лишилась чувств и не узнала о смерти Хьюго. В воздух она взмыла уже без своего напарника.

На месте аварии приступили к своим обязанностям полицейские: они делали фотоснимки, снимали видео, производили измерения, искали свидетелей. Таковых не обнаружилось. Грузовой пикап остался без водителя. Внутри белела раскрывшаяся подушка безопасности. Крови и других признаков ранений там не осталось, только на полу перед пассажирским сиденьем лежала разбитая бутылка из-под виски. Водитель попросту испарился. Пикап еще не увезли, а полиция уже выяснила, что его угнали за шесть часов до этого от торгового центра в Фоли, Алабама. «Приус» Лейси закрепили на платформе эвакуатора и отвезли на отстойный паркинг за зданием племенной администрации.

Тело Хьюго поместили в холодильник в подвале племенной клиники, предназначенный как раз для таких случаев. На другой стороне улицы на столе перед констеблем Лиманом Гриттом лежали найденные у Хьюго вещи: ключи на кольце, свернутые купюры, мелочь, бумажник. Сидевший напротив своего начальника сержант тоже угрюмо молчал. Обоим не хотелось брать в руки телефонную трубку.

Наконец, констебль открыл бумажник и вынул оттуда одну из визитных карточек. Зайдя в Интернет, она нашел сайт комиссии, а на нем координаты Майкла Гейсмара.

— Пусть он и звонит, — сказал констебль. — Он же знаком с мистером Хэтчем. Наверное, семью тоже знает.

— Хорошая мысль, — поддакнул сержант.

В 2.20 ночи Майкл ответил на звонок и услышал:

— Простите за беспокойство, но вы, кажется, работаете с Хьюго Хэтчем. Я — констебль племени таппаколов из округа Брансуик.

Майкл с кряхтением встал с постели. Его жена включила свет.

— Я слушаю. Что случилось?

— Произошел несчастный случай, тяжелая автомобильная авария, в ней погиб мистер Хэтч. Кто-то должен оповестить его семью.

— Что?! Вы серьезно? Не может быть! Вы кто?

— Констебль Лиман Гритт, сэр, старшее должностное лицо, отвечающее за порядок в племени. Поверьте, это серьезно. Авария произошла у нас в резервации два часа назад. Молодую женщину, Лейси Штольц, увезли в больницу Панама-Сити.

— Не могу поверить...

— Сочувствую, сэр. У него есть семья?

— Семья? Да, мистер Гритт, у него есть семья, еще какая:

очаровательная молодая жена и четверо детей. Вот такая семья...
Невероятно!

— Мне очень жаль, сэр. Вы сможете их оповестить?

— Я? Почему я? Нет, это невозможно! Откуда я знаю, вдруг это какой-то розыгрыш?

— Вы можете зайти на наш веб-сайт, сэр, и проверить, кто я такой. Или позвоните в больницу Панама-Сити. Раненая уже должна быть там. Уверяю вас, этот ужас — не выдумка. Совсем скоро какой-нибудь репортер об этом пронюхает и сам позвонит его родным.

— Ладно, ладно... Дайте немного подумать.

— Не спешите, сэр.

— А с Лейси что? Она в порядке?

— Не знаю, сэр. Она ранена, но жива.

— Понятно. Я немедленно выезжаю. Дайте мне на всякий случай номер вашего телефона.

— Разумеется, сэр. Если вам понадобится наша помощь, сразу звоните.

— Позвоню. Спасибо. Я понимаю, как несладко вам пришлось.

— Да, сэр, несладко. Можно вопрос, сэр? Вчера вечером они работали у нас в резервации?

— Да, конечно. Там, у вас.

— Можно поинтересоваться, зачем? Я ведь констебль.

— Простите, об этом потом.

Гейсмар дождался с Верной Хэтч и с детьми приезда ее матери, после чего позорно бежал. На всю жизнь с ним остались ужас, шок, боль, безумие родных, узнавших, что Хьюго уже не вернется домой, и пытавшихся убеждать друг друга, что это, конечно, ошибка, потому что попросту не может быть правдой... Он вынужден был исполнять роль бездушного мерзавца, ненавистного вестника беды — убеждать их, что нет, Хьюго и вправду мертв.

Ему еще не случалось испытывать такого душевного опустошения. Если что, в следующий раз он такого кошмара не вынесет. Уезжая перед рассветом из Таллахасси, он рыдал. До Панама-Сити он добрался в шесть утра с минутами.

Глава 13

Состояние Лейси было стабильным, но в сознание она не приходила. Первоначальный диагноз включал глубокую рану на левой стороне головы, на которую пришлось наложить 24 шва, сотрясение, повлекшее отек мозга, ссадины на лице от раскрывшейся подушки безопасности и небольшие порезы на шее, левом плече, левом локте, кисти и колене. Ей обрили голову, врачи решили минимум на сутки погрузить ее в искусственную кому. Один из них объяснил Гейсмару, что полнее оценить степень повреждений они смогут только через день-два, но на данный момент он не усматривает угрозы для жизни раненой.

Мать Лейси, Энн Штольц, приехала из Клируотер в восемь часов утра вместе с своей сестрой Труд и ее мужем Рональдом. Майкл сообщил им все, что знал, — совсем немного.

После этого он отправился в резервацию. Там он полчаса просидел в полицейском участке, дожидаясь, пока Лиман Гритт явится на работу. Констебль объяснил, что расследование аварии продолжается и что на данный момент выяснено следующее: столкновение произошло из-за того, что грузовой пикап пересек разделительную линию и столкнулся с «приусом». Пикап, зарегистрированный на жителя Алабамы, числился в угоне. Водителя не нашли; похоже, он был пьян. Никто не видел, как он покидал место происшествия, его следов не обнаружено. Подушка безопасности со стороны пассажира не раскрылась, Хэтч ехал не пристегнутый. Он получил множественные ранения, сильное повреждение головы и, видимо, умер от потери крови.

— Хотите посмотреть фотографии?

— Может быть, позже.

— А на машины?

— На них я взгляну, — согласился Майкл.

— Хорошо, сначала машины, потом я отвезу вас на место происшествия.

— Остаются вопросы, на которые нет ответа.

— Ведется расследование, сэр, — ответил Гритт. — Может быть, вы прольете нам свет на то, чем они здесь вчера занимались?

— Может быть. Только позже. Мы еще к этому вернемся.

— Расследование требует полного сотрудничества, сэр. Я должен все знать. Что они здесь делали?

— Пока что я не могу предоставить вам этих подробностей, — ответил Гейсмар, отлично понимая, что только усугубляет подозрение. Но сейчас он никому не мог доверять. — Сами видите, человек погиб в аварии при очень подозрительных обстоятельствах. Мне нужно от вас обещание, что машины останутся на охраняемой стоянке, пока их кое-кто не осмотрит.

— Кое-кто? Вы имеете в виду кого-то конкретного, сэр?

— Еще не знаю.

— Излишне напоминать вам, что это произошло на территории таппаколов, и здесь расследования проводим мы. Никто не может заглядывать нам через плечо.

— Прекрасно понимаю. Войдите в мое положение, я еще не пришел в себя. Мне нужно время на размышление.

Гритт встал и подошел к столу в углу кабинета.

— Взгляните вот на это, — предложил он.

Посередине стола лежала большая стильная дамская сумка, рядом связка ключей. В двух футах от этих предметов были выложены ключи и бумажник. Майкл подошел ближе.

— Когда есть жертвы, мы обычно собираем и переписываем их личные вещи. Я еще этим не занимался. Из бумажника я достал только визитную карточку, так я нашел вас. В сумку тоже еще не заглядывал.

— Где их сотовые телефоны? — спросил Майкл.

Гритт покачал головой:

— Телефонов не было. Мы проверили все карманы, обыскали машину. Ничего.

— Не может этого быть! Телефоны носит каждый! В телефонах записаны все недавние звонки, в том числе человеку, с которым у них была назначена встреча.

— Что за человек?

— Не знаю, клянусь! — Майкл растерянно тер себе глаза. Внезапно он ахнул. — А их служебные портфели?!

Гритт опять помотал головой.

— Никаких портфелей.

— Мне надо сесть. — Майкл упал в кресло и уставился на предметы на столе.

— Хотите воды? — предложил Гритт.

— Будьте так добры... — В портфелях должны были лежать папки, а в папках было все! Майкла затошнило: он представил, как Вонн Дьюбоз и Клаудия Макдоувер роются в бумагах. Фотографии четырех кондоминиумов, самого Вонна и Клаудии до и после их встречи, судьи,

вылетающей в Нью-Йорк, подробнейшие данные об ее поездках, копия исковой жалобы Грегга Майерса, памятки от Сейделл. Все-все!

Майкл отпил воды из бутылки и вытер со лба пот. Собравшись с силами, он встал.

— Завтра я приеду за этими вещами, — произнес он, — заодно взгляну на машины. А сейчас мне срочно нужно на работу. Прошу вас, обеспечьте неприкосновенность всех улик.

— Это наша работа, сэр.

— Если не возражаете, я заберу ее ключи.

— Не вижу препятствий.

Майкл взял ключи, поблагодарил констебля и вышел. Позвонив в офис Джастину Барроу, он велел ему немедленно ехать на квартиру Лейси и найти управляющего. Сказать тому, что произошло, и предупредить, что скоро приедет с ключами босс Лейси. Не зная кода охранной системы, они не могли обойтись без управляющего.

— Наблюдай за квартирой, пока я буду в пути. Никого не выпускай и не выпускай.

Торопясь назад в Таллахасси, Майкл уговаривал себя: похоже на то, что Лейси и Хьюго не взяли с собой на встречу служебных портфелей. Они ведь им не понадобились бы! Зачем на ночной встрече с незнакомцем портфели? Какой был бы там прок от папок с документами? С другой стороны, он хорошо знал своих сотрудников и понимал, что они, как любой исследователь и вообще любой юрист, редко совершают деловые поездки без своих неизменных портфелей. В чем заключается политика их Комиссии в отношении безопасности документации? Существует ли вообще такая политика? Поскольку все их документы были строго конфиденциальными, на практике с документами обращались осторожно и бережно. Это подразумевалось само собой, и он никогда не чувствовал необходимости дополнительно напоминать об этом своим сотрудникам.

По пути он дважды останавливался, выпить кофе и размять ноги. Чтобы не поддаваться усталости, он старался не прерывать телефонную связь. Он позвонил Джастину, находившемуся у квартиры Лейси. Внутри его не пускал управляющий, ждавший босса с ключом. Давя на газ и глотая кофе, Гейсмар общался с двумя репортерами, позвонившими в офис. Еще он позвонил Верне и поговорил с одной из ее сестер. Той почти нечего было ему сказать, чему он ничуть не удивился.

Верна находилась в спальне с двумя старшими детьми. Майклу хотелось попросить кого-нибудь поискать портфель и телефон Хьюго, но момент был неподходящий. У них и так было, о чем беспокоиться.

Секретарь устроила ему селекторное совещание с сотрудниками, и он ответил на максимум их вопросов. Шок мешал им работать, и он хорошо их понимал.

Управляющий настоял на том, чтобы войти в квартиру Лейси вместе с ними. Майкл нашел ключ от входной двери, они вошли, и управляющий быстро отключил сигнализацию. Фрэнки, французский бульдог Лейси, хотел есть и пить и от огорчения испакостил всю кухню.

— Давайте быстро! — распорядился управляющий. — Я пока что накормлю эту образину.

Пока он искал собачий корм, Майкл и Джастин сновали из комнаты в комнату. Портфель Лейси Джастин обнаружил на стуле у нее в спальне. Майкл осторожно открыл его и достал блокнот и две папки. Это были официальные папки комиссии с номером дела; внутри лежала вся ценная документация. Айфон Лейси заряжался в ванной. Они поблагодарили управляющего, вытиравшего в кухне пол и громко, так, чтобы его слышали, бранился себе под нос, и ушли, унеся с собой портфель и айфон.

Подойдя к своей машине, Майкл сказал:

— Послушай, Джастин, я не могу туда возвращаться. Я ассоциируюсь у них с этим кошмаром. Сам спроси у Верны про портфель и про сотовый, хорошо? Скажи ей, что они нужны позарез.

Майкл Гейсмар был боссом, и у Джастина не оставалось выбора.

Найти дом Хэтчей оказалось просто: помогло столпотворение вокруг. По обеим сторонам улицы выстроились машины, перед домом остались стоять несколько человек — видимо, внутри и без них было слишкомлюдно. Джастин нехотя подошел и кивнул людям перед домом. Они были вежливы, но неразговорчивы. Один, белый в белой рубашке и галстук, показался Джастину смутно знакомым. Джастин объяснил, что он коллега Хьюго по КПДС, человек в галстук назвалсЯ Томасом, сотрудником прокуратуры и однокурсником Хьюго по юридическому факультету, сохранившим с ним дружеские отношения. Джастин почти шепотом объяснил ему причину своего появления — острую необходимость найти служебный портфель Хьюго с важными документами КПДС. Томас понимающе кивнул. Не найден также полученный в Комиссии сотовый телефон. Вдруг он остался дома? Томас сказал, что вероятность невелика, и протиснулся в дом.

Из дома вышли две заплаканные женщины, ждавшие их мужчины принялись их утешать. По количеству машин у дома Джастин заключил, что дом полон убитых горем родственников и друзей.

Прошла вечность, прежде чем из дома вышел с пустыми руками Томас. Они с Джастином отошли на угол, чтобы поговорить с глазу на глаз.

— Портфель там, — доложил Томас. — Я все объяснил Верне, и она разрешила мне в него заглянуть. Как будто все на месте. Забрать портфель она мне не позволила. Я попросил ее следить за портфелем. Кажется, она поняла.

— Про ее состояние я не спрашиваю.

— Хуже не бывает. Она в спальне с двумя старшими детьми и почти не может говорить. Мать Хьюго уложили на диван. Дом полон тетушек и дядюшек. С ними врач. Ужас какой-то!

— Сотового телефона не видать?

— Нет, телефон он забрал с собой. В десять вечера он звонил жене, спрашивал, как дела. Я спросил, был ли у него личный телефон, Верна ответила, что не было. Он обходился телефоном от КПДС.

Джастин тяжело вздохнул:

— Спасибо. Будем на связи.

Уезжая, Джастин позвонил Майклу и сообщил о результатах.

Днем катафалк доставил тело Хьюго в похоронную контору в Таллахасси, где его стали готовить к погребению, хотя Верна еще не набралась духу распорядиться о деталях.

Лейси весь день продержали в реанимации. Жизненно важные органы не пострадали, врачи были довольны тем, как ведет себя ее организм. Новое сканирование мозга показало некоторое уменьшение отека. Врачи обещали вывести ее из искусственной комы через тридцать шесть или сорок восемь часов, если все пойдет хорошо. Лиману Гритту не терпелось с ней поговорить, но ему сказали подождать.

Проворочавшись всю ночь почти без сна, Майкл рано утром в среду помчался на работу, ждать Джастина. Еще досматривая поневоле ночной кошмар, он невнимательно читал про Хьюго на первой странице утренней газеты. Там было две фотографии — одна еще из тех времен, когда Хьюго играл за «Флорида Стейт», другая, в пиджаке и галстук, — с сайта КПДС. Прочитав имена его четырех детей, Майкл снова с трудом сдержал слезы. Похороны были назначены на субботу. Ему не хотелось думать об этом кошмаре.

Уже в семь утра они с Джастином отправились в резервацию. Лиман Гритт уже переписал содержимое бумажника Хьюго, пересчитал деньги, все сфотографировал. Он попросил Майкла расписаться под описью и отдал ему все вещи. Кроме них, Майкл унес сумку Лейси. Они отправились

на обнесенную забором и запертую на замок стоянку с дюжиной разбитых автомобилей. От пикапа все еще несло виски. «Приус» был поврежден несравненно сильнее, крови там было столько, что Майкл и Джастин дружно зажмурились. Это была кровь их друга, еще свежая.

— Не исключено судебное разбирательство, — весомо произнес Майкл, как будто что-то знал, хотя не знал ровным счетом ничего. — Поэтому необходимо сохранить машины именно в этом виде. Это сложно?

— Нет, конечно, — ответил Гритт.

— Страховые компании пришлют своих оценщиков.

— Нам не впервой, мистер Гейсмар.

— Вы хорошо искали сотовые телефоны?

— Как я сказал, мы все облазили и ничего не нашли.

Майкл и Джастин скептически переглянулись. Потом они попросили разрешения сделать фотографии. Гритт не возражал. Нацелкавшись, они поехали следом за констеблем на дорогу, где произошла авария. Место было удаленное, как будто специально выбранное для организации несчастного случая без свидетелей. До дома Биллов было слишком далеко, старый пустой сарай, где когда-то устраивали лотереи бинго, только подчеркивал безлюдность этого места. И больше никаких построек вокруг.

Майкл пригляделся к дорожному покрытию.

— Не вижу следов заноса, — пробормотал он.

— Их нет, — подтвердил Гритт. — Она не успела среагировать. Похоже, пикап пересек разделительную линию. — Гритт остановился посередине правой полосы. — Ее машину развернуло. Она так и осталась на своей полосе. Пикап гораздо тяжелее, он отлетел вот сюда и чуть не съехал в канаву. Он так быстро очутился на ее полосе, что она ничего не смогла сделать, чтобы избежать столкновения.

— Какая была скорость в момент столкновения? — спросил Майкл.

— Пока неизвестно. Но эксперты скоро назовут цифры, близкие к действительным.

Майкл и Джастин увидели пятна бензина и масла, осколки стекла, куски алюминия и железа. На краю асфальта, у самой обочины, темнели еще пятна — не иначе, высохшая кровь. В траве валялся окровавленный кусок ткани. Один их коллега встретил здесь смерть, другая сильно пострадала. Какое неподходящее для смерти место!

Они сделали несколько снимков и почувствовали горячее желание убраться подальше.

У Фрога Фримана была заправка с магазинчиком в двух милях к северу от Стерлинга. Жил он рядом, в старом доме, построенном еще его дедом. Он всегда был на месте. Магазинчик был всей его жизнью, поэтому он запирали его поздно, только в десять вечера. В сельском округе Брансуик жизнь замирала рано, и он вполне мог бы закрываться уже в шесть, но тогда свихнулся бы от безделья. Правда, в понедельник вечером он не сумел закрыться даже в десять: в холодильнике для пива стала подтекать вода. Фрог активно торговал пивом, чаще сильно охлажденным, поэтому поломку следовало экстренно устранить. Он всегда все делал сам. В самый разгар работы появился покупатель, которому понадобился лед, противоречный спирт и две банки пива.

Странный набор, продумал Фрог, вытирая тряпкой руки и подходя к кассе. Он торговал уже полвека и умел угадывать намерения и занятия покупателей на основании покупок. Он много чего повидал, но лед, спирт и пиво — это было что-то новенькое.

Фрога трижды грабили, причем два ограбления были вооруженные, и он давно научился сопротивляться злоумышленникам. У него имелось целых шесть камер наблюдения, четыре из которых были установлены на виду, чтобы потенциальный грабитель понимал риск, а две скрытые. Одна из скрытых камер находилась над крыльцом. Стоя перед кассой, Фрог покосился на монитор. Белый грузовой пикап, флоридские номера. Пассажир, молодой мужчина, остался в машине. У него был непорядок с носом: он зажимал его окровавленным платком. На мониторе появился водитель с пакетиком льда, пузырьком спирта и пивом. Сев за руль, он сказал что-то пассажиру и тронулся с места.

Парню разбили нос, решил Фрог и продолжил возиться с холодильником.

Аварии со смертельным исходом случались в графстве Брансуик редко. Поэтому следующим утром в маленьком кафе при магазинчике Фрога только об этом и судачили. Черного мужчину и белую женщину из Таллахасси зачем-то занесло в резервацию, где какой-то пьянчуга на краденном грузовом пикапе устроил с ними лобовое столкновение, а потом удрал. Пропал, как сквозь землю провалился. Пьяный водитель, оставивший пострадавших без помощи, скрывшийся где-то в резервации, а потом преспокойно ее покинувший, — лакомая тема для досужей болтовни, шуток и повод для сомнений.

- Он бы там и часу не прожил, — доказывал один.
- Наверное, до сих пор там кружит, — предполагал другой.
- С индейцами шутки плохи, — уверял третий.

Позже, когда добавилось подробностей, Фрог стал делать свои умозаключения. Он водил знакомство с шерифом и знал, что у того неладит с полицией таппаколов. Богатое племя отгрохало полицейский участок вдвое больше окружного, оснащенный по последнему слову техники — соседям такое и не снилось. Было бы странно, если бы таппаколам не завидовали.

Фрог позвонил Клайву Пикетту, шерифу округа Брансуик, и сказал, что располагает любопытными сведениями. Пикетт заехал к нему после окончания рабочего дня, и они вместе просмотрели видеозапись. «Глупости!» — отмахнулся сначала шериф. Вечером в понедельник в округе царил покой, как, впрочем, всегда по вечерам и по ночам; жизнь теплилась разве что в казино. Никто не сообщал о драке, нападениях, подозрительных личностях. Ничего, кроме проклятого лобового столкновения.

— Это же миль десять отсюда? — продолжил размышлять вслух шериф.

- Напрямую — да.
- Время более-менее совпадает?
- Более-менее.

Шериф поскреб подбородок, ломая голову.

— Допустим, человек с расквашенным носом сидел в угнанном пикапе. Как бы он успел удрать, поймать машину и очутиться здесь — все это за каких-то пятнадцать минут?

- Никак. Не знаю. Вы шериф, вам лучше знать.
- Может, машина была не первая попавшаяся.
- Я тоже так подумал.

Фрог согласился скопировать свою видеозапись и переслать ее шерифу по электронной почте. Они решили подумать денек-другой, прежде чем сообщать о своих выводах индейцам.

Глава 14

В среду днем Майкл собрал остаток своих сотрудников, работавших в Таллахасси. Двое расследователей из филиала КПДС в Форт-Лодердейле остались за бортом. Старшим расследователем был теперь назначен Джастин Барроу, имевший шестилетний опыт. Неделю назад он играл с Хьюго в гольф, более-менее знал содержание исковой жалобы Грегга Майерса, но не был посвящен в весь обширный заговор. У него оставались собственные служебные задачи. Мэдди Риз, не проработавшая в КПДС и года, ничего не знала про Вонна Дьюбоза, коррупцию в казино и судью Клаудию Макдоувер.

Майкл начал с Адама, то есть с Майерса, и все им выложил. Они слушали с недоверием и страхом. Они отвергали саму мысль, что босс навьючит это дело на их неокрепшие спины. Он напирал на то, что ни одно утверждение из жалобы Майерса еще не доказано и что он уверен в неспособности КПДС что-либо доказать. При этом для него было очевидно, что Лейси и Хьюго вторглись на запретную, смертельно опасную территорию.

— Эта авария выглядит крайне подозрительно. Потенциальный осведомитель заманил их в укромное место. Мы не знаем, состоялась ли их встреча, и не узнаем, пока Лейси не сможет говорить. На прямой пустой дороге в ясную погоду произошло лобовое столкновение с угнанным грузовым пикапом, водителя которого вряд ли найдут. Подушка и ремень безопасности со стороны пассажира не сработали — похоже, их намеренно вывели из строя. Исчезли выданные в КПДС телефоны наших сотрудников. Скорее всего, их забрали. Мы будем настаивать на серьезном расследовании, но надо учитывать, что мы имеем дело с племенем таппаколов, а не с нашими обычными правоохранителями.

— Вы хотите сказать, что Хьюго убили? — спросила Мэдди.

— Пока еще нет. Пока еще я просто подчеркиваю, что он погиб при чрезвычайно подозрительных обстоятельствах.

— Почему не обратиться к ФБР? Разве их юрисдикция не распространяется на территории племен?

— Распространяется. В какой-то момент мы можем к ним обратиться. Но этот момент еще не настал.

Мэдди откашлялась и спросила:

— Что теперь будет с этим делом?

— Пока оно у меня, — ответил Майкл. — Я еще не решил, как с ним поступить.

— Если хотите знать мое мнение, — не вытерпел Джастин, — это дело нам не по плечу. Лучше не соваться в это гнездо преступников, там нам живо надают по башке. Тут явно должны действовать парни с пушками и с бейджами.

— Согласен. Как говорится, умри — лучше не скажешь. Мы чувствовали опасность и хотели обнюхать углы — вдруг что-нибудь обнаружится? Учтите, исковая жалоба подана по всем правилам. Раз она поступила, у нас не оставалось выбора — пришлось ей заняться. Наверное, следовало действовать осторожнее. Я должен был запретить им ехать вечером в понедельник в резервацию.

— Должны были. Но эта парочка была не робкого десятка, — напомнила Мэдди.

Повисла долгая тяжелая пауза: они вспоминали своих коллег.

— Когда мы сможем повидать Лейси? — нарушила молчание Мэдди.

— Врачи обещают скоро вывести ее из комы. Завтра утром я поеду к ней в больницу. Если все сложится удачно, я смогу с ней поговорить. Кто-то должен сказать ей про Хьюго... Будем надеяться, что через пару дней вы тоже сможете ее навестить. Напоминаю, в субботу похороны. Идут все.

— Жду не дождусь, — буркнул Джастин.

Полицию Фоли, Алабама, уведомили, что разыскиваемый ею угнанный пикап находится на аварийной стоянке на индейской территории во Флориде. Полиция связалась с владельцем пикапа, тот со страховой компанией. Днем в среду в полицию явился человек, заявивший, что кое-что знает об угоне. Некоторым копам он был знаком: он работал частным детективом и в этом качестве был приглашен проследить за молодой домохозяйкой, заподозренной мужем в свиданиях на стороне. Частный детектив, прятаясь в своей машине на стоянке торгового центра, видел, как рядом с интересующим полицию «додж-рамом» остановился пикап «хонда». В нем были двое, они, не вылезая, четверть часа рассеянно наблюдали за машинами и за покупателями. Потом сидевший на пассажирском сиденье вышел и приблизился к «доджу». Частный детектив, заскучавший от безделья, достал сотовый и начал снимать.

Угонщик ловко открыл переднюю дверь пикапа лезвием плоского ножа — видно было, что он человек опытный, — в считанные секунды запустил двигатель и укатил. За ним стоянку покинула «хонда». На видеозаписи был ясно виден ее флоридский регистрационный номер. Обычно угоны

раскрывались гораздо туже; полиция Фоли оставила себе видеозапись и поблагодарила неравнодушного гражданина. Данный регистрационный номер числился, как оказалось, за жителем населенного пункта Дефуньяк Спрингс, округ Уолтон, что в пятнадцать милях от казино. На счету владельца, некоего Берла Мангера, был целый веер мелких правонарушений; в данный момент он был условно-досрочно освобожден от отбывания наказания. Поскольку речь шла всего лишь об угоне пикапа, а не о более тяжком преступлении, а также потому, что совершил угон житель другого штата, полиция Фоли отправила это дело в корзину для дел, руки до которых дойдут скоро — но не сейчас.

* * *

Грег Майерс и его ненаглядная яхта пришвартовались в Нейплс, Флорида. Он встречал ранний вечер на «Конспираторе», утоляя жажду и по привычке просматривая ежедневные газеты Пенсаколы, Таллахасси и Джэксонвилла. Жизнь на воде рождала чувство неприкаянности, неуверенности в завтрашнем дне. Отслеживание новостей с мест, где он жил раньше, связывало его с прошлым, с хорошими деньками; эта привычка была для него очень важна. Кроме того, в прежних пенатах у него осталось много врагов, чьи имена иногда попадали в газеты.

Сообщение о гибели Хьюго и тяжелых ранениях его напарницы Лейси Штольц в аварии поздно вечером в резервации таппаколов вызвало у него шок. По множеству причин это было ужасное известие. Предстояло тщательное расследование и неизбежные открытия. Он, как всегда, заподозрил худшее: что за аварией стоял Дьюбоз и что она на самом деле являлась совсем не тем, чем казалась.

Чем больше он читал, тем хуже себя чувствовал. Он встречался с Лейси и с Хьюго всего три раза, но успел к ним привязаться. Да что там, они его восхищали! Они были проницательны, непритязательны, преданы своей работе, не приносившей им больших денег. Из-за него они вышли на след продажной судьи и ее сообщников. Из-за него Хьюго теперь не было в живых.

Грег сошел с яхты и зашагал по пирсу. Найдя скамейку, с которой открывался красивый вид, он опустился на нее и долго сидел, кляня себя за случившееся. С скромная затея стала крайне опасной.

Глава 15

Гейсмар приехал в больницу в четверг к 8 утра и заглянул в приемную, где сидела Энн Штольц. Показания приборов вселяли оптимизм. Врачи прекратили введение барбитуратов, и Лейси медленно приходила в себя. Через полчаса медсестра сообщила Энн, что ее дочь очнулась.

— Я должен сказать ей про Хьюго, — произнес Майкл. — Побудьте с ней несколько минут, а потом зайду я.

Лейси еще не перевели из реанимации, поэтому Майкл не стал просить разрешения на посещение. Ее вид его поразил. Все лицо было одним сплошным кровоподтеком в порезах и ссадинах, распухшим так, что бедняжку было трудно узнать. Глаза превратились в щелочки, в них почти не были видны зрачки. От угла рта тянулась прилепленная пластырем к скуле эндотрахеальная трубка. Майкл осторожно дотронулся до ее руки и поздоровался.

Лейси чуть заметно кивнула и что-то пробормотала, на большее она была неспособна из-за трубки. Энн Штольц сидела рядом и утирала глаза.

— Как ты, Лейси? — задал глупый вопрос Майкл, тоже готовый разреветься. Вместо лица красавицы перед ним было кровавое месиво.

Она снова слабо кивнула.

— Я ничего не говорила, — шепотом предупредила Энн. Проскользнувшая в палату медсестра встала рядом с ней.

Майкл подошел ближе.

— У вас произошло лобовое столкновение, — заговорил он. — Ужасная авария, Лейси. — Он судорожно сглотнул, покосился на Энн и выпалил: — Лейси, Хьюго не повезло, понимаешь? Хьюго погиб.

Она жалобно застонала и сомкнула распухшие веки. Он почувствовал, как она сжимает ему руку, и, борясь со слезами, продолжил:

— Ты не виновата, понимаешь, Лейси? Совершенно не виновата.

Она снова застонала и с усилием покачала головой.

Появившийся в палате врач встал напротив Майкла и, внимательно глядя на пациентку, сказал:

— Лейси, я доктор Хант. Вы пролежали без сознания больше двух суток. Вы меня слышите?

Она снова кивнула и попробовала сделать глубокий вдох. Просочившаяся наружу слезинка задержалась на распухшей щеке.

Врач продолжил осмотр: он задавал короткие вопросы, показывал и

просил сосчитать пальцы, заставлял ее смотреть на предметы в палате. Лейси реагировала неплохо, хотя с некоторой задержкой.

— У вас болит голова?

Она утвердительно кивнула.

Доктор Хант велел медсестре принести пациентке болеутоляющее.

— Можете поговорить еще несколько минут, — сказал он Майклу. — Только не про аварию. Понимаю, с ней жаждет побеседовать полиция, но пусть наберутся терпения, это будет еще не скоро. Посмотрим на ее самочувствие через пару дней. — Он попятился от койки и молча покинул палату.

— Нам надо кое-что обсудить наедине, — обратился Майкл к Энн. — Не возражаете? Мы быстро.

Энн кивнула и вышла.

— Лейси, — начал он, — у тебя был с собой в понедельник вечером телефон от КПДС?

Беззвучное «да».

— Он пропал. Телефон Хьюго тоже не нашли. Полиция обыскала твою машину и место аварии. Всюду шарили — ничего. Не проси объяснить, я не сумею. Но если в твой телефон влезут те, кому не положено, то приходится иметь в виду, что они смогут найти Майерса.

Она попробовала расширить заплывшие глаза и подтвердила его правоту чуть заметным кивком.

— Наши техники утверждают, что твой код доступа в этих телефонах никому не взломать, но мы должны быть готовы к худшему. У тебя есть номер Майерса?

«Есть», — означал ее кивок.

— В деле?

«Да».

— Прекрасно. Мы этим займемся.

В палату заглянул еще один врач с намерением осмотреть пациентку. Майкл понял, что с него хватит, хорошенького понемножку. Он сделал то, чего больше всего опасался, и решил больше не расспрашивать ее о случившемся в понедельник вечером. Наклонившись к ней, он проговорил:

— Мне пора, Лейси. Я скажу Верне, что ты поправляешься и думаешь об их семье.

Уходя, он видел, что она снова плачет.

Через час медсестры отключили вентилирование легких и стали снимать трубки. Показания приборов были в порядке. Утром во вторник

Лейси то засыпала, то просыпалась, но к полудню беспамятство ей наскучило. Как ни слаб был ее скрипучий голос, он креп с каждым часом. Она разговаривала с Энн, с тетей Труди, с дядей Рональдом, которого раньше недолюбливала, но теперь оценила его преданность.

В реанимации было тесно, и когда состояние Лейси стабилизировалось, врачи, заключив, что опасность для ее жизни миновала, решили перевести ее в отдельную палату. Как раз в это время приехал Гюнтер, старший брат Лейси, ее ближайшая родня, не считая матери. Как всегда, о его появлении заранее оповестил его голос. Он заспорил в коридоре с медсестрой на тему о допустимом количестве посетителей в палате в конкретный момент. Правила предусматривали ограничение — три человека. Гюнтер высмеял этот пункт правил, к тому же он гнал без остановок из самой Атланты, сгорая от нетерпения повидать младшую сестренку; если медсестра недовольна, пусть вызывает охрану. На случай вызова охраны Гюнтер пригрозил вызвать своих адвокатов.

Обычно его голос предвещал неприятности, но сейчас он звучал для Лейси прекрасной музыкой. Она забылась и хотела рассмеяться, но это вызвало судорогу боли от головы до коленей.

— Вот и он, — сказала Энн Штольц.

Труди и Рональд напряглись, изготавившись к обороне.

Дверь палаты распахнулась без стука. Ворвался Гюнтер, преследуемый медсестрой. Он чмокнул мать, проигнорировал дядю с тетей и чуть не набросился на Лейси.

— Господи, сестренка, что они с тобой сотворили? — Свой вопрос он сопровождал поцелуем в лоб.

Она вместо ответа попыталась улыбнуться.

Оглянувшись, Гюнтер сказал:

— Привет, Труди, привет, Рональд. Попрощайся с Лейси, Рональд, тебе придется подождать в коридоре. Сестра Ретчед грозит вызвать охрану во исполнение дурацкого правила, действующего в этом захолустье.

Труди потянулась за своей сумочкой.

— Ну, мы пошли, — сказал Рональд. — Часа через два-три придем опять.

И они выскочили из палаты, довольные, что не задержались в обществе Гюнтера. Тот уставился на сестру Ретчед и показал два пальца.

— Мама — один посетитель, я — второй. Вы умеете считать? Законность восстановлена, теперь я попросил бы вас оставить нас в покое. Могу я поговорить с сестрой?

Сестра Ретчед тоже была рада ретироваться. Энн качала головой,

Лейси хотелось смеяться, но она помнила, как это больно.

В зависимости от времени года и даже от месяца Гюнтер Штольц принадлежал либо к десятке наиболее успешных коммерческих девелоперов Атланты, либо к пятерке спекулянтов, ближе всего подошедших к грани банкротства. В свой 41 год он уже дважды побывал банкротом и был, похоже, обречен ходить по тонкой проволоке — любимое развлечение и даже смысл жизни некоторых девелоперов. В хорошие времена, при дешевых деньгах, он всюду влезал в долги, маниакально строил и тратил так, словно этому никогда не будет конца. Когда рынок оборачивался против него, он прятался от банков и сбрасывал активы по дешевке. Середины для него не существовало, осторожность он презирал, экономию тем более. Когда все рушилось, он не переставал уповать на светлое будущее, а когда был на взлете, вспоминать тощие времена ему было недосуг. Атланта была обречена на непрерывное разрастание, и его призванием было наспиговывать ее все новыми торговыми, жилыми и офисными комплексами.

Он еще не появился в ее палате, а Лейси уже услышала важную подсказку. То, что брат приехал посуху, а не прилетел на частном реактивном самолете, свидетельствовало о том, что он переживает не лучшие времена.

Едва не касаясь носом ее лица, он проговорил:

— Прости, Лейси, что я не приехал раньше. Мы с Мелани были в Риме. Я и так очень торопился. Ну, как ты себя чувствуешь, сестренка?

— Лучше, — проскрипела она. Вероятность того, что ни в каком Риме он не был, являлась весьма высокой. Ну, любит человек бросаться именами модных городов! Мелани, его вторую жену, Лейси не выносила и, на счастье, редко видела.

— Она пришла в сознание только сегодня утром, — подсказала со своего места Энн. — Ты появился как раз вовремя.

— Ты-то как, мама? — спросил он, не оборачиваясь.

— Нормально, спасибо за вопрос. Обязательно надо было грубить Труд и Рональду?

Даже в больничной палате некуда было деться от семейной напряженности. Гюнтер повел себя необычно: набрал в легкие воздух и не стал огрызаться. Вместо этого он сказал, пристально глядя на сестру:

— Я прочел, что пишут. Какой ужас! Твой друг погиб? Не могу поверить, Лейси! Что случилось?

— Врач не разрешает ей разговаривать об аварии, — предупредила Энн.

Гюнтер посмотрел на мать и рявкнул:

— Плевать на врача! Я здесь, и если мне охота поболтать с родной сестрой, никто не смеет мне указывать, какие темы выбирать! Ну, что это было, Лейси? — вернулся он к допросу сестры. — Кто управлял второй машиной?

— Она еще не вполне пришла в себя! — взмолилась Энн. — Она с вечера понедельника лежала в коме. Пожалей ее, потерпи!

Но терпеть было не в правилах Гюнтера.

— У меня есть классный адвокат! — взревел он. — Мы засудим этого подонка, он у нас попляшет! Это же он виноват в аварии, верно, Лейси?

Энн выдохнула с максимально возможным шумом и вышла из палаты.

Лейси повозила затылком по подушке.

— Не помню... — разобрал брат ее хрип.

После этого она закрыла глаза и провалилась в сон.

За время ее сна Гюнтер вполне освоился в отдельной палате Лейси. Два кресла, тележку на колесиках, ночной столик без лампы и раскладной диванчик он расположил так, чтобы ему было удобнее работать на ноутбуке, айпаде, с двумя телефонами и с кипой бумаг. Медсестра Ретчед пыталась возразить, но быстро уяснила, что любой ее писк вызовет истощный ор и град угроз. Труд и Рональд несколько раз заглядывали в палату с намерением справиться о состоянии раненой, но тут же шарахались с ощущением, что лезут куда нельзя. В конце концов Энн сдалась: объявила в конце дня обоим своим детям, что отлучится на день-два к себе в Клируотер, но скоро вернется; если Лейси что-то понадобится, пусть звонит.

Когда Лейси засыпала, Гюнтер либо не говорил по телефону, либо выходил в коридор, либо работал, как одержимый, на ноутбуке, стараясь не нарушать тишину. Когда она просыпалась, он либо нависал над ней, либо обсуждал по телефону очередную близкую к срыву сделку. Он постоянно гонял медсестер и санитаров за кофе для него, а если те не подчинялись, то бегал вниз, в кафетерий, где кормили, по его словам, отвратительно. Осматривавшие Лейси врачи поглядывали на него с опаской, видя, что он будет только рад стычке. Никому не хотелось входить с ним в клинч.

Но на Лейси его энергичность оказывала живительное, стимулирующее действие. Он ее смешил, хотя она еще боялась смеяться. Один раз, проснувшись, Лейси увидела, что Гюнтер, стоя над ней, утирает с лица слезы.

В шесть часов заглянула сестра Ретчед с сообщением о завершении

своей смены. На ее вопрос, каковы его планы, Гюнтер сурово ответил:

— Я останусь. Не зря же здесь стоит диван. Вы дерете столько денег, что могли бы заменить его на что-нибудь поудобнее. Даже армейская койка лучше этой развалины!

— Я передам вашу претензию руководству, — пообещала медсестра. — Увидимся утром, Лейси.

— Вот стерва! — сказал Гюнтер громко, чтобы услышала медсестра, еще не до конца затворившая дверь.

На обед Гюнтер накормил сестру мороженым и десертом «джелло», а сам держал пост. Они долго смотрели сериал «Друзья». Когда Лейси, утомившись, уснула, он снова устроился в своем импровизированном кабинете и принялся без усталости рассылать электронные письма.

В палату весь вечер наведывались медсестры. Сначала Гюнтер ворчал, что они шумят, потом хорошенькая сестричка дала ему выпить снотворное, и он уgomонился. К полуночи он уже храпел, растянувшись на диванчике, который раньше поносил.

В пять часов утра Лейси зашевелилась и застонала. Она спала и видела плохие сны. Проснувшийся Гюнтер гладил ее по руке и шептал, что все обойдется, что она опомниться не успеет, как вернется домой. Лейси резко очнулась, тяжело дыша.

— Что такое? — испугался он.

— Пить! — попросила она, и он поднес к ее губам соломинку. Лейси втянула воду, он вытер ей губы. — Я его видела, Гюнтер! Тот пикап, перед самым столкновением. Хьюго закричал, я посмотрела вперед, и меня ослепил яркий свет. Это все, дальше — чернота.

— Молодец! А помнишь какой-нибудь звук? Знаешь, как при столкновении. Может, взрыв подушки, она же ударила тебе в лицо?

— Может быть. Не уверена.

— Ты видела другого водителя?

— Нет, только яркий свет. Все произошло так быстро, Гюнтер... Я не сумела среагировать.

— Еще бы, где тут успеть! Ты не виновата. Пикап пересек осевую.

— Так и было, так и было... — Лейси снова зажмурилась. Гюнтер не сразу понял, что она плачет.

— Брось, сестренка, брось!

— Хьюго ведь не умер, Гюнтер?

— Умер, Лейси. Ты должна верить, принять и перестать спрашивать, правда ли это. Хьюго больше нет.

Лейси плакала, и Гюнтер не знал, как ей помочь. При виде того, как сестра горюет о друге, у него разрывалось сердце. В конце концов она обессилела и забылась.

Глава 16

Утренняя волна — врачи, медсестры, санитары — схлынула, и Гюнтер взялся за свои сделки. Лейси с каждым часом становилось все лучше. Отек на лице спадал, хотя кровоподтеки все еще переливались различными оттенками синего спектра. Приехавший в 9 утра Майкл Гейсмар был поражен импровизированным кабинетом в ее палате. Она бодрствовала и тянула через соломинку теплый кофе.

Небритый детина в одних носках, в рубашке до колен, представился Майклу братом Лейси. Посетитель в темном костюме вызвал у Гюнтера подозрение.

— Успокойся, это мой коллега, — сказала ему Лейси.

Гюнтер с облегчением пожал Майклу руку прямо над койкой, и в палате установился мир.

— Поговорим? — предложил Майкл.

— Давай попробуем, — согласилась Лейси.

— Лиман Гритт, констебль резервации, хочет заглянуть к тебе с вопросами. Нам неплохо было бы подготовиться.

— Давай.

Гюнтер грозно глянул на Майкла, прочно обосновавшегося в палате.

— Нам надо посекретничать, — обратился к нему Майкл. — Речь пойдет о нашем расследовании.

— Я не уйду, — твердо заявил Гюнтер. — Она моя сестра, ей нужен мой совет. Я должен знать все. Понятие о конфиденциальности мне знакомо. Верно, Лейси?

Той ничего не оставалось, кроме как сказать:

— Пусть останется.

Майклу было не до споров, к тому же по виду Гюнтера становилось ясно, что он готов взорваться.

— Майерс молчит, — начал Майкл. — Я несколько раз звонил по трем номерам из твоей папки, но там только длинные гудки. Почему-то он не пользуется голосовой почтой.

— Сомневаюсь, что они его найдут, Майкл.

— Кто такой Майерс? — спросил Гюнтер.

— Я тебе потом расскажу, — сказала Лейси.

— Лучше не надо, — буркнул Майкл. — Давай вспомним вечер понедельника. Расскажи мне про встречу с осведомителем.

Лейси закрыла глаза, тяжело вздохнула и поморщилась от боли.

— Я мало что помню, Майкл, — медленно проговорила она. — Мы подъехали к казино, ждали там на стоянке. Потом проехали по какой-то темной дороге и остановились у какого-то домика... — Она надолго умолкла. Можно было подумать, что она дремлет.

— Встреча с осведомителем произошла? — спросил Майкл.

Она покачала головой:

— Не могу вспомнить, Майкл.

— Хьюго говорил с этим человеком по своему сотовому?

— Думаю, да. Как иначе? Он объяснил нам, куда ехать, где он будет нас ждать. Это я припоминаю.

— А само столкновение? Что ему предшествовало? Ты помнишь другую машину?

Лейси снова закрыла глаза, как будто память лучше работала в темноте.

— Сегодня под утро ей приснился кошмар, — встрял Гюнтер. — Проснувшись, она сказала, что видела свет фар, помнит крик Хьюго, помнит, что не успела среагировать на пикап. Помнит, что это был именно пикап. Но ни столкновения, ни грохота она не запомнила. Не помнит, как ее вытаскивали, как везли сюда, как осматривали — ничего.

Один из сотовых телефонов Гюнтера — он во всех отключил звук — завибрировал, и так настойчиво, что чуть не спрыгнул с реквизированного Гюнтером столика. Он посмотрел на телефон так, как желающий опохмелиться смотрит на холодное пиво, но богатырским усилием воли заставил себя проигнорировать звонок.

Майкл кивком пригласил его за дверь.

— Вы много разговаривали с ее врачами? — спросил он Гюнтера в коридоре.

— Мало. Кажется, я им не понравился.

Этому не приходилось удивляться.

— Они уверили меня, что к ней постепенно вернется память, — сказал Майкл. — Самый лучший способ — стимулировать ее мозг разговором. Заставлять говорить, смеяться, слушать, поскорее дать ей журналы — пусть читает. Она любит старые фильмы, смотрите их с ней. Меньше сна, больше шума — вот что ей нужно.

Гюнтер жадно впитывал каждое слово, радуясь новой ответственности.

— Я все понял.

— Предлагаю поговорить с ее врачами. Надо как можно дольше не

пускать к ней констебля. Он хочет узнать, что им с Хьюго понадобилось в резервации, а мы, если честно, не торопимся удовлетворять его любопытство. Это строго конфиденциально.

— Я не против, Майкл, но лично мне нужны подробности аварии. Все до одной. Поделитесь со мной тем, что знаете. Чую, дело нечисто.

— Чутье вас не подводит. Обуйтесь, сходим выпьем кофе.

После обеда в пятницу, пока Гюнтер расхаживал с телефоном по коридорам в отчаянных попытках спасти свои расстраивающиеся сделки, Лейси отправила мейл: «Дорогая Верна, это Лейси, с айпада моего брата. Я еще в больнице, прихожу в себя. Не знаю, с чего начать и что сказать. Не верится, что это произошло. Невероятно! Я закрываю глаза и говорю себе, что я не здесь, что Хьюго жив, что когда я проснусь, все будет хорошо. Но, очнувшись, понимаю, что произошла трагедия, что его не стало, что вашу, твою и детей, потерю не описать. Я мучаюсь не только из-за потери, но и из-за моей роли в ней. Я не помню, как все произошло, но за рулем находилась я, Хьюго сидел рядом. Сейчас это не важно, но это будет преследовать меня до самой могилы. Как бы мне хотелось увидеть тебя прямо сейчас, обнять тебя и детей! Люблю вас всех, жду не дождусь встречи. Жаль, что не буду на похоронах. Я плачу от одной мысли об этом. Я много плачу, но не столько, как ты. Сердце разрывается из-за тебя и детей, Верна. Мыслями и молитвами я с вами. С любовью, Лейси».

Минули сутки, а письмо так и осталось без ответа.

Панихида по Хьюго Хэтчу началась в два часа дня в субботу в огромном современном храме в пригороде, рассчитанном на две тысячи молящихся. Хьюго и Верна вступили в общину «Гейтвей» несколько лет назад и были не слишком активными ее членами. Почти все прихожане были афроамериканцами; здесь присутствовали многие родственники погибшего и большинство его друзей. Ближе к двум часам люди уселись и замерли, готовясь к суровому испытанию. В храме осталось не так много свободных мест.

Началось со слайд-шоу на экране за кафедрой. Под звуки печальной духовной музыки из динамиков скорбящие раз за разом убеждались в том, как рано у них забрали родственника и друга. Вот он — очаровательный малыш, вот — в начальной школе, с полубеззубым ртом, вот — блестящий игрок в победных матчах, вот в день свадьбы, вот он играет со своими детьми... Каждая из многочисленных фотографий вызывала слезы. Когда истекли первые душераздирающие полчаса, экран потух, и хоры

заполнились сотней певчих в чудесных багряных одеяниях. Они начали с тихого заунывного пения, а продолжили буйными, с топанием ног, всеми любимыми госпелами, которым подпевала вся паства.

Среди черных лиц попадались и белые. Майкл с женой сидели в первом ряду длинного широкого балкона. Озираясь, он заметил еще несколько человек из КПДС. Большинство белых выбрали балкон, как будто хотели сохранить дистанцию по отношению к шумной публике внизу. Майкл, дитя 60-х и отмены законов Джо Кроу,^[5] видел иронию ситуации: лучшие места достались черным, белым пришлось довольствоваться балконом.

После часового разогрева выступил с пятнадцатиминутной речью преподобный, умелый, умудренный опытом оратор с поставленным баритоном, посуливший утешение убитой горем семье и вызвавший новые потоки слез. Первому выступить с прощальным словом выпало старшему брату Хьюго, принявшемуся было рассказывать смешные истории из детства, но быстро сломавшемуся. Вторым оратором был его школьный тренер, белый старик, суровый и седой, расплакавшийся, как дитя, уже после трех фраз. Третьим — товарищ по команде «Флорида Стейт», четвертым — преподаватель с юридического факультета. Потом обладательница завораживающего сопрано потрясающе исполнила «Господь велик»; когда она закончила, в храме не осталось ни одной сухой пары глаз, не исключая ее собственных.

Верна, сидевшая в центре первого ряда, каким-то образом умудрялась держать себя в руках. Она была окружена ближайшей родней, по обеим сторонам от нее сидели ее старшие дети. Пиппин и годовалый ребенок находились на попечении тетки. Даже когда все остальные давали волю скорби, Верна всего лишь смотрела на гроб, стоявший в десяти футах от нее, и беззвучно утирала глаза.

По совету знакомого врача она изменила традиции и решила закрыть гроб крышкой. Рядом с ним стояло на треноге большое красивое фото мужа.

Чем дольше тянулась служба, тем чаще Майкл поглядывал на часы. В его пресвитерианской церкви служба редко продолжалась дольше двадцати минут; больше всего времени занимало венчание — целых полчаса; на панихиде, затягивавшейся дольше сорока пяти минут, присутствующие обязательно начинали переговариваться.

Но в этот день время в храме общины «Гейтвей» перестало существовать. Люди хотели в последний раз спеть и станцевать для Хьюго Хэтча, устроить ему достойные проводы. Пятым выступил кузен Хьюго,

раньше сидевший в тюрьме за торговлю наркотиками, но теперь — благодаря Хьюго — покончивший с прошлым и усердно трудившийся.

Все это было очень трогательно, но после двух часов Майкл уже сидел как на иголках. Утешало его разве что удобное мягкое сиденье и мысль о том, что не надо выходить к кафедре. Семья Хэтчей предлагала ему выступить, но Верна быстро сняла это предложение. Майкл знал, что она относится к нему сложно. По ее мнению, гибель Хьюго, случайной она была или нет, можно было бы предотвратить, если бы босс не поставил его в такое сложное положение. Старший брат Хьюго дважды звонил Майклу, удивленный миссией в резервацию поздним вечером. После первого шока у семьи появлялись вопросы, и Майкл предчувствовал неприятности.

Шестое, последнее прощальное слово прозвучало в исполнении преподобного, зачитавшего трехстраничное прославление погибшего отца, сочиненное Родериком, старшим сыном Хьюго и Верны. Тут даже Майкл Гейсмар, хладнокровный пресвитерианин, не сдержал горестных чувств.

В завершение преподобный произнес пространное благословение, а потом под хор тело Хьюго покатали по проходу. За гробом шла Верна, ведя за руки детей. Она решительно стискивала зубы, гордо запрокидывала голову, но ее щеки были мокрыми от слез. Она возглавляла семейное шествие; в этой группе почти никто не пытался справиться с горем.

Выйдя из храма, люди разбрелись по стоянке. Большинству предстояло уже через полчаса снова встретиться на кладбище и выстоять второй бесконечный душераздирающий ритуал. Того, кто был повинен в гибели Хьюго, никто ни разу не упомянул гневным словом. Конечно, никто не знал его имени. «Пьяный водитель угнанного грузового пикапа, покинувший место аварии пешком» — так звучала принятая всеми версия; раз винить было некого, в речах преподобного и ораторов не нашлось места для призывов к мести.

Когда тело Хьюго Хэтча опускали в могилу, только Майкл и еще несколько человек подозревали, что его смерть не была случайной. Неподалеку, на небольшом возвышении в глубине кладбища, стояла машина, из которой за толпой наблюдали в бинокли двое мужчин.

Глава 17

К полудню субботы у медсестер и врачей созрел план избавления от Гюнтера. План был блестящий: если его сестру перевести в другую больницу, у него не будет причин задерживаться в этой. В пятницу Лейси спросила у одного из врачей, когда состояние позволит ей вернуться в Таллахасси. Там хватало больниц, в том числе хороших, и раз она просто лежит, а не ждет операции, то почему бы ей не делать это в родном городе? Вскоре после этого разговора в палату Лейси с шумом ворвалась медсестра, разбудившая не только пациентку, но и ее брата. После этого ситуация развивалась все быстрее. Гюнтер, не стесняясь сильных выражений, потребовал, чтобы сестры и санитары проявляли уважение к личному пространству и к «простому человеческому достоинству» и отказались от привычки вламываться в палату в любое время суток. На выручку к первой медсестре поспешила вторая, но ей удалось всего лишь удвоить абсурд. Это стало сигналом для начала работы над заговором.

Примерно тогда, когда Хьюго предавали земле, Лейси покинула больницу в Панама-Сити в машине «Скорой помощи». Начался двухчасовой переезд в Таллахасси. Гюнтер тоже уехал, напоследок словесно расстреляв персонал. Он последовал за сестрой в черном «мерседесе S600» седан, взятом в лизинг за 3100 долларов в месяц. Медики из Панама-Сити потрудились, как видно, предупредить своих коллег в Таллахасси. Когда носилки с Лейси вкатили в лифт, чтобы поднять на четвертый этаж, где ее ждала отдельная палата, в кабину вошли двое плечистых охранников, свирепо глянувших на Гюнтера. Тот ответил им таким же непреклонным взглядом.

— Остынь! — шепотом попросила его Лейси.

Новая палата оказалась просторнее прежней, и Гюнтер с удовольствием принялся за перестановку, снова готовя себе рабочий уголок. После общения с докторами и медсестрами Гюнтер заявил, уставившись на сестру:

— Мы идем гулять! Как я погляжу, здешние доктора гораздо лучше тамошних. По их словам, движение — залог выздоровления. Ты же не хочешь пролежней? Ноги у тебя в порядке, пошли!

Он осторожно помог ей встать, обул в дешевые больничные тапки и подставил ей локоть. Они вышли из палаты в широкий коридор. Указав кивком на большое окно в дальнем конце коридора, он скомандовал:

- Сначала туда, потом обратно.
- Ладно, только у меня все болит.
- Знаю. Не торопись. Будешь падать в обморок, предупреди.
- Будет сделано.

Они побрели, не замечая взглядов медсестер. Сначала руки у Лейси висели, как плети, а ноги заплетались, но понемногу дела пошли на лад. От ушиба и ссадин особенно плохо слушалось левое колено. Она стиснула зубы, твердо решив поразить брата. Он держал ее крепко, внушая оптимизм. Перечить ему было бесполезно. Добравшись до окна, они повернули назад. Казалось, до палаты придется ползти добрую милю; колено болело с каждой минутой все сильнее. В палате он помог ей лечь.

— Ну вот, — сказал он довольно, — будем так тренироваться раз в час, пока не ляжешь спать. Поняла?

— Если ты можешь, значит, и я смогу.

— Умница! — Он подоткнул ее одеяло, сел на край кровати и похлопал ее по руке. — Ты с каждым часом выглядишь все лучше.

— У меня не лицо, а гамбургер, — проворчала она.

— Зато филейная часть — первая категория, пастбищный выпас. Приготовься, Лейси, теперь мы будем болтать, пока у тебя не опухнет язык. Вчера я пообщался с Майклом. Хороший человек! Он рассказал мне, что к чему. Я не знаю всего про ваше расследование, да мне и ни к чему, но того, что я знаю, мне достаточно. Знаю, что в понедельник вечером вы с Хьюго подались в резервацию, на встречу с осведомителем. Это была подстава, ловушка, в которую было опасно соваться. После того, как они заманили вас туда, на свою территорию, вы уже были их с потрохами. Авария была несчастливой. С вами нарочно столкнулся лоб в лоб человек, угнавший тяжелый пикап. Сразу после столкновения он или его сообщник обыскал твою машину и забрал оба ваших телефона и твой айпад. Потом эти подонки исчезли в темноте. Теперь их вряд ли найдут. Ты меня внимательно слушаешь?

— Вроде бы.

— Знаешь, чем мы займемся? Реконструкцией! Вот вы с Хьюго едете в резервацию: время, маршрут, что передавали по радио, о чем вы болтали. Ничего не упустим! То же самое — когда вы сидели в машине возле казино: время, разговоры, радио, мейлы и все прочее. Дальше мы поедем на встречу с осведомителем. Я стану задавать вопросы — десятки, сотни вопросов, а ты изволь на все отвечать. Так я буду тебя мучить полчаса, потом перерыв, можешь вздремнуть, если будет охота, дальше — новое путешествие в конец коридора и обратно. Как тебе программа?

— Тоска!

— Прости, детка, у тебя нет выбора. Ножки заработали, теперь включай мозги. Готова? Первый вопрос: во сколько вы выехали из Таллахасси в понедельник вечером?

Лейси зажмурилась и облизнула распухшие губы.

— Еще не стемнело. Часов в семь, наверное.

— Почему вы так долго ждали?

Она немного поразмыслила и с улыбкой закивала:

— Вспомнила! Этот тип работал до девяти. У него в казино была поздняя смена.

— Отлично. Во что ты была одета?

Лейси открыла глаза.

— Ты серьезно?

— Еще как серьезно, Лейси! Думай как следует и отвечай на мои вопросы. Это не игра.

— Кажется, я была в джинсах и в легкой рубашке. Было жарко, мы оделись кое-как...

— По какой дороге вы поехали?

— Как всегда, по федеральной автостраде номер десять. Иначе туда не доехать. С нее — на внутриштатную номер 288, десять миль на юг, левый поворот на платную трассу.

— Радио слушали?

— Оно всегда включено, но тихо. Думаю, Хьюго спал... — Лейси застонала и расплакалась, кривя распухшие губы. По ее щекам покатались слезы, и Гюнтер молча вытер их платком. — Похороны были сегодня? — спросила она.

— Да.

— Я бы хотела там быть...

— Зачем? Хьюго все равно об этом не узнал бы. Похороны — напрасная трата времени, шоу для живых, только и всего. Мертвым все равно. Сейчас норовят устраивать не похороны, а прямо какой-то праздник. Что праздновать-то? Сам мертвец в празднике точно не участвует.

— Не надо было мне об этом вспоминать.

— Да, лучше вернемся к вечеру понедельника.

Разнесся слух, что Лейси привезли обратно, и к вечеру у двери ее палаты началась толчея. Большинство посетителей были просто знакомыми, все радовались, что она идет на поправку, но медсестры казались недовольны. Гюнтер был рад пококетничать, он притягивал к себе

все взгляды, болтал, как заведенный, и воевал с медсестрами. Лейси быстро утомлялась и позволяла ему делать все, что вздумается.

Сначала она была в ужасе от одной мысли о посетителях; ей не хотелось, чтобы ее видели изуродованной. С обритой головой, со швами, кровоподтеками, заплывшими глазами и распухшими щеками она чувствовала себя экспонатом дешевого шоу уродцев. Но Гюнтер привел ее в чувство.

— Прекрати! — скомандовал он. — Все эти люди тебя любят. Они знают, что ты выжила в лобовом столкновении. Через месяц ты снова станешь красоткой, а на большинство этих бедняг никто не обернется. Будем благодарны нашим генам, детка.

К девяти часам вечера посетители разошлись, медсестры стали с облегчением наводить в палате порядок. Лейси совершенно обессилела. Пытка, которой подверг ее днем Гюнтер, затянулась на четыре часа и закончилась только с приходом друзей. Четыре часа на медленном огне с перерывами на ковыляние по коридору! На следующий день брат намечал продолжение. Сейчас он закрыл дверь, выразив сожаление, что ее нельзя запереть, чтобы никто не совал в палату нос, погасил свет и постелил себе на диване. Легкое снотворное погрузило Лейси в глубокое забытие.

Крик. Ужас в голосе, не привыкшем кричать, выражать сильные чувства. Проблема с ремнем безопасности. Хьюго жаловался на ремень. Она повернула голову, потом — крик, инстинктивно вжавшиеся в кресло широкие плечи. Фары — слепящие, прямо перед носом, никуда от них не деться... Удар, тело на долю мгновения швыряет вперед, потом отбрасывает назад. Грохот, страшный взрыв у нее на коленях, столкновение и переплетение пяти тонн стали, стекла, алюминия, резины. Сокрушительный удар в лицо — это взорвалась в футах от нее и вылетела со скоростью двухсот миль в час подушка безопасности, спасая ей жизнь, но добавляя травм. Машина вращается, на секунду подлетает в воздух, разваливаясь, разворачивается на 180 градусов. Дальше — пустота. Сколько раз она слышала от пострадавших слова: «Я ненадолго потерял сознание». Никто не знает, сколько времени длится это забытие. Но она то ли видела, то ли чувствовала шевеление. Хьюго застрял в ветровом стекле и дергал ногами — хотел то ли влезть внутрь, то ли вылезти наружу. Стоны Хьюго. И тень слева, мужская фигура, человек с фонарем нагибается и смотрит на нее. Видела ли она его лицо? Нет. Даже если бы видела, не смогла бы вспомнить. Кого она видела на пассажирском сиденье, рядом с Хьюго — его или кого-то еще? Вокруг ее машины скользила тень — или теней было две? Стоны Хьюго. Стук у нее в голове,

глаза заливает кровь. Хруст стекла под чьими-то шагами. Вспыхнувший и пропавший свет фар. Пустота. Чернота.

— Их было двое, Гюнтер. Двое.

— Ладно, сестренка. Тебе что-то приснилось, ты вся взмокла. Ты полчаса бормотала и тряслась во сне. Просыпайся, давай поговорим.

— Их было двое.

— Слышу. Проснись, посмотри на меня. Все хорошо, сестренка, это просто сон, страшный сон. — Гюнтер включил маленькую лампу на столе.

— Который час? — спросила Лейси.

— Какая разница? Тебе не надо торопиться на самолет. Полтретьего ночи. Тебе приснился дурной сон.

— Что я говорила во сне?

— Ничего внятного, только бормотание и стоны. Хочешь воды?

Лейси попила через соломинку и нажала кнопку, чтобы приподнять изголовье.

— Память возвращается, — сказала она. — Теперь я кое-что вижу. Кое-что помню.

— Молодчина! Две фигуры, говоришь? Поговорим о них. Один — это, очевидно, водитель пикапа. Второй — водитель машины, на которой они уехали. Что ты видела?

— Не знаю. Немного. Двоих мужчин. Уверена, это были двое мужчин.

— Уже что-то. Ты видела их лица?

— Нет. Ничего. Меня же только что шарахнуло. Все в тумане.

— Понятно. Где ты держала телефон?

— Как правило, на консоли, справа от руля. Не знаю точно, где он был в тот момент, но, скорее всего, там.

— А где держал свой телефон Хьюго?

— Всегда в правом заднем кармане, если на нем не было пиджака.

— Но пиджака на нем не было.

— Нет. Я говорю, было жарко, мы оделись легко.

— Значит, кто-то влез в машину и забрал телефоны. Помнишь, как это было? Кто-нибудь прикасался к тебе или к Хьюго?

Лейси закрыла глаза и покачала головой:

— Такого не припомню.

Дверь медленно открылась, в палату вошла медсестра.

— Все в порядке? У вас сильно ускорился пульс.

— Она спит, — сказал Гюнтер. — Все хорошо.

Не обращая на него внимания, медсестра дотронулась до руки Лейси.

— Как вы себя чувствуете, Лейси?

— Я в порядке, — ответила та с закрытыми глазами.

— Поспишь тут, когда вы каждый час заходите! — проворчал Гюнтер.

— На другой стороне улицы есть мотель, там вам будет удобнее, — холодно ответила медсестра.

Гюнтер не стал огрызаться, и медсестра удалилась.

Глава 18

Приехав в полицейский участок в воскресенье в пять часов, Лиман Гритт почувствовал неладное. Вождь никогда не вызывал его на встречу в такое время, к тому же темнил насчет цели вызова. Он ждал перед участком на пару со своим сыном, Билли Кэппелом. Билли, один из десяти членов Совета племени, обладал большим влиянием. Пока они здоровались, подъехал на мотоцикле председатель Совета Адам Хорн. Никто не улыбался, и, войдя в здание участка, Лиман исполнился худших подозрений. После аварии дня не проходило, чтобы ему не звонил вождь — похоже, его не устраивала работа Гритта. Должность констебля не являлась выборной, этот назначенец полностью зависел от вождя. Между ними не было близости, более того, Лиман не доверял вождю, его сыну и Хорну — но тот вообще не пользовался уважением у большинства таппаколов.

Элиас Кэппел уже шесть лет являлся вождем племени и держал его в ежовых рукавицах. Его правой рукой был сынок, Билли, левой — Хорн. Эта троица успешно переигрывала своих политических недругов и казалась неустрашимой. Они подавляли любое недовольство и осуществляли твердую власть; собственно, мало кому приходило в голову им возражать, пока казино ломилось от игроков и чеки поступали исправно.

Они собрались в кабинете Гритта, и констебль занял свое рабочее место во главе стола. Но при взгляде на них ему показалось, что под ним не мягкое сиденье, а раскаленное железо. Вождь, славившийся немногословностью и угрюмостью, сразу взял быка за рога:

— Мы хотим поговорить о расследовании случившегося вечером в понедельник.

— Остаются вопросы, на которые нет ответов, — добавил Хорн.

Лиман утвердительно кивнул:

— Так и есть. Что вы хотите узнать?

— Все! — грозно прикрикнул вождь.

Лиман открыл папку, переложил несколько бумажек и достал рапорт. Там говорилось об основных обстоятельствах аварии, марках участвовавших в ней машин, пострадавших и их ранениях, процессе спасения, смерти Хэтча. Папка достигала толщиной двух дюймов, столько там было документов и фотографий. Исключение составляла видеосъемка, присланная полицией города Фоли: в деле не было ни ее самой, ни ссылок на нее. Гритт, предвидя неприятности с вождем, вел параллельно два дела:

официальное, которое он сейчас зачитывал, и секретное, которое даже не приносил в участок. Но видео из Фоли поступило и шерифу, а значит, вождь мог быть о нем осведомлен. Его копию Гритт благоразумно хранил дома.

— Что они делали здесь, на нашей земле? — спросил вождь. Судя по его тону, это был, с его точки зрения, важнейший вопрос.

— Этого я еще не знаю. Завтра у меня встреча с Майклом Гейсмаром. На ней я надеюсь прояснить этот вопрос. Он их начальник. Я уже спрашивал, но пока что ответы неопределенные.

— Эти люди проверяют судей? — спросил Хорн.

— Совершенно верно. Это не силовая структура, просто расследователи с дипломами юристов.

— Тогда какого черта они сунули сюда свой нос? — повторил свой вопрос вождь. — У них нет права здесь распоряжаться. Тем не менее они приехали сюда — надо полагать, по какому-то делу — в понедельник ближе к полуночи.

— Я стараюсь в этом разобраться, вождь, я стараюсь! Вопросов куча, мы ищем концы.

— Ты говорил с девушкой, которая была за рулем?

— Еще нет. Я пытался, но врачи запретили. Вчера ее перевезли в Таллахасси, я съезжу туда через день-другой. Послушаю, что она расскажет.

— Ты тянешь, надо было поговорить с ней раньше, — заметил Билли. Лиман ощетинился, но призвал себя к спокойствию.

— Повторяю, к ней еще не пускают. — Обстановка накалялась с каждой минутой, и Лиман чувствовал, что добром это не кончится.

— Ты беседовал с другими людьми? — поинтересовался Хорн.

— Конечно, это часть расследования.

— С кем именно?

— Значит, так. Я несколько раз разговаривал с Гейсмаром. Дважды спрашивал его, что им здесь понадобилось, но он ничего толком не ответил. Говорил с ее врачами — тоже ничего. Обе страховые компании присылали сюда своих оценщиков для определения повреждения автомобилей, я говорил и с ними. И так далее. Всех, с кем я говорил, не упомянуть. Все это входит в мои служебные обязанности.

— Что тебе известно об угнанном пикапе? — спросил вождь.

— Ничего нового, — ответил Гритт и повторил основные сведения, не упоминая про видео из Фоли.

— О том, кто им управлял, все еще ничего не известно? —

осведомился вождь.

— Ничего не было известно до сегодняшнего утра.

Троица навострила уши.

— Выкладывай! — распорядился вождь.

— Шериф Пикетт заезжал в пятницу выпить кофе. Знаете заправку Фрога Фримана севернее Стерлинга? В понедельник Фрог не закрывал свою лавочку допоздна, то есть не то что было открыто, но и не заперто. Какой-то человек зашел купить льда. Фрога уже грабили, поэтому он установил камеры. Хотите взглянуть?

Троица дружно кивнула, хотя без особой радости. Лиман пощелкал по клавиатуре и развернул монитор. Появилось видео — тяжелый грузовой пикап, стоящий перед магазином. Из кабины вылез водитель. Пассажир прижимал к носу окровавленный платок. Водитель исчез внутри магазина, но скоро вышел. Они уехали.

— Что это доказывает? — поинтересовался Кэппел.

— Ничего, но выглядит подозрительно, учитывая время, место и то, что, кроме них, на дороге никого не было.

— Ты намекаешь, — заговорил Хорн, — что человек с разбитым носом сидел за рулем угнанного пикапа, устроившего аварию?

Лиман пожал плечами:

— Какие намеки? Это не я снял, я просто показываю это вам.

— Ты проверил регистрационный номер? — осведомился вождь.

— Да. Номер флоридский, но фальшивый. В списках не значится. Зачем вешать на машину фальшивый номер, если не затеваешь какую-то гадость? На мой взгляд, фальшивый номер превращает этих двоих в подозреваемых. Пассажиру ударила в лицо раскрывшаяся подушка, отсюда кровь. Они не сообразили запастись льдом во второй машине, той, что с фальшивым номером, которой управлял второй человек с видео. Парни удирали с места аварии, видят — лавка Фрога открыта. Они не все продумали. Наверное, им просто не хватило мозгов. Про камеру над входом тоже не сообразили. Серьезный промах. Вот они, голубчики! Теперь их поимка — дело времени.

— Этого не произойдет, Лиман, — заявил вождь. — По крайней мере, сейчас. Ты этим заниматься не будешь. Я немедленно снимаю тебя с должности.

Лиман принял удар с неожиданным для него самым спокойствием. Он не спускал глаз с троицы, сложившей руки на толстых брюхах.

— На каком основании? — спросил он.

Вождь выдавил улыбочку:

— Я не обязан сообщать о причинах. Это называется волевым прекращением полномочий, предусмотренным нашими правилами. В качестве вождя я вправе нанимать и увольнять глав всех департаментов. Тебе это хорошо известно.

— Известно. — Понимая, что все кончено, Лиман решил напоследок позабавиться: — Как я погляжу, большие люди решили все замять. Это видео никогда не увидит свет. Загадки вокруг этой аварии так и останутся загадками. Человек погиб, убийцы останутся безнаказанными. Так получается, вождь?

— Я прошу тебя немедленно сдать дела! — прорычал вождь.

— Здесь мой кабинет, мои вещи.

— Кабинет больше не твой. Найди коробку, свали все в нее и выметайся. Мы ждем.

— Ты шутишь!

— Мне не до шуток. Поторапливайся, воскресенье все-таки.

— Совещание созвал не я.

— Заткнись, Лиман! Сказано тебе, собирай вещички. Отдашь ключи, оружие, а дела не трогай. Соберешься — и брысь отсюда! Помни, Лиман, в твоих интересах держать рот на замке.

— Конечно, ведь это как раз то, чем мы тут занимаемся. Зарываем головы в песок, не распускаем язык, все шито-крыто, лишь бы большие люди были довольны.

— Правильно мыслишь. Вот эту часть — не распускать язык — можешь начать прямо сейчас.

Лиман уже вынимал из ящичков свой скарб.

Майкл постучал в дверь Лейси с некоторой дрожью. Его худшие опасения оправдались: в палате по-прежнему находился Гюнтер. Он сидел на краю ее кровати, между ним и сестрой была разложена доска для игры в нарды. Нехотя сложив доску, он положил ее на диван в своем «кабинете».

Поболтав с Лейси несколько минут, Майкл вежливо попросил Гюнтера ненадолго оставить их наедине.

— Зачем? — спросил Гюнтер.

— У нас деликатный разговор.

— Если на тему ее работы, то, думаю, с этим можно подождать до завтра. Воскресный вечер — вам это ни о чем не говорит? А главное, она еще не готова обсуждать рабочие вопросы. Если вы хотите поговорить об аварии, расследовании и тому подобном, то я не уйду. Ей пригодится вторая пара ушей и мой совет.

Лейси не вмешивалась. Майкл поднял руки в знак того, что сдается:

— Согласен. О работе ни слова.

Он опустился в кресло рядом с Лейси. Опухоль на ее лице почти спала, кровоподтеки изменили цвет.

— Вы ужинали? — спросил его Гюнтер. — В кафетерии продаются замороженные сэндвичи двухлетней давности со вкусом кровельной дранки. Рекомендовать побаиваюсь, но сам съел уже три штуки и пока еще жив.

— Лучше я воздержусь.

— Тогда кофе? Плохой, ясное дело, но пить можно.

— Пожалуй, — согласился Майкл. — Благодарю.

Все что угодно, лишь бы от него избавиться! Гюнтер обулся и вышел. Майкл решил не терять времени.

— Сегодня я заезжал к Верне, — начал он. — Сама понимаешь, там царит траур.

— Я отправила ей два мейла, она не отвечает. Дважды звонила, но она не берет трубку. Мне надо ее увидеть.

— Как раз об этом я и хочу потолковать. Как только Гюнтер вернется, я умолкну. Пусть это остается между нами. После этого кошмара Верна живет, как во сне. Иначе и быть не может. Шок есть шок. Но она понемногу приходит в себя, и речи, которые я слышу, мне не очень нравятся. Целая группа друзей Хьюго, включая его однокурсников с юридического факультета, охотно дает советы. Они замышляют иски к таппаколам. Это же настоящая золотая жила, вот они и придумывают, как бы ее вскрыть. Честно говоря, я, не будучи экспертом по гражданским правонарушениям, не понимаю, на что они надеются. То, что авария произошла в резервации, не возлагает вину за нее на индейцев. Кроме того, там вступает в силу племенное право, а в нем черт ногу сломит. Хьюго был государственным служащим, и Верне всю жизнь будет причитаться половина его зарплаты. Мы с тобой знаем, что это немного. Жизнь Хьюго застрахована на сто тысяч, их будет нетрудно получить. Дальше — страховка угнанного пикапа. Главный в этой компании болельщиков Верны, тот еще пустозвон, говорит, что пикап был застрахован в «Сауверн Мьючиел» на 250 тысяч. Несмотря на угон, страховое покрытие остается. Потребуется иск и суд, но шанс на выигрыш якобы велик. Я не очень в этом уверен. Но чем дальше в лес, тем больше дров. Болтали об иске к «тойоте» за дефектные ремень и подушку безопасности. Тут уже не обойтись без тебя и твоей страховой компании, и вот в этой части мне перестает нравиться их тон...

— Ты шутишь, Майкл? Верна винит меня?

— В данный момент Верна винит всех на свете. Она сломлена, испугана, от нее не приходится ждать рациональных суждений. И потом, я не уверен, что у нее хорошие советчики. Такое впечатление, что они сидят вокруг ее стола и придумывают, как засудить любого, кто связан с гибелью Хьюго. Твое имя тоже звучит, и что-то я не слышу, чтобы Верна возражала.

— Они обсуждали это в твоём присутствии?

— Они плюют на приличия. В доме полно людей, которым все время подвозят еду. Тетки, дядья, кузены — любой, у кого появляются какие-то идеи, может нести что заблагорассудится и заодно подкрепляться. Мне все это совершенно не по душе.

— Поверить не могу, Майкл! Мы с Верной дружим много лет.

— Нужно время, Лейси. И для твоего, и для ее выздоровления. Верна хорошая, и когда пройдет шок, она одумается. А пока придется запастись терпением.

— Все равно, я не верю... — пробормотала Лейси.

Тут в палату вломился Гюнтер с подносом и тремя стаканчиками дымящегося кофе.

— Даже пахнет плохо, — объявил он, поставил поднос и скрылся в ванной.

Наклонившись к Лейси, Майкл шепотом спросил:

— Когда он уезжает?

— Завтра. Даю слово!

— Давно пора.

Глава 19

К полудню в понедельник вернулась Энн Штольц, чтобы провести с дочерью день-другой. Вышло удачно: сына в палате не оказалось, хотя все указывало на то, что он еще не свернул свой «офис» и не съехал. Лейси объяснила, что он убежал по делам. У нее была наготове добрая весть: днем Гюнтер собирался уезжать, потому что Атланта без него рушилась, и он спешил спасти город. Другая новость была и того лучше: врач пообещал уже завтра отпустить Лейси домой. Она убедила его, что дома ее волосы будут отрастать так же быстро, как и в больнице.

Пока Энн делилась новостями из Клируотер, медсестра снимала с головы Лейси швы. Потом с ней полчаса занимался физиотерапевт, закончивший сеанс советами о ежедневных упражнениях на дому. Прибежал Гюнтер с большим пакетом снеди и с объявлением, что ему срочно пора домой. Проведя час с матерью, он бежал из больницы куда глаза глядят. Лейси тоже требовался отдых от брата после целых четырех дней в его обществе.

Прощаясь, он прослезился. С Лейси было взято клятвенное обещание звонить ему по любому поводу, особенно при появлении на горизонте наиболее отъявленных подонков — страховщиков-оценщиков и адвокатов, подкарауливающих машины «Скорой помощи». Он хвастался каким-то необыкновенным умением расправляться с этой публикой. Выбегая, он чмокнул мать в щеку. Лейси блаженно зажмурилась: впервые за долгое время появилась возможность насладиться тишиной.

На следующий день, во вторник, санитар выкатил ее из дверей больницы и помог погрузиться в машину к Энн. Лейси могла бы пройти этот недлинный путь сама, но в больницах свои правила. Через четверть часа Энн заехала на стоянку позади дома Лейси.

— Всего-то восемь дней, а кажется, что прошла целая вечность! — тихо произнесла Лейси.

— Сейчас я дам тебе костыли.

— Мне не нужны костыли, мама. Я ими не пользуюсь.

— Но ведь физиотерапевт сказал...

— Я тебя умоляю! Его здесь нет. Я знаю, что делаю.

И она, почти не хромя, дошла до своей двери. Ее уже дожидался сосед, англичанин Саймон, ухаживавший за ее французским бульдогом

Фрэнки. Увидев песика, Лейси медленно опустилась на колени и прижала его к груди.

— Как я выгляжу? — спросила она Саймона.

— Я бы сказал, неплохо, несмотря ни на что. Могло быть гораздо хуже.

— Ты бы видел меня неделю назад!

— Я рад видеть тебя сейчас, Лейси. Мы так волновались!

— Заходи, попьем чаю.

Выйти из больницы было невероятным счастьем. У Лейси развязался язык, Саймон и Энн молча слушали ее и улыбались. О Хьюго и аварии она не упомянула ни словом. Всею свое время. Она с удовольствием пересказывала байки Гюнтера, без него самого звучавшие еще смешнее.

— Его воспитал папаша, а не я, — оправдывалась Энн.

Несколько часов Лейси обзванивала друзей, делая перерывы на недолгий сон и на упражнения строго согласно рекомендациям. Забыв об обезболивающих, она налегала на орехово-фруктовые батончики. Дошли руки и до некоторых служебных папок.

В четыре часа приехал Майкл. Энн отлучилась в ближайший торговый центр. Майкл, сославшись на радикулит, отказывался садиться и расхаживал вдоль широкого окна, не переставая говорить. Ему не давали покоя тяжелые мысли.

— Ты уверена, что не хочешь взять отпуск? — удивленно спросил он Лейси. — Тебе бы целый месяц платили зарплату.

— Чем мне заниматься целый месяц, Майкл? Рвать на себе начинающие отрастать волосы?

— Тебе нужен отдых. Так говорят врачи.

— Ну их! — отмахнулась Лейси. — Не хочу простаивать. На следующей неделе я заявлюсь на работу. Подумаешь, шрамы! Женщину они тоже укрывают.

— Другого я не ждал. Ты говорила с Верной?

— Нет, ты же сам меня предостерегал, помнишь?

— Еще бы! С воскресенья никаких перемен. Ясно дело, у нее вышли все деньги, и она торопится получить страховку.

— Ты знаешь, сколько платили Хьюго. Они жили от зарплаты до зарплаты. Мы можем ей как-нибудь помочь?

— Вряд ли. Никому из нас не переплачивают. Не забудь, у нее полно родни. Ничего, как-нибудь протянет, пока не начнут поступать чеки. Хотя потом жить на ползарплаты с четырьмя детьми будет несладко.

— Вдруг сработают их иски?

— Это большой вопрос. — Майкл остановился, чтобы глотнуть воды, и снова забежал по комнате. Лейси прилегла на диван, устав от первых часов свободы. — У нас две недели, Лейси. За это время мы либо вчиняем Макдоувер иск, либо задираем лапки. Ты хочешь продолжить это дело, или мне передать его Джастину?

— Оно мое, Майкл, мое с потрохами, особенно теперь!

— И почему я не удивлен? Признаться, не думаю, что Джастин готов и хочет его принять. Я его за это не осуждаю.

— Говорю тебе, это дело мое.

— Хорошо. Какой у тебя план? В жалобе, подписанной нашим приятелем Греггом Майерсом, который прячется, и правильно делает, говорится о подкупе в виде собственности на четыре кондо в «Рэббит Ран», переданных девелоперами Макдоувер в благодарность за решения в их пользу. В исковой жалобе мало подробностей и совсем нет улик. В ней названы иностранные компании, официальные собственники, но у нас нет возможности доказать ее теневое участие. Мы можем выписать повестки и забрать ее дела и прочие материалы, но я очень сомневаюсь, что от этого будет прок. Если преступная деятельность так продуманна, как утверждает Майерс, то мне трудно поверить, что Макдоувер оставляет улики в легкодоступных местах. Так что с повестками лучше не торопиться. Макдоувер развернет такую юридическую активность, что чертям в аду тошно станет! Вспыхнет ожесточенная драка, за каждым нашим ударом будет следовать ответный, не менее, а то и более сильный. В конце концов Макдоувер вполне может доказать, что приобрела кондоминиумы с инвестиционными целями. Во Флориде это происходит сплошь и рядом.

— Где твой энтузиазм, Майкл?

— Я никогда не отношусь с восторгом к нашим делам. Но у нас нет выбора. Теперь мы оба верим Майерсу. Мы верим тому, что написано в жалобе, верим остальным его рассказам о повальной коррупции, отмывании денег, подкупе, даже убийствах.

— Раз ты упомянул про убийство, давай разоведем эту тему. Там орудовала целая банда, Майкл. Во-первых, осведомитель, он заманил нас в глубь резервации и исчез на полуслове. Во-вторых, водитель пикапа. В-третьих, его напарник: он забрал наши телефоны и увез его самого. Добавь еще угонщика пикапа. Кто-то повозился с ремнями и подушками безопасности в моей машине. Раз в бой брошено столько пехотинцев, где-то должен быть командир, мозг всей операции, а то и два. Поэтому я и говорю о целой банде. Если считать, что это Дьюбоз (фамилия второго «мозга» мне неизвестна), то это насилие как раз в его духе. Хьюго погиб,

Майкл, и его убийство нам не распутать. Очень сомневаюсь, что это смогут сделать таппаколы.

— Намекаешь, что без ФБР не обойтись?

— Мы оба знаем, что к этому все идет. Вопрос в том, когда это произойдет. Если мы обратимся к ним сейчас, то есть риск отпугнуть Грегга Майерса, остающегося главным игроком из-за его «крота». Если Майерс взбесится и ляжет на дно, то мы останемся без незаменимого источника сведений. От этого источника зависит успех всего дела. Так что давай подождем. Мы вчиняем иск, и Макдоувер палит из юридических оружий больших калибров — тут ты прав. Но ведь она не знает, что нам известно, а что нет. Они с Дьюбозом решат, то мы верим в гибель бедняги Хьюго по вине пьяного водителя. Откуда им знать, что мы в курсе про ее любовь к частным самолетам, дорогим путешествиям, полетам в Нью-Йорк, Сингапур, на Барбадос и так далее? Им неизвестно, что мы раскрыли существование Филлис Турбан. С их точки зрения, у нас есть только эта ничтожная жалоба за подписью человека, о котором они никогда не слышали и которого не могут отыскать.

— Тогда зачем нам волноваться? — спросил Майкл. Он видел, что Лейси полностью пришла в себя и проявляет присущую ей цепкость. Сотрясение и отек мозга, кажется, не оставили последствий. Как всегда, она оценивала факты быстрее всех остальных и умела видеть лес за деревьями.

— По двум причинам, — ответила Лейси. — Обе важные. Во-первых, чтобы Майерс продолжал радостно копать. Если мы сдадимся и позовем на помощь ФБР, может дойти до грязи, извлеченной на поверхность «кротом», а тот много знает и имеет доступ к нашей судье. Во-вторых, мы должны проследить за реакцией Макдоувер на иск. Вдруг Майерс прав и она понятия не имеет, что назревает? Целых одиннадцать лет она и Дьюбоз творят в округе что хотят, доят казино, как корову в хлеву, подкупают всякого мало-мальски влиятельного, ломают людям ноги или того хуже. Деньги достаются им слишком легко, их чутье могло ослабнуть. Ты только представь, Майкл: денежки бесперебойно поступают одиннадцать лет, и никто из обладающих властью ни разу не сунул нос в их делишки. И тут мы с иском... Их мир рухнет!

Гейсмар перестал ходить и уставился на странный предмет обстановки с разными ножками.

— Это кресло? — опасно спросил он.

— Подделка под Филиппа Старка.

— Он твой сосед?

— Нет. Но сидеть удобно, попробуй.

Майкл осторожно опустился в кресло и удивился, что оно устояло. Глядя в окно, он заметил, любуясь видом на Капитолий:

— Красиво.

— Ты слышал мой план, — вернула его Лейси к теме разговора. — У тебя есть другой?

— Пока что нет.

Глава 20

К среде Лейси затосковала и приготовилась выйти на работу. Ее лицо выглядело уже гораздо лучше, но ей еще не очень хотелось показываться коллегам. Энн делала покупки, ходила по ее делам и вообще делала все, что хотела дочь, но тоже все сильнее скучала. Она возила Лейси в магазин, к врачу, к оценщику в страховую компанию, вручившему ей чек за «приус». Машина не подлежала восстановлению. Энн отвратительно водила машину и почти не обращала внимания на других участников движения. Лейси то и дело замирала от страха: пока что автомобили внушали ей страх, и опасная манера вождения матери усугубляла положение.

Спала Лейси крепко, болеутоляющие ей больше не требовались. Упражнения давали результат, к ней вернулся аппетит. Поэтому она не удивилась, когда в среду за ужином Энн сообщила, что ей пора домой. Лейси в дипломатичных выражениях одобрила ее решение. Она была признательна матери за заботу и сочувствие, но определенно шла на поправку и устала от опеки. Она уже соскучилась по самостоятельности.

Однако имелась причина и поважнее. У причины было имя — Рейф. Так звали физиотерапевта. Во вторник вечером он заехал к пациентке и под строгим надзором Энн провел непродолжительный сеанс. Рейфу было лет двадцать пять, но десятилетняя разница в возрасте Лейси несколько не смущала. Пока он занимался ее коленом, между ними проскочила искра-другая, и то же самое произошло при прощании. Его ничуть не отпугивали все ее ссадины и синяки. В среду вечером она написала ему коротенький приветственный мейл и меньше чем через час получила ответ. Из завязавшейся переписки вытекало, что оба одиноки и не прочь вместе выпить.

Даже у полной катастрофы могут быть заманчивые последствия, решила Лейси.

Лейси легла полистать журнал, но ее отвлек загоревшийся дисплей смартфона. Верна прислала мейл.

«Лейси, прости, что не написала и не позвонила раньше. Надеюсь, ты поправляешься. Рада, что ты пострадала не так сильно, как могла бы. А я на последнем издыхании. Совершенно раздавлена всем, что произошло и происходит. Дети отбились от рук и отказываются ходить в школу. Пиппин плачет даже больше,

чем раньше. Иногда они начинают орать все вместе, и в такие моменты у меня совсем опускаются руки. Но стыдно раскисать перед ними. Я нужна им сильная. Я запираюсь в ванной и там реву, пока глаза не вываливаются из орбит. Жду не дождусь, когда кончится день, и ненавижу самую мысль, что будет завтра. Завтра без Хьюго. Я перестала понимать, что такое будущее. В настоящем — кошмар. А прошлое кажется таким далеким и таким счастливым, что мне больно его вспоминать. Здесь мама и сестра, они помогают с детьми. Но все ненастоящее, какое-то искусственное. Скоро им придется уехать, и я останусь с четырьмя детьми, без мужа. Хочется с тобой увидеться, но не сейчас. Мне нужно время. Когда я думаю о тебе, не могу не думать о Хьюго и о том, как он погиб. Прошу тебя, дай мне немного времени. Не отвечай сразу. Верна».

Лейси прочла письмо дважды и снова взяла журнал. О Верне она подумает завтра.

Энн уехала во вторник ближе к полудню, на несколько часов позже, чем надеялась Лейси. Впервые за десять дней наслаждаясь одиночеством, Лейси рухнула на диван в обнимку с Фрэнки и блаженно замерла. Закрывать глаза и ничего не слышать — какая прелесть! Потом она задумалась о Верне и об ужасных звуках, не стихающих в доме Хэтчей ни на секунду: детском плаче, телефонном трезвоне, шарканье родственников. От этого контраста ей стало стыдно.

Она закрыла глаза, решив вздремнуть, но тут Фрэнки тихонько зарычал. За дверью стоял мужчина.

Лейси подошла к окну. Дверь была заперта, ее безопасности ничто не угрожало. Одно нажатие кнопки на панели охраны — и сработают все мыслимые сирены. К тому же мужчина был ей смутно знаком: сильный загар, длинные седые волосы.

Грег Майерс, поняла она. На суше!

— Здравствуйте! — сказала она в домофон.

— Я ищу Лейси Штольц, — ответил знакомый голос.

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Майерс.

Лейси с улыбкой открыла дверь. Когда он вошел, она окинула взглядом парковку и не увидела там ничего необычного. И спросила:

— Куда делись панама и цветастая рубашка?

— Это морская форма. Куда делись роскошные волосы?

Она указала на уродливый шрам на своей макушке.

— Двадцать четыре шва. Все еще болит.

— Все равно, вид превосходный, Лейси. Я боялся, что вам досталось гораздо серьезнее. В газетах мало писали о вашем состоянии, только про травму головы.

— Присядьте. Наверное, хотите пива?

— Нет, я за рулем. Просто воды.

Она достала из холодильника две бутылки газировки, и они сели за столик.

— Так вы следите за событиями по газетам? — начала она.

— Да, по старой привычке. Когда живешь на лодке, нужна хоть какая-то связь с реальностью.

— Я после аварии ни разу не развернула газету.

— Вы не много пропустили. Вы с Хьюго — уже отыгранные новости.

— Наверное, найти меня оказалось нетрудно?

— Конечно, вы же не пытаетесь прятаться.

— Нет, я не хочу так жить. Я не боюсь.

— Завидую... Послушайте, Лейси, я не просто так гнал пять часов из Палм-Харбор. Я хочу знать, что произошло. Выкладывайте! Это была не случайность?

— Нет, не случайность.

— Понятно. Давайте дальше.

— Сейчас. Сначала один вопрос. Вы пользуетесь теми же телефонами, что месяц назад?

Он немного подумал и ответил:

— Есть один такой.

— Где он сейчас?

— На яхте, в Палм-Харбор.

— Карлита сейчас на яхте?

— Да, а что?

— Можете прямо сейчас позвонить ей и попросить выбросить его за борт? Немедленно! У вас нет выбора.

— Как скажете. — Майерс достал дешевый временный телефон и сделал, как ему сказали. — Что это было? — поинтересовался он, выключив телефон.

— Часть истории.

— Давайте по порядку.

Слушая Лейси, Майерс то издавал сочувственные звуки, то проявлял

равнодушие к трагедии. При описании того, как Хьюго и Лейси клюнули на приманку, он несколько раз бормотал: «Какая оплошность!»

Потом спросил:

— Вскрытие проводилось?

Вопрос застал Лейси врасплох: ни о каком вскрытии она не слыхала.

— Нет, зачем?

— Просто любопытно.

Лейси закрыла глаза и забарабанила согнутым пальцем по своему лбу, как в трансе.

— Вы что-то вспомнили? — догадался Майерс.

— У него был фонарь вот здесь, на лбу, как у шахтера.

— Шахтерский фонарь?

— Наверное. Я вижу это, как сейчас. Он смотрел на меня сквозь разбитое ветровое стекло.

— Вы видели его лицо?

— Нет, свет был слишком яркий. — Лейси закрыла лицо ладонями, помассировала лоб кончиками пальцев.

Прождав несколько минут, Майерс осторожно спросил:

— Второго типа вы тоже видели?

— Уже не припомню... Знаю, их было двое, вокруг ходили две фигуры. У одного фонарь на лбу, у другого в руке. Я слышала их шаги по битому стеклу.

— Они разговаривали?

— Не помню. Я была оглушена.

— Конечно, Лейси, у вас же было сотрясение мозга. Хорошо, что вы хоть что-то помните.

Она через силу улыбнулась, встала и достала из холодильника апельсиновый сок.

— Какие у вас были телефоны? — спросил Майерс.

— Старые «Блэкберри», выданные в КПДС. — Лейси налила сок в два стакана. — Свой айфон я оставила дома. А Хьюго пользовался только служебным телефоном. Не уверена, что у него имелся другой. Наш айтишник уверяет, что служебные телефоны не взломать.

— Почему же! Можно нанять хакеров, были бы деньги.

— Наш айтишник нас успокаивает. Он пытался отследить телефоны, но не нашел сигнала. Говорит, что они, наверное, лежат на дне моря.

— Я никогда не успокаиваюсь. Потому и жив.

Лейси подошла к высокому кухонному окну и взглянула на облака. Стоя спиной к Майерсу, она проговорила:

— Объясните, Грег, что они выиграли, убив Хьюго?

Майерс встал, сделал несколько шагов, чтобы размяться, отпил апельсинового сока.

— Это устрашение. Пронюхали, что вы под них копаете, и отреагировали. Для полиции это выглядит как несчастный случай. Но они забрали ваши телефоны — это их послание вам и КПДС.

— Могу я оказаться следующей?

— Сомневаюсь. Вы были у них в руках, им ничего не стоило бы вас прикончить. Один труп — достаточное предупреждение. Если бы теперь что-нибудь случилось с вами, то пришлось бы подключиться федералам.

— А вы?

— Я о безопасности даже не мечтаю. Их первой целью будет найти Грега Майерса, кем бы он ни был, и тихо его, то есть меня, прикончить. Только им меня ни за что не найти!

— Могут они отыскать «крота»?

— Нет, не думаю.

— Многовато неопределенности, Грег.

Майерс подошел к окну и встал рядом с ней. Начался дождь, капли били по стеклу.

— Хотите выйти из игры? — спросил он. — Я могу забрать исковую жалобу. Только меня и видели! Вы тоже вздохнете с облегчением. Хватит крови. Жизнь слишком коротка.

— Нет, Грег, это для меня не вариант. Если мы отступимся, негодяи снова одержат верх. Получится, что Хьюго погиб зря. Вся наша возня закончится пшиком. Нет, я в игре.

— Каким вы видите ее результат?

— Разоблачение коррупции. Суд над Макдоувер и Дьюбозом. «Крот» получает заслуженную награду. Убийцы Хьюго найдены и наказаны. Джуниор Мейс, пятнадцать лет ждущий казни, выходит на свободу. Убийц Сона Разко и Эйлин Мейс тоже настигает справедливость.

— И все?

— Нет, но это займет меня на месяц-другой.

— Вы не сможете сделать все это в одиночку, Лейси. Вам понадобится помощь.

— Я знаю. Для этого существует ФБР. У них, в отличие от нас, есть все возможности и умение. Если вы хотите, чтобы это дело было расследовано и чтобы виновные понесли наказание, вам придется согласиться на участие ФБР.

— Вы считаете, что они подключатся к расследованию?

— Да, хотя, возможно, это излишний оптимизм.

— Когда вы намерены к ним обратиться?

— Они вряд ли подключатся, если мы умоем руки. Как вы знаете, ФБР очень не любит соваться в дела индейцев. Поэтому первый шаг за нами: мы должны предъявить Макдоувер ваш иск. У нее будет тридцать дней, чтобы отреагировать. Будем действовать постепенно, шаг за шагом.

— Учтите, Лейси, вы обязаны защищать мое инкогнито. Если вы не можете этого обещать, то я немедленно испаряюсь. И второе: я не работаю напрямую с ФБР. Вы — другое дело. Я буду передавать вам всю информацию от «крота», но сам с ФБР контактировать не стану. Это понятно?

— Понятно.

— Будьте осторожны, Лейси. Это опасные люди, они пойдут на все.

— Понимаю, Грег. Они уже убили Хьюго.

— Вот именно. Поверьте, я скорблю и уже жалею, что обратился к вам.

— Теперь уже поздно жалеть.

Майерс достал из кармана дешевый плоский телефон и отдал ей.

— Это вам на месяц. У меня такой же.

Она подержала телефон на ладони, как будто ей отдали краденую вещь, потом кивнула:

— Идёт.

— Через месяц я пришлю вам другой. Берегите его, как зеницу ока. Если он попадет в руки наших недругов, со мной будет покончено. Да и вам в таком случае не позавидуешь.

Лейси проводила взглядом его арендованную машину с номерными знаками штата Огайо, потом уставилась на дешевый телефончик, недоумевая, как умудрилась во все это вляпаться. За первые девять лет профессиональной деятельности самое ее интересное дело было связано с окружным судьей округа Дюваль, пристававшим к хорошеньким женщинам, подававшим на развод. Хватало его также на судебных протоколах, клерков и секретарш, которым не повезло обладать хорошей фигурой и очутиться неподалеку от него. Лейси принудила его к отставке, а впоследствии он угодил в тюрьму.

Но ничего подобного теперешнему кошмару с ней еще не случалось.

Наступил неизбежный момент, но Лейси оказалась к нему не готова. Она рассудила, что никогда не будет готова, и решила больше не тянуть. Сосед Саймон согласился ее подстраховать. Она опасливо подошла к маленькому «форду», предоставленному ее страховой компанией и

пригнанному накануне, открыла дверь, протиснулась за руль, вцепилась в него обеими руками и почувствовала, что вся дрожит. Саймон сел рядом, накинул ремень и напомнил про ремень ей. Она вставила в замок зажигания ключ, запустила мотор — и оцепенела, обдуваемая набирающим обороты кондиционером.

— Глубокий вдох! — скомандовал сосед. — Дальше все будет просто.

— Ничего себе просто! — Она осторожно включила задний ход и убрала ногу с тормоза. Когда машина тронулась, она в панике ударила по тормозам.

— Спокойно, Лейси, возьми себя в руки, — сказал упрямый британец безмятежным тоном. — Все равно тебе некуда деваться.

— Знаю, знаю... — Она отпустила педаль тормоза, и машина снова тронулась с места. Лейси выехала со стояночного места, повернула, остановилась, переключила рычаг на передний ход. Вокруг никто не ездил, но она боялась даже неподвижных машин.

— А теперь, Лейси, — заговорил Саймон с избыточным оптимизмом, — пора отпустить тормоз, иначе машина так и будет стоять.

— Знаю, знаю... — пролепетала она. Машина преодолела несколько ярдов и остановилась перед выездом на улицу с умеренным движением.

— Поворачивай направо, — раздалась команда. — Не вижу помех.

— У меня вспотели ладони, — созналась Лейси.

— У меня тоже. Жарища-то какая! Не стой, Лейси. Все у тебя получается. Жми!

Она повернула на улицу и нажала на газ, изо всех сил скрывая, как ее преследуют воспоминания о последней поездке.

— Жму, жму... — бормотала она себе под нос, как будто это могло помочь.

— Молодец, Лейси. Будь добра, прибавь скорость.

Спидометр показывал двадцать миль в час; она облегченно перевела дух, когда впереди загорелся красный свет. Лейси проехала квартал, другой. Через четверть часа она вернулась на свою стоянку вся мокрая, с пересохшими губами.

— Повторим? — предложил Саймон.

— Дай мне часок! — взмолилась Лейси. — Я должна прилечь.

— Как скажешь, милая. Только позвони — и я снова твой.

Глава 21

Никто из них троих раньше не бывал в городке Стерлинг (население 35 тысяч человек), и сейчас, объехав пугающее здание суда, они поняли, что больше не захотят сюда соваться. Майкл поставил внедорожник рядом с военным мемориалом, и все трое вышли. Уверенные, что за ними наблюдают, они нарочито медленно продефилировали вдоль фасада здания и зашли внутрь. Учитывая скорбность повода, Майкл и Джастин облачились в темные костюмы; можно было подумать, что они направляются на важнейший судебный процесс. Собственно, Джастин поехал с ними просто так, разве что для оказания моральной поддержки и создания впечатления, что КПДС — структура серьезная и «мускулистая».

Лейси надела черные брюки и туфли без каблуков. Она уже не хромала, хотя припухлость с колена еще не сошла. На ней была бежевая блузка, на голове — шелковый платок «Гермес». Она подумывала, не заявиться ли и ей на встречу с непокрытой головой, не пряча обритую голову и еще не зарубцевавшиеся шрамы. Ей хотелось, чтобы Клаудия Макдоувер увидела живое, пульсирующее свидетельство вреда от коррупции, в которой погрязла; но женская гордость продиктовала обратное.

Они поднялись по лестнице на третий этаж и нашли кабинет почтенной Клаудии Ф. Макдоувер, окружной судьи 24-го судебного округа. Встретившая их секретарша, видимо, давно разучилась улыбаться.

— Моя фамилия Гейсмар, — обратился к ней Майкл. — Наверное, это с вами я говорил по телефону. Судья назначила нам встречу на пять часов.

— Я предупрежу ее, что вы пришли.

Только в 17.15 секретарь открыла дверь со словами:

— Судья Макдоувер.

Хозяйка кабинета приветствовала посетителей неискренней улыбкой. Лейси избежала рукопожатия. Из угла навстречу вошедшим поднялись двое мужчин, представившиеся адвокатами судьи Макдоувер. Их присутствие не стало сюрпризом. Майкл позвонил судье заранее, и у нее были сутки на стягивание тяжелой артиллерии.

Адвокат постарше, Эдгар Килбру, был защитником «белых воротничков» из Пенсаколы, пользовавшимся дурной славой. Рослый, крепко сбитый, в костюме в голубую полоску, с редкими зачесанными назад седыми волосами, он славился зычным голосом, напыщенностью,

неумолимостью и пугающе действовал на любых присяжных своей готовностью к схватке. Было известно, что он редко проигрывает процессы. Его партнер, Йен Арчер, казался неулыбчивым угрюмым субъектом, принципиальным противником рукопожатий.

Все кое-как расселись вокруг стола для совещаний. По одну сторону устроилась в окружении своих юристов судья Макдоувер, по другую — Майкл и его подчиненные, Лейси и Джастин. Светские реплики звучали бы глупо: кому было дело до погоды?

— Полтора месяца назад, — начал Майкл, — нам поступила исковая жалоба на судью Макдоувер. Мы с ней поработали. Как вам известно, наш первоначальный порог невысок. Если жалоба выглядит обоснованной, мы ставим в известность о ней судью. С этим мы сюда и приехали.

— Это нам понятно, — резко бросил Килбру.

Глядя на Макдоувер, Лейси гадала, правда ли все это: годы «откатов» за нужные решения; наглое обкрадывание таппаколов; убийство Хьюго Хэтча; частные реактивные самолеты, деньги без счета и дома по всему миру; приговор Джуниору Мейсу по подложному обвинению. В данный момент казалось невероятным, чтобы эта миловидная женщина, выборная судья из маленького городка, была замешана во всех этих чудовищных преступлениях. А что видела, глядя на Лейси, сама Макдоувер? Платок, скрывающий раны? Счастливицу, избежавшую смерти? Помеху, подлежащую устранению? Угрозу? Что бы ни было у судьи на уме, она сохраняла невозмутимость. На ее лице оставалось деловитое, чуть брюзгливое выражение.

Прелесть избранной Лейси стратегии состояла в том, что Макдоувер пока что не знала, что им уже известно от «крота». Не знала, что ее подозревают в отмывании незаконных денег, аренде реактивных самолетов, владении домами и так далее. Пока что ей разрешалось понять, что четыре ее кондоминиума вызвали подозрения — и только.

— Можем мы изучить жалобу? — спросил Килбру.

Майкл отправил на их сторону стола оригинал и три копии. Макдоувер, Килбру и Арчер взяли копии и погрузились в чтение. Реакции на прочитанное не было никакой. Если судья и изумилась, то умело скрыла свое удивление. Не было ничего: ни злости, ни изумления, только холодное, бесстрастное ознакомление с обвинениями. Ее адвокаты вели себя точно так же; Арчер что-то черкал в своем блокноте. Минута проходила за минутой, напряжение в кабинете становилось все осязаемее.

Наконец Макдоувер произнесла без всякого выражения:

— Это абсурд.

— Кто этот Грег Майерс? — холодно спросил Килбру.

— Мы пока не намерены раскрывать его личность, — ответил Майкл.

— Мы все равно узнаем, кто это. Это явная клевета, мы его засудим и разорим. Никуда не спрячется!

— Ищите и судитесь, — сказал Майкл, пожимая плечами. — Нас это не касается.

Арчер, несносно гнусава — это был способ продемонстрировать свое интеллектуальное превосходство над всеми присутствующими, — спросил:

— Что вы узнали за эти полтора месяца, заставившее прийти к выводу, что эти утверждения заслуживают внимания?

— Пока что мы не обязаны это раскрывать. Уверен, вы тщательно изучили правила и знаете, что судье Макдоувер предоставляется тридцать дней на письменный ответ. Это время мы посвятим продолжению расследования. Получив ваш ответ, мы на негоотреагируем.

— У меня ответ готов уже сейчас! — загрохотал Килбру. — Это клевета, подлый пасквиль, наглая ложь. Действия самой Комиссии по проверке действий судей следовало бы сделать предметом расследования, раз она принимает всерьез такой лепет и порочит имя одной из самых уважаемых судей штата Флорида.

— Вы вчините ответный иск? — спокойно спросила Лейси, заставив его запнуться. Он обжег ее взглядом, но не проглотил наживку.

— Меня заботит конфиденциальность, — заговорила судья Макдоувер. — Сами эти утверждения меня не беспокоят, ибо они беспочвенны, что мы и докажем в кратчайший срок. Но я обязана беречь свою репутацию. Это первая жалоба на меня за все семнадцать лет работы судьей.

— Это ничего не доказывает, — заметила Лейси, у которой чесались кулаки.

— Верно, мисс Штольц. Однако мне требуются гарантии неразглашения.

— Мы вполне осознаем необходимость секретности, — ответил Майкл. — Мы понимаем риск репутационных издержек и по этой причине полностью соблюдаем правила, требующие соблюдения тайны расследования.

— Вам придется опрашивать потенциальных свидетелей, — сказал Килбру. — Это непременно породит слухи. Знаю я, как ведутся такие расследования. Того и гляди развернется охота на ведьм, поползут сплетни, многие пострадают.

— Пострадавшие уже есть, — произнесла Лейси, не мигая глядевшая

на судью Макдоувер. Вид у той был совершенно, оскорбительно безразличный.

Казалось, сейчас все задохнется от нехватки воздуха. Майкл решил разрядить обстановку:

— Такие расследования — наша каждодневная работа, мистер Килбру. Могу вас заверить, что мы умеем соблюдать конфиденциальность. Что до сплетен, то они нередко распространяются другой стороной.

— Это вы напрасно, сэр. Мы всегда держим язык за зубами, — возразил Килбру. — В самое ближайшее время мы станем ходатайствовать об отмене этого расследования.

— Я работаю в КПДС почти тридцать лет и не помню случая, чтобы Комиссия отказалась от проверки жалобы до получения ответов на нее. Что ж, попытайтесь, посмотрим, что из этого выйдет.

— Очень рад за вас, мистер Гейсмар. Сколько же раз за все эти годы вы вручали исковые жалобы, в которых не обозначалась личность их подателя?

— Его зовут Грег Майерс. Имя указано на первой странице.

— Благодарю. Но кто такой мистер Майерс, где он проживает? Ни адреса, ни контактной информации — ничего.

— Вам не рекомендуется входить в контакт с мистером Майерсом.

— О контакте нет речи. Мы просто хотим знать, кто он такой, почему обвиняет мою клиентку во взяточничестве. Вот и все.

— Это будет обсуждаться позже, — сказал Майкл.

— Это все? — спросила Макдоувер. Она, судья, владела ситуацией и была готова завершить заседание.

— У нас — да, — ответил Майкл. — Ждем вашего ответа через тридцать дней или раньше этого срока.

Не пожимая рук, даже не кивая, они встали и покинули кабинет. Молча вернулись к машине, молча сели и молча уехали. Когда город остался позади, Майкл нарушил молчание:

— Я вас слушаю.

Первым заговорил Джастин:

— Подозрительно уже то, что она наняла самого дорогого в городе и окрестностях адвоката, еще не зная, в чем дело. Разве она сделала бы это, если бы была совершенно невиновной? И как она может себе позволить оплачивать его услуги на зарплату судьи? Таких, как Килбру, нанимают наркодилеры и прочие главари преступного мира, а не окружные судьи.

— Значит, денежки у нее водятся, — согласилась Лейси.

— Само ее спокойствие свидетельствует о страхе, — подхватил

Майкл. — И трясется она вовсе не за свою репутацию. Этот страх один из последних в очереди. Ты согласна, Лейси? Ты сумела ее раскусить?

— У меня нет впечатления, что она боится. Слишком она хладнокровна, чтобы испытывать страх.

— Мы знаем, как она теперь поступит, — сказал Джастин. — Напишет пространный ответ с объяснением, что приобрела кондо много лет назад в инвестиционных целях. Закон не запрещает делать это через оффшорные компании. Выглядит подозрительно, но законов и даже этики не нарушает.

— Как она докажет, что сама за них платила? — поинтересовалась Лейси.

— Отыщутся какие-нибудь документы, — предположил Майкл. — Вонн Дьюбоз тайно варганит бумаги, а теперь появился Эдгар Килбру, чтобы разгонять дым. Но все это — нелегкая задача.

— Это было ясно с самого начала, — напомнила Лейси.

— Пусть Майерс даст нам больше, — сказал Майкл. — Дымящийся револьвер — вот что нам теперь нужно.

— Нам — да, а что нужно самому Майерсу? — спросил Джастин и сам же ответил: — Залечь и не высовываться — вот что! Сами видите, как им хочется его отыскать!

— Майерса им не найти, — уверенно сказала Лейси, как будто знала больше своих коллег.

Ради пятнадцатиминутного разговора они ехали два часа, обратный путь должен был отнять столько же, но в этом и состояла их работа. Лейси очень хотелось взглянуть на свою разбитую машину и проверить, не осталось ли каких-нибудь ее вещей в салоне и в багажнике. Майкл попытался ее отговорить. Все, что она могла там оставить — старые компакт-диски, зонтик, монеты, — не стоило того, чтобы подвергать себя таким мукам. Ведь там она увидит засохшую кровь, пролитую перед смертью Хьюго.

Но они проезжали совсем недалеко от тех мест, к тому же Майкл был не прочь поприветствовать констебля Гритта и познакомить его с Лейси. Гритт побывал на месте аварии и помог ее спасти, поэтому она считала своим долгом его поблагодарить. К полицейскому участку неподалеку от казино они подъехали около шести часов вечера. Дежурный полицейский сообщил им, что Гритт больше не констебль, а на его место назначен другой человек, который уже ушел домой.

— Почему Гритта уволили? — спросил Майкл, сразу заподозривший неладное.

Полицейский пожал плечами, изображая неведение:

— Спросите у вождя. Только он вряд ли вам ответит.

До аварийной стоянки было всего два квартала. Там стояла дюжина покореженных машин, которыми осталось любоваться через запертые ворота. «Приуса» Лейси и «додж-рама» в скорбной коллекции не оказалось — пропали.

— Вот это да! — пробормотал Майкл. — Гритт клялся, что машины никуда не денутся. Я говорил ему, что они понадобятся для расследования. Я думал, мы с ним союзники.

— Долго ли он был здесь констеблем? — спросила Лейси.

— По его словам, четыре года.

— Кажется, назрел разговор с этим Гриттом.

— Только очень осторожно, поняла, Лейси?

Глава 22

Новым констеблем был Билли Кэппел, сын вождя и член Совета племени. Объявив о назначении Билли, вождь объяснил полицейским, что Билли останется на посту недолго, только на время подбора наиболее подходящего для этой работы человека. Поскольку последнему обязательно следовало принадлежать к племени, подбор как будто не должен был затянуться. Но в действительности отец и сын знали, что временное назначение быстро превратится в постоянное. Как член Совета Билли получал 50 тысяч долларов в год в дополнение к месячным дивидендам. Как констебль он стал бы получать втрое больше и при этом, согласно новому правилу, остался бы, как начальник полиции, членом Совета. Неплохое решение, особенно для клана Кэппелов!

Билли имел неважный послужной список как сотрудник правоохранительных органов, но это не имело никакого значения. Он недолго поработал в охране казино, прежде чем перейти на выборную должность, кроме того, побыл спасателем-добровольцем до того, как отряд спасателей стал профессиональным.

Уже на второй день в новой должности он принял звонок от полицейских города Фоли, желавших арестовать Берла Мунгера — человека с видеозаписи, помогавшего угнать «додж-рам». Полиция Алабамы не могла совершить арест во Флориде, а юрисдикция полиции таппаколов ограничивалась их резервацией, поэтому ситуация была непростая. Билли обещал связаться с полицией Дефуньяк Спрингс и попросить о помощи ее. Обещал — но не сделал; вместо этого он позвонил своему папаше, а тот постарался, чтобы Берл Мунгер узнал, что в Алабаме выдан ордер на его арест.

Другую видеозапись, о которой толковали полицейские из Фоли, Билли найти не смог. Он рылся во всех ящиках, просмотрел все файлы во всех компьютерах — ничего. Возникло подозрение, что Лиман Гритт намеренно спрятал запись или унес с собой. Билли снова позвонил отцу и сообщил о новой проблеме. Услышав уточняющий вопрос Билли об этой видеозаписи, полицейские Фоли испытали недоумение: чем там занимаются эти индейцы? Обещали прислать запись, но не торопятся это сделать.

Берл Мунгер как сквозь землю провалился. Билли и вождь побывали у Лимана Гритта дома. Разговор вышел нервный. Гритт клялся, что знает

ничего не знает о видеозаписи и даже не догадывается, о чем толкует полиция Фоли. Вождь по привычке прибег к угрозам, но Гритта было не так-то просто запугать. В конце концов он потребовал, чтобы незваные гости покинули его жилище. В бытность констеблем он убедился, что вождь — скандальный и нечестный человек. Теперь, лишившись должности, он презирал и его, и всю его семейку.

Видеозапись Гритт спрятал у себя на чердаке, вместе с копией записи из магазина Фрога Фримана. Он считал себя честным копом, уволенным скомпрометировавшими себя политиками. Он мечтал о торжестве справедливости, которое воспринимал как возможность поквитаться с обидчиками.

Гритт был не только честен, но и совсем не глуп. Через два дня после аварии, когда накопились вопросы, на которые не удавалось найти ответы, он в одиночку съездил на место происшествия. Ему не давали покоя три очевидные загадки. Первая: зачем угонщику воровать машину стоимостью 30 тысяч и гнать ее три часа в захолустье, в индейскую резервацию? Дорога, где эта машина завершила свой путь, пролегла по самой резервации и вела в буквальном смысле в никуда. Начавшись за казино, она, петляя, уходила в глубь резервации и использовалась немногими таппаколами, выбравшими жизнь в глуши. Купаясь в деньгах, племя заботилось о дорожном покрытии, это относилось теперь к любой кабаньей тропе и полевой дорожке на индейской земле. Судя по действиям угонщика, зафиксированным видеокамерой, он был человеком опытным, а профессионалы вроде него обычно в считанные часы продавали угнанный транспорт на запчасти. У них не было привычки колесить по ночам, попивая виски и нарушая все правила. Гритту сложно было поверить, что выпивший, а тем более пьяный в дым водитель способен выжить в лобовом столкновении, даже с маленьким «приусом», принять в лицо удар сработавшей подушки безопасности и после этого просто-напросто уйти. Куда бы он отправился? Половина резервации, покрытая болотами, была необитаемой. В полночь чужак, забредший в эти дебри, заблудился бы в первые же пять минут. Если человек с разбитым носом с видеозаписи Фрога действительно был водителем угнанного пикапа, то у него должен был быть сообщник, сидевший за рулем другого пикапа — того, с фальшивыми флоридскими номерами.

В этой, первой головоломке ничего не сходилось.

Вторая была и того сложнее. Что делали в резервации на ночь глядя два юриста, занимающиеся проверкой должностных нарушений судей? О вторжении в запретную зону речи не шло: коренные американцы при всем

желании не смогли бы настроить заборов, чтобы не пускать к себе чужаков; но в резервации их полномочия, конечно, не имели никакой силы. Суд племени состоял из трех человек, получавших высокую зарплату, но без всякого юридического образования. Комиссия по проверке действий судей Флориды не могла на них посягнуть.

Третья загадка тоже бросалась в глаза: как произошла сама авария? На дороге не было никакого движения, кроме этих двух машин на плоском неосвещенном участке. Ночь была ясная. Знаков ограничения скорости на дороге не было, но сама ее извилистость принуждала любого водителя не превышать скорость 50 миль в час. Даже выпитый виски не заставил бы пропавшего водителя покинуть свою полосу.

Стоя на месте столкновения и глядя на асфальт со следами машинного масла, усеянный всевозможными осколками, Гритт был вынужден признать, что ничего не понимает. Дело явно не исчерпывалось столкновением со смертельным исходом и оставлением места происшествия. Что же здесь произошло?

Десятки машин различных спасательных служб оставили массу следов покрышек на обочинах и даже на ровном поле по соседству. Куда мог направиться второй пикап с фальшивыми флоридскими номерами, подобрав водителя первого? По крайней мере, не обратно к казино, ведь там его заметили бы таппаколы, завершавшие позднюю смену. Гритт уже опросил всех окрестных жителей, и никто из них ничего не заметил; большинство и не могли что-либо заметить, так как уже спали. Звук столкновения слышала только миссис Билл.

В пыли за узкой придорожной канавой Гритт обнаружил следы от колес. Их оставили широкие покрышки, машина была крупная, тяжелая — не иначе, тоже грузовой пикап. Гритт прошел по следам полсотни ярдов и нашел в густой траве комок использованных влажных салфеток — четыре штуки, склеенные чем-то высохшим — наверняка кровью. Не трогая находку, он вернулся к своей патрульной машине и взял плотный пластиковый пакет на молнии. При помощи сучка он осторожно переместил салфетки в пакет и двинулся дальше по следу. Отпечатки покрышек потерялись в густых зарослях, но снова вынырнули в четверти мили от машины Гритта. В этом месте пикап пересек русло высохшего ручья, проехал еще ярдов сто и вывернул на гравийную дорогу — ее Гритт видел впервые в жизни. Пропетляв с милею и миновав всего один дом, и то в отдалении, дорога выходила на другую, мощеную, прозванную Песчаной.

Гритт медленно вернулся на место аварии и сел в свою машину. На видео Фрога можно было разглядеть физиономию человека с

расквашенным носом. Теперь у Гритта был образец его крови.

И, кстати, водитель пикапа знал местность лучше самого констебля.

Встреча была назначена в необставленном кондо на Сигроув-Бич, одном из многих, построенных и затем проданных какой-то из безликих фирм из сплетенной Дьюбозом паутины. Вождя Кэппела, приехавшего на стоянку в одиночестве, проводил в здание человек, которого он знал как Хэнка. Вождь якшался с Дьюбозом уже много лет, но до сих пор не перестал удивляться тому, как мало знает о нем самом и его окружении. Он смекнул, что Хэнк относится к числу приближенных, иначе не остался бы в комнате, где началась встреча, ничего не говоря, зато все слыша.

Дьюбоз устал за день. Два часа назад он встречался с Клаудией Макдоувер в ее кондо в «Рэббит Ран» и выслушал ее рассказ о разговоре с людьми из КПДС. Прочтя исковую жалобу, он первым делом спросил, кто такой Грег Майерс, а потом попытался успокоить взволнованную судью. После этого его привезли на встречу с индейским вождем.

Кэппел достал из своего чемоданчика лэптоп и водрузил его на буфетную стойку. В новом кондоминиуме негде было присесть, там еще пахло свежей краской.

— Есть две видеозаписи, — начал он. — Первую мы добыли, наконец, сегодня днем. Мы почти не сомневаемся, что полиция Фоли, Алабама, прислала ее еще на прошлой неделе, но Гритт ее то ли припрятал, то ли потерял. Она никак не запротоколирована. Вот она.

Вождь пощелкал по клавиатуре, Дьюбоз подошел ближе. Пока на мониторе происходил угон «додж-рама» со стоянки в Фоли, Дьюбоз молчал. Когда запись кончилась, он скомандовал:

— Еще раз.

Они посмотрели запись еще раз.

— Что тебе известно? — спросил Дьюбоз.

— «Хонда» принадлежит некоему Берлу Мунгеру. Ему позвонили, он исчез. Что ты о нем знаешь?

Дьюбоз прошелся по комнате.

— Ничего. Контракт есть контракт. Нам понадобился угнанный пикап, Мунгер не из наших, он независимый исполнитель и ничего не знает.

— Но он обратился к кому-то, передав машину и взяв деньги. Теперь ему есть что рассказать.

— Правильно. Полагаю, ему было сказано исчезнуть и не высываться.

— Так и есть. А кто второй, угнавший «додж-рам»?

— Понятия не имею. Человек Мунгера, наверное. Мы не знаем этих людей. Мы заплатили за угнанный пикап, вот и все. — Дьюбоз вернулся к стойке и уставился на монитор. — Посмотрим второе видео.

Вождь включил видео Фрога. Дьюбоз, глядя на монитор, сначала с омерзением покачал головой, потом выругался.

— Кретин, кретин, кретин... — пробормотал он.

— Похоже, ты их знаешь?

— Да.

— Парень с разбитым носом сидел за рулем «доджа» во время аварии?

— Вот дерьмо!

— Полагаю, это значит «да». Знаешь, Вонн, мне не нравятся эти секреты. Ты устраиваешь все это на нашей территории, а я не в курсе. Я не прошу к тебе в партнеры, но так уж случилось, что нас водой не разольешь. Если в системе протечка, я должен об этом знать.

Дьюбоз опять зашагал, кусая себе ноготь. При всем его старании сохранить хладнокровие назревал взрыв.

— Что ты хочешь узнать? — прорычал он.

— Кто он, парень с разбитым носом? И как тебя угораздило связаться с такими глупцами? Они останавливаются поздно вечером перед лавкой, и не в тени, а перед самым входом, как будто специально позируют для камеры наблюдения. И пожалуйста, вот они, фотографии твоих людей, провернувших крупное дело.

— Ну да, они тупицы. Кто видел запись номер два?

— Я, ты, Билли, Фрог, шериф Пикетт и Гритт.

— Как я погляжу, все не так плохо?

— Может быть. Хотя меня тревожит Гритт. Он лгал про первое видео — дескать, ничего о нем не знает, хотя копы из Фоли заверили Билли, что переслали его еще неделю назад. Гритт что-то замышляет, к тому же он остался без кресла и бесится. Не удивлюсь, если он припрятал копии обеих записей. Я пытался с ним потолковать, но из этого ничего не вышло.

— Кем он себя возомнил?

— Ты ведь помнишь, мне пришлось его уволить. Ты сам так решил. Мы должны были от него избавиться, чтобы контролировать расследование. КПДС что-то вынюхивает, что-то подозревает. Вдруг они обратятся к ФБР? Гритт никогда не играл в нашей команде. Надо было еще раньше дать ему пинка.

— Значит, так... — Дьюбоз уставился через раздвижные двери в темноту. — Слушай. Ты назначаешь Гритту встречу и вправляешь ему мозги: пора ему понять, что он играет с огнем. Ему что, надоела

резервация? Пора натянуть поводья.

— Не нравится мне такая метафора.

Дьюбоз развернулся и подскочил к вождю с таким видом, словно собирался отвесить ему оплеуху. У него горели глаза, взрыв назрел.

— Мне плевать, что тебе нравится, а что нет. Нам что же, пойти ко дну из-за того, что Гритт потерял работу и расстроился? Растолкуй ему, с кем он имеет дело. У него жена и трое детей, он живет припеваючи, даже когда не наряжается в форму констебля. Пусть одумается. Не вовремя он закусил удила. Если попробует открыть рот, если достанет из тайника спрятанное — и ему несдобровать. Понял?

— Я не причиню вреда своему собрату.

— Тебе и не придется. Ты не понимаешь, что такое испуг, вождь. А я на этом собаку съел. Ничего так не люблю, как пугать! Гритту придется это понять. Если я утону, то утащу с собой и тебя, и много кого еще. Только этому не бывать. Твое дело — убедить Гритта заткнуться и встать по стойке смирно. Сделаешь это — все будет хорошо.

Вождь закрыл свой лэптоп.

— А как же шериф Пикетт?

— Он не имеет отношения к следствию. А ты имеешь. Пусть радуется, что у него одной заботой меньше. Если надо, я разберусь с шерифом. А ты разберись с Гриттом. Убедись, что Мунгер не всплывет. Успокой ребят в Фоли. Ничего, это не буря, а так, легкое волнение, мы справимся.

— Парень с разбитым носом?..

— К завтрашнему полудню он будет уже в тысяче миль отсюда. Предоставь его мне.

Глава 23

Лейси уже работала полный рабочий день. Ее возвращение подняло коллегам настроение, но отсутствие Хьюго оставалось зияющей раной. Она и Гейсмар не распространялись о подробностях, но никто не сомневался, что его гибель была не просто трагической случайностью. В Комиссии работало слишком мало народу, чтобы можно было закрыть глаза на загадочную смерть одного из своих. Раньше никто в КПДС не считал свою работу опасной.

Лейси еще не обрела прежней подвижности и завязывала голову разнообразными шарфами, пусть из самых модных коллекций, но все равно ее присутствие всех радовало и вдохновляло. К ней возвращались силы, она уже была готова к упорному труду.

Через два дня после вручения Клаудии Макдоувер исковой жалобы Лейси позвонил Эдгар Килбру. Даже по телефону его голос звучал напыщенно.

— Знаете, мисс Штольц, — начал он, — чем больше я изучаю эту жалобу, тем сильнее ужасаюсь. Она совершенно беспочвенна, и я поражен, что КПДС умудрилась ее принять.

— Вы уже это говорили, — спокойно парировала Лейси. — Не возражаете, если наш разговор будет записываться?

— Мне плевать, валяйте.

Лейси нажала на своем телефоне клавишу «запись» и спросила:

— Чем я могу быть вам полезна?

— Отвергнете эту чертову жалобу — вот и вся польза! А Грегу Майерсу можете передать: он теперь лет на десять застрянет в судах, ему придется ответить за клевету.

— Обязательно передам. Уверена, мистер Майерс понимает, что его жалоба не имеет никакого отношения к клевете, так как не предана огласке.

— Мы позаботимся, чтобы огласки не было. Я решил не ходатайствовать об отмене разбирательства, чтобы не привлекать к делу внимания. В вашей Комиссии пять членов, пять политических назначенцев, губернаторских подлиз, чьему умению хранить секреты я нисколько не доверяю, как не доверяю там у вас кому-либо вообще. Тут требуется максимальная тишина. Вы понимаете, мисс Штольц?

— Мы уже обсуждали это в кабинете судьи Макдоувер два дня назад.

— Повторение — мать учения. Кроме того, мне нужно больше узнать

о вашем расследовании. Без сомнения, оно ни к чему не приведет, и я опасаюсь, как бы вы от безнадежности не принялись теревить всех потенциальных знакомых моей клиентки. Так и возникают слухи, мисс Штольц, слухи самого неприятного свойства. Я не верю, что вы или кто-либо другой сумеет соблюсти в этом деле всю требуемую деликатность.

— Вы слишком много переживаете, мистер Килбру. Каждодневная работа учит нас соблюдению конфиденциальности. Что касается самого расследования, то я не имею права его обсуждать.

— Предупреждаю, если это дело превратится в охоту на ведьм и причинит репутации моей клиентки ущерб, я засужу вас, мистера Гейсмара и всю вашу комиссию за диффамацию.

— Сколько угодно! Мы вчиним встречный иск за необоснованное обращение в суд.

— Чудесно, просто чудесно! Предвкушаю удовольствие встретить вас в суде. Это мой второй дом, мисс Штольц, вам до меня далеко.

— Что-нибудь еще, мистер Килбру?

— Нет, это все. Всего доброго.

При всем хладнокровии тона Лейси по телефону звонок вывел ее из равновесия. Килбру был бессовестным сутягой, стяжавшим недобрую славу своей приверженностью тактике выжженной земли. Его иск непременно был бы признан необоснованным, но ее пугала перспектива борьбы с ним. Килбру был прав: он зарабатывал большие деньги, склоняя на свою сторону одно жюри присяжных за другим, Лейси же присяжных в глаза не видела.

Когда она воспроизвела запись разговора Майклу, тот улыбнулся и махнул рукой. Он часто получал такие угрозы, в отличие от нее. Делая свою работу и не переходя рамки, КПДС могла не опасаться гражданских исков. Будь это не так, им бы ни разу не удалось довести до завершения разбор исковой жалобы.

Лейси вернулась на свое рабочее место и попробовала сосредоточиться на другом. Уже во второй раз она позвонила констеблю Билли Кэппелу и услышала, что он занят. Она перезвонила через час, но констебль оказался на совещании. Тогда Лейси позвонила в свою страховую компанию и добралась до оценщика, занимавшегося ее «приусом». Оказалось, что он продал остатки машины автомобильному кладбищу близ Панама-Сити за 1000 долларов — столько обычно давали за не подлежащую восстановлению машину. По словам оценщика, он не знал, что происходит с такими машинами после перевоза на автомобильное кладбище, и может только предположить, что оттуда их отправляют на

металлолом или разбирают на запчасти. Два звонка на «кладбище» ничего не прояснили. После обеда Лейси уведомила Майкла, что идет к врачу и на работу не вернется.

Это был обман: она поехала в Панама-Сити, впервые после аварии сев за руль без сопровождающего. Она не превышала скорости и делала над собой усилие, чтобы не шарахаться от каждой обгоняющей ее машины. Нервы были напряжены, как струны, трудно было дышать, ныл желудок, но Лейси твердо решила не сдаваться. Добравшись до автосвалки, она остановилась на посыпанном гравием пятачке между буксиром и выдавшим виды пикапом и спросила пожилого работника в замасленной рубашке и с неопрятной бородой, где тут контора. Он указал на мятый железный барак с распахнутой дверью. Там она нашла помещение с длинным прилавком — здесь механики покупали снятые с машин запчасти. Стены оказались увешаны колпаками с колес, один угол был отведен под календари с полуобнаженными девицами. При появлении интересной женщины все присутствующие замерли. Мужчина по имени Бо — так было написано у него на рубашке — заулыбался и произнес:

— Здравствуйте, мисс, чем мы можем быть вам полезны?

Она тоже улыбнулась:

— Я ищу свою машину. Три недели назад она попала в аварию в резервации таппаколов и оказалась здесь. Я хотела бы ее найти и забрать кое-какие личные вещи.

Бо перестал улыбаться.

— Раз машина здесь, то она уже не ваша. Полагаю, она разбита?

— Да. В страховой компании мне сказали, что она здесь.

Бо подошел к компьютеру.

— ВИН-код у вас с собой?

Она подала ему техпаспорт. Он защелкал по клавиатуре. К нему присоединился второй сотрудник, Фред. От другого края прилавка за ними внимательно наблюдали два механика. Бо и Фред хмурились, что-то смущенно бормотали.

— Сюда, пожалуйста, — произнес наконец Бо.

Он провел Лейси по короткому коридору и вывел из барака через боковую дверь. Бескрайний двор, скрытый от внешнего мира высоченным забором, был заполнен сотнями увечных легковых и грузовых автомобилей. Вдали какой-то огромный неуклюжий агрегат плющил жалкого железного уродца. Бо поманил к себе жестом работника в белой рубашке, более-менее чистой, в отличие от одежды Бо и Фреда. На ней не имелось значка с именем; видимо, это был распорядитель. Бо сунул ему листок.

— Она ищет «приус» из индейской резервации. Говорит, он ее.
Распорядитель нахмурился и покачал головой:
— Его здесь уже нет. Какой-то человек купил его несколько дней назад за наличные. Купил и увез на эвакуаторе.
Это стало для Лейси полной неожиданностью.
— Кто он такой? — пролепетала она.
— Понятия не имею, мэм. Да он, кажется, и не представился. Сказал, что ему нужна эта машина, и расплатился. Так сплошь и рядом бывает. Купят и разбирают на запчасти. Раньше я его не видел.
— Нет никаких записей? Никаких следов?
Бо усмехнулся, его босс тоже — какая неосведомленность!
— Нет, мэм, — ответил босс. — Когда машину снимают с учета и аннулируют ее техпаспорт, никого больше не волнует, что с ней происходит. В нашем деле продажа за наличные — обычное дело.
Лейси не знала, что еще спросить. Скорее всего, эти люди ее не обманывали. Она окинула взглядом горы железного хлама и поняла, что искать «приус» совершенно бесполезно.
— Жаль, мэм, — бросил распорядитель и решительно зашагал прочь.

Верна прислала эсэмэску: «Хочешь поговорить?»
После недолгой переписки подруги договорились о встрече.
Лейси приехала к Хэтчам после ужина. Верна была одна с детьми. Двое старших делали домашнее задание за кухонным столом, Пиппин и годовалый малыш спали. По словам Верны, после гибели Хьюго в доме еще ни разу не было так тихо. Они пили на внутреннем дворике зеленый чай и любовались далекими фейерверками. Верна устала от нашествия родственников и теперь переводила дух, хотя ее мать уже завтра должна была вернуться, чтобы помочь с Пиппин. Верна была обессилена, но теперь ей хотя бы удавалось поспать. Правда, она раз за разом просыпалась от одного и того же сна: ей снился живой Хьюго. После этого она пересиливала себя, возвращаясь к реальности. С четырьмя детьми на руках Верна была лишена роскоши полноценного траура. Жизнь отказывалась замедляться.

— Сегодня страховая компания перечислила мне деньги, — сообщила она. — Вопрос со средствами на жизнь решен — до поры до времени.
— Отлично, Верна.
— С годик мы продержимся, но мне все равно придется искать работу. Хьюго зарабатывал шестьдесят тысяч в год, и мы никогда не могли отложить даже цента. Часть его денег я должна буду где-нибудь зарыть на

будущее, для детишек.

Ее тянуло на разговор, ей требовался слушатель со стороны, не из числа родственников. По диплому университета Флориды она была специалистом здравоохранения и примерно год, пока не забеременела, проработала социальным работником. А после появления третьего ребенка отбросила всякие мысли о собственной карьере.

— Мне нравится мысль о работе, — призналась Верна. — Я долго была профессиональной мамой и теперь готова к переменам. Мы с Хьюго часто это обсуждали и решили, что как только Пиппин возьмут в ясли, я вернусь на работу. Возможно, на две зарплаты мы бы сумели перебраться в дом побольше, а то и начать откладывать деньги на образование детей. Хьюго цены не было, Лейси! Самолюбивый, конечно, этого у него не отнять, но совершенно не чурался труда...

Лейси слушала и кивала. Верна уже десять раз рассказывала ей о своих мечтах возобновить карьеру.

Верна сделала глоток и ненадолго закрыла глаза.

— Представляешь, родственнички уже клячат у меня деньги! — призналась она вдруг. — Два кузена Хьюго, те, что дольше всего здесь ошивались, попросили взаймы. Я ответила отказом и выгнала их взашей, но они обязательно вернутся. Что за люди, как они могут так поступать, Лейси?

На риторический вопрос был возможен единственный ответ:

— Не знаю.

— Слишком многие дают мне советы. Еще до похорон все знали, что я получу по страховке в связи со смертью Хьюго сто тысяч, вот пиявки и выбирали местечко, где бы лучше присосаться. Меня от них тошнит! Мать и сестры этого себе не позволяют, зато двоюродные и прочая родня, которую мы с Хьюго не видали уже лет пять, тут как тут.

— Гейсмар говорил, что встретил у тебя в доме адвокатов, замышляющих судебные иски.

— Этих я тоже выставила. Один болтун утверждал, что я могу получить деньги по страховке, покрывавшей угнанную машину. Оказалось, что это ерунда. При таком угоне страховка обнуляется. Какими только исками они меня ни прельщали! Например, к концерну «Тойота» за нераскрывшуюся подушку безопасности и не пристегивавшийся ремень, но я не соблазнилась. У меня к тебе вопрос, Лейси: когда вы с Хьюго поехали в тот вечер в казино, он пристегнулся?

— В том-то и дело, что нет. Он пожаловался, что не срабатывает пряжка. Все ерзал, пытался вставить ее в защелку, но не получилось.

- Думаешь, кто-то испортил механизм ремня?
- Боюсь, что да, Верна. По-моему, кто-то вывел из строя и подушку, и ремень безопасности.
- Тогда это был никакой не несчастный случай?
- Да. Грузовой пикап, вдвое превышавший массой «приус», врезался в нас намеренно.
- Зачем?! Ты обязана сказать мне правду, Лейси. Я должна знать, что к чему.
- Я выложу тебе все, что знаю, только обещай не разболтать.
- Брось, Лейси, ты же меня знаешь!
- У тебя есть адвокат?
- Да, друг Хьюго по юридическому факультету. Я ему полностью доверяю.
- Эту историю не должен знать даже он. Еще не время.
- Обещаю. Выкладывай!

Было уже десять вечера, когда в дверь просунул голову Родерик.

- Мама, Пиппин плачет.

Верна поспешно смахнула со щеки слезы.

- Какой сюрприз! Ребенок в своем репертуаре.
- Я могу остаться на ночь, — предложила Лейси, входя следом за ней в дом.
- Посижу с Пиппин, если что. Может, поговорим еще.
- Спасибо, Лейси. У меня остались вопросы.
- Думаю, их у тебя еще немало.

Глава 24

Встреча была назначена в отделении ФБР в Таллахасси, в десяти минутах хода от офиса КПДС. Инспектор, не улыбочивый служака по фамилии Луна, в ту минуту, когда Лейси и Гейсмар уселись за его широкий стол, заподозрил, что предстоит важный разговор. Справа от него сидел специальный агент по фамилии Пачеко, приветливый красавец лет тридцати пяти, без обручального пальца на пальце, сразу начавший поедать Лейси взглядом. Отдельно от всех, как будто он оказался тут случайно, сидел третий агент, Хан.

— Спасибо, что уделите нам время, — заговорила Лейси. — Знаем, вы люди занятые, но разговор будет долгий. Сколько времени вы нам отводите?

Луна покачал головой:

— Сколько понадобится. Мы слушаем.

— Спасибо. Вчера я спрашивала у вас по телефону про некоего Вонна Дьюбоза. Нас интересует, известно ли вам что-нибудь об этом человеке.

Пачеко взял со стола лист бумаги.

— Совсем немного. За Дьюбозом не числится преступлений ни в штате, ни на федеральном уровне. «Мафия каракатиц», превратившаяся потом в «береговую мафию», известна нам давно. Думаю, вы знаете ее историю. Мелкая банда с тяжелым прошлым, здесь, во Флориде, она ничем не отличилась. Лет двадцать назад некоего Дункана поймали рядом с Уинтер Хэвен за рулем грузовика с полным кузовом марихуаны. Управление по борьбе с наркотиками заподозрило, что он работает на организованную группу, скорее всего, на ту же «береговую мафию», но так ничего и не доказало, потому что Дункан молчал и отказывался от всякого сотрудничества. Он отбыл большой срок и вышел условно-досрочно три года назад. Так ни словечка и не сказал. Собственно, это все. На человека по имени Вонн Дьюбоз мы ровно ничего не имеем.

— Для нас никакой «береговой мафии» не существует, — добавил Луна. — Мы сейчас сосредоточены на известных структурах: Аль-Каиде, наркоторговцах и других славных парнях.

— У нас есть информатор, чьи слова мы скрепя сердце сочли правдивыми. Он бывший адвокат, отбывший тюремный срок, — сказала Лейси. — Похоже, он знает, где зарыты трупы. В переносном смысле, конечно: он уверен, что существует организованная банда, подчиняющаяся

Дьюбозу. Этот осведомитель вышел на нас два месяца назад.

— Вы говорите о Грегге Майерсе? — спросил Пачеко.

— Да, этим именем подписана исковая жалоба, которую я передала вам вчера. Но это имя ненастоящее. По утверждениям Майерса, много лет назад Вонна Дьюбоза и его брата подстрелили на юге Флориды конкуренты-наркоторговцы. Брат умер, Вонн выжил. Вам об этом ничего не известно?

Пачеко покачал головой:

— Ничего. Откуда эти сведения у Майерса?

— Понятия не имею. Он в бегах и очень скрытный.

— От кого он скрывается? — поинтересовался Луна.

— Точно не знаю, но не от вас и вообще не от органов правопорядка.

Когда-то он признал свою вину, выдал много народу и теперь не чувствует себя в безопасности.

— Обвинения были предъявлены ему федеральной властью?

— Да. Он отбывал срок в федеральной тюрьме. Но я бы просила вас — позже я смогу объяснить причины этой просьбы — не тратить время на поиск настоящего Грегга Майерса. Мы здесь не из-за него. Вы ознакомились с исковой жалобой на судью Макдоувер. Мы проверили ее и считаем заслуживающей внимания. По утверждениям Майерса, Вонн Дьюбоз и племя таппаколов примерно двадцать лет назад заключили сделку: они построили казино и с первого дня его работы забирают часть выручки. Это много денег, идущих, в частности, в карман судьи Макдоувер.

— Судья берет деньги? — переспросил Луна.

— Майерс пишет, что да.

— Чего ради они отдадут ей деньги?

— Исковая жалоба — это наш первый предъявляемый вам документ. А вот второй. — Гейсмар протянул фэбээровцам несколько копий, а Лейси продолжила: — Это подробная информация по таппаколам, их землям, федеральному статусу, попыткам построить казино. В этой связи произошло минимум два убийства, по обвинению в которых некий Джуниор Мейс был приговорен к смертной казни и до сих пор ждет приведения приговора в исполнение в тюрьме Старка. Не откажите потратить несколько минут на ознакомление.

Фэбээровцы уже приступили к неспешному чтению про себя. Сюжет привлек их внимание. Они методично переворачивали страницы, причем Пачеко делал это быстрее своих коллег. В комнате стояла тяжелая тишина: они взвешивали каждое прочитанное слово. Лейси делала в блокноте лишние смысловые пометки, Майкл читал в своем телефоне электронную

почту.

Когда чтение завершилось, Лейси сказала:

— Наш третий комплект документов — подробная история строительства казино и платной дороги и связанных с ними судебных тяжб. При сообщничестве судьи Дьюбоз мог убрать со своего пути любую помеху. В 2000 году казино «Трежеар Ки» открылось.

Гейсмар предъявил третий комплект.

— Хотите, чтобы мы и это сейчас прочли? — спросил Луна.

— Да.

— Хорошо. Не желаете пока кофе?

— С удовольствием, спасибо.

Хан вскочил и выбежал в приемную. Появился кофе — не в бумажных стаканчиках, а в настоящих чашках. Луна и Пачеко было не до него: они углубились в чтение.

Пачеко дочитал первым, но не стал мешать своему боссу: он делал пометки на полях и ждал. Луна опустил свою копию и сказал:

— Один вопрос. Нам следует предположить, что этот Джуниор Мейс, ожидающий казни, на самом деле не совершал двух убийств, за которые его приговорили?

— Откровенно говоря, мы этого не знаем, — ответил Майкл. — Грег Майерс считает, что Мейса подставили и что он невиновен.

— Я встречалась с Мейсом в корпусе для смертников, — вставила Лейси. — Сам он заявляет о своей невинности.

— Сомневаюсь, что он один придерживался этой версии, — с усмешкой бросил Пачеко.

Ответом были улыбки, но не смех. Луна взглянул на часы, на бумаги перед Гейсмаром и спросил:

— Много у вас еще таких комплектов?

— Не очень, — успокоил его Гейсмар.

— Пришло время познакомить вас с судьей, — объявила Лейси. Гейсмар привычным жестом пустил по столу бумаги. — Сначала ее фотографии перед одним из ее кондо в «Рэббит Ран».

Пачеко взглянул на фотографии и заметил:

— Она явно не позирует фотографу. Кто это снял?

— Мы не знаем, — ответила Лейси. — У Грега Майерса есть собственный источник, и имя этого человека нам неизвестно, так как его не знает сам Майерс. Они общаются через посредника.

Хан недоверчиво фыркнул.

— Согласна, история запутанная, — проговорила Лейси, глядя на

него, — но постепенно все встанет на свои места. Вернемся к документам. Тут кое-какая информация о Макдоувер — негусто, потому что она не любит привлекать к себе внимание. Ее партнер по преступлению — или один из партнеров — адвокат по доверительному управлению недвижимостью из Мобила по имени Филлис Турбан. Ее фотография взята из документов местной коллегии. Эти женщины давно очень близки, любят стильно путешествовать и всегда делают это вдвоем. Они тратят гораздо больше, чем зарабатывают. Здесь полные данные по их путешествиям за последние семь лет.

Все три агента, явно заинтригованные, активно проглядывали бумаги очередного комплекта. Единственным звуком в комнате на какое-то время стал шелест переворачиваемых страниц.

Лейси выпила весь свой кофе. Они сидели уже час, и пока ее устраивал оказанный прием. Правда, они с Майклом не знали, чего ждать дальше. Они предполагали, что история, с которой пришли, представляет немалый интерес, но могли только гадать, как она будет воспринята. Однако внимание ФБР было завоевано, агенты, которым вечно не хватает времени, согласились не спешить.

Луна поднял на нее глаза.

— Дальше.

— Четвертый комплект документов, самый скромный — график нашего вовлечения в это дело.

Гейсмар предложил для прочтения очередные бумаги. Фэбээровцы внимательно прочли и их.

— Как Макдоувер отреагировала на предъявленный иск? — спросил Пачеко.

— Хладнокровно, — сообщила Лейси. — Разумеется, все отрицала.

— По-моему, она испугалась, — добавил Майкл, — хотя двое коллег со мной не согласны. Не уверен, что это очень важно.

— Наверняка она в чем-то виновата, раз наняла Эдгара Килбру, — решил Пачеко.

Хан удивил посетителей, сказав:

— Я тоже сразу так подумал. Темный делец!

Луна жестом заставил его умолкнуть и спросил:

— Это еще не все?

— Есть еще одно обстоятельство, — отозвалась Лейси. — Не сомневаюсь, что вы знаете о гибели нашего коллеги Хьюго Хэтча в автокатастрофе в индейской резервации.

Фэбээровцы скорбно покивали.

— Эта авария произошла с моей машиной, я ее вела. Я закрываю голову платком, потому что в больнице мне ее обрили. Она вся в ранах, мне наложили кучу швов. Было сотрясение мозга, но в целом мне повезло. Я плохо помню, как все было, но постепенно память возвращается. Мой друг и коллега погиб на месте, и его смерть была несчастливой. Мы уверены, что это убийство.

Переданные Гейсмаром копии были приняты с еще большим вниманием. Это были фотографии «приуса», «додж-рама» и места происшествия, пересказы разговоров с констеблем, описание не сработавших подушки и ремня безопасности, пропавших телефонов и айпада, заключение, что аварию, то есть убийство, кто-то подстроил и что этот кто-то — Вонн Дьюбоз со своей бандой. Их с Хьюго заманили в глубь резервации обещанием информации и устроили ловушку. Цель состояла в том, чтобы запугать их, показать, что они перегнули палку и что Дьюбоз ни перед чем не остановится, защищая свою империю. По словам Майерса, сомневаться в которых у них не было оснований, представители властей никогда не совались в казино с вопросами. КПДС первой нарушила это правило, и Дьюбоз не замедлил с реакцией. Зная границы юрисдикции КПДС как структуры, проводящей расследования, он верно заключил, что сама она не может и не станет предпринимать активных действий против преступников. Испуга должно было хватить, чтобы КПДС спрятала голову в песок.

— Bay! — протянул Пачеко, кладя бумаги на стол. — Как я погляжу, на страусов вы совсем не похожи.

— Погиб наш друг, — сказала Лейси. — Мы не отступимся.

— При этом, — вмешался Майкл, — мы не располагаем возможностями и полномочиями расследовать факты коррупции. Потому мы и обратились к вам.

Луна престал скрывать, что утомлен — или разочарован?

— Не знаю... — бросил он. — Это грозит вырасти в огромное дело.

В отличие от сомневающегося Луна, Пачеко как будто был исполнен оптимизма.

— Настоящий небоскреб! — подхватил он одобрительно, улыбаясь Лейси.

— Так и есть, — согласилась она. — Нам на такой не вскарабкаться. Расследование организованной преступности — не наш хлеб. Наш мир — оступившиеся судьи, наделавшие глупостей. Они совершают этические ошибки, но редко нарушают законы. Такого, как тут, мы еще не видели.

Луна отодвинул накопившуюся у него стопку бумаг и сцепил пальцы

за затылком.

— Согласен, вы не коп, но все равно расследователь. Вы занимаетесь этим уже несколько недель. Представьте себя на нашем месте, мисс Штольц. Как бы вы действовали?

— Я бы начала с убийства Хьюго Хэтча. Конечно, я вовлечена эмоционально, но это преступление расследовать проще, чем пытаться раскрыть тайну сотен оффшорных юридических лиц и отследить деньги. Кто-то угнал пикап. Возможно, за руль сел кто-то другой. Это организация, у нее есть босс, отдающий приказы. Как ни странно, к убийству можно отнестись как к подарку: Дьюбоз нанес слишком сильный удар, и ему может грозить отдача. Он всю жизнь провел в мире насилия и запугивания. Иногда эти люди заходят слишком далеко. Дьюбоз почувствовал угрозу, и инстинкт подсказал ему применить всю силу.

— Вы не сомневаетесь, что из разбитой машины забрали оба сотовых телефона и айпад? — уточнил Пачеко.

— Нисколько не сомневаюсь. Им была нужна информация, но одновременно это и предупреждение. Наверное, Дьюбоз хотел веско намекнуть, что они рядом и все держат под контролем.

— Вы знаете, что они были рядом? — тихо спросил Пачеко.

— Да. Я помню не все, но кто-то точно шарил вокруг, кто-то с включенным фонарем на лбу. Один раз луч фонаря ударил мне в лицо. Я помню звуки шагов по битому стеклу. Кажется, там было двое людей, но я была в полубессознательном состоянии.

— Немудрено, — сказал Пачеко.

— Таппаколы не проведут расследование аварии по всем правилам, — продолжила Лейси. — Там уже уволили констебля, и теперь его место занял сынок вождя. Напрашивается вывод, что у них рыльце в пушку и они торопятся спустить дело на тормозах как заурядную аварию.

— Хотите сказать, вождь индейцев — сообщник Дьюбоза? — подал голос Луна.

— Безусловно. Это не вождь, а царек, никто не смеет ему перечить, и он во все посвящен. Невозможно поверить, что преступники доят казино, а он ни при чем.

— Вернемся к телефонам, — предложил Пачеко. — Вы уверены, что они их не взломают?

— Не взломают, — заверил его Майкл. — Это служебные телефоны, собственность штата. Вдобавок к пятизначному секретному коду там использован шифр. Наши айтишники голову дают на отсечение, что взлом невозможен.

— Взломать можно что угодно, — возразил Луна. — Предположим, у них получилось. Что бы они оттуда извлекли?

— Ужасно! Лучше такое не предполагать, — поморщился Майкл. — Все номера телефонов. Так они, чего доброго, сумели бы добраться и до Грега Майерса.

— Надо полагать, мистер Майерс пока жив-здоров? — спросил Луна.

— Жив-здоров, — подтвердила Лейси. — Им его не найти. Он побывал здесь, в Таллахасси, две недели назад, чтобы навестить меня и справиться о моем здоровье. Все его старые телефоны лежат на дне морском, у него целый запас одноразовых дешевок.

— А ваш айпад? — поинтересовался Пачеко.

— Там нет ничего, что могло бы им помочь. Все только личное.

Луна отодвинулся от стола вместе со стулом и поднялся, чтобы размять ноги.

— Хан! — позвал он.

Хан, оставаясь на своем месте, покачал головой, ему определенно не терпелось внести свой вклад в обсуждение. «Возможно, он — секретное оружие», — подумала Лейси.

— Не знаю, — произнес он. — Ну, бросаем мы на это дело человек шесть наших агентов. Какой будет результат? Денежки утекают на иностранные счета, только их и видели. Доению казино конец. Индейцы трепещут перед Дьюбозом и дружно молчат.

— Мне нравится, — пробормотал Пачеко.

— Я бы сделала не так, — возразила Лейси. — Лучше тихо поискать водителя пикапа. Допустим, вам повезло, вы его нашли. Перед перспективой провести всю оставшуюся жизнь в тюрьме он может заговорить, чтобы добиться досудебной сделки.

— Защита свидетелей? — подсказал Пачеко.

— Это ваши игры. Уверена, вы хорошо разбираетесь в правилах.

Луна снова уселся, отодвинул бумаги еще дальше и устало потер глаза.

— Расскажу вам о нашей проблеме, — заговорил он. — Наш босс сидит в Джэксонвилле. Мы готовим свои рекомендации, а он принимает решение. Часть нашей работы — определить, сколько понадобится людей и человеко-часов. Признаться, это всегда напрасная трата времени, потому что мишень вечно перемещается, и никогда не знаешь, во что выльется расследование. Но правила приходится соблюдать, это вам не что-нибудь, а федеральное агентство. Значит, босс читает наши рекомендации. В данный момент у него в мыслях нет устраивать налет на индейское казино. Скорее всего его не впечатлит автокатастрофа, за которой может скрываться нечто

другое. Сейчас мы заточены на борьбу с террором. Мы отслеживаем спящие ячейки террористов и американских подростков, общающихся в чатах с джихадистами и с отечественными идиотами, пытающимися собирать бомбы в гаражах. Должен вам сказать, вокруг творится черт знает что. У нас не хватает людей, часто возникает чувство, что мы все больше отстаем от противника. Мы никогда не забываем, что 11 сентября опоздали ровно на сутки. Вот он, наш мир, вот какое давление мы испытываем, извините за пафосную речь.

Какое-то время все молчали. Потом Майкл нарушил тишину:

— Мы все понимаем. Но организованная преступность никуда не девается.

Луна усмехнулся:

— Куда ей деваться? Скажу больше: это дело — в самый раз для ФБР, но я не уверен, что наш босс с этим согласится.

— Можно поинтересоваться, что вы порекомендуете? — спросила Лейси.

— Поинтересоваться можно, другое дело, что немедленного ответа не будет. Мы тут помозгуем денек-другой, а потом отошлем все дело в Джексоновилл со своим рапортом.

Его поза и мимика говорили о нежелании вмешиваться. У Пачеко был такой вид, будто он, наоборот, готов хоть сейчас, вооружившись значком, приступить к допросу свидетелей. По виду Хана нельзя было сказать ровным счетом ничего.

Лейси собрала свои бумаги в аккуратную стопку. Встреча завершилась.

— Спасибо, что выслушали, — произнесла она. — Спасибо за уделенное нам время. Мы продолжим расследование, ожидая вашего ответа.

Пачеко вышел из комнаты вместе с ними, желая провести в их обществе как можно больше времени, даже спустился с ними в лифте. Майкл не сводил с него глаз. Сев вместе с Лейси в машину, он заметил:

— Не пройдет и двадцати четырех часов, как он тебе позвонит. Казино будет ни при чем.

— Ты прав, — сказала Лейси.

— Ты держалась молодцом.

Глава 25

По секретарше можно было проверять часы: ровно в девять утра она постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, вошла и положила на стол Лейси свежую почту. Лейси улыбнулась и сказала «спасибо». Вся ненужная корреспонденция мигом отправилась в корзину, на макулатуру. Осталось только шесть адресованных самой Лейси конвертов. На пяти был написан обратный адрес, шестой выглядел подозрительно. С него она и начала. Там лежала записка от руки:

«Лейси Штольц: Это Уилтон Мейс. Я пытался звонить, но ваш телефон не работает. Нам надо поговорить, и поскорее. Мой номер 555-996-7702. Я в городе, жду. Уилтон».

Она тут же позвонила по этому номеру со своего городского телефона. Уилтон остановился в отеле «Дабблтри» в трех кварталах от Капитолия; он уже третий день ждал там ее звонка и предложил личную встречу, обещая важные сведения. Лейси ответила, что сейчас будет, и пересказала разговор Гейсмару. Тот заботился прежде всего о ее безопасности, что ее даже злило. Правда, Майкл не спорил, что встреча в популярном центральном отеле вряд ли представляет опасность. Просто настаивал, чтобы Лейси сообщала ему обо всех поездках и беседах, связанных с делом Макдоувер. Вслух она не возражала, но подчиняться не собиралась, хотя ее желание рисковать было теперь близко к нулевой отметке.

Как они и условились, Уилтон встретил ее у центрального входа. Они нашли уединенный столик в кафе в дальнем конце лобби. Для поездки в большой город он не стал изменять своим правилам и оделся в то же, в чем Лейси видела его под тенистым деревом несколько недель назад: джинсовая рубашка и брюки, бусы на шее и запястьях, связанные на затылке в хвост длинные волосы. Она помнила, что Уилтон ни на минуту не перестает волноваться за судьбу брата. Пока ждали кофе, он выразил свои искренние соболезнования в связи с гибелью Хьюго, который ему понравился, спросил, как заживают ее раны, и сказал, что она отлично выглядит.

— Что вы знаете об аварии? — спросила Лейси. — Что говорят на улице?

В городе Уилтон говорил так же медленно, как в резервации, сохраняя

непоколебимое спокойствие.

— Много подозрений, — ответил он.

Официантка принесла кофе: темный и крепкий ему, латте ей. Лейси выдержала длинную паузу, потом произнесла:

— Я вас слушаю.

— Вам что-нибудь говорит имя Тодд Шорт? — поинтересовался Уилтон.

— Возможно, я уже где-то его слышала. Подскажите, кто это.

— Один из двух тюремных доносчиков, давших показания против моего брата. До суда копы подсаживали их по одному на день-два в камеру моего брата. Оба солгали присяжным, будто Джуниор хвастался им, как убил сукиного сына, которого застал со своей женой. Ее он тоже будто бы убил. Эти показания сделали свое дело — погубили Джуниора.

Лейси пила свой латте и кивала. Ей было нечего добавить, вытягивать из него сведения насильно не хотелось.

— Ну, а вскоре после процесса Тодд Шорт исчез. Второй доносчик, Диггер Роблес, тоже пропал. Прошло много лет, и все решили, что их украли те же люди, которые убили Сона и Эйлин. Так вот, теперь, через пятнадцать лет, этот Шорт снова всплыл. Я с ним говорил.

Новая долгая пауза, заполненная дегустацией кофе. Когда у Лейси закончилось терпение и она уже собиралась спросить: «Вы мне сообщите, что он сказал?», Уилтон огляделся, откашлялся и заговорил сам:

— Я встретил его три дня назад, за резервацией. Увидел — и сразу вспомнил, как раньше его ненавидел. Захотелось разбить ему камнем физиономию, но вокруг были люди, — это такая харчевня, где едят жареную курицу. И тут Шорт заводит речь про то, как ему стыдно и все такое. Он, мол, был перекаати-полем, наркоманом на заметке у полиции, вел никчемную жизнь. С Роблесом был знаком плохо, но слышал, что вскоре после суда того вроде бы пристукнули. Сам Шорт отправился куда подальше, дополз до Калифорнии и там спрятался. Стал почти приличным человеком. Теперь он, мол, умирает от рака и хочет снять камень с души, покаяться в грехах.

— Что за грехи?

— Тогда Шорт сидел в каталажке в Стерлинге, ждал нового приговора суда за торговлю наркотой. Кому хочется снова на нары? Вот и стал легкой добычей для копов. Они предложили сделку. Обвинитель согласился, чтобы он взял на себя какую-нибудь мелкую вину, отсидел пару недель в окружной тюрьме — и на волю, свободным человеком. А за это всего и надо было, что провести пару деньков в камере с Джуниором, а потом дать

нужные показания в суде. Я там находился и все видел. Показания были такие, что не отвертишься. Кто не любит байки про секс? Шорт показал, что Джуниор расписывал, как раньше времени вернулся домой, услышал из спальни странные звуки, понял, что там происходит, взял дробовик, вышиб дверь спальни и застукал свою жену в постели с Соном Разко. Психанул, дважды пальнул Сону в башку. Эйлин орала, как резаная, вот он и ее прикончил. После этого — ну, разве не чушь? — забрал бумажник Сона и был таков. Бесстыжее вранье, но присяжные поверили Шорту. Заявить, что убийства были совершены в порыве гнева, безотчетно, значило бы сознаться в убийстве. Джуниор был совершенно ни при чем, вот и не прибег к этой очевидной тактике защиты. Говорю же, у него был никудышный адвокат.

— Шорту заплатили за оговор?

— После показаний коп сунул ему две тысячи. Сначала, неделю-другую, Шорт болтался в окрестностях, потом до него дошли слухи о Роблесе, и он сбежал.

Перед Лейси лежал телефон с выключенным звуком. Сейчас он завибрировал.

— Почему вы поменяли номера? — спросил Уилтон.

— Мои телефоны — собственность штата. Прежний украли из машины после аварии. У теперешнего новый номер.

— Кто украл?

— Вероятно, те же, кто устроил аварию. Так что за планы у Шорта теперь?

— Поделиться своей историей с кем-нибудь, кто захочет его выслушать. Шорт солгал, копы и обвинитель знали, что он лжет, и теперь он себе места не находит.

— Герой, да и только! — фыркнула Лейси, поднося ко рту чашку с латте и оглядывая людное гостиничное лобби. За ними никто не наблюдал, никто их не подслушивал, но в эти дни она поневоле оставалась настороже.

— Послушайте, Уилтон, это может послужить полезной ниточкой, но дело Джуниора веду не я. Его апелляциями занимаются вашингтонские адвокаты, ему с ними очень повезло. Вам придется обратиться к ним. Им решать, как быть с Тодом Шортом.

— Я звонил им два раза, но они очень заняты. Так и не поговорили. Последнюю апелляцию Джуниора отклонили неделю назад. Скоро ждем назначения даты казни. Его адвокаты бились, как львы, но уткнулись в тупик.

— Вы сказали об этом Джуниору?

— Я увижу его завтра. Он спросит, что будет теперь, когда один из доносчиков раскололся. Джуниор вам доверяет, Лейси. Я тоже.

— Спасибо, но я не адвокат по уголовным делам и не представляю, как действовать теперь, по прошествии пятнадцати лет. Предъявление новых улик ограничено сроком давности, но я этого закона не знаю. Если вы хотите совета, то я не та, к кому надо за ним обращаться, не тот юрист. Я бы помогла, если бы могла, но это не тот случай.

— Вы могли бы поговорить с адвокатами в Вашингтоне? У меня не получается.

— Почему этого не делает сам Джуниор?

— Он говорит, в тюрьме всегда подслушивают. Он считает, что его телефоны на прослушке. Со своими вашингтонскими адвокатами Джуниор давно не виделся и боится, что теперь, когда уже близок конец, они могли вообще про него забыть.

— Это неправда. Если доносчик, желающий изменить прежние показания, покажет под присягой, что копы и обвинитель знали, что он лгал, и оплатили его ложь, то адвокаты этого так не оставят, можете мне поверить.

— Думаете, надежда еще есть?

— Даже не знаю, что думать, Уилтон. Поймите, я такими вещами не занимаюсь.

Уилтон улыбнулся и умолк. По лобби с бренчанием шпор прошествовала команда наездников с родео в одинаковых сапогах и шляпах. Когда бренчание стихло, он спросил:

— Вы знакомы с Лиманом Гриттом, бывшим констеблем?

— Нет. Я слышала, что его уволили. За что?

— Он хороший человек.

— Не сомневаюсь. Почему вы о нем вспомнили?

— Он может что-то знать.

— Что именно, Уилтон? Со мной можно говорить начистоту.

— Сам не знаю. Но вождь его прогнал. Он с ним на ножах. Вождь уволил Лимана через несколько дней после вашей аварии. Поползли слухи, Лейси. Племя взволновано. Чернокожий мужчина и белая женщина что-то вынюхивали в резервации на ночь глядя. Мужчина погиб при подозрительных обстоятельствах.

— Подозрительно, что он был черным?

— Конечно, нет. Нас не интересует цвет кожи. Но, согласитесь, это как-то необычно. Все давно поняли, что за казино стоят плохие люди, спевшиеся с нашими так называемыми предводителями. И вот все начинает

выплывать наружу. Находятся люди, вы и Хьюго, которым хватает смелости начать задавать вопросы. Он поплатился за это жизнью, вы чуть было не разделили его судьбу. Наш новый констебль, не заслуживающий никакого доверия, хоронит расследование. Как тут не возникнуть слухам, Лейси? А тут еще появляется как из-под земли Тодд Шорт со своим рассказом. Очень тревожно, если не сказать хуже.

То ли еще будет, когда вмешается ФБР, подумала Лейси. И спросила:

— Обещаете держать меня в курсе?

— Это зависит от того, что я узнаю.

— Я позвоню адвокатам в Вашингтон, — пообещала она. — Это-то мне под силу.

— Спасибо.

— Привет от меня Джуниору.

— Может, сами его навестите? К нему мало кто заглядывает, и дело близится к концу.

— Навещу. Он знает про Хьюго?

— Знает, я ему сказал.

— Передайте, что я обязательно у него побываю, как только сумею вырваться.

— Вы очень его порадуете, Лейси.

Лейси рассказала об этой встрече Майклу и быстро просмотрела уголовное дело Джуниора. Потом позвонила в вашингтонскую юридическую фирму и выцарапала с совещания адвоката по фамилии Зальцман. Фирма была огромная, с тысячей юристов и превосходной репутацией некоммерческого представительства. За пятнадцать лет, прошедших после осуждения Джуниора, она добросовестно занималась его защитой. Лейси сообщила Зальцману, что Тодд Шорт вынырнул из небытия, хотя его смерть не за горами. Адвокат отнесся к этой новости недоверчиво: Шорт и Роблес отсутствовали слишком долго. Лейси сообразила, что не разбирается в тонкостях, и спросила, не поздно ли заявить о вновь вскрывшихся обстоятельствах.

— Не просто поздно, а очень поздно, — ответил Зальцман. — Но мы привыкли не терять надежды до самой последней минуты. Я скоро буду у вас.

Появление в их офисе специального агента Элли Пачеко не удивило Лейси. Он позвонил под конец рабочего дня и сказал, что находится поблизости и заглянет на несколько минут. После встречи в кабинете его босса Луна прошло четыре дня. Удивительно было другое — что за это

время Пачеко не звонил Лейси и не слал ей мейлов.

Майкл и она усадили его за заваленный бумагами письменный стол в кабинете Гейсмара и сразу же убедились, что он настроен иначе, чем раньше, совершенно по-деловому. Пачеко начал серьезно, без намека на улыбку:

— Вчера в Джэксонвилле мы с Луна представили дело нашему боссу. Мы рекомендовали начать немедленное расследование. Мы согласны с вашей стратегией: первым шагом должна стать попытка раскрыть убийство Хьюго Хэтча. Одновременно мы бы попробовали проникнуть в эту запутанную сеть оффшорных компаний и отследить деньги. Мы установили бы наблюдение за судьей Макдоувер, Филлис Турбан, вождем Кэппелом и Билли Кэппелом и, возможно, добились бы ордера на прослушивание их телефонов и офисов. Первоначально потребовалось бы пять агентов, которые поступили бы в мое распоряжение. Сегодня утром босс ответил «нет», сославшись на нехватку людей. Я попробовал на него нажать, но он человек твердый, раз сказал «нет», то не передумает. Итак, наш официальный ответ отрицательный. Мне очень жаль. Мы сделали все, что могли, давили изо всех сил, хотя слово «давить» здесь, наверное, не самое правильное...

Майкл не шелохнулся, Лейси с трудом сдержалась, чтобы не выругаться.

— Есть шанс, что решение изменится, если мы узнаем больше? — спросила она.

— Кто знает? — Пачеко и сам еле держал себя в руках. — Перемены возможны в обе стороны. Флорида была и остается излюбленным местом для проникновения в страну извне. Нас захлестывают сигналы о нелегальном въезде людей, не намеренных мыть посуду и заливать бетон. Они организуют местные таланты, готовые к джихаду. Обнаружить их, отследить и остановить — вот нынешний приоритет, а вовсе не коррупция, в отличие от того, что было раньше. Но давайте не прекращать диалог. Я остаюсь на связи. Если что-то произойдет, сразу сообщайте мне.

«Если что-то произойдет...» После его ухода Майкл и Лейси долго сидели, делясь своими мыслями. Они согласились, что разочарованы, и больше к этому не возвращались. При отсутствии внешних ресурсов нужно было прибегнуть к собственной смекалке. На данном этапе их главным оружием была повестка. Используя одну из многочисленных памяток, подготовленных Сейделл, они решили составить список из двух десятков дел, решенных Макдоувер в пользу загадочных структур, занимавшихся строительством в округе Брансуик. В одиннадцати случаях она вынесла

обвинительные приговоры, итогом которых стало строительство на земле таппаколов платной дороги.

Обладая большой самостоятельностью в выписке повесток, Майкл и Лейси решили затребовать у Макдоувер только половину этих дел. Если бы они затребовали их все, то выдали бы свои намерения и подозрения. А так можно было посмотреть, что она и ее команда юристов готовы предоставить, чтобы в дальнейшем затребовать еще. Повестки надолго усаживали Килбру и его подручных за далеко не бесплатную работу.

Все до одного судебные дела находились в архиве окружного суда, и Сейделл давно уже получила их копии, рассортировала их и привела в образцовый порядок. Не было сомнений, что то, что они получают от Килбру, будет иметь по сравнению с этим взъерошенный и неполный вид. Впрочем, все судьи собирали собственный архив, отличавшийся от публичного, и сотрудникам КПДС не терпелось взглянуть, насколько велики эти отличия в случае судьи Макдоувер.

Лейси провозилась с повестками до темноты, стараясь не вспоминать про ФБР.

Глава 26

Ее планы нарушил Гюнтер. Позвонив ленивым субботним утром, он сообщил, что летит во Флориду и приземлится в середине дня. Лейси лицемерно изобразила занятость, но безрезультатно: он соскучился по сестренке, очень за нее переживал и несколько раз извинился за то, что так долго у нее не был. Гюнтер знал, что нужен ей, — что с таким поделаешь?

Лейси стояла у окна терминала и наблюдала взлет и посадку маленьких частных самолетов. В три часа дня — это было время приземления Гюнтера по расписанию — к терминалу подкатил двухмоторный самолетик. Из него вышел один Гюнтер. За его плечами было двадцать лет самостоятельных полетов, отмеченные двумя случаями лишения лицензии. Он по своей привычке спорил даже с диспетчерами во время полета. Такие споры никогда не заканчивались в пользу пилотов. Теперь ему, видимо, в очередной раз удалось восстановить свою лицензию.

Гюнтер нес совсем маленький чемоданчик — Лейси приняла это за хороший знак — и толстый портфель, набитый, видимо, бумагами для неотложного рассмотрения. Он заключил сестру в свирепые объятия, одобрил ее вид и стал едва не плача расписывать, как по ней соскучился. Лейси пыталась соответствовать предложенному им накалу чувств.

— Ты снова в воздухе! — сказала она, выходя с ним из терминала.

— Этим дурачкам из Авиационного агентства не удержать меня на земле! — гордо отозвался Гюнтер. — Две недели назад мне вернули лицензию.

— Симпатичный самолетик.

— Одолжил у приятеля.

Они подошли к ее машине, все тому же маленькому «форду», удивившему Гюнтера своей миниатюрностью.

— Я его арендую, — объяснила Лейси. — Никак не решусь на новую покупку.

Гюнтер знал о машинах все и немедленно стал инструктировать ее о подходящих моделях.

— Будет время — можно заняться приобретением.

— Хорошая мысль! — согласилась она. Брат ездил на «мерседесе». В памяти Лейси теснились его «мазерати», «хаммер», «порше», черный «ренджровер» и разговоры о «роллс-ройсе». Как бы ни складывался его риелторский бизнес, Гюнтер любил разъезжать по Атланте стильно. Лейси

трудно было представить, как, помогая ей с выбором машины, он умудрился бы уложиться в ее скудный бюджет.

В пути брат сразу обратил внимание на ее опасливый стиль вождения.

— Тебе комфортно за рулем? — осведомился он.

— Не очень, но кое-как справляюсь.

— У меня никогда не бывало серьезных аварий. Наверное, нужно какое-то время, чтобы вернуться в седло.

— Довольно длительное.

— Ты отлично выглядишь, — повторил он уже в третий раз. — Мне нравятся твои волосы. Может, тебе перейти на короткую стрижку?

— Ни за что на свете! — крикнула Лейси со смехом. Спустя месяц после выхода из больницы ее голова была покрыта мягким пухом, более темным, чем сбритые локоны, но это ее не беспокоило. Растут — и хорошо. Она уже отказалась от платков и шляпок и перестала обращать внимание на любопытные взгляды.

Гюнтера интересовало, как продвигается ее расследование делишек продажной судьи и ее связей с казино. Лейси коротко ввела его в курс дела. Гюнтер умел держать язык за зубами, в Атланте ему не с кем было об этом болтать, однако полностью пренебречь правилами конфиденциальности она не могла. Лейси призналась, что они уперлись в стену: нежелание ФБР заняться этим делом выглядело непреодолимой преградой.

Она сразу пожалела о своей откровенности: Гюнтер оседлал своего любимого конька и всю дорогу до ее квартиры не слезал с него. Он обрушивался на федеральное правительство, его раздутые штаты и бесчисленные агентства, на бесполезную бюрократию и глупую политику. Он вспоминал собственные борения с Управлением по охране окружающей среды, Комиссией по обеспечению равных условий найма, Внутренней налоговой службой, даже с министерством юстиции, но при этом не вдавался в подробности своих столкновений с законом, а Лейси не требовала уточнений. Как смеет ФБР со своим миллионом агентов и многомиллиардным бюджетом отказываться преследовать вопиющую коррупцию? Уже есть труп, а фэбээровцам хоть бы что! Гюнтер был ошеломлен, Гюнтер рвал и метал.

Дома он занес чемоданчик и портфель в гостиную. Лейси предложила ему на выбор чаю или воды, и он попросил диетической колы. Прошло около десяти лет с тех пор, как Гюнтер покончил с алкоголем, и он уже не был хрупким и боязливым выздоравливающим. Его бывшие запои стали семейной легендой, темной и пугающей. По настоянию родных он дважды ложился в клинику, и оба раза безуспешно. Лишение прав за пьяное

вождение, развод и банкротство — все это обрушилось на Гюнтера одновременно, отчего он в 32 года решительно отказался от выпивки и наркотиков и положился на судьбу. Какое-то время он даже работал добровольцем в реабилитационной клинике для подростков. Теперь он свободно отвечал на любые вопросы о своих былых пристрастиях.

Лейси знала об этом его свойстве — легко и свободно обсуждать все на свете. Чтобы увести разговор от самых чувствительных тем, она рассказала ему о своей встрече в гостинице с Уилтоном Мейсом. Далее последовало долгое повествование об убийстве Сона Разко и Эйлин Мейс, о суде над Джуниором и о многом другом. Лейси не вела эти дела, о них можно было прочесть в открытых источниках, поэтому на них не распространялись правила конфиденциальности.

Гюнтеру, как большинству белых людей, мысль о невиновном человеке, ждущем смерти, показалась абсурдом. Не иначе, Джуниор в чем-то виновен, иначе не оказался бы в числе смертников. Последовал долгий бессмысленный спор на повышенных тонах о системе уголовного правосудия. Закон был стержнем всей жизни Лейси, она понимала его изъяны. Гюнтер жил и дышал строительством, продажей недвижимости и деланием денег, все остальное вызывало у него мало интереса. Он признался, что редко берет в руки газету, а когда берет, то ограничивается деловым разделом. Для него стало сюрпризом недавнее оправдание в Джорджии по результатам теста ДНК двоих мужчин, один из которых просидел 29 лет по обвинению в изнасиловании и убийстве, которых не совершал. По мнению Гюнтера, тюрьмы были переполнены из-за зашкаливающего уровня преступности.

Ему еще предстояло несколько деловых звонков. Лейси тоже утомилась и нуждалась в отдыхе. Она отвела его на терраску за кухней, где стоял чугунный столик. Это было отличное место для его походного кабинета.

Поужинать они решили в тайском ресторане рядом с университетским кампусом. Едва сев, Гюнтер полез в карман за сотовым телефоном.

— Мне надо отправить мейл, сестренка, — объяснил он, уже водя пальцем по клавишам.

Лейси хмуро наблюдала за ним, пока он не уgomонился.

— Значит, так, — начала она. — Все телефоны на стол, звук выключен. Завибрируют — посмотрим, кому неймется.

— Я собирался предложить то же самое.

— Не сомневаюсь.

Лейси достала из сумочки айфон и выданный в КПДС новенький «блэкберри». Гюнтер выложил рядом с ними два свои аппарата.

— Что это? — спросил он, тыча пальцем в «блэкберри».

— Это от штата. Предшественника украли из разбитой машины.

— Бесследное исчезновение?

— Был — и нету. Наш умелец утверждает, что взлом невозможен. Надеюсь, мы в безопасности. Ах да, чуть не забыла. — Лейси достала из переднего кармана брюк полученный от Майерса дешевый телефон.

— У тебя три телефона? — удивился Гюнтер.

— Этот не в счет. — Она положила третий телефон рядом с первыми двумя. — У Майерса такой же. Он меняет за месяц несколько штук.

— Смышленный парень! Когда ты говорила с ним последний раз?

— Пару недель назад. Тогда он как раз дал мне этот телефон.

Принять заказ подошла азиатка с экзотической внешностью. Гюнтер заказал чай и предложил Лейси вино. Это был ритуал, испытанный ими уже сотню раз. Она старалась не создавать ему соблазн, а брат гордился тем, что соблазн на него не действует. К тому же вино его никогда не привлекало: слабовато и слишком цивилизованно. Лейси попросила бокал шабли. Начать решили с блюда фаршированных блинчиков. Когда принесли напитки, они стали сравнивать свои последние разговоры с матерью. Тут один из телефонов издал робкое жужжание. Это был экспонат в центре коллекции, от которого меньше всего ожидалось признаки жизни.

Майерс! Лейси вздохнула и неуверенно пробормотала:

— Возьму, пожалуй.

— Бери, бери.

Она медленно, не переставая оглядываться, открыла телефон и тихо сказала в него:

— Только добрые вести!

— Я ищу Лейси Штольц, — раздался в телефоне незнакомый голос.

Она колебалась, уверенная, что звонит не Грег Майерс.

— Лейси слушает. Кто это?

— Мы не встречались, но оба знакомы с Грегом. Я посредник, тот, кто имеет дело с «кротом». Нам надо поговорить.

Это до такой степени нарушало все правила, что Лейси похолодела и едва не лишилась чувств. Видимо, на ее лице отразился ужас, потому что Гюнтер участливо тронул ее руку.

— Где Грег? — спросила она. Гюнтер вопросительно прищурился.

— Не знаю. Это нам и надо обсудить. Я в городе, недалеко от вас. Как быстро мы можем увидеться?

- Я ужинаю. Я...
- Тогда через два часа. Давайте ровно в десять. Между Новым и Старым Капитолиями есть сквер. Давайте на ступеньках в десять часов.
- Каков сейчас уровень опасности?
- Прямо сейчас для нас с вами непосредственной опасности нет.
- Ладно, только со мной будет брат, любитель огнестрельного оружия. Ему захватить на всякий случай револьвер?
- Нет, Лейси, мы с вами на одной стороне.
- С Грегом что-то случилось?
- Поговорим об этом позже.
- У меня пропал аппетит. Я буду на месте через полчаса.

Вокруг Капитолия горели фонари, в гуляющих не было недостатка. Субботним вечером люди, работающие на штат Флорида, наслаждались выходным. Но на ступеньках Старого Капитолия маячила одна-единственная фигура в шортах, кедах и бейсболке — в толпе такая не привлекла бы внимания. В последний раз затянувшись сигаретой, мужчина затушил каблуком окурок и направился к ним.

- Вы, наверное, Лейси, — сказал он, протягивая руку.
- Да. Это мой брат Гюнтер.
- Я Коули. — Он быстро подал обоим руку. — Пройдемся. Они не спеша побрели через сквер.
- Не знаю, что вам обо мне известно, — начал Коули. — Скорее всего, немного.
- Я впервые слышу ваше имя, — призналась Лейси. — В чем дело? — Она догадывалась, что с Грегом что-то произошло, иначе Коули не обозначился бы и им не пришлось бы встречаться.
- Четыре дня назад, — заговорил Коули на ходу, — Майерс и его подруга Карлита ныряли с аквалангами в Ки-Ларго.
- Я знакома с Карлитой.
- Потом они причалили, и Грег сказал, что у него какая-то встреча в баре. Он ушел, а Карлита осталась на борту. Назад он не вернулся. Через несколько часов она забеспокоилась. Когда стало темнеть, Карлита увидела двух незнакомцев, наблюдавших издали за яхтой. Так ей, во всяком случае, показалось. В бухте было суматошно, много катеров и яхт, кто-то швартовался, кто-то отплывал; те двое вскоре исчезли. Тем же вечером она позвонила мне — так было договорено на экстренный случай. Понятно, что она растеряна и напугана, не знает, как дальше быть. Грег редко сходил на берег, и Карлита всегда знала, когда он вернется. Иногда они закупали

припасы, но обычно делать покупки было обязанностью Карлиты. Если они заходили в кино или в ресторан, то только вместе. Грег был осторожен и все заранее планировал.

Они удалялись от Капитолия по улице Дюваль — с виду троица друзей, прогуливающаяся душным вечером.

— Что с его телефонами, лэптопом, файлами, записями? — спросила Лейси.

— На борту осталось кое-что под присмотром Карлиты. Откровенно говоря, я не знаю, что там. Он с «кротом» не знаком. Мы с ним говорили или с глазу на глаз, или по одноразовым телефонам, старались не оставлять следов. Но он же юрист, значит, обязательно делал какие-то записи. Пока Карлита ждет: может, он вернется, может, я посоветую ей, как быть. Но для меня подняться на борт — недопустимый риск.

— А они смогут вас опознать? — осведомилась Лейси.

— И заодно выдать себя? Не думаю, что они знают, кто я такой, но лучше побережься. Явиться за ней я не смогу.

— Она не сумеет уплыть сама? — поинтересовался Гюнтер.

— Где ей! Карлита даже завести двигатель не может, не говоря о том, чтобы подавать задним ходом. Да и куда ей плыть?

Лейси увидела скамейку.

— Давайте сядем.

Они с Гюнтером опустились на скамейку — брат не выпускал ее руку; Коули опять закурил, контролируя обстановку вокруг. Других пешеходов поблизости не было.

— Грег объяснял, — заговорила Лейси, — что он уже несколько лет в бегах, потому что в свое время нажил много врагов. Вдруг прошлое его настигло?

Коули выпустил струйку дыма.

— Сомневаюсь. Мы познакомились в тюрьме. Я тоже раньше был адвокатом, но меня выкинули из профессии. Мы сошлись как двое отлученных от адвокатуры осужденных, отбывающих срок в техасской федеральной тюрьме. От другого заключенного я узнал о Вонне Дьюбозе и об индейском казино, поэтому, выйдя на свободу, вернулся во Флориду и стал вынюхивать, что к чему. Это долгая история; в конце концов я вышел на «крота», и все завертелось. Теперь это выглядит глупо: вам крепко досталось, ваш приятель вообще погиб, а Майерс, должно быть, колышется где-то на глубине сотни футов с кирпичом на шее.

— Думаете, это работа Дьюбоза? — спросил Гюнтер.

— Скорее всего. Да, у Грега были враги, но с тех пор утекло слишком

много воды. Я знаю кое-кого из тех, кого он выдал. Это не организованная банда. Грег попортил им кровь, но они не из тех, кто способен потратить годы на поиски, чтобы в конце концов всадить пулю ему в лоб и еще больше испортить себе жизнь. Их главарь Кубяк все еще за решеткой. Тем временем Грег ставит свое имя на исковой жалобе, угрожает клану Дьюбоза и — подумать только! — через несколько дней исчезает. Можно задать вопрос по процедуре?

Лейси пожала плечами.

— Майерс подал исковую жалобу на судью Макдоувер, после чего пропал. Жалоба остается в силе?

Лейси задумалась:

— Не уверена. Не припомню похожих случаев.

— Вы хотите, чтобы разбирательство по жалобе продолжалось? — уточнил Гюнтер.

Коули и Лейси промолчали. Коули неторопливо докурил сигарету и небрежно бросил окурок на тротуар; при других обстоятельствах Лейси сделала бы ему замечание, но сейчас было не до того.

— Каковы наши планы? — спросила она.

— Карлита не может бесконечно сидеть на яхте, — ответил Коули. — Скоро у нее закончится еда и вода, портовый инспектор требует плату за стоянку. Мне бы хотелось обеспечить безопасность ей и вещам Грега: телефонам, файлам, всему, что надо бы сохранить. Но риск слишком велик. Кто-то почти наверняка наблюдает и ждет.

— Я бы взялся, — брякнул вдруг Гюнтер.

— Даже не думай! — отрезала Лейси. — Не смей приближаться к этой посудине!

— А что? В аэропорту меня ждет маленький самолет. Два часа — и я в Ки-Ларго. Они — если они действительно там — понятия не имеют, кто я такой. Карлита будет знать, что я за ней приду, и подготовится. Она подскажет, где именно стоит яхта. Я быстро заскочу и выскочу, никто ничего не заметит. А если даже нас засекут и примчатся за нами в аэропорт, то откуда у них самолет, чтобы продолжить погоню? Я высажу ее где-нибудь по пути, а дальше она поедет на автобусе куда захочет.

— Что, если вам попытаются помешать? — спросил Коули.

— Помните слова моей сестры? Оружие — моя страсть, у меня всегда «пушка» в кармане. И вообще, я парень не робкого десятка.

— Даже не знаю, Гюнтер... — протянула Лейси. Зато Коули уже воодушевился.

— Так и сделаем, сестренка! — заключил Гюнтер. — Риск

минимальный, зато выигрыш — о-го-го! Я помогу всей вашей команде и защищу тебя.

Глава 27

Поздним вечером в субботу Гейсмар решил поставить на их плане жирный крест. Он негодовал: опять Гюнтер сует нос в дело Макдоувер! Лейси он отругал за недопустимую в их профессии неосторожность. Она отбивалась, как могла: объясняла, что Коули подловил их во время ужина вдвоем, поэтому она никак не могла скрыть происходящее от своего брата, обладателя острого слуха и не признающего никаких «нет». Лейси напомнила боссу, что тот сам рассказал Гюнтеру за кофе в больнице, пока она лежала в коме, больше, чем следовало. Это расследование отличалось от всех прежних и требовало нестандартного подхода.

Еще более чувствительной темой было исчезновение Майерса со всеми сопутствующими осложнениями. Лейси настояла на встрече с боссом в КПДС уже воскресным утром. Гейсмар выдвинул условие: он не желал видеть Гюнтера. Брату Лейси пришлось ждать в машине, и он не терял времени зря: без перерыва орал по телефону на выдернутого из постели банкира.

За ночь Гейсмар перестал гневаться и был готов слушать. Лейси поделилась последними новостями от Коули. Тот с утра пораньше успел потолковать с Карлитой и доложил, что все остается по-прежнему. Майерс не объявлялся. Карлита хлопотала на яхте, делая вид, что ничего не изменилось: драила палубу, мыла иллюминаторы, наводила уют — а на самом деле следила, не появятся ли подозрительные люди. Она была убита горем, напугана, осталась без цента, рвалась домой, в Тампу — но на какие деньги? Ни денег, ни плана действий у нее не было. Карлита копалась в бумагах Майерса, но не понимала, на что именно обратить внимание. Часть документов он хранил под кроватью, часть — где-то в Миртл-Бич. После него осталось два телефона и лэптоп. Коули пообещал ей помощь — только чтобы успокоить.

Лейси доказывала, что они обязаны ее спасти и что можно попытаться сделать это без особого риска. Все-таки бедняжка попала в отчаянное положение в результате их расследования. Кандидат в спасители был единственный — Гюнтер. У Карлиты имелись записи, телефоны и лэптоп — и все это могло быть набито опасными сведениями. Да, Гюнтер — непредсказуемый человек, зато готов слетать туда-обратно за собственный счет. Дорога на самый юг полуострова посуху отняла бы десять часов, и это только в один конец, а время дорого.

— Только посмей сказать «нет», Майкл! — твердила Лейси.

— Почему бы ей не позвонить в полицию и не сообщить о пропаже человека? — возражал Гейсмар. — На полицию можно положиться. Карлита могла бы забрать с яхты все, что пожелает, и уехать домой. Если там произошло преступление, нельзя не заявить в полицию.

— Коули об этом обмолвился, и она до смерти перепугалась. Не очень понятно, почему. Мы не все знаем о Майерсе и его яхте. Может, Карлита не хочет пускать на нее копов? Вдруг у нее самой нет документов?

— Посоветуй ей уничтожить файлы, все, что подозрительно выглядит. Пусть оставит себе тот телефон, которым пользуется, а другой выбросит за борт.

— Хорошо тебе советовать, сидя здесь, в кабинете, Майкл! Мы не знаем того, что знает она. Вдруг это значило бы уничтожить улики? Так или иначе, Карлита на это не пойдет. Она перепугана и не знает, как поступить. Мы обязаны ей помочь.

— Допустим, она исчезнет с яхты. Что с ней будет после этого?

— Какая разница? Рано или поздно кто-нибудь вызовет полицейских. Они решат, что речь идет о пропаже человека, и запустят процедуру, существующую на такой случай. У нас хватает собственных проблем.

— Ты не полетишь, Лейси. Я не могу снова подвергать тебя риску.

— Ладно, пусть Гюнтер действует сам. Он сможет снять Карлиту с яхты.

— Ты ему доверяешь?

— Представь, да. В некоторых ситуациях он вполне надежен.

Растерянность Майкла была почти осязаемой. Новая опасность! Вдруг Майерс оставил на борту что-то исключительно важное? КПДС не обладала достаточным опытом. Здесь требовались настоящие копы. Он глотнул кофе из бумажного стаканчика и произнес:

— Понимаешь, Лейси, если за этим стоит Дьюбоз, значит, они знают, что нейтрализовали человека, подписавшего исковую жалобу против Макдоувер. Тогда игре конец. Нет истца — нет и иска.

— Умоляю, давай вернемся к этому завтра! Сейчас главное — спасти Карлиту и то, что мог оставить на борту Майерс.

— Все кончено, Лейси.

— Нет, не кончено! Я сказала, никаких «нет»!

— Это я слышал.

— Как тебе такая идея? Вы с Гюнтером вдвоем летите за ней в Ки-Ларго. Погода лучше не придумаешь. Он говорит, что его самолет рассчитан на четырех пассажиров. Легкая прогулка.

— Я не люблю маленькие самолеты.

— Большие тоже. Где твое мужество, Майкл? Ты глазом не успеешь моргнуть, как уже вернешься. Заметь, никто не нарушает никаких законов. Быстренько слетать, забрать Карлиту, посадить ее где-нибудь на обратном пути — и ты снова дома.

— Четыре часа нос к носу с твоим Гюнтером в маленьком самолете?

— Знаю, это несладко, зато очень важно.

— Зачем все это, Лейси? У дела теперь все равно нет перспективы.

— Если в игру вступит ФБР, то перспектива будет. Они могут передумать, когда узнают об исчезновении ключевого свидетеля.

— Это выглядит как отчаянный шаг.

— Потому что мы в отчаянном положении.

Майкл сделал глубокий вдох и удрученно покачал головой:

— Не могу. Сегодня мы отмечаем день рождения тещи. Ей стукнуло девяносто.

— Не ты, так я. Клянусь, с нами ничего не случится. Просто небольшой воскресный полет. Я сама решаю, как провести свой выходной. Хочу полетать — кто может мне запретить?

— Я разрешу тебе лететь при одном условии: не смей приближаться к яхте! Если за ней наблюдают, то тебя точно узнают. Гюнтера никто не знает, а тебя... Главное — это забрать бумаги Майерса, телефоны, лэптоп. Карлита тебя знает, ты вызовешь у нее больше доверия, чем Гюнтер. Высадите ее где-нибудь на полпути, дайте денег на такси или автобус и внушите, чтобы ни с кем не говорила.

Лейси уже бросилась к двери.

— Я все поняла, Майкл!

Через час самолет «Бич Барон» поднялся в воздух из аэропорта Таллахасси. Гюнтер, наслаждаясь начавшимся приключением, ловко управлял самолетом. Лейси сидела в кресле справа от него в наушниках и завороченно внимала радиопереговорам между диспетчерами и пилотами. Они взяли курс на юг и полетели над заливом. Достигнув высоты 9 тысяч футов, они развили максимальную скорость — 230 миль в час. Рев поршневых двигателей несколько ослаб, но в кабине все равно было гораздо шумнее, чем она ожидала.

Через два часа начался спуск, и Лейси ахнула от зрелища бескрайней океанской глади и рассыпанных по ней островов. В 11.40 они приземлились. Гюнтер заранее заказал машину. Он сел за руль, Лейси вооружилась туристической картой. Связь с Карлитой поддерживал Коули,

не покидавший Таллахасси. Когда машина уже подъезжала к спортивному порту Ки-Ларго, Коули для упрощения связи сообщил Гюнтеру номер Карлиты. В порту было суматошно: яхты выходили в море, моряки возвращались с уловом. Дюжина аквалангистов сгружала с только что прибывшего кораблика свою тяжелую сбрую. Лейси, оставшаяся в машине, не сводила взгляда с Гюнтера, прогуливавшегося по пристани и глазевшего на яхты. Карлита с вымученной улыбкой вынесла с «Конспиратора» на пристань рюкзак, матерчатую сумку с одеждой и оливковую сумку Майерса. Гюнтер подхватил сумку и рюкзак, и они неспешно направились к стоянке. Лейси не заметила даже намек на наблюдение. Карлита, увидев ее, ужасно обрадовалась: знакомое лицо!

Гюнтер, всегда скорый на выводы, решил, что люди, убравшие Майерса, давно убрались: за пять дней они ни разу не попытались установить контакт с Карлитой. Если бы они хотели с ней поговорить и порыться на яхте, то давно сделали бы это. Уже через час после отъезда из аэропорта они снова были там, сели в «Барон» и в 13.15 взлетели. Лейси позвонила Гейсмару, но тот не ответил — увлекся, должно быть, поздравлением тещи. Она отправила ему эсэмэску об успешном завершении миссии.

Они с Карлитой сидели сзади, голова к голове. В воздухе Карлита расплакалась. Лейси взяла ее за руку и стала убеждать, что теперь она в безопасности. Карлита спросила, есть ли новости о Майерсе. Пришлось ответить отрицательно. Что станет с яхтой? Карлита пожала плечами. Теперь предстояло уведомить власти об исчезновении Грега Майерса. Лейси стала расспрашивать Карлиту про яхту: как долго она там жила? Где Майерс ее купил — или арендовал? Он владел ею непосредственно или через банк? Посещал ли их кто-нибудь на борту?

Карлита знала совсем немного. Она прожила на яхте около года, но совершенно не была в курсе ее истории. По ее словам, Майерс не имел привычки распространяться о своих делах. Иногда он сходил на берег и с кем-то встречался, но никогда не отсутствовал дольше часа. Он был чрезвычайно осторожен и опаслив. Этот человек не совершал ошибок. И вот он отлучился в порт всего лишь опрокинуть стаканчик — и пропал. Никакой встречи не предполагалось. Исчез, как в воду канул.

Когда Ки-Ларго пропал из виду, Карлита вытерла слезы и притихла. Лейси спросила, можно ли им забрать сумку Майерса и рюкзак. Карлита с облегчением согласилась: его бумаги были ей ни к чему. По ее словам, Майерс не держал на борту яхты ничего лишнего, поскольку не исключал, что туда могут нагрянуть злоумышленники или представители властей. По

почте, никогда не прибегая к услугам курьерских служб, он многое отсылал своему брату в Миртл-Бич. Карлита затруднялась сказать точно, что именно он хранил на борту, но была уверена: ничего важного там быть не могло.

Через час они совершили посадку в Сарасоте. Гюнтер вызвал такси, Лейси снабдила Карлиту деньгами на проезд до Тампы. На прощание она поблагодарила и обняла славную женщину, зная, что им вряд ли доведется встретиться.

В воздухе, предоставив Гюнтеру держать штурвал, Лейси открыла сумку Майерса. Там лежал тонкий лэптоп. Запустить компьютер не удалось — помешал защитный код. Она нашла одноразовые сотовые телефоны и несколько тонких папочек. В одной оказались документы на яхту: регистрация (владелец — фирма на Багамах), гарантийные обязательства, инструкции по эксплуатации, страховки. В другой — старые дела судей-коррупционеров. Сколько Лейси ни искала, она не нашла ни слова о Макдоувер, таппаколах, Коули, «кроте» или о себе самой. В рюкзаке тоже не было ничего примечательного, только старые сведения и газетные вырезки, в которых фигурировал Рэмси Микс, он же Грег Майерс. Выходило, что актуальные документы он держит на суше. Лейси заподозрила, что лэптоп набит уликами, которые в чужих руках могли бы произвести эффект разорвавшейся бомбы.

При приземлении в Таллахасси Лейси втайне понадеялась, что Гюнтер не выйдет из самолета, а полетит дальше, в Атланту. Но ему это и в голову не пришло. По пути домой она заключила, что Гюнтер считает себя теперь членом команды расследователей КПДС. Он задумал провести у сестры еще несколько дней — мало ли, какая может возникнуть угроза?

Лейси дозвонилась Гейсмару, горя желанием отчитаться о своем успехе, и договорилась о встрече рано утром в понедельник. Под вечер, когда Гюнтер расхаживал по террасе и беспрерывно названивал партнерам, адвокатам, бухгалтерам и банкирам, а Лейси отвечала на электронные письма, пришла неожиданная эсэмэска от Элли Пачеко: «Есть время выпить?»

«Неофициально, в нерабочее время, не по делу?» — отозвалась она.

«Конечно».

Но ей нужно было обсудить именно дела. Лейси пригласила его к себе, предупредив, что дома брат и милого воркования с глазу на глаз не получится.

Пачеко явился в 19.30 в шортах и в рубашке поло. Лейси налила ему пива и познакомила с Гюнтером, принявшимся его мучить. Неофициальная часть завершилась через пять минут, когда Гюнтер раскрыл карты:

— Давайте поговорим о Майерсе.

Пачеко поставил стакан, посмотрел на Лейси и спросил:

— Что случилось с Майерсом?

— Пять дней назад он пропал. Видите? Это его лэптоп. Сегодня утром мы забрали его с яхты в Ки-Ларго.

— Это долгая история, — предупредил Гюнтер.

Пачеко уставился на обоих, поднял руки, показывая, что сдается, и произнес:

— Тема запретная, но ничего не поделаешь. Сначала вы все выложите, а потом я решу, как нам быть.

Пока Лейси рассказывала, Гюнтер вел себя непривычно смирно — помалкивал.

Держа в руке второй стакан пива, Пачеко заключил:

— Надо позаботиться о безопасности яхты. Пора поставить в известность полицию. Пока я не вижу оснований для вмешательства федеральных структур.

— Но хотя бы позвонить в полицию вы можете? — спросила Лейси. — Мне самой лучше этого не делать, пришлось бы отвечать на кучу вопросов. Лучше, чтобы в деле об исчезновении человека не фигурировало мое имя.

— Оно уже в нем фигурирует: у вас его компьютер и файлы.

— То и другое не имеет отношения к его исчезновению.

— Вы этого не знаете. Вы не знаете, что в компьютере. Там может находиться след, что-то о встрече в тот день, когда он пропал.

— Отлично! — вставил Гюнтер. — Мы отдаем все это вам, а вы — полиции. Они отнесутся к этому гораздо серьезнее, вы же ФБР.

— Не исключено, — кивнул Пачеко. — А вдруг Майерс просто решил исчезнуть? При его прошлом и настоящем я бы этой возможности не отбрасывал.

— Я об этом думала, — сказала Лейси. — Что-то могло его напугать, он мог устать от яхты, от женщины, от всего сразу и решить исчезнуть. Майерс подумывал, не отказаться ли от иска. Явившись ко мне, сказал, что мог бы все бросить. Он жалел Хьюго, винил себя, говорил, что напрасно все это затеял. С него стало бы выкинуть все записи за борт, вычистить компьютер и сбежать.

— Ты сама в это не веришь, — возразил Гюнтер.

— Не верю, — призналась Лейси. — Коули тоже считает, что Майерс ни за что не сбежал бы. Майерсу нужны деньги. Он отсидел срок, ему шестьдесят лет, какое у него будущее? Майерс ставил на лавину, обрушенную его свистом. Он знал закон наизусть и уже подсчитывал свои

денежки. Он верил, что Макдоувер и Дьюбоз похитили десятки миллионов и что немалая часть этих денег может быть возвращена. Не знаю, как Майерс заплатил за свою яхту, но он очень ею гордился. Обожал плавать от острова к острову. Он и так был счастлив, а тут еще ему светило богатство. Поэтому я не думаю, что он просто взял и махнул на все рукой.

— Майерс уже пять дней как исчез, а следствие еще не начиналось, — напомнил Пачеко. — Следы могут выветриться.

— Разве ФБР ничего не может сделать? — спросил Гюнтер.

— Толком — ничего. Первый шаг за местной полицией. Если выяснится, что его похитили или что-то в этом роде, то они могут обратиться к нам. Но как-то сомнительно... Откровенно говоря, шанс, что Майерс еще жив, очень мал.

— Вот вам еще одна причина взяться за Дьюбоза, — сказала Лейси.

— Согласен, но решения принимаю не я.

— Сколько еще трупов нужно, чтобы вы передумали? — поинтересовался Гюнтер.

— Повторяю, решаю не я. Лейси может подтвердить, что я еще две недели назад был готов взяться за это дело.

Гюнтер махнул рукой и с грохотом вышел на террасу.

— Извините, — пробормотала Лейси.

Пачеко шел к ней в гости с мыслями о приятном вечере в обществе привлекательной женщины. Уйти же был вынужден с сумкой и рюкзаком Майерса и без ясного представления, как быть дальше.

Глава 28

Утром в понедельник Лейси проснулась с новым планом избавления от назойливого братца. Ее ждала поездка в тюрьму, где содержали приговоренных к смерти. Сопровождать ее туда Гюнтер не сможет, потому что этого не позволяли правила КПДС. Пока варился кофе, она репетировала про себя предстоящие реплики. Брат приятно ее удивил, представ перед ней свежим после душа и полностью одетым. Дальнейшее было уже неудивительно: он сообщил, что нужен дома. Сжевав только половину тоста, Гюнтер вылетел в дверь и кинулся к ее машине. В аэропорту она искренне поблагодарила его за помощь и взяла с него слово вернуться. Когда его самолет взлетел, Лейси улыбнулась и облегченно перевела дух: хорошо, что она на земле, а не в воздухе.

На работе она подробно рассказала Майклу о вояже в Ки-Ларго и о содержимом сумки и рюкзака Майерса, находившихся теперь вместе с лэптопом в распоряжении ФБР.

— Ты встречалась с фэбээровцами? — недовольно спросил Майкл.

— Пачеко на меня запал и заехал вчера вечером выпить. Слово за слово, и мы с помощью Гюнтера перешли к обсуждению Майерса. Пачеко согласился сообщить о его исчезновении в полицию. Он решил, что пусть лучше вещи с яхты будут у ФБР.

— Умоляю, подтверди, что твой брат покидает город!

— Уже покинул. Сегодня утром.

— Слава богу! Может, ты подтвердишь также, что он умеет держать язык за зубами?

— Успокойся, в Атланте все это никому не интересно, и потом, для него всегда на первом месте мое благополучие. Можешь расслабиться.

— Где там! Самое крупное дело в нашей истории расплзается по швам. Вряд ли у тебя есть новости от Килбру.

— Нет, и не жду. У них есть на ответ еще восемнадцать дней, и я уверена, что они будут тянуть до последней минуты. Преждевременно выдавать свои намерения они не станут. Слишком себе на уме, чтобы связываться с нами уже сейчас. Повестка была вручена в пятницу, и пока они мозгуют, как с этим быть.

— Тогда нам остается только ждать.

— Я не усiju на месте, Майкл. Я еду в тюрьму, к Джуниору Мейсу. Пора разобраться, что к чему.

— Не знал, что ты его адвокат.

— Брось! Я просто обещала его навестить. Сегодня днем к нему пожалуют защитники из Вашингтона. Зальцман, ведущий адвокат, пригласил меня присутствовать. Джуниор не возражает, я ему приглянулась.

— Лучше не сближаться с приговоренным.

— Зальцман уверен, что приведение приговора в исполнение будет отложено. Если доносчик даст новые показания, то, по мнению адвоката, казнь отменят, а может, даже назначат новый суд.

— Новый суд через пятнадцать лет?

— Что-то в этом роде.

— Ты-то тут при чем?

— Я не говорю, что имею к этому отношение. Будем считать, что мне просто не хочется торчать весь день в четырех стенах. И потом, несправедливый приговор Джуниора Мейса — часть заговора. В случае его отмены возможно появление новых обстоятельств дела. Если в ходе рассмотрения всплывет имя Дьюбоза, клубок может начать разматываться. Нам важно держать руку на пульсе его дела.

— Поосторожнее там!

— Камера смертника — вполне безопасное место, Майкл.

— Тебе виднее.

Лейси закрыла дверь своего кабинета и достала толстую папку с памятками Сейделл. Открыв один листок, озаглавленный «Убийство Сона Разко и Эйлин Мейс», она не в первый раз прочла:

«Джуниор и Эйлин Мейс жили с тремя детьми в деревянном доме на Тинли Род, примерно в двух милях от резервации таппаколов. (В то время около половины таппаколов проживали на земле племени, остальные были рассеяны вокруг, недалеко. Около 80 процентов жили в округе Брансуик, но некоторые забирались даже в Джэксонвилл.) Днем 17 января 1995 года, когда все трое детей находились в школе, Сон Разко пришел в дом Мейсов. Разко и Джуниор Мейс дружили и возглавляли оппозицию строительству казино. Джуниор, водитель грузовика в компании из Морвилла, Флорида, был в это время на работе. Если у Сона и Эйлин была любовная связь, то цель его визита очевидна. Их нашла в спальне обнаженными, без признаков жизни, старшая дочь Эйлин, вернувшаяся из школы в 4 часа дня.

По показаниям патологоанатома, смерть наступила между двумя и тремя часами пополудни. Джуниор имел пристрастие к выпивке. Доставив заказы, он вернулся на склад в Морвилле, сел за руль своего пикапа и поехал в бар. Там он выпил две кружки пива и поиграл в дартс с человеком, оставшимся неопознанным. В 18.30 его нашли на стоянке, рядом с пикапом, без сознания, видимо, пьяного. Оба убийства были совершены из незарегистрированного короткоствольного револьвера „Смит энд Вессон 38“. Револьвер нашли под креслом пикапа Джуниора, там же лежал бумажник Сона. Мейса отвезли в больницу Морвилла. Полиция, действуя по анонимному звонку, прибыла в больницу и сообщила Джуниору о гибели его жены и Сона. Ночь он провел в больнице, затем был переведен в тюрьму. Ему предъявили обвинение в двойном убийстве и не допустили на похороны жены. Он твердил, что невиновен, но его никто не слушал.

На суде, перенесенном по решению судьи Клаудии Макдоувер из округа Брансуик в Панама-Сити, Мейс предъявил двух свидетелей своего алиби, работников фирм, куда он в тот день завозил заказы. По показаниям первого свидетеля, между 2 и 3 часами дня Мейс находился в 30 милях от места преступления, по показаниям второго — в 15 милях. Согласно протоколам судебного заседания, показания этих свидетелей не произвели большого впечатления. Обвинитель настаивал, что Джуниор мог, выполнив работу, побывать дома между 2 и 3 часами. Осталось неясно, как он смог бы вернуть грузовик, пересечь в пикап, съездить домой, убить двух людей, а потом снова поменять машины.

Штат положился на показания двух тюремных доносчиков, Тодда Шорта и Диггера Роблеса. Оба показали, что в разное время были сокамерниками Джуниора, хваставшегося, как он застал свою жену в постели с другим мужчиной и обоих застрелил. В их удивительно схожих показаниях перед присяжными говорилось, что Джуниор гордился содеянным, совершенно не раскаивался и недоумевал, за что его судят. (По слухам, оба доносчика исчезли вскоре после суда.)

Ключевую роль сыграла находка бумажника Сона в пикапе Джуниора. По законам Флориды, для вынесения смертного приговора обвиняемый должен совершить, в дополнение к убийству, что-то еще: изнасилование, ограбление, похищение

человека. Поэтому факт кражи бумажника переводил дело из категории убийства при отягчающих обстоятельствах в категорию тяжкого убийства.

Окончательно защиту Джуниора разрушил найденный в его пикапе револьвер. Эксперты по баллистике из криминалистической лаборатории штата показали, что извлеченные из тел пули были, без сомнения, выпущены из этого револьвера калибра 38.

Вопреки адвокатскому совету (Джуниора защищал назначенный судом новичок, для которого это было первое дело о тяжком убийстве), подсудимый произнес речь в собственную защиту. Он категорически отрицал, что имел какое-либо отношение к смерти жены и друга. Джуниор утверждал, что его подставили из-за его борьбы со строительством казино. По его словам, в баре ему что-то подмешали в пиво: он выпил всего три кружки, но отключился и не помнит, как выходил. Хозяин бара показал, что Джуниор выпил не меньше трех кружек и что он, хозяин, сам отвел его к пикапу.

Из протокола следует, что Джуниор, выступая, держал себя с достоинством, несмотря на длительный перекрестный допрос.

Револьвер, бумажник, два доносчика, защита, положившаяся на нетвердых свидетелей алиби подсудимого, сам подсудимый, почти ничего не помнивший по причине опьянения, — все это подтолкнуло присяжных к вынесению обвинительного вердикта. На стадии определения приговора адвокат Джуниора вызвал его брата Уилтона и кузена, показавших, что Джуниор — преданный муж и отец, не запойный пьяница, огнестрельного оружия не имел и много лет из него не стрелял.

Присяжные вынесли два смертных вердикта.

На протяжении всего суда, длившегося восемь дней, судья Макдоувер, впервые председательствовавшая на процессе о тяжком убийстве, практически во всем подыгрывала обвинению. Об уважении к правам Мейса свидетельствовало только ее согласие перенести судебное разбирательство в другой город. Судья позволяла высказываться свидетелям от штата и не принимала во внимание возражения защиты, зато поддерживала практически все возражения обвинения на показания свидетелей защиты. В дальнейшем ее поведение на суде служило поводом для многочисленных апелляций, в решениях по апелляционным

жалобам фигурировали сомнения в законности приговора. Тем не менее приговор раз за разом оставляли в силе».

Все два с половиной часа, потребовавшиеся на дорогу до тюрьмы, Лейси не переставала думать о Хьюго. Не прошло и двух месяцев с тех пор, как они проделали тот же самый путь вместе, сонные и поглощавшие кофе, чтобы снова не уснуть. Тогда они говорили о своем недоверии к Грегу Майерсу и к его версии о крупном заговоре. Но оба ощущали опасность.

Как они были наивны!

Вот и округ Бредфорд. Указатели привели ее в Старк, потом к тюрьме. До корпуса Q пришлось шагать целых полчаса. Был полдень понедельника, других адвокатов в корпусе не было. Лейси пятнадцать минут ждала в маленькой комнате, пока не привели Джуниора. Его руки были скованы наручниками. Надзиратели сняли наручники, и он уселся по ту сторону пластиковой перегородки. Сняв трубку, он сказал с улыбкой:

— Спасибо, что пришли.

— Здравствуйте, Джуниор, рада снова вас видеть.

— Отлично выглядите, Лейси, несмотря на события. Надеюсь, травмы заживают.

— Главное, волосы отрастают, остальное не так важно.

Джуниор усмехнулся. В этот раз он был оживленнее и словоохотливее. Лейси поняла, что он с надеждой ждет своих вашингтонских адвокатов. Впервые за много лет забрезжила надежда.

— Мне жаль вашего друга Хьюго, — проговорил он. — Приятный был парень.

— Спасибо. — Говорить о Хьюго ей не хотелось, но времени у них было много, тем для разговора тоже. Лейси сказала, что его родня старается не падать духом, но трудностей хватает. Его интересовала авария, ее обстоятельства, время, что с тех пор удалось выяснить. Джуниор сомневался, что это был несчастный случай; она заверила его, что аварию подстроили. Он удивился, что в расследовании гибели Хьюго не принимает участия никто «извне». Лейси, аккуратно подбирая слова, объяснила, что все к этому идет. Они поболтали об Уилтоне, Тодде Шорте, вашингтонских адвокатах, о жизни в камере смертника.

После долгой паузы — а пауз в их разговоре было много — Джуниор сообщил:

— Вчера ко мне пришел посетитель. Совершенно неожиданный.

— Кто такой?

— Некто Леман Гритт, слышали?

— Да, мы даже встречались, хотя я его не очень запомнила. Мне сказали, что он из команды спасателей, работавшей на месте аварии, это он отвез меня в больницу. Я хотела заглянуть к нему на службу и поблагодарить, но оказалось, что он там больше не работает. Это увольнение показалось мне подозрительным.

Джуниор с усмешкой наклонился к перегородке.

— Подозрительным — не то слово, Лейси! Шестеренки крутятся, вам надо быть настороже.

Лейси пожала плечами. Чего только не наслушаешься!

— Гритт — хороший человек, — продолжил Джуниор. — Он выступал за казино, в то время мы были по разные стороны. Но мы знаем друг друга очень давно. Мой отец и его дядя вместе выросли в хижине неподалеку от резервации. Они были как братья. Не скажу, что теперь наши семьи близки, виновата та склока из-за казино. Но у Гритта есть совесть, и он знает о коррупции. Он никогда не любил вождя, а теперь и вовсе возненавидел его и его родню. Сын вождя теперь констебль, поэтому расследование вашей аварии ничего не даст. Там все шито-крыто, вы сами видите. Но Гритт знает правду и считает, что у него есть доказательные улики. Поэтому он хочет с вами поговорить.

— Со мной?

— Да, с вами. Он считает, что вы заслуживаете доверия. Местным, из округа Брансуик, Гритт не доверяет, они ни во что не станут соваться. Вы уже поняли, наверное, что наше племя сторонится чужаков, особенно тех, кто со значками. Но Гритт раздобыл улики.

— Что за улики?

— Он не говорит. У здешних стен есть уши, поэтому мы были осторожны. Поймите, Лейси, Гритту грозит опасность. У него жена и трое детей, а вождь и его шайка — мастера запугивать. Все племя живет в страхе, люди помалкивают. Да и жизнь благодаря казино стала гораздо лучше, зачем раскачивать лодку?

Лейси сомневалась, что тюремное начальство станет подслушивать разговоры между адвокатами и заключенными из корпуса смертников; но потом она сообразила, что Гритт не адвокат, поэтому Джуниор разговаривал с ним в другом помещении.

— Почему он мне доверяет? Мы с ним не знакомы.

— Потому что вы не из полиции. И вы первая, кто пришел в резервацию и стал задавать вопросы. Вы и мистер Хэтч.

— Допустим. Как мне встретиться с Гриттом?

— Встречу устроит Уилтон.

— За кем следующий шаг?

— Мы с Гриттом договорились, что я попрошу Уилтона вас свести. Если вы, конечно, не против с ним потолковать.

— Я не против.

— Тогда я подам сигнал Уилтону. Только учтите, Лейси, тут нужна осторожность. Все напуганы. За Гриттом следят, за Уилтоном, должно быть, тоже.

— Они знают — кем бы они ни были — о возвращении Тодда Шорта?

— Это вряд ли. Мои адвокаты встречались с Шортом сегодня утром далеко от резервации. Если он не обманет и выступит с показаниями, то об этом все быстро узнают. После этого он будет на мушке.

— Не могут же они убивать одного за другим, Джуниор!

— Они убили вашего друга Хэтча. До этого они убили Сона и Эйлин. И о молчании Диггера Роблеса, второго доносчика, тоже небось позаботились, да упокоится он с миром.

В этот список приходилось, наверно, включить и Грега Майерса.

— Они ждут не дождутся, когда штат Флорида меня прикончит, — продолжил Джуниор. — Они ни перед чем не остановятся, Лейси. Никогда об этом не забывайте.

— Хотела бы забыть, но не могу.

Зальцман и его партнер по фамилии Фуллер приехали во втором часу дня, одетые формально, в брюки цвета хаки и мокасины — полная противоположность принятому в федеральной столице дресс-коду, темному костюму в полоску. На их фирму трудилась тысяча юристов на всех континентах. Ее безвозмездная деятельность по спасению приговоренных к казни убийц заслуживала всяческих похвал и порой приносила ошеломляющие результаты. Лейси много читала о фирме в Интернете и восхищалась усилиями, которые она прилагала в борьбе со смертной казнью.

Их встреча с Тоддом Шортом прошла обнадеживающе. Доносчик позволил записать на видео свои двухчасовые показания, в которых признавался, что был нанят полицией и обвинителем для обмена своих ложных показаний на смягчение наказания и живые деньги. Юристы сочли, что он заслуживает доверия и искренне рассказывает. Джуниор не мог перестать ненавидеть человека, отправившего его в камеру смертника, но при этом пришел в восторг от происшедшей с тем перемены.

Зальцман объяснил, что без промедления подадут прошение о приостановлении приведения приговора в исполнение и о его пересмотре в

суде штата. Следующий этап — работа с прокуратурой Флориды, при необходимости — обращение в федеральный суд. Лейси объем предстоящих тяжб казался неподъемным, но Зальцман уже неоднократно через все это проходил. Он в таких делах собаку съел и источал заразительную уверенность. Его целью был новый суд подальше от Клаудии Макдоувер, слишком пекшейся о собственных интересах.

Глава 29

Рано утром во вторник в кармане у Лейси завибрировал дешевый телефон. Звонил Коули с сообщением, что о Грегге Майерсе до сих пор ни слуху ни духу. Обоих это ничуть не удивляло. Коули предупредил, что отправил ей по почте новый телефон с оплаченным трафиком, который доставят в течение нескольких часов. Получив новый телефон, Лейси должна была немедленно избавиться от теперешнего.

Обедала она с Элли Пачеко в закусочной рядом с Капитолием. За супом она рассказала, что полиция Ки-Ларго опечатала «Конспиратор», и теперь на яхту никто не проникнет. Пачеко сообщил, что через день-два отдаст КПДС лэптоп, сумку и рюкзак: это было их, а не его расследование, хотя ФБР не отказывало им в сотрудничестве. Полиция опрашивала завсегдатаев спортивного порта, но пока не нашла никого, кто бы видел что-нибудь необычное. В отсутствие фото пропавшего и каких-либо следов, располагая лишь его словесным описанием, полиция откровенно признавалась, что не надеется его найти.

После нескольких минут деловой беседы Пачеко сказал:

— Суп хорош, но как насчет ужина?

— Где мы находимся в профессиональном смысле? — спросила Лейси.

— Под нами твердая почва, — ответил он с улыбкой. — Мы играем в одной команде. Этические правила не позволяют мне увлекаться цыпочками из Бюро, так что путь открыт.

— Цыпочками?

— Так, с языка сорвалось. Вы этого не слышали. Мне тридцать четыре года, вам примерно столько же. Оба несемейные. Признаться, меня вдохновляет встреча с приятной женщиной в реальной жизни, а не на сайте знакомств. Вы туда заглядываете?

— Были две попытки, и обе закончились катастрофой.

— Я мог бы вам много рассказать, но не буду надоедать. Так что насчет ужина?

Если ответить «да», то только потому, что он довольно привлекателен, хотя излишне самоуверен — впрочем, среди знакомых Лейси молодых агентов ФБР скромников не водилось. То, что КПДС отчаянно нуждалась в помощи, ни за что не заставило бы ее ответить согласием.

— Когда? — спросила она.

- Не знаю. Сегодня?
- Что, если Бюро пронюхает о моей затее? Ваш босс заерзает?
- Вы же видели Луна. Он вечно ерзает, так ему удобнее. Я не усматриваю здесь конфликта интересов. Разве мы не на одной стороне? И потом, вы уже все нам сказали. Полагаю, тайн не осталось?
- Тайн целая куча, просто я еще с ними не знакома.
- Я не стану спрашивать. Как насчет вашего босса?
- Его легко обвести вокруг пальца.
- Я так и подумал. У меня создалось впечатление, что из вас двоих распоряжаетесь вы. Ужин, бутылочка вина, может быть, свечи? Я бы заехал за вами в семь. Только, чур, без вашего брата.
- Он уехал.
- Это хорошо. Он прелесть.
- Гюнтер самоотверженно защищает свою младшую сестру.
- Не стану его осуждать. Значит, в семь?
- В семь тридцать. Подберите хорошее, но не слишком шикарное местечко. Про свечи забудьте. Мы работаем на правительство и платим каждый за себя.
- Заметано.

Пачеко приехал на внедорожнике последней модели, свежевымытом и прошедшим по такому случаю уборку пылесосом. Первые пять минут они обсуждали автомобили. Лейси надоело арендовать машину, пора было купить собственную. Ей нравился старый «гибрид», но теперь она подумывала о чем-нибудь помощнее. Они поехали на юг, оставив центр города позади.

- Как вам каджунская кухня?
- Обожаю!
- Бывали в «Джонни Рей»?
- Нет, но слышала восторженные отзывы.
- Тогда давайте попробуем.

Лейси понравилась его машина, хотя в ней проявлялась его мужская гордыня. Сколько такая стоит? Несложный поиск дал представление о стартовой зарплате специального агента — 52 тысячи. Элли проработал в Бюро пять лет, и Лейси заключила, что они с ним зарабатывают примерно одинаково. Он похвалил ее квартиру и признался, что сам делит жилье с другим агентом. В Бюро было принято перемещать агентов по стране, поэтому Пачеко осторожно относился к приобретению собственного дома.

Она засыпали друг друга вопросами, хотя оба уже прибегли к помощи

Интернета. Элли вырос в Омахе, учился в колледже и на юридическом факультете в Небраске. В нерабочей обстановке ему была присуща приятная легкость уроженца Среднего Запада, полное отсутствие напыщенности. Лейси училась сначала в колледже «Уильям энд Мэри», потом на юридическом факультете Тулейнского университета. Новый Орлеан знали оба: Пачеко провел там первые два года работы в ФБР. Они не скучали по этому городу — слишком влажно, и преступность зашкаливает, хотя сейчас, вспоминая его, испытали ностальгию. Выйдя из машины и направляясь к ресторану, Лейси уже готова была поставить Элли высокие оценки по всем категориям. Спокойнее, одернула она себя, мужчины всегда разочаровывают.

Устроившись за столиком в тихом углу, они открыли меню. Когда официант отошел, она сказала:

— Помните? Счет пополам.

— Ладно, хотя я предпочел бы заплатить сам. Это же я вас пригласил.

— Спасибо, но — пополам.

Больше они к этой теме не возвращались.

Начать решили с дюжины сырых устриц и с бутылки «Сансерр». Отдав меню, Элли спросил:

— Ну, о чем предлагаете разговаривать?

Вопрос прозвучал неожиданно, Лейси даже поморщилась.

— О чем угодно, кроме дела.

— Согласен. Сначала тему предлагаете вы, потом я. Любую, кроме казино и всего с ним связанного.

— Выбор очень широк. Начинайте, потом поглядим, как пойдет.

— Хорошо. У меня созрел вопрос. Если не захотите отвечать, я пойму. Каково это, когда вам в лицо бьет пневмоподушка?

— Насколько я понимаю, вы еще не располагаете этим опытом.

— Еще не располагаю.

Лейси отпила воды и глубоко вздохнула:

— Громко, внезапно, вышибает дух. Секунду назад эта штуковина пряталась внутри руля и ничем о себе не напоминала, а через тысячную долю секунды взрывается тебе в физиономию со скоростью двести миль в час. Одно это, не говоря об ударе, лишило меня сознания. Правда, ненадолго, иначе я не увидела бы возню вокруг машины. После этого я совсем отключилась. Подушка спасла мне жизнь, но это было суровое испытание. Лучше бы такое не повторялось.

— Представляю! Вернее, не представляю... Вы полностью пришли в норму?

— В общем-то, да. Бывает, побаливает там и сям, но с каждым днем становится все лучше. Хотелось бы, чтобы быстрее отрастали волосы.

— Вам идут короткие волосы, очень красиво.

Подали вино. Лейси попробовала и одобрительно кивнула. Они чокнулись и выпили.

— Ваша очередь, — сказал Элли.

— Вам надоело про подушки?

— Мне было любопытно. Одному моему другу однажды пришлось резко вывернуть руль, чтобы не сбить пешехода. На скорости двадцать миль в час он въехал в фонарный столб. Все обошлось бы, если бы не подушка: она врезала ему по первое число! Бедняга неделю не убирал от лица пакеты со льдом.

— Все же предпочитаю автомобили с подушками. Зачем вы поступили на юридический факультет?

— У моего отца адвокатская практика в Омахе, и я счел, что должен пойти по его стопам. У меня, в отличие от других первокурсников-юристов, не было мечты изменить мир, я просто хотел хорошую работу. Мой отец преуспевает, я год проработал с ним. Правда, быстро заскучал и решил, что мне пора покинуть Небраску.

— Почему ФБР?

— Ради острых ощущений. Чтобы не торчать с восьми до пяти за офисным столом. Когда гоняешь преступников — крупных, мелких, хитрых, тупых, — то скука тебе не грозит. А вы? Что заставило вас проверять судей?

— Это, конечно, не то, о чем я мечтала, поступая на юридический. Когда я отучилась, рынок труда не баловал предложениями, идти в крупную фирму не хотелось. Женщин нанимают охотно, у нас половина курса была девичья, но мне не улыбалось вкалывать по сто часов в неделю. У меня есть знакомые, которые пошли этим путем, и мне их жаль. Мои родители, уйдя на пенсию, переселились во Флориду. Я приехала и увидела предложение работы. Так и оказалась в Комиссии по проверке действий судей.

— Вы прошли интервью и были приняты. Удивительно!

Принесли устрицы на блюдах со льдом, и разговор прервался. Первым делом оба, как это принято в Новом Орлеане, выжали на устрицы лимоны и добавили к соусу хрен. Пачеко ел прямо из створок, Лейси с крекеров.

— Вчера вы навестили Джуниора Мейса, — напомнил он.

— Да, уже второй раз. Вы бывали когда-нибудь в корпусе смертников?

— Нет, но когда-нибудь обязательно побываю. Узнали что-то

интересное?

— Выуживаете информацию?

— Как всегда. Ничего не могу поделать, у меня это в крови.

— Я все надеюсь, что вскроется нечто новое. У Джуниора может быть информация. Но главное, ему нравится, когда его навещают.

— Значит, я не услышу от вас ничего нового?

— Нет. Хотя... Вы наверняка изучили полученные от нас данные об его суде и приговоре.

— Не пропустил ни словечка.

— Тогда вы должны помнить двух тюремных доносчиков, пропавших вскоре после суда.

— Тодд Шорт и Диггер Роблес.

Лейси улыбнулась. На нее произвела впечатление его память.

— Они самые. Много лет считалось, что их убрали, дабы они не раскололись; с доносчиками часто так поступают. Похоже, один действительно сгинул, а вот другой чудесным образом нашелся. И, более того, заговорил. Он умирает от рака и хочет расставить все по полочкам.

— Отличная новость!

— Может быть. Вчера в Старк приезжали адвокаты Джуниора из Вашингтона. Они пригласили меня присутствовать при беседе. Теперь они высоко оценивают его шансы избежать казни и добиться повторного суда.

— Новый судебный процесс? Через пятнадцать лет?

— Да, через пятнадцать. По-моему, это слишком много, но эти ребята не бросают слов на ветер.

— Но это ведь не ваше дело? Апелляции Джуниора вас не касаются. Вы ездили к нему по другой причине.

— Вы правы. Говорю же, он может что-то знать.

Элли улыбнулся и не стал продолжать, видя, что Лейси не настроена на откровенность. Они покончили с устрицами и стали обсуждать закуски. Пачеко захотел еще дюжину устриц, она заказала тарелку супа гомбо.

— Чья очередь? — спросил он.

— Кажется, ваша.

— Над какими еще интересными делами вы работаете?

Лейси улыбнулась и выпила еще вина.

— Только в рамках конфиденциальности, без упоминания имен... Мы пытаемся сместить одного судью, который слишком пристрастился к бутылке. На него пожаловались два адвоката и два истца. Бедняга давно борется с алкоголизмом и теперь проигрывает борьбу. Он назначает слушания только на послеобеденное время. Случается, даже забывает

приходить в суд. Одна из стенографисток утверждает, что он держит под мантией фляжку и наполняет из нее чашку из-под кофе. У него накапливаются нерассмотренные дела, все вокруг воют. Грустно!

— Тем проще ваша задача.

— Удалить судью всегда непросто. Судьи любят свою работу и обычно, сняв мантию, не знают, куда приткнуться. Теперь моя очередь. Над чем работаете?

Так они целый час обменивались рассказами. Мир Пачеко — выслеживание законспирированных террористических ячеек и наркоторговцев — был несравненно увлекательнее, чем ее охота на оступившихся судей, но он не поглядывал на Лейси свысока, наоборот, выражал восхищение ее работой. Когда закончилось вино, они заказали кофе и продолжили болтать.

Потом Элли проводил ее домой, поднялся с ней по ступенькам к самой двери, но там остановился, как подобает джентльмену.

— Как насчет делового разговора? — спросил он.

— Если вы о сексе, то ответ отрицательный. Боль все еще мешает мне прийти в соответствующее настроение.

— Я имел в виду не секс.

— Это ваша первая ложь за вечер?

— Возможно, вторая. — Элли подошел к ней вплотную. — Луна почти готов, Лейси. Исчезновение Майерса привлекло его внимание. Я весь день уговаривал его, что у этого дела огромный, невообразимый потенциал. Нужно еще что-нибудь, еще один дымящийся револьвер — и Луна сломается.

— А как же его босс в Джэксонвилле?

— Это крепкий орешек, но тоже не без амбиций. Если он, как и мы, разглядит в этом деле потенциал, то передумает. Просто нужна еще одна гирька на весах.

— Я очень стараюсь.

— Знаю, потому и не отхожу от телефона.

— Благодарю за чудесный вечер.

— Взаимно. — Элли прикоснулся губами к ее щеке и пожелал спокойной ночи.

Глава 30

Уилтон Мейс сказал, что звонит с телефона-автомата. Речь у него была сбивчивая, взволнованная, как будто он ежесекундно озирался. На следующий день у Лимана Гритта намечалась поездка с женой к врачу в Панама-Сити. Он предлагал Лейси встречу там же, у врача, в наименее подозрительном месте. Уилтон сообщил ей подробности и спросил, узнает ли она Гритта. Лейси ответила, что никогда его не видела, но его сможет узнать ее босс, который ни за что не отпустит ее туда одну. Уилтон усомнился, что Гритта устроит такой вариант, но сказал, что это выяснится на месте, посоветовав не удивляться, если Гритт выскажет неудовольствие.

Лейси и Майкл приехали на встречу на час раньше назначенного времени. Он остался в машине, она вошла в здание — четыре этажа докторских и зубо врачебных кабинетов. Побродила по первому этажу, изучила указатель, забрела в кафе, а потом поехала на лифте на третий этаж. Нужный ей отсек занимала команда гинекологов, в чьей просторной современной приемной сидели почти одни только женщины; всего двух сопровождали мужчины. Лейси вернулась в машину и подождала, пока точно такой же разведывательный рейд совершит Майкл. После этого они пришли к общему мнению, что место встречи не представляет опасности. Наилучший вариант для тайной сходимки! Пациенты дюжинами входили в здание и покидали его. Без четверти два Майкл кивком указал на пару, вылезавшую из машины неподалеку:

— Вот и Гритт.

Экс-констебль имел шесть футов росту, был худ, но с брюшком. Длинные темные волосы его жены были заплетены в косички, она выглядела приземистой, гораздо ниже мужа.

— Запомнила? — спросил Майкл.

Лейси кивнула. Когда пара вошла в здание, она поспешила следом за ними. Майклу оставалось сидеть и ждать в надежде, что все пройдет удачно. Он внимательно наблюдал за входящими в здание — вдруг среди них окажутся подозрительные? Внутри Лейси еще раз ознакомилась с указателем кабинетов, потратив на это несколько минут, и села в лифт. В приемной она сразу увидела чету Гриттов: они сидели у дальней стены и выглядели смущенными, как все здесь. Лейси взяла журнал и уселась в другом углу. Эми Гритт сверлила глазами пол, будто ждала какого-то страшного известия. Лиман небрежно перелистывал журнал «Пипл».

Лейси не знала, как ему описал ее Уилтон; пока Гритт не проявлял к ней ни малейшего интереса. Секретаршу в приемной тоже не заинтересовала молодая женщина, не обозначившая цели своего прихода. Она выликала очередную фамилию, и торопливая медсестра уводила обладательницу фамилии куда-то за угол. Так продолжалось полчаса: женщины уходили, их сменяли другие. Лейси, наполовину закрывшись журналом, наблюдала за Гриттом. Прошел час, он уже нетерпеливо поглядывал на часы. Наконец вызвали Эми Гритт, и та подошла к столу. Как только она скрылась из виду, Лейси встала и уставилась на Лимана. Их взгляды встретились, она слегка кивнула и вышла в коридор. Там ей пришлось подождать всего несколько секунд, после чего появился Гритт.

— Я Лейси Штольц, — тихо представилась она, протягивая ему руку. Он аккуратно ее пожал, улыбнулся и инстинктивно оглянулся.

— Лиман Гритт. Вы выглядите гораздо лучше, чем в нашу прошлую встречу.

— Стараюсь. Спасибо, что спасли.

— Такая работа. Та еще была картина... Скорблю о вашем друге.

— Спасибо.

Гритт подошел к окну и оперся о подоконник. В коридоре былолюдно, пациенты разбегались по кабинетам, на пару у окна никто не обращал внимания.

— У нас мало времени, — начал он. — Я не участвую в махинациях, происходящих на нашей земле. Я полицейский, я честен, мне надо защищать свою семью. Мое имя никогда не звучало ни в каких расследованиях. Я не стану выступать с показаниями в суде, не стану указывать пальцем на людей своего племени и на жуликов, с которыми они связались. Вам понятно?

— Понятно, но и вы поймите, я не все могу контролировать. Вот своему слову я хозяйка, если хотите, положитесь на него.

Гритт достал из переднего кармана джинсов флешку.

— Здесь две видеозаписи. Первая передана полицией города Фоли, штат Алабама. Им повезло, кто-то — не знаю, кто — снял на видео угон пикапа. Вторая сделана через четверть часа после аварии, у придорожной лавки севернее Стерлинга. На ней хорошо виден человек, сидевший за рулем угнанного пикапа при столкновении с вашей машиной. Я записал памятку со всеми известными мне подробностями.

Лейси взяла у Гритта флешку. Он достал из другого кармана пластиковый пакетик.

— Это — клочок окровавленного бумажного полотенца. Через два дня

после аварии я нашел его в четверти мили от места происшествия. Моя версия: кровь принадлежит пассажиру со второго видео. На вашем месте я бы поспешил с анализом ДНК и молился, чтобы удалось получить имя человека с видео.

Лейси забрала и пакетик.

— У вас остались копии?

— Остались, как и само полотенце, которое пока никто не нашел.

— Даже не знаю, что сказать...

— Ничего не говорите. Делайте свое дело, ловите мерзавцев. Мое имя звучать не должно.

— Обещаю, оно не прозвучит.

— Спасибо, мисс Штольц. Мы с вами никогда не встречались.

Гритт шагнул к двери.

— И вам спасибо, — произнесла Лейси ему вслед. — Здоровья вашей жене!

— Она здорова. Обычный регулярный осмотр. Она боится врачей, вот я ее и сопровождаю.

Майкл и Лейси не догадались захватить с собой лэптоп, иначе смогли бы посмотреть видео за столиком первого подвернувшегося кафе. В машине они наперебой фантазировали о том, что может оказаться на записи.

— Почему ты его не спросила? — возмущался Майкл.

— Потому что он спешил. Он отдал мне флешку, сказал все, что хотел, и ушел.

— На твоём месте я бы спросил.

— Если бы да кабы! Хватит ворчать. Кто начальник управления правоприменения штата?

— Гас Ламберт. Его недавно назначили, я с ним не знаком.

— А с кем ты знаком?

— Есть один старый дружок...

Майкл дважды звонил «старому дружку», но безрезультатно. Лейси позвонила знакомой в прокуратуре и узнала имя директора региональной криминалистической лаборатории в Таллахасси. Директор оказался занят, ему было не до разговора, и он пообещал перезвонить завтра.

Когда оба убрали телефоны, Майкл сказал:

— Лаборатория ничего не будет делать без приказа управления.

— Я сама позвоню Гасу Ламберту. Уверена, я сумею его очаровать.

Но секретарь комиссара Ламберта была непреклонна: она заявила, что

ее босс, чрезвычайно занятой человек, сейчас на встрече. Зато перезвонил «старый дружок» Майкла с вопросом, в чем дело. Мчась по полосе обгона на федеральной автостраде № 10, Майкл объяснил ему, что дело срочное, связано с гибелью при подозрительных обстоятельствах государственного служащего. Эббот — так звали друга — ответил, что слышал о смерти Хьюго Хэтча.

— У нас есть основания считать, что это была не просто авария. Источник в индейском племени предоставил нам важный образец крови. Как нам сделать анализ в криминалистической лаборатории?

Пока они разговаривали, Лейси копалась в Интернете. Она никогда не занималась анализами ДНК и совершенно не разбиралась в предмете. В статье на научном сайте говорилось, что современные судмедэксперты научились проводить анализы ДНК за два часа, достаточно быстро, чтобы определить, совершал ли задержанный преступление, в связи с которым арестован, а также другие. Всего пять лет назад на анализ уходило до трех суток, и за это время подозреваемый успевал выйти под залог.

— Нет, никакого расследования не ведется, — объяснял Майкл в телефон. — Несчастье произошло на территории племени, дело ведут сами таппаколы. Проблема отчасти в этом. Потому я и прошу об услуге, Эббот. И поскорее!

Выслушав ответ, Майкл сказал «спасибо» и разъединился.

— Пообещал попробовать. Он поговорит с комиссаром.

Около пяти часов вечера Майкл и Лейси примчались в криминалистическую лабораторию на окраине Таллахасси. У дверей их уже ждал Эббот вместе с доктором Джо Васкесом, директором лаборатории. Быстро представившись, они поспешили за директором в небольшую совещательную комнату. Там Лейси выложила на стол прозрачный пакетик на молнии. Васкес взглянул на него, но трогать не стал.

— Что вам об этом известно? — осведомился он.

— Немного, — ответила Лейси. — Мы получили это менее двух часов назад от нашего конфиденциального источника. По его словам, это испачканный кровью клочок бумажного полотенца.

— У кого он побывал?

— Мы не знаем. Наш информатор считает себя профессиональным полицейским, поэтому, думаю, почти ни у кого.

— Сколько времени понадобится? — спросил Майкл.

Васкес горделиво улыбнулся:

— Два часа.

— Невероятно!

— Согласен. Технология стремительно совершенствуется, так что через пару лет детективы смогут прямо на месте преступления делать анализы крови и спермы при помощи портативных приборов. Чип ДНК — вот как это называется.

— Сколько времени понадобится, чтобы прогнать результаты через базу данных штата? — поинтересовалась Лейси.

Васкес покосился на Эббота. Тот пожал плечами и ответил:

— Полчаса.

По пути на работу Майкл и Лейси взяли китайской еды в своем излюбленном ресторанчике рядом с Капитолием. КПДС оправдала их ожидания: после шести там не осталось ни души. Забыв про ужин, они поспешили в кабинет Майкла, чтобы вставить в его компьютер флешку. После просмотра обеих видеозаписей они внимательно прочли двухстраничную памятку Гритта, разобрали ее строчка за строчкой, еще несколько раз просмотрели записи. Лейси была в полуобморочном состоянии: на мониторе красовалось оружие убийства — тот самый пикап, а может, и сам убийца с расквашенным носом.

Каждая видеозапись запечатлела двоих мужчин; пара на второй была не той, что на первой. Вдруг все четверо — члены криминальной семейки Дьюбоза? Самого Вонна Майкл и Лейси наблюдали на записи, запечатлевшей его приезд в кондоминиум в «Рэббит Драйв», этим их знания о нем до сих пор и исчерпывались. Особенно впечатлял водитель во втором видео, снятом перед лавкой Фрога. Он был старше остальных троих, лет 45, и лучше одет: золотистая рубашка, отглаженные брюки. Он все хорошо спланировал, вплоть до мастерски подделанных номерных знаков Флориды на его пикапе. Спутать его с Вонном было нельзя, но и назвать простым исполнителем не поворачивался язык. Не он ли командовал операцией? Может, это он ходил вокруг расплющенного «приуса» Лейси с фонарем, искал телефоны, пока Хьюго прощался с жизнью, истекая кровью? Но и ему изменила смекалка: надо же было остановиться прямо перед лавкой Фрога и позволить камере запечатлеть свою физиономию! Недаром Элли твердил, что даже самые ушлые преступники допускают дурацкие ошибки.

Только теперь Лейси и Майкл вспомнили про остывшую курицу и приступили к еде, хотя не испытывали голода. В 19.50 у Майкла завибрировал телефон.

— Он наш! — радостно сообщил Эббот.

Кровь на клочке бумажного полотенца принадлежала 23-летнему Зикку Форману, дважды осужденному за торговлю наркотиками и освобожденному условно-досрочно. Данные его ДНК хранились в базе данных штата уже пять лет, со времени его первого ареста. Эббот переслал по электронной почте три его фотографии: две любительские, одну тюремную.

Майкл рассыпался в благодарностях и поклялся Эбботу, что теперь он его должник.

Лейси подскочила к принтеру и буквально выхватила из него распечатки фотографий. Майкл включил стоп-кадр на том месте второй записи, где лучше всего были видны оба лица. Пассажир, несмотря на окровавленный нос, был вылитый Зик Форман.

Элли Пачеко радостно откликнулся на приглашение Лейси и примчался, несмотря на поздний час и на то, что ее голос звучал по телефону совсем не интимно: она сообщила лишь о срочности дела, чем и ограничилась. Они просмотрели видеозаписи, изучили фотографии, прочли памятку Гритта и проболтали до полуночи, прикончив в процессе бутылку вина.

Глава 31

Зик Форман жил с матерью рядом с флоридским городком Милтон, недалеко от Пенсаколы. ФБР два дня наблюдало за домом, но так и не увидело ни его самого, ни его «ниссан» 1998 года. По словам ответственного за него сотрудника службы пробации, Зик послушно являлся на проверку раз в месяц; очередная встреча была намечена на 4 октября. Неявка грозила посадкой. Форман перебивался случайными заработками и последний год с небольшим обходился без нареканий.

4 октября он явился в кабинет надзорного куратора в центре Пенсаколы и на вопрос, где провел месяц, бойко отбарабанил заученную историю про то, как отгонял грузовичок другу в Майами. «Сиди смирно, — приказал ему куратор, — тут двое хотят с тобой поздороваться». И впустил в кабинет агентов Элли Пачеко и Дуга Хана. Те представились, хозяин кабинета ретировался.

— А в чем дело? — спросил Форман, не ждавший от внезапного появления фэбээровцев ничего хорошего.

Агенты остались стоять.

— В понедельник 22 августа, — начал Пачеко, — ближе к полуночи, ты приехал в резервацию индейцев таппаколов. Что ты там забыл?

Форман старательно изобразил удивление, но все равно вид у него был такой, будто он сейчас хлопнется в обморок. Он пожал плечами, изображая болвана, и промычал:

— Чего-то я не пойму, о чем вы...

— Ты все отлично понимаешь. Ты управлял угнанным пикапом. Произошла авария. Теперь вспомнил?

— Вы ошиблись, это не я.

— Это все, что ты можешь из себя выжать? — Пачеко кивнул Хану, тот достал наручники. — Ты арестован за тяжкое убийство.

— Вы что, шутите?

— Ага, решили пошутить, не обращай внимания. Просто встань, руки за спину.

Агенты надели на Зика наручники, обыскали, забрали сотовый телефон и вывели из здания через боковую дверь, чтобы доставить на заднем сиденье автомобиля в отделение ФБР, находившееся в четырех кварталах. В пути никто не проронил ни слова.

У себя они подняли Зика на лифте на шестой этаж. Там, миновав

лабиринт коридоров, они вошли в маленькую комнату, где их ждала молодая женщина.

— Мистер Форман, — заговорила она, улыбаясь, — я — Ребекка Вэбб, помощник прокурора США. Пожалуйста, садитесь.

Агент Хан снял с Зика наручники и со словами «немного побудешь здесь» мягко усадил на стул. Все остальные тоже уселись.

— Что происходит-то? — спросил Форман. Несмотря на молодой возраст, он не походил на испуганного мальчишку. Он успел собраться с духом и обрести твердость. Длинноволосый тертый калач, он смотрел сурово, выставляя напоказ богатую коллекцию пошлых тюремных татуировок.

Пачеко зачитал ему права и сунул соответствующий бланк. Форман медленно прочел то, что только сейчас услышал, и расписался внизу, подтвердив, что все понял. Происходившее было ему не впервой.

— Тебе грозит обвинение в тяжком убийстве, смертный приговор и казнь — инъекция смертельного яда, — сообщил Пачеко.

— Кого я убил?

— Хьюго Хэтча, пассажира другой машины. Не будем об этом спорить. Мы знаем, что в ту ночь ты находился в резервации, управлял угнанной машиной — большим грузовым пикапом «додж-рам». Ты намеренно пересек разделительную линию на дороге и произвел столкновение с «тойотой приус». Вместе с водителем другого пикапа, на котором тебе полагалось скрыться, вы забрали из «приуса» два сотовых телефона и айпад. Все это — установленные факты, не подлежащие оспариванию.

Форман и не спорил, сохраняя самообладание.

— Через пятнадцать минут после бегства с места происшествия, — продолжил Пачеко, — вы с сообщником остановились у сельской лавки и купили лед, пиво и протирочный спирт. Припоминаешь?

— Нет.

— А как тебе вот это? — Пачеко достал из папки фотографию — кадр из видеозаписи Фрога — и пододвинул Форману. — Конечно, парень с разбитым носом — не ты.

Форман покосился на снимок и покачал головой:

— Похоже, мне нужен адвокат.

— Через минуту он у тебя будет. Но пока я хочу тебе объяснить, что это не совсем типичный допрос. Мы здесь не для того, чтобы выжать из тебя признание, поскольку и так знаем, что произошло. Если хочешь, можешь все отрицать — нам наплевать. У нас есть все улики, и мы с

радостью встретимся с тобой в суде. Сейчас мисс Вэбб расскажет, зачем мы здесь собрались.

Форман не желал на нее смотреть.

— Мы предлагаем тебе сделку, Зик, — заговорила она. — Лакомая сделка, пальчики оближешь! Мы знаем, что угонщик — не ты. Зачем-то ты пригнал пикап в дальний угол резервации, устроил там аварию и сбежал, бросил человека умирать — не просто же для развлечения! Нет, мы знаем, что ты работал на каких-то людей, на серьезных, отпетых преступников. Наверное, они тебе щедро заплатили и велели на время скрыться. Возможно, ты выполнял для них и другую грязную работу. Сейчас это не важно. Нас заботит только убийство и люди, которые его спланировали. Мы охотимся за крупной рыбой, Зик, а ты — так, мелкая рыбешка. Да, ты совершил убийство, но для нас ты только подручный настоящих убийц.

— Что за сделка? — спросил Зик, соизволив наконец на нее посмотреть.

— Это сделка буквально ценой в жизнь. Своей откровенностью ты купишь себе освобождение. Ты рассказываешь нам все, что знаешь, называешь имена, телефоны, все-все — и мы снимаем обвинение. Ты попадешь под программу защиты свидетелей, получишь хорошее жилище где-нибудь подальше, скажем, в Калифорнии, новое имя, документы, работу — новую жизнь. Твое прошлое будет забыто, ты станешь свободным, как птица. В противном случае ты угодишь в камеру смертников и будешь там гнить лет десять-пятнадцать, пока все твои апелляции не будут отвергнуты. Результат один — игла.

Наконец-то Зик сгорбился и повесил голову.

— Сделка предлагается один-единственный раз — сейчас. Говоришь «нет» и выходишь отсюда — все, свободы тебе больше не видать.

— Думаю, мне нужен адвокат.

— Когда тебя судили в прошлый раз, твои интересы представлял назначенный судом защитник Паркер Логан. Помнишь такого?

— Типа того.

— Он ждет внизу. Хочешь с ним поговорить?

— Хочу.

Хан быстро привел Паркера Логана, ветерана, поднаторевшего в защите интересов неимущих Пенсаколы. Он представился присутствующим, они ему, затем пожал руку своему бывшему клиенту, сел с ним рядом и спросил:

— Что на этот раз?

Вэбб достала из папки бумаги.

— Магистрат назначил вас представителем мистера Формана. Вот документы, здесь же обвинительный акт.

Логан взял бумаги и приступил к чтению.

— Как я погляжу, — заметил он, переворачивая страницу, — вы здорово торопитесь.

— Скоро мы все объясним, — заверила его Вэбб.

Закончив чтение, Логан расписался и показал Форману, где поставить подпись.

Вэбб достала и вручила Логану новые бумаги.

— Это соглашение. По нему действие обвинительного акта будет приостановлено, пока мистер Форман не перестанет быть нужен обвинению.

— Защита свидетеля? — спросил Логан.

— Она самая. Начиная с сегодняшнего дня.

— Понятно. Мне надо побеседовать с клиентом.

Вэбб, Пачеко и Хан встали и направились к двери.

— Мне нужен ваш телефон, — сказал Пачеко, остановившись. — Никаких звонков!

Это Логану не понравилось, но, поколебавшись, он вынул телефон из кармана и отдал его агенту.

Спустя час Логан открыл дверь и объявил, что они с клиентом готовы. Вэбб, Пачеко и Хан вернулись на свои места. Логан, снявший пиджак и закатавший рукава рубашки, заговорил:

— Как защитник я обязан по меньшей мере узнать, какими доказательствами вины моего клиента располагает федеральное правительство.

— Не будем тратить время на спор об уликах, — предложил Пачеко. — Ограничимся тем, что в качестве доказательства мы располагаем результатом анализа ДНК образца крови, обнаруженного неподалеку от места происшествия. Ваш клиент там побывал.

Логан пожал плечами, как бы желая сказать: «Неплохо».

— Предположим, мой клиент согласится на сделку, — произнес он. — Что с ним произойдет, когда он покинет эту комнату?

— Как вам известно, — ответила Вэбб, — защитой свидетелей ведают федеральные маршалы. Они заберут его отсюда, вывезут из города и из Флориды и доставят в другое, далекое, хорошее место.

— Мой клиент беспокоится о матери и младшей сестре.

— У них будет возможность с ним воссоединиться. По программе защиты свидетелей часто перевозятся целые семьи.

— Добавлю к этому, — вмешался Пачеко, — что федеральные маршалы еще ни разу не теряли свидетелей. Через них прошло больше пяти тысяч человек. Они привыкли иметь дело с огромными, хорошо организованными преступными синдикатами общенационального масштаба. Местные ребята, за которыми мы сейчас охотимся, для них мелочь.

Логан покивал, немного поразмыслил и, глядя на клиента, сказал:

— Как ваш адвокат я рекомендую вам согласиться на эту сделку.

Форман вооружился ручкой.

— Тогда вперед!

Вэбб заняла место за маленькой видеокамерой на треноге и навела ее на Формана. Хан положил перед ним диктофон. Когда Форман и адвокат все подписали, Пачеко выложил на стол первую фотографию и, указав на водителя пикапа с поддельными номерами, спросил:

— Кто это?

— Клайд Уэстби.

— Хорошо. Теперь, Зик, расскажи нам все, что ты знаешь о Клайде Уэстби. Мы теперь по одну сторону, и мне нужно знать все. Все-все!

— Уэстби принадлежит пара отелей в Форт-Уолтон-Бич. Я...

— Как называются отели, Зик?

— «Блу Шато» и «Серфбрейкер». Я нанялся туда два года назад на неполный день: чистка бассейнов, стрижка кустов, всякое такое. Платили наличными, из рук в руки. Уэстби я видел редко, кто-то мне шепнул, что он владелец. Однажды он поймал меня на стоянке «Серфбрейкера» и спросил о моем криминальном прошлом. Мол, обычно они не берут на работу уголовников, так что я должен быть паинькой. Сначала он ко мне придирался, потом смягчился. Дразнил меня «арестантом», мне не нравилось, но я помалкивал. Он не из тех, кому можно огрызаться. У него хорошие отели, лучше многих других, народу полно. Мне нравилось, вокруг бассейнов толпа девчонок, красота!

— Мы здесь не для болтовни про девчонок, — напомнил Пачеко. — Кто еще работал в его отелях? Я не про мелкую сошку вроде тебя. Кто менеджер, заместитель менеджера, люди этого пошиба?

Форман почесал в затылке, назвал несколько имен, стал вспоминать другие. Хан барабанил по клавиатуре, два агента в отделении ФБР в Таллахасси, наблюдая за Форманом на мониторе, не отлипали от ноутбуков. Они в считанные минуты выяснили, что «Блу Шато» и «Серфбрейкер» принадлежат компании «Старр С», зарегистрированной в Белизе. Ей же принадлежал торговый комплекс в округе Брансуик. В тумане,

окутывавшем империю Дьюбоза, появился первый просвет.

— Что ты знаешь о самом Уэстби? — спросил Пачеко.

— Вообще-то немного. После пары месяцев работы до меня дошли слухи, что он связан с людьми, владеющими землями, полями для гольфа, барами и стриптиз-клубами, но все это рассказывалось под большим секретом. Только слухи, ничего конкретного. Хотя что с меня взять, с мелкой сошки, как вы сами говорите...

— Расскажи о понедельник 22 августа.

— Днем раньше Уэстби отвел меня в сторонку и сказал, что у него есть для меня одна работенка, опасная и секретная, за пять тысяч наличными. Спросил, интересно ли мне это. А как же, говорю! Я не считал, что могу ему отказать. Хотелось быть у Уэстби на хорошем счету, и потом, с него стало бы меня выгнать, если бы я его разозлил отказом. Пойди, найди потом работу с моими судимостями! Так что в понедельник днем я был как штык в «Блу Шато». Пришлось ждать дотемна, потом мы с ним сели в пикап и приехали сюда, в Пенсаколу. Остановились у бара на востоке города, он велел мне ждать в машине. Уэстби провел в баре полчаса, потом выходит и сует мне ключи от «додж-рама», тоже стоявшего перед баром. Я заметил алабамские знаки, но мне было невдомек, что пикап угнанный. Я сел за руль и поехал за ним. Мы припарковались за казино. Уэстби сел ко мне и объяснил план: оказалось, нам надо было устроить аварию. Мы попетляли по резервации, и он указал мне место, где все произойдет. Я должен был столкнуться с маленькой «тойотой» и вылезти, чтобы он меня увез. Честно говорю, мне захотелось удрать, но куда было податься? Мы вернулись к казино, он сел в свой пикап. Мы вернулись в резервацию, на ту дорогу, и долго ждали в лесу. Уэстби бродил вокруг моего пикапа, психовал, орал в телефон. Потом говорит: «Едем». Дал мне черный мотоциклетный шлем, толстые перчатки и наколенники, как у мотоциклистов, гоняющих по грязи. Видим — фары приближаются. Он говорит: «Это та машина». Разгонись, мол, на всю катушку и вильни на ее полосу. Пикап был вдвое тяжелее, и Уэстби меня убедил, что я останусь невредимым. Страшно, конечно, но машина ехала не очень быстро. Я разогнался до пятидесяти миль в час и в самый последний момент переехал осевую. Чертова подушка вышибла из меня дух, оглушила на секунду-другую. Когда я вылез, Уэстби уже был там. Я снял шлем, перчатки и наколенники и отдал ему. Он увидел, что у меня из носа идет кровь, и проверил, нет ли крови на подушке в пикапе. Ничего там не было. Нос оказался не сломан, сначала крови было мало, это потом хлынуло. Мы обошли машину. Девушка, водитель, шевелилась и что-то лепетала, но

была плоха. Черный парень застрял в ветровом стекле, он был весь изрезанный, крови море... — В этом месте Форман поперхнулся и судорожно сглотнул.

— В пикапе нашли разбитую бутылку из-под виски, — сказал Пачеко. — Ты пил?

— Нет, ни капли! Бутылку точно подбросили.

— У Уэстби был фонарь?

— Только на лбу, как у шахтера. Он велел мне сесть в пикап, его пикап. Я, наверное, послушался. Он минуту-две копался в машине. Я был не в себе и, кажется, не все запомнил. Все происходило быстро, и я, если честно, сильно перепугался. Вам самому доводилось ходить после лобового столкновения?

— Не припомню такого. С чем Уэстби вернулся в пикап?

— Вы о чем?

— О двух сотовых и айпаде.

Форман покачал головой:

— Не помню... Он спешил. Посмотрел на меня и что-то сказал про кровь. У него в пикапе был рулон бумажных полотенец, он оторвал несколько кусков, чтобы я вытирал нос.

Пачеко со значением покосился на Логана и сообщил:

— У нас есть испачканный кровью кусок бумажного полотенца.

— Вы хотели, чтобы он говорил? — буркнул Логан. — Вот и слушайте.

— У тебя были другие травмы? — спросил Пачеко.

— Я ушиб колено, было очень больно. Это все.

— Значит, вы сели и уехали?

— Выходит, так. Уэстби свернул с дороги в поле и поехал напрямик — не знаю, как у него это получилось, с выключенными-то фарами... Я не знал, куда мы едем. Меня мутило, я все вспоминал окровавленного черного парня... Помню, подумал: за такое — всего каких-то пять тысяч?.. Потом мы выехали на гравийную дорогу, Уэстби включил фары. На асфальте он разогнался, и мы уехали из резервации. «Что это были за люди?» — спрашиваю. А он в ответ: «Какие люди?» Я и заткнулся. Уэстби сказал, что мне нужно приложить к носу лед, и купил его в открытой допоздна лавке. Наверное, эта фотография оттуда.

— Что было потом?

— Мы вернулись в Форт-Уолтон, в «Блу Шато». Он запер меня в номере, принес чистую футболку и велел прикладывать к лицу лед. Если кто спросит, отвечать, что подрался. Так я и матери сказал.

— Он тебе заплатил?

— Да, на следующий день. Дал деньги и приказал помалкивать. Припугнул, что если все раскроется, то меня обвинят в оставлении места происшествия, если не хуже. Признаюсь, я был так напуган, что молчал, как рыба. Боялся и копов, и самого Уэстби. Через несколько недель я решил, что опасность миновала. А тут Уэстби ловит меня в отеле и говорит: садись в машину и вон из Флориды! Сунул мне еще тысячу баксов и велел не высовываться, пока он не позвонит.

— Он звонил?

— Да, один раз, но я не ответил. Я вообще не хотел возвращаться, но беспокоился за мать и не хотел пропускать явку к куратору по условно-досрочному. Сегодня вернулся тайком в город, вечером думал навестить мать...

Выслушав все это, Пачеко вернулся к началу и потребовал новых подробностей. Он препарировал каждое мгновение и буквально вытрясал из рассказчика детали, заставлял его выуживать из памяти имена. По прошествии четырех часов Форман совершенно обессилел и помышлял об одном — поскорее исчезнуть из города. Наконец Пачеко втянул когти, и Зика Формана увели двое федеральных маршалов. Они отвезли его в Галфпорт, штат Миссисипи, где он провел в отеле первую ночь своей новой жизни.

Клайд Уэстби жил со второй женой в округе Брансуик, в красивом доме за воротами неподалеку от пляжа. Ему было 47 лет и ни одной судимости за плечами. Владелец выданных во Флориде водительских прав и действующего паспорта США, он ни разу не регистрировался для участия в голосовании — по крайней мере, во Флориде. Согласно базе данных штата, он числился управляющим отеля «Серфбрейкер» в Форт-Уолтон-Бич. Он был владельцем двух сотовых и двух городских телефонов — на работе и дома. Через три часа после отъезда Зика Формана из Флориды агенты ФБР уже прослушивали все четыре.

Глава 32

Утренняя почта включала три пакета из юридической фирмы Эдгара Килбру. Нехотя открыв один, Лейси прочла сопроводительное письмо. В своем едком и высокомерном стиле адвокат объяснял, что вниманию Лейси предлагается ответ судьи Макдоувер на ее «легкомысленные» повестки. К письму прилагалось требование отказаться от необоснованных утверждений, порочащих его клиента, и прекратить расследование. Предлагалась и альтернатива — «незамедлительные конфиденциальные слушания с участием всего состава Комиссии по проверке действий судей».

Лейси требовала у адвоката процессуальные материалы его клиентки по десяти разбирательствам. Изучая присланное, она убедилась, что ничего нового не получила. Килбру и его сотрудник всего лишь скопировали судебные дела и сгруппировали их без всякой системы. Лейси наткнулась на несколько продиктованных судьей памяток и даже на ее заметки от руки, но по всему этому невозможно было понять ее мыслей и намерений; там не имелось ничего, что свидетельствовало бы о ее пристрастности к сторонам судебных разбирательств. Просто во всех десяти случаях решения принимались в пользу безликих оффшорных структур, против местных собственников и истцов.

Присланные Килбру бумаги оказались рассортированы гораздо неряшливее, чем то, что предоставляла коллегам Сейделл. Удивляться этому не приходилось. Но у Лейси не было выбора, пришлось работать с каждым документом. Закончив этот труд, она доложила Гейсмару о результате.

5 октября, в первую среду месяца, судья Макдоувер покинула свое рабочее место на час раньше обычного и поехала во все тот же кондоминиум в «Рэббит Ран». Это был второй ее визит туда после получения жалобы, согласно которой эта собственность могла расцениваться как подкуп. Клаудия оставила «лексус» на привычном месте, так, чтобы рядом поместилась еще одна машина, и вошла в дом. Ничто в ее поведении не свидетельствовало о нервозности, она ни разу не оглянулась, не проявила никакого интереса к происходящему вокруг.

Внутри Клаудия первым делом проверила дверь, выходящую на крытый дворик, и все окна. После этого вошла в свое хранилище и посвятила какое-то время любованию сокровищами, которые собирала так

долго, что в конце концов поверила, будто все их заслужила. Деньги и бриллианты хранились в маленьких переносных сейфах, которым не был страшен пожар. В стальных сейфах побольше были спрятаны драгоценные украшения, редкие монеты, старинные серебряные кубки, чаши и столовые приборы, первые издания знаменитых романов, подписанные авторами, старинный хрусталь, небольшие картины современных живописцев. Все это приобреталось на деньги от казино, мастерски отмытые путем систематических трат на ассортимент от дюжины продавцов, не подозревавших, что она и Филлис Турбан нарушают обременительные законы о декларировании приобретений. Вся гениальность их схемы заключалась в терпении. Покупай редкостные диковины в небольших количествах и любуйся ростом своей коллекции — так выглядело их правило. Ищи правильных дилеров, избегай задающих вопросы и колеблющихся и при возможности перемещай ценности за пределы страны.

Клаудия обожала свою коллекцию, но сейчас, впервые за одиннадцать лет, была близка к панике. Все эти богатства следовало бы переправить в безопасное место. Теперь она дождалась обвинений. Кто-то пронюхал про ее недвижимое имущество, про владеющие ею загадочные компании. Это у Вонна Дьюбоза в жилах течет ледяная водица, а не кровь, а Клаудия Макдоувер не такая. Ее ненасытный аппетит к деньгам уже унялся. С нее довольно! Теперь они с Филлис могли шикарно путешествовать по миру и издалека смеяться над индейцами. Главное, настало время обрубить все связи с Дьюбозом.

Он приехал и налил себе водки. Клаудия, сидя с ним за столиком, пила зеленый чай и смотрела на поле для гольфа. На диване ждали две сумки: одна с деньгами, другая пустая.

— Расскажи мне про Килбру, — попросил Вонн после ритуального обмена пустыми фразами.

— Он забросал их бумажками — уточню, что он дерет за это пятьсот долларов в час. Потребовал, ясное дело, отказаться от всех обвинений. Грозит скорым разбирательством, но хвастает, что может оттянуть его по меньшей мере на полгода. Где мы будем через полгода, Вонн?

— Здесь, станем по-прежнему считать свои денежки. Ничего не меняется, Клаудия. Ты обеспокоена?

— Еще как! Эти люди не глупцы. Я могу предъявить квитанции за покупку кондоминиумов со скидкой в десять тысяч за каждый, хотя рыночная цена была гораздо выше. Ну, еще долговое обязательство перед одним сомнительным карибским банком.

— Ты делала выплаты на протяжении многих лет. Твои

договоренности с банком их не касаются.

— Мелкие выплаты, Вонн, совсем мелкие. Деньги возвращались ко мне через другой оффшорный банк.

— Им ни за что этого не отследить, Клаудия. Сколько раз мы уже это обсуждали?

— Не знаю, Вонн. Может, мне просто уйти в отставку?

— В отставку?

— Подумай, Вонн. Я могу сослаться на состояние здоровья, отбрезаться от прессы и покинуть должность. Килбру поднял бы шум, утверждая, что КПДС утратила надо мной юрисдикцию. Тогда исковая жалоба могла бы утратить силу.

— Жалоба так и так утратила силу.

Клаудия глубоко вздохнула и отхлебнула чаю.

— Майерс?

— Майерс пропал.

Она отодвинула чашку с блюдцем.

— Я больше не могу, Вонн. Это твой мир, а не мой.

— Он скрывается. Мы еще его не настигли, но скоро настигнем.

Оба долго молчали. Клаудия мысленно считала трупы, Вонн прикидывал, сколько денег сможет прикарманивать дополнительно благодаря ее уходу.

— Кто он такой? — спросила она наконец.

— Исключенный из коллегии адвокат из Пенсаколы по имени Рэмси Микс. Сидел в федеральной тюрьме, освободился, забрал деньги, припрятанные раньше от федералов, изменил имя на Грегга Майерса и зажил на яхте со своей мексиканской возлюбленной.

— Как ты его нашел?

— Не важно. Важно другое: без него КПДС не может продолжать. Все кончено, Клаудия. Хватит бояться, теперь можно расслабиться.

— Мне бы твою уверенность! Я изучила правила КПДС вдоль и поперек и не нашла прописанной процедуры отказа от обвинений в случае утраты к ним интереса стороной истца.

Клаудия, в отличие от него, была юристом, поэтому Вонн не стал с ней спорить.

— Ты уверена, что в случае твоей отставки они отстанут?

— Трудно ручаться за других. Правила их действий не прописаны от и до. Но если я сниму мантию, то на что я им сдалась?

— Может, и так.

Клаудия не знала о двух видеозаписях и стараниях Вонна ограничить

наносимый ими вред. Не знала о Лимане Гритте и его подозрительной возне. Она много чего не знала, потому что в его мире знание способно представлять опасность. Даже самым надежным людям могли развязать язык. Любой секрет мог выплыть наружу. Ей и так хватало поводов для тревог.

Разговор снова надолго прервался. У обоих не было желания его возобновлять — слишком напряженно у них сейчас работали мозги. Наконец Вонн, погремев ледышками в стакане, произнес:

— Остается непонятно, как Майерс пронюхал про кондоминиумы. Что скажешь, судья? По документам он ни за что бы до них не докопался: на то и заслоны, на то и иностранные компании, подчиняющиеся непроницаемым законам. Нет, Майерсу кто-то проболтался. Значит, случилась утечка. Взгляни на людей вокруг себя и вокруг меня. Мои — профессионалы, работают в герметичной организации. Мы в бизнесе много лет, и утечек никогда не бывало. Что скажешь о своих людях, судья?

— Мы это уже обсуждали.

— Не мешает повторить. Возьмем Филлис. Она все знает. Насколько безопасен ее офис?

— Филлис — мой партнер по преступлениям, Вонн. Она виновна в той же степени, что и я.

— Я не про то, что проболтаться могла она. Но кто ее сейчас окружает? Знаю, партнеров у нее нет, только подручные. Кто они такие?

— Она — фанатик безопасности. В офисе и дома все тщательно продумано. Важные вопросы Филлис решает из кабинетика, о котором никто не знает. Все очень надежно.

— А твой собственный офис?

— Я уже тебе рассказывала. У меня секретарь, работающая полный рабочий день; я меняю их раз в полтора года. Ни одна не продержалась больше двух лет: не хочу, чтобы они осваивались и начинали совать нос куда попало. Бывают и практикантки, но эти меняются каждый год, потому что не выдерживают нагрузки. Есть судебный протоколист, стенографистка, я работаю с ней много лет и полностью ей доверяю.

— Джо-Хелен.

— Да, Джо-Хелен Хупер, чудесная женщина. Работает отлично, не в свое дело не суется.

— Давно она твоя судебная протоколистка?

— Семь или восемь лет. Мы отлично ладим, потому что она не болтает лишнего, подлизывается ко мне, когда надо подлизаться, и совершенно не мешает.

— Почему ты так ей доверяешь?

— Потому что я ее знаю. Почему ты так доверяешь своим ребятам?

Не ответив на ее вопрос, Вонн спросил:

— У нее есть доступ в твой кабинет?

— Нет. Туда никому нет хода.

— Полного доверия быть не может, судья. Часто именно тот, кому больше всех доверяешь, за хорошую плату перережет тебе горло.

— Ты специалист в таких делах.

— Вот именно. Следи за ней, поняла? Никому не доверяй.

— Я и так никому не доверяю, Вонн, особенно тебе.

— Правильно делаешь. Я и сам себе не доверяю.

Они дружно усмехнулись, довольные собой. Вонн долил в свой стакан водки, Клаудия продолжила пить холодный чай. Снова садясь, он предложил:

— Давай поменяем график. Будем встречаться здесь раз в неделю по средам, в пять часов, чтобы держать руку на пульсе. Дай мне время, я должен обдумать твои слова об отставке.

— Уверена, эта мысль тебе понравится. Ты ведь уже прикидываешь, сколько лишних денег будешь забирать каждый месяц.

— Так-то оно так, но карманный судья мне очень полезен. Ты меня избаловала, Клаудия. Не уверен, что найду другого судью, которого будет так же легко купить.

— Надеюсь, что не найдешь.

— Ты, часом, не ударились в религию?

— Нет, просто устала от работы. Сегодня мне пришлось отнять ребенка у матери. Она сидит на метамфетаминах, безнадёжная наркоманка, ее девочке грозила опасность, но все равно это нелегко. Уже в третий раз отбираю у этой женщины ребенка после шести часов разбирательств с воплями, руганью и вызовом сотрудников социальной службы — иначе детей от нее не оторвать. Покидая суд, мамаша раз за разом заявляет: «Подумаешь, я уже опять беременна!»

— Тяжелый у тебя хлеб.

— Я от всего этого устала. Обкрадывать индейцев гораздо веселее.

* * *

Лейси занималась на коврике йогой, выполняя через боль наклон вперед сидя — базовое упражнение, дававшееся ей годами, но после

аварии ставшее почти невыполнимым. Сейчас, вытянув вперед прямые ноги, она уже почти дотронулась до пальцев ног, когда на кофейном столике задребезжал одноразовый телефон Коули. Эта штукавина сопровождала ее повсюду, вызывая только презрение, но сейчас Лейси схватила ее, мигом забыв про йогу.

— Контрольный звонок, Лейси, — сказал он. — О Майерсе ни слуху ни духу. Не то чтобы я ожидал чего-то другого, но все равно тревожно. Полиция Ки-Ларго продолжает поиски, но что толку? Пару дней назад какой-то банк забрал его яхту. Я только сейчас говорил с «кротом». Там тоже ничего нового, разве что встреча нашей девочки с Дьюбозом — очередная передача месячной доли.

— Откуда он об этом узнает? — задала Лейси устаревший вопрос.

— Возможно, когда-нибудь вы сами его об этом спросите. Я не знаю. Понимаете, если плохие парни могут найти Майерса, значит, я тоже под ударом. У меня душа уходит в пятки. Я не сижу на месте, меняю дешевые мотели и, признаться, уже растерял все силы. Завтра пришлю вам следующий телефон и еще один номер — телефона «крота». Мы меняем его каждый месяц. Если со мной что-то случится, позвоните по этому номеру.

— Ничего с вами не случится.

— Спасибо на добром слове, но вы понятия не имеете, о чем говорите. Уж каким умником воображал себя Майерс...

— Воображал, но подписал исковую жалобу. О вас плохие парни ничего не знают.

— Как-то больше не верится... Все, пора бежать. Вы тоже поосторожнее там, Лейси. — Разговор прервался, и Лейси тоскливо уставилась на телефон.

Глава 33

С приближением осеннего сезона отель «Серффрейкер» стал готовиться к очередному нашествию канадцев. Пока в лобби было пусто, точно так же пустовали бассейн и парковка. Клайд Уэстби поехал в лифте на третий этаж, проверить ремонт в номерах. Прежде чем дверь кабины закрылась, в нее нырнул гость в шортах и сандалиях, нажавший кнопку шестого этажа. Лифт поехал, гость произнес:

— У вас найдется несколько минут, мистер Уэстби?

— Вы наш постоялец?

— Да, номер «Дельфин». Элли Пачеко, ФБР.

Пока Клайд удивленно разглядывал его обувь, Элли достал значок.

— Что делает ФБР в моем отеле?

— Разоряется на номер, хотя он ничего. Мы здесь для беседы с вами.

Кабина остановилась на третьем этаже, но Клайд не вышел, Элли тоже. Дверь закрылась, движение возобновилось.

— Что, если я сейчас занят?

— Мы тоже. Пара вопросов, только и всего.

Клайд пожал плечами и вышел на шестом этаже, чтобы проследовать за Пачеко по коридору. Тот отпер свой номер.

— Вам нравится в моем отеле? — поинтересовался Клайд.

— Вполне. Вот только обслуживание номеров хромает. Утром я нашел в душе таракана. Дохлого.

В номере оказалось еще трое мужчин, все в шортах и сандалиях, и молодая женщина, приготовившаяся, судя по одежде, к выходу на теннисный корт, — Ребекка Вэбб, помощник прокурора США. Мужчины были фэбээровцами.

Уэстби оглядел просторный номер.

— Что-то мне не по душе эта компания. Учтите, я вправе вас выселить.

— Мы бы сами с радостью съехали, — отозвался Пачеко, — только вы выйдете отсюда вместе с нами, в наручниках. Это будет торжественное прощание, то-то ваши гости и сотрудники порадуются! Хотите, уведомим местных репортеров?

— Я арестован?

— Да, за тяжкое убийство.

Уэстби побелел, у него затряслись колени. Он схватился за спинку

стула, чтобы не упасть. Агент Хан дал ему бутылку с водой, и он стал жадно пить, проливая воду на подбородок и глядя агентам в глаза, безмолвно умоляя о помощи. Невинный стал бы возмущаться.

— Не может быть... — пробормотал Уэстби. Он ошибался, с ним было покончено. Впереди его ждал только кошмар.

Ребекка Вэбб положила ему на колени бумаги.

— Это обвинительный акт, вынесенный вчера большим федеральным жюри в Таллахасси. Вы обвиняетесь в тяжком убийстве, караемом смертной казнью. Причинение смерти Хьюго Хэтчу — тяжкое убийство по найму. Наличиеотягощающих обстоятельств позволяет назначить за него смертную казнь. Кроме того, приобретенный вами за наличные пикап пересек границу между штатами. Прокон!

— Я этого не делал, — почти пролепетал Уэстби. — Клянусь!

— Клянись, сколько хочешь, Клайд, это не поможет, — отозвался Пачеко с деланным сочувствием.

— Я требую адвоката.

— Прекрасно. Ты его получишь, вот только закончим с бумажками. Давай посидим за столом, поболтаем.

Стол был маленький, круглый, всего с двумя стульями. На одном сидел Уэстби, на другой уселся Пачеко. Хан и другие два агента встали за ним — пугающая сила, несмотря на рубашки для гольфа, шорты и незагорелые ноги.

— Насколько мы понимаем, — начал Пачеко, — у тебя нет судимостей?

— Нет.

— Это твой первый арест?

— Думаю, да. — Думать было трудно. Уэстби был потрясен, его взгляд метался от одного лица к другому.

Пачеко медленно и твердо зачитал Клайду его права, потом подал ему их текст. Клайд, читая, качал головой, его лицо было уже не таким бледным. Пачеко услужливо подал ему ручку, и он поставил свою подпись.

— У меня есть право на телефонный звонок?

— Конечно, но учти, мы уже три дня слушаем твои телефонные переговоры. У тебя как минимум два сотовых телефона, если станешь звонить по одному из них, мы услышим каждое слово.

— То есть?.. — недоверчиво переспросил Уэстби.

Вэбб положила на стол очередной комплект бумаг.

— Это подписанный магистратом ордер на прослушивание.

— Похоже, личные разговоры ты ведешь по айфону, а «нокию»,

оплаченную отелем, используешь для деловых звонков, а еще для звонков любовнице, Тамми Джеймс, бывшей официантке в купальнике из «Хутерс». Надо полагать, твоей жене о мисс Тамми ничего не известно?

Клайд разинул рот, но не издал ни звука. Неужели разоблачение связи с Тамми для него страшнее обвинения в убийстве? Возможно, но мысли у него путались, все казалось бессмыслицей.

Пачеко, откровенно наслаждаясь происходящим, продолжил:

— Кстати, ордер на прослушивание телефона Тамми у нас тоже есть. Как выяснилось, она спит еще с неким Берком, а также с человеком по имени Уолтер. Возможно, это неполный список. Но тебе я советую о Тамми забыть, шанс снова дотронуться до ее теплого тела слишком невелик.

Откуда-то из груди, потом из горла Уэстби донеслось булькающее рычание. Оценить происходящее сумел только один агент, вовремя схвативший пластмассовую корзину для мусора.

— Сюда!

Обвиняемый согнулся пополам и стал давиться, на глазах багровея. После надсадных корчей началась бурная рвота. Все отвернулись, хотя звуки были не менее тошнотворными, чем зрелище блюющего человека. Когда весь завтрак Уэстби перекочевал на дно корзины, он вытер тыльной стороной ладони губы и застыл, свесив голову и что-то неразборчиво бормоча под нос. Один из агентов подал ему влажную салфетку, и Клайд еще раз вытер рот. Наконец он сел прямо и стиснул зубы, словно собрался с духом и приготовился к расстрелу на месте.

Корзину, распространявшую нестерпимую вонь, агент вынес в туалет.

Хан, подойдя к столу, гордо сообщил:

— Кроме прочего, мы располагаем записью переговоров по обоим телефонам за последние два года. Прямо сейчас изучаются номера абонентов. Один из них — Вонн Дьюбоз. Рано или поздно мы найдем и его номер.

Казалось, Уэстби перестал дышать. Тараща глаза на Пачеко, он после паузы выдавил:

— Мне нужен адвокат.

— Кого предпочитаешь?

Клайд снова впал в ступор. Закрыв глаза, он судорожно вспоминал, кто из адвокатов способен его спасти, от кого мог бы быть прок. Вспомнился адвокат по недвижимости, его партнер по гольфу; адвокат по банкротствам, собутыльник; адвокат по разводам, помогавший ему расстаться с первой женой. Мысленно исчерпав список, Клайд произнес:

— Пусть будет Гарри Буллингтон.

Пачеко пожал плечами:

— Буллингтон так Буллингтон. Будем надеяться, что он принимает вызовы.

— У меня нет его номера.

— Вот, нашел! — доложил один из агентов, глядя на экран ноутбука. Он продиктовал номер Клайду, но у того тряслись руки. Набрав номер с третьей попытки, он прижал телефон к уху. Буллингтон был на совещании, однако Уэстби настаивал. Дожидаясь ответа, он снова посмотрел на Пачеко и спросил:

— Могу я побыть один?

— Зачем? — удивился Пачеко. — Мы все равно все слушаем. Судья разрешил.

— Пожалуйста!

— Ладно, это твой отель. В спальне. — Он отвел Клайда в спальню и остался там с ним. Забавно было слышать, как Уэстби представляется Буллингтону, когда тот наконец взял трубку. Из разговора было неясно, знакомы ли они. Клайд пытался объяснить свое положение, Буллингтон засыпал его вопросами. Стоя спиной к Пачеко, Уэстби силился сформулировать хоть какую-то мысль:

— Нет, да, послушайте, они, ФБР, сейчас прямо здесь, в Форт-Уолтоне, в отеле... Да, обвинительный акт... федеральный, но... Да послушайте вы! Мне нужно, чтобы вы немедленно приехали в отель. Бросьте все и... Ваш гонорар? Ну да, сколько? Вы шутите? Да, тяжкое федеральное убийство... Прямо сейчас на меня смотрит агент ФБР, он слышит каждое слово... Хорошо.

Клайд повернулся к Пачеко.

— Адвокат сказал, чтобы вы вышли.

— Пусть поцелует меня в задницу. Я остаюсь.

Уэстби отвернулся и продолжил:

— Отказался в грубой форме. Значит, так: сколько только за сегодня? Только за проезд и за консультацию, прежде чем они меня уведут? Однако!.. Почему так много? Понял, понял. Только поскорее!

Разъединившись, Уэстби предупредил:

— Он говорит, что ему потребуется час.

— Мы не торопимся, Клайд. Мы сняли номер на двое суток по тарифу невысокого сезона. Сколько же вы дерете в высокий сезон?!

Они вернулись к остальным. Хан и другие агенты возились, устанавливая две камеры на треногах.

— Учти, Клайд, это не допрос. Мы дождемся адвоката. Но будем на

всякий случай записывать все, что произойдет начиная с этой минуты. Не хватало, чтобы какой-нибудь бандит утверждал потом, что мы нарушаем права задержанных! Пока мистер Буллингтон спешит на зов, мы можем продемонстрировать тебе кое-какие любопытные видеозаписи.

Уэстби усадили за стол рядом с Пачеко, между ними поставили лэптоп, Хан нажал клавишу.

— На этой записи в Фоли, Алабама, угоняют «додж-рам», — прокомментировал Пачеко. — Тот самый, за который ты заплатил живыми деньгами в баре восточнее Пенсаколы вечером 22 августа, пока Зик Форман ждал в твоём пикапе с поддельными флоридскими номерами. Поллюйся!

Уэстби, глядя на экран, сильно прищурился. Просмотрев запись два раза, он спросил:

— Кто это снял?

Пачеко потешно задрал руки:

— Брось, я не на допросе. Как и ты. Мы приятно проводим время в ожидании твоего адвоката. Видеозаписи мы показываем тебе просто для информации. Вдруг чуть позже сегодня они помогут тебе принять решение?

Хан запустил вторую запись, сделанную перед лавкой Фрога Фримена. Увидев себя, паркующего пикап и вылезającego наружу, Клайд заметно приуныл. Понурый, после рвоты, едва не падающий в обморок, бледный как смерть, со слабым голосом, он превратился в податливый воск. Элли чувствовал, что жертва почти утратила способность к сопротивлению, хотя адвокат мог все усложнить — так не раз бывало.

Намеренно расковыривая рану, он сказал:

— Ты сильно сгруппировался, остановившись прямо перед входом и позволив, чтобы вас засняли.

Уэстби ничего не оставалось, кроме жалкого утвердительного кивка.

Дважды продемонстрировав вторую запись, Хан спросил:

— Хватит?

Уэстби кивнул и откинулся на спинку стула.

— Нам надо убить время, — заговорил Элли. — У нас есть гораздо более длинная запись, она тоже тебя заинтересует. Несколько дней назад у нас произошел разговор с твоим знакомым по имени Зик Форман. Помнишь Зика?

— Я не отвечаю на вопросы.

— И не надо. Мы поднажали, припугнули парня — и он запел, да как! Прелесть, а не песня! Поставь музыку, Хан.

На экране лэптопа появилась испуганная физиономия Зика.

Поклявшись рассказать всю правду, он целых 56 минут знакомил с ней слушателей. Клайд внимательно слушал, чувствуя, что каждая минута этого рассказа сокращает на полгода, а то и на целый год его будущую жизнь.

Пока Гарри Буллингтон ехал, ФБР все про него выяснило. Ничего впечатляющего: 40 лет, обычный уличный шакал, надеющийся на рекламу и мечтающий представлять жертв автомобильных аварий, а пока пробавляющийся мелочью вроде защиты мелких наркоторговцев. В рекламе он представал хорошо одетым моложавым юристом с тонкой талией и густой шевелюрой — явными плодами фотошопа, удовлетворявшими раздутое эго. В жизни он носил мятый костюм, имел брюшко и всклокоченные реденеющие волосы с проседью. После неуклюжих приветствий Гарри отвел клиента в спальню, захлопнул дверь и не выпускал его целый час.

Пачеко заказал на гостиничной кухне большую тарелку сэндвичей. Как ни соблазнительно было записать еду на счет хозяина, он не стал этого делать: дополнительное топтание Клайда ничего не дало бы.

Уэстби и Буллингтон предстали перед заждавшимися фэбээровцами с таким видом, словно весь час жарко проспорили. Пачеко предложил им сэндвичи и бананы. Гарри схватил то и другое, у его клиента не было аппетита.

— Приступим? — предложил Пачеко.

Буллингтон ответил с набитым ртом:

— Я порекомендовал клиенту не отвечать на вопросы.

— Ваше дело. Допроса не предполагается.

— Тогда какого черта?..

Ребекка Вэбб, сидевшая на диванчике и строчившая в блокноте, подняла голову.

— Мы готовы предложить сделку о признании вины. Вины в одном составе убийства при отягощающих обстоятельствах. Обвинение в тяжком убийстве будет отменено позже, по ходу дела. За убийство при отягощающих дают пожизненное, но мы будем требовать гораздо более мягкого приговора.

— Насколько более мягкого?

— Начнем с двадцати лет и посмотрим, как себя поведет ваш клиент. У него будет возможность заслужить своим трудом сокращение срока, который ему присудят.

— Каким трудом?

— Инсайдерским. Информационным. Внедрение вряд ли потребуется, ведь ваш клиент и так член банды. Ему придется носить на себе «жучок», вызывать сообщников на разговоры, такого рода вещи.

Уэстби уставился на нее с нескрываемым ужасом.

— Если коротко, мистер Буллингтон, мы хотим, чтобы ваш клиент сдал нам «береговую мафию».

— Что он получит взамен?

— Срок может ограничиться всего пятью годами, — объяснила Вэбб. — Хотя наша рекомендация — это одно, окончательное решение примет судья.

— Пять лет, а потом — приятная жизнь по программе защиты свидетеля. Либо так, либо — десять лет в камере смертника в ожидании неминуемой встречи с палачом.

— Не запугивайте моего клиента! — сердито бросил Буллингтон.

— Я не запугиваю, а обещаю. Сейчас он по уши виновен в тяжком убийстве, и прокурору не составит труда это доказать. Мы предлагаем любовную сделку, ее составная часть — вероятность выхода на свободу через пять лет.

— Хорошо, хорошо! — Буллингтон одним богатырским глотком прикончил сандвич. — Покажите мне проклятые видеозаписи.

В 16.30 адвокат с клиентом снова вышли из спальни после напряженного спора. Два агента играли за столом в карты, Ребекка Вэбб разговаривала по телефону, Хан прикорнул на диване. Пачеко выпроваживал из номера горничную. Они обещали Буллингтону, что при необходимости посвятят переговорам всю ночь. Идти им было некуда; если сделки не будет, то они наденут на Уэстби наручники и увезут его в Таллахасси, где его ждет камера — первая из тех, по которым он станет кочевать остаток жизни. В отсутствии сделки это было единственным вариантом.

Буллингтон повесил пиджак на дверную ручку и остался в красных подтяжках, без которых брюки свалились бы на пол. Стоя посреди комнаты, он обратился к представителям федеральных властей со следующей речью:

— Думаю, я убедил своего клиента, что у обвинения весьма веские доводы и вероятность оправдательного вердикта крайне мала. Понятно, что он желает максимально сократить тюремный срок, не говоря о смертельной игле...

Уэстби старился с каждым часом. Белый как полотно, он из крупного мужчины превратился в какой-то безжизненный огрызок. Он старался ни с

кем не встречаться взглядом, его мысли витали где-то далеко. Агенты, внимательно за ним наблюдавшие, во время его последнего тет-а-тет с адвокатом в спальне пришли к общему мнению, что Клайд вызывает у них тревогу. Чтобы прийти к Вонну Дьюбозу с «жучком» на теле, требовалось самообладание, даже отвага, умение убедительно сыграть роль. Съездившийся Уэстби не внушал никакого доверия. Сначала агенты отдавали должное его ожидаемой твердости, а теперь удивлялись, до чего быстро он сдулся.

Что ж, выбор осведомителей существовал далеко не всегда. Они дрессировали и не таких.

— Итак, что нас ждет? — спросил Буллингтон.

— Ему вместе со всей бандой предъявят обвинение в тяжком убийстве, — начала объяснять Вэбб. — Обвинительный акт будет отложен. Поглядим на его добросовестность. Сдаст банду — заслужит смягчение до убийства при отягощающих, а мы станем выбивать мягкий приговор. Сморозит глупость вроде попытки бегства или выдачи нашей затеи своим сообщникам — загремит пожизненно.

— Так я и думал. Слово за вами, мистер Уэстби.

Клайд жалко загородился руками и глупо ухмыльнулся:

— Разве у меня есть выбор?

Глава 34

Так и осталось неясным — по крайней мере, для Клайда, — настоящее или вымышленное имя «Вонн Дьюбоз». Клайд не входил в число «пяти кузенов», как прозвали руководство банды. Никто из остальных четырех не носил фамилию Дьюбоз. Младшего брата Вонна, Нэша Кинни, застрелили во время переросшей в бой сделки с наркотиками в Корал-Гейблз в 1990 году. Как выяснило ФБР, у Нэша Кинни, родившегося в Луизиане в 1951 году, братьев не было.

Клайд допускал, что большая часть из известных ему фрагментов истории банды не заслуживает доверия. В банде не было принято хвастаться за покером былой славой. Его встречи с «кузенами» можно было сосчитать на пальцах одной руки. Уэстби даже не был уверен, что их связывает кровное родство. Он проработал на банду два года, прежде чем встретил всю пятерку.

У Вонна Дьюбоза не было ничего: ни адреса, ни водительских прав, ни номера социального страхования, ни номера удостоверения налогоплательщика, ни паспорта, ни банковского счета, ни кредитных карт. ФБР, установившее все это, предположило, что имя и фамилия вымышленные, придуманы много лет назад и с тех пор тщательно охраняются. Такой человек никогда не подавал налоговой декларации. По данным Грегга Майерса, Дьюбоз неоднократно женился и разводился, но ФБР не нашла никаких следов его свидетельств о браке и разводе.

Первым делом предполагалось разобраться с «кузеном» по имени Генри Скоули, носившим кличку Хэнк и считавшимся племянником Вонна, сыном погибшего в перестрелке брата. Но если никакого брата не существовало, то кто такой Хэнк? История расползалась с самого начала.

Сорокалетний Хэнк работал у Вонна водителем, телохранителем, партнером по гольфу, собутыльником и так далее. Все, чего Вонн хотел, в чем нуждался, записывалось на имя Хэнка. Если Вонну требовалась новая машина, приобрести ее на свое имя посылался Хэнк. Если Вонн отправлялся на выходной развеяться в Вегас, то самолет, лимузины, номера в отеле, проститутки — все это было на Хэнке. Главное, через Хэнка Вонн командовал всеми остальными. Вонн не пользовался телефонами и электронной почтой — во всяком случае, для грязных дел.

Клайд сдал оба свои телефона, назвал свои пин-коды и стал наблюдать, как двое агентов переписывают данные. Два номера числились

за Хэнком Скоули, но это фэбээровцам было уже известно.

Адреса Вонна Клайд не знал. Тот часто переезжал, проводя по два-три месяца во многих кондоминиумах, которые возводил на флоридском «отростке». Живет Вонн один или с кем-то, Клайду тоже не было известно.

Два «кузена», Вэнс и Флойд Мейтоны, также считались родственниками Дьюбоза. Вместе с Хэнком получалось четверо. Пятым был Рон Скиннер, еще один предполагаемый племянник Вонна. Скиннер жил на морском берегу близ Панама-Сити, заправляя принадлежавшими банде барами, винными и ночными магазинами, стриптиз-клубами — без всего этого денег не отмыть. Братья Мейтоны управляли расширяющейся империей недвижимости. Хэнк надзирал за отелями, ресторанами, парками развлечений. Это была сплоченная и дисциплинированная команда управленцев, все решения в которой принимал Вонн. Без денег, поступавших от казино «Трежеар Ки», она не могла бы существовать.

Слой пониже состоял из менеджеров вроде Клайда, управлявших законными с виду бизнесами. К этой группе принадлежала дюжина людей, хотя Уэстби был знаком не со всеми. Они не были одной большой счастливой семьей с регулярными пикниками и детишками, которых любящие родители приводят в свои гостеприимные офисы. Скорее всего, Вонн не хотел, чтобы разные структуры и уровни знали друг о друге слишком много. Десять лет назад Клайд, работавший тогда в отеле в Орландо, узнал об открывающейся вакансии в Форт-Уолтон-Бич. Он соблазнился — хотелось пожить у океана. Спустя год его назначили заместителем главного менеджера в отеле «Блу Шато». Тогда Клайд и оказался помимо воли в криминальном мире «береговой мафии», хотя раньше о ней и не слышал. Он познакомился с Хэнком, проникся к нему симпатией, вскоре получил повышение и как главный менеджер отеля стал получать большую зарплату, значительно превышавшую ту, которую принято было платить в этой отрасли. Он решил, что в империи Дьюбоза это принято: так покупалась лояльность. Когда Клайд проявил свою компетентность, Хэнк сообщил ему о приобретении компанией отеля «Серфбрейкер» в полумиле от «Блу Шато». Компания, странная структура с регистрацией в Белизе, как раз претерпевала реструктуризацию, и Клайду поручили управление обоими отелями в районе Форт-Уолтон-Бич. Ему снова удвоили зарплату; кроме этого, он получил 5-процентную долю в новой компании «Старр С». Ему внушали, что остальными 95 процентами владеют Хэнк с партнерами, хотя он не вполне в это верил. Позднее он узнал, что все это было элементами одной и той же преступной сети.

Преступная жизнь Клайда началась тогда, когда Хэнк явился однажды

с 40 тысячами долларов сотенными купюрами. По словам Хэнка, отмывать грязные деньги через отели было непросто, потому что там почти все оплачивалось кредитными картами. Зато в отелях людные бары, посетители которых часто платят наличными. Хэнк подробно растолковал, что грязные деньги будут систематически добавляться к наличной выручке баров. Он предпочитал термин «отмывание денег», а не устаревшую «фабрикацию бухгалтерских книг». С того дня все чеки по наличной выручке гостиничных баров проходили только через Клайда. Со временем он научился ориентироваться при отмывании на наполняемость отелей. Он даже придумал способ пропуска грязной наличности через выручку конторок портье. Поддельные бухгалтерские книги выглядели безупречно. Бухгалтера в Пенсаколе поздравляли его с ростом продаж и ни в чем не подозревали.

Клайд все записывал в блокнот, а не в компьютеры, и, мельком в него заглянув, смог точно проинформировать ФБР, сколько денег он отмыл через свои отели и бары за последние девять лет. Цифра достигала 300 тысяч долларов в год. Но это была мелочь, основное отмывание шло в барах, винных магазинах и стриптиз-клубах «береговой мафии».

Банда его постепенно затянула. После двух лет управления отелями его пригласили в Вегас, на «мальчишник». Он полетел туда на частном самолете вместе с Хэнком и братьями Мейтонами. Лимузин привез их в огромное казино, где Клайда поселили в шикарном отдельном номере. Хэнк оплачивал все расходы: на роскошные пиры, лучшие вина, умопомрачительных женщин. Вечером в субботу Хэнк пригласил его в пентхаус, выпить в обществе Вонна и остальных «кузенов». Только они — и Клайд Уэстби, отныне полноправный член организации. На завтра, за кофе с Хэнком в баре казино, ему были изложены основополагающие правила. Сводились они к следующему: 1) делай, что говорят; 2) держи язык за зубами; 3) не доверяй никому, кроме нас; 4) всегда будь настороже и не забывай, что нарушаешь закон; 5) не доноси: донос смертельно опасен для тебя и твоей семьи. От Клайда требовали преданности, суля взамен кучу денег. Правила не вызвали у него возражений.

Менеджерам полагалось не реже двух раз в месяц наведываться в казино. Отмывание было устроено нехитро. Клайд получал для игры через Хэнка, от Дьюбоза, из средств казино, 5—10 тысяч долларов в виде 100-долларовых фишек. Больше всего он любил играть в «очко» и умел оставаться при своих. Купив на фишки пару тысяч, он играл час, потом делал перерыв, но не удалялся с фишками, а просил пит-босса подсчитать его выигрыш и приплюсовать баланс к его счету, заведенному на

вымышленное имя. Раз в год он переводил накопления со своего счета в казино на банковский счет, контролировавшийся Хэнком. В прошлом, 2010, году Клайд вытащил из казино 147 тысяч отмытых долларов.

Он почти не сомневался, что «кузены» и все менеджеры отмывали деньги так же, через фишки казино.

Сейчас, оглядываясь назад, он не мог точно вспомнить момент, когда решился пересечь черту и начать нарушать закон. Он делал то, что велел ему босс, не усматривая в этом вреда. Клайд знал, что отмывание противозаконно, но это было так просто! Попасться было невозможно. Даже их бухгалтера были в неведении. Главное, ему платили кучу денег, он много тратил и наслаждался жизнью. Да, он работал на преступный синдикат, но играл в рэкрете совсем скромную роль. Со временем это стало его жизнью, его опорой. Видя на океанском берегу округа Брансуик строительство очередного небоскреба или жилого комплекса при гольф-клубе, он испытывал гордость: Вонн показывал класс. Если бы к ним привязалось ФБР, интерес вызвали бы главари, «кузены», а не мелкая рыбешка вроде него.

Но к ним никто не привязывался. Никому не было до них дела. За несколько лет Клайд привык к тому, что его занятия — это обыкновенный бизнес.

Поэтому для него стал неожиданностью звонок Хэнка с сообщением о возникшей проблеме. Судья Макдоувер — сам он никогда с ней не сталкивался — стала объектом нежелательного внимания. Клайд жил в другом судебном округе и не сразу сообразил, о ком речь. Он не понимал, какова ее роль в организации Дьюбоза, но предположил, что она немаленькая, раз боссы так встревожены. Хэнк, редко упоминавший своего дядю, обмолвился, что обеспокоен сам Вонн. Требовалось что-то предпринять.

Хэнк навестил Клайда в его кабинете в «Серфбрейкере» и, угощаясь кофе за полированным столиком, сообщил, что Вонну понадобилась услуга. Вонн выбрал его, Клайда Уэстби, для грязной работы, потому что Клайд был вне подозрений. Об убийстве не было сказано ни слова. Предполагался лишь акт устрашения, пусть и насильственного свойства. Автомобильная авария на индейской земле, поздней ночью. Как ни претило Клайду это поручение, отказаться было невозможно. Он изобразил хладнокровное согласие, полную готовность — как будто всегда только этим и занимался. Для «кузенов» — все, что угодно.

Хэнк согласился, что на роль «шестерки» сгодится Зик Форман. Доставку угнанного пикапа Хэнк взял на себя, к подготовительным шагам

Клайд касательства не имел. Для банды это было типично: каждый участник операции знал совсем немного, это ограничивало утечки. Хэнк обеспечил поддельные флоридские номера для пикапа, за рулем которого сидел Клайд. Операция развивалась успешно, Хэнк управлял ее этапами по телефону. Личность того, кто прикинулся осведомителем и заманил Лейси и Хьюго в резервацию, была Клайду неизвестна. Через несколько секунд после столкновения Клайд остановился позади «додж-рама» и приказал Зику отойти от «приуса» и сесть к нему в пикап. У Зика оказался расквашен нос. Клайд осмотрел подушку безопасности «доджа» и не нашел крови. Искромсанный Хьюго застрял в разбитом лобовом стекле, он стонал, дергался и истекал кровью. Клайд забрал из заднего кармана его джинсов сотовый телефон. Он обратил внимание на не пристегнутый ремень безопасности, но не заметил, раскрылась ли подушка со стороны пассажира.

На вопрос, известно ли ему о том, что кто-то привел в негодность ремень и подушку, он ответил отрицательно. Хьюго он не трогал, только вытащил у него из кармана телефон. Клайд был в резиновых перчатках, близость к умирающему, истекавшему кровью, привела его в ужас. Но приказ есть приказ. Сотовый телефон и айпад Лейси лежали в нижнем заднем кармане машины, но заднюю дверцу заклинило от удара. Клайд сумел открыть левую переднюю дверцу и дотянулся до обоих предметов через нее. Окровавленная Лейси шевелилась и что-то бормотала.

В этой части рассказа Клайд старался не проявлять чувств. Если он и испытывал угрызения совести, то пытался этого не показывать. Попросил, правда, отпустить его в туалет. Было уже почти 6 часов вечера.

Они с Зиком свернули на старую колею в поле, которую нашли с Хэнком накануне. Он не помнил, чтобы Зик выбрасывал что-то из окна. Пачеко показал ему окровавленный клочок бумажного полотенца. Объяснить, зачем он остановился перед лавкой Фрога, Клайд не смог. Оправдывала его оплошность только неуверенность, что лавка открыта. И потом, откуда камера наблюдения в такой глуши? Теперь он понимал, что страшно сглупил. Покидая округ Брансуик, они с Зиком выпили баночку пива. На площадке для отдыха рядом с федеральной автострадой № 10 они дождались Хэнка. Клайд отдал ему сумку с двумя телефонами и айпадом. После этого они вернулись в Форт-Уолтон-Бич, в «Блу Шато», где Зик заночевал в своем номере. На следующий день Клайд отвез его к врачу. Рентген показал, что нос не сломан. Он заплатил Зику обещанные пять тысяч и решил, что все позади. Сообщение в теленовостях о смерти Хьюго Хэтча потрясло Клайда. Где-то через неделю к нему приехал Хэнк,

взбешенный видеозаписью. Он сказал, что Вонн очень недоволен необходимостью заниматься причиненным ущербом. Они вывезли Зика из города и велели прятаться, пока в нем снова не возникнет нужда.

Он, Клайд, в последний раз разговаривал с Вонном задолго до аварии и теперь не испытывал ни малейшего желания с ним встречаться. Сначала он тревожно озирался и плохо спал, но потом все как будто улеглось... И вот сегодня все встало на дыбы.

Хан снова заказал сандвичи и фрукты, потом Уэстби и Буллингтон закрылись в спальне. Клайд сказал, что 8 вечера — время, когда его жена обязательно начнет беспокоиться, поэтому позвонил ей и предупредил, что задерживается из-за непредвиденных дел.

За едой Элли Пачеко и Ребекка Вэбб подготовили следующий раунд допроса. К 10 вечера они отсняли целых шесть часов ответов Клайда Уэстби, содержащих более чем достаточно сведений о Дьюбозе и его «кузенах», чтобы устроить на них облаву. В Таллахасси другая бригада агентов все это смотрела, слушала и уже плела паутину.

Клайд покинул «Серфбрейкер» свободным человеком — свободным в том смысле, что был без наручников и без кандалов. Но в номере «Дельфин» осталась заложницей его душа: вся его подноготная была зафиксирована в виде аудио- и видеозаписей, чтобы он впредь не знал ни минуты покоя. После нескольких дней или от силы недели-другой свободы его ждали арест, паника жены и детей, фотографии на первых страницах, испуганные звонки родных и друзей. Клайд, член преступного синдиката, обвиняется в убийстве!

Бесцельно колеся до Дестину, он вспоминал свою бывшую любовницу Тамми. Вот шлюха! Переспать с половиной города, даже с этим червяком Уолтером! Остается надеяться, что жена ничего не прознает. Что ей рассказать, что утаить? Вывалить все сразу или затаиться до ареста и заблаговременно переживать весь этот ужас, представляя, как его уволочут в кандалах?

Как разобраться, какой вариант выбрать? Его жизнь так или иначе перечеркнута.

С каждой минутой Клайду все больше нравилась мысль пустить себе пулю в висок, самому подвести черту, не дожидаясь, пока это сделает какой-нибудь подручный Дьюбоза. Были варианты: прыжок с высокого моста, горсть таблеток... ФБР слушало каждый его чих, вот пусть и проводит его в последний путь.

Глава 35

Самую грязную работу Вонн привык поручать головорезу Дельгадо. Действительно его так звали или это была кличка, оставалось загадкой, каких в мире Вонна имелось много.

В дневное время Дельгадо заведовал баром, одной из многих «прачечных» синдиката, но главной его ценностью для организации были навыки, которые он демонстрировал под покровом ночи. Он неподражаемо владел оружием, как механическим, так и электронным. Это Дельгадо привез Сона Разко в дом Мейса, хладнокровно застрелил его и Эйлин в спальне и бесследно исчез. Спустя час он встретил в баре Джуниора и угостил его выпивкой.

После осуждения Джуниора Дельгадо посадил первого доносчика, Диггера Роблеса, в лодку и, обмотав его ноги цепью, утопил в Мексиканском заливе. Второму доносчику, Тодду Шорту, Дельгадо целился в голову из охотничьего ружья и попал бы ему в левое ухо, если бы в прицеле не возник посторонний. Тодд уцелел и сообразил исчезнуть. Потом Дельгадо чуть было не настиг его в Оклахоме.

Ошибка Вонна состояла в том, что убрать Хьюго он поручил не Дельгадо, а Клайду Уэстби, не профессионалу, а любителю. Дьюбоз рассудил вроде бы верно: Клайда никто не заподозрит; стрельбы не предполагалось; намечалась относительно простая операция; к тому же Вонн задумал продвинуть Уэстби. Он признавал его способности и хотел крепче привязать к себе. Участие Клайда в таком мрачном преступлении превращало его в пожизненного невольника Вонна. Однако решающим фактором, всплывшим в последний момент, стал приступ почечных колик у Дельгадо, на три дня уложивший его на больничную койку. Приступ начался через считанные часы после того, как он залез в автомобиль Лейси и испортил ремень и подушку безопасности со стороны пассажира. Вонну ничего не оставалось, кроме как отправить Хэнка к Клайду.

Дельгадо жил в мире камер наблюдения и ни за что не допустил бы, чтобы его засняла камера деревенщины Фрога.

Зато теперь его почки исторгли все камни, и он вернулся к работе. Свой маленький красный пикап с надписью «Бланн, борьба с вредителями» он оставил перед домиком рядом с полем для гольфа в пяти милях к северу от берега залива. Домик был частью обнесенного оградой комплекса, но Дельгадо знал код, открывавший ворота. Строила комплекс багамская

компания, на самом деле принадлежавшая компании с острова Невис. Где-то в центре этой паутины притаился паук по фамилии Дьюбоз. Хозяйка домика была на работе, в суде. Она была сотрудницей судьи Макдоувер, по чьему совету и приобрела дом.

На Дельгадо была броская форма: красная рубашка, такая же фуражка. Судя по размеру баллона у него на спине, он мог в один присест истребить всех насекомых флоридского «отростка». Дельгадо нажал на звонок, зная, что дома никого нет, после чего мастерски подсунил тонкую отвертку под защелку замка и надавил на дверную ручку. Даже ключом он не отпер бы дверь быстрее. Затворив ее за собой, он прислушался в ожидании сигнала тревоги. Через пять секунд началось попикивание. Полминуты — и раздастся оглушительный рев сирены. Не дожидаясь этого, Дельгадо ввел на пульте за дверью пятизначный код, добытый хакерским способом в охранной компании. Переведя дух, он улыбнулся полному безмолвию. Если бы код не сработал, он бы успел выйти и укатить прочь.

Теперь требовалось натянуть облегающие резиновые перчатки и проверить, хорошо ли заперты передняя и задняя двери. После этого можно было не спешить. В доме имелось две спальни; хозяйка пользовалась большей, в меньшей громоздились дешевые двухъярусные кровати. Дельгадо знал, что 43-летняя бездетная хозяйка живет одна. В двух одежных шкафах он не нашел ничего, кроме одежды. Ничего любопытного не ждало его ни в стенных шкафах, ни в двух ванных комнатах. В маленьком захламленном кабинете он увидел компьютер и примостившийся на стопке скоросшивателей принтер. Он методично обыскал все полки, все папки, осмотрел с обеих сторон каждый лист.

Чужой в доме! Джо-Хелен Хупер схватила айфон. Аппликация уведомляла о выключении системы сигнализации в 9.44, две минуты назад. Джо-Хелен включила воспроизведение видеосъемки. Камера в потолочном вентиляторе гостиной показала мужчину, быстро прошедшего сквозь дом. Белый, около сорока лет, в дурацкой красной рубашке — кем он прикидывается? Камера в вентиляционном отверстии над ее кроватью показала его за открыванием ее ящиков. Все перетрогал, подлец!

Джо-Хелен сглотнула, пытаясь сохранить самообладание. Она сидела менее чем в двадцати футах от судьи Макдоувер, в главном помещении суда Стерлинга, ожидая, пока адвокаты что-то наконец решат и перестанут толпиться перед скамьей присяжных. К счастью, самих присяжных на скамье не было: ее честь проводила предварительные слушания.

Перед Джо-Хелен стояла машинка для стенографирования, тут же

лежали блокнот, документы и айфон, на который она старалась смотреть, не выдавая тревоги. Попробуй не тревожиться, когда незнакомый мужчина роется в твоём нижнем белье! Он тем временем задвинул один ящик и принялся за другой, нижний.

Один из адвокатов заговорил, Джо-Хелен возобновила запись. Происходили бессмысленные слушания по бессмысленному делу; пропустив какое-то слово, она могла восстановить его по аудиозаписи. В голове теснились панические мысли, Джо-Хелен холодела от страха, но, глядя на адвоката, вернее, на его губы, старалась сосредоточиться. Запись вели все четыре спрятанные в доме камеры. Просматривая в обед запись, она не упустит ни одного движения взломщика.

Спокойствие, хладнокровие, скучающий вид. Знай, лови юридическую абракадабру выступающего, вылетающую со скоростью 200 слов в минуту. После восьми лет безупречного протоколирования судебных слушаний она могла бы делать это даже во сне. Но сейчас ей было совсем не до сна.

Наконец-то настал решающий момент. Её честь уже неделю настораживала её своими перепадами настроения. Ждать от неё тепла и внимания не приходилось, но судья всегда обращалась с Джо-Хелен профессионально, обе ценили общество друг друга и часто шушукались и со смехом обсуждали события в суде. Близкими подругами они не были, для этого Клаудия была слишком настороженной. Все своё внимание она посвящала Филлис Турбан, о которой Джо-Хелен хорошо знала.

Но со дня визита сотрудников КПДС, вручивших исковую жалобу, Клаудия стала сама не своя: чаще обычного раздражалась и впадала в задумчивость; было видно, что её что-то гложет. Раньше она держала свои эмоции в узде и не поддавалась колебаниям настроения. Теперь, особенно в последние дни, её манера речи стала отрывистой, судья даже сторонилась Джо-Хелен, хотя иногда, вспомнив о приличиях, изображала глянцевою улыбку и выжимала из себя комплимент. Восемь лет Джо-Хелен проводила все рабочие дни в одном с ней помещении и сейчас хорошо понимала, что произошла важная перемена.

Почему дома не сработала сигнализация? Два месяца назад Коули установил ей новую систему с датчиками на всех окнах и дверях. То, что мужчина в красной рубашке и фуражке сумел её обойти, выдавало профессионала.

Короткая пауза в словоизлиянии — адвокат искал какую-то бумажку — позволила Джо-Хелен снова посмотреть на айфон. Взломщик был почти не виден: он копался в глубоком стенном шкафу. Позвонить в полицию? В «соседский патруль»? Лучше не надо: все звонки оставляют следы, а

любые следы в последнее время, кажется, вели к Джо-Хелен.

Два адвоката внезапно затрещали одновременно. Такое в ее практике случалось сплошь и рядом, и она умела превращать даже такую трескотню в два отдельных текста, не теряя ни единого словечка. Вот когда к двум болтунам присоединялся третий, она могла потерять нить. В таких случаях ей достаточно было бросить взгляд на судью — и та мигом восстанавливала порядок. Они научились общаться незаметными для других жестами и полугримасами; правда, нынче Джо-Хелен предпочитала не смотреть на свою начальницу.

Ничего инкриминирующего взломщик найти не мог. Ей хватало ума прятать свои записи в надежном, недосыгаемом месте. Но каким будет их следующий шаг? Они уже совершили убийство, чтобы запугать расследователей КПДС и помешать им. Похоже, они выследили Грега Майерса и заткнули ему рот. Теперь Коули, ее друг, доверенное лицо и соратник, собрался исчезнуть или уже исчез: бедняга с некоторых пор не находил себе места и был на грани нервного срыва. Коули уверял, что ей ничего не грозит, что на нее ни за что не выйдут, но с прошлой недели она перестала верить этим уверениям.

Судья объявила десятиминутный перерыв. Джо-Хелен спокойно прошла по коридору до своего кабинета, заперлась там и стала наблюдать за взломщиком в реальном времени. Он оставался в доме, перейдя на кухню. Там он аккуратно брал в руки каждую кастрюлю и сковородку, осматривал и возвращал на место. Этот человек не был грабителем; такие не оставляют следов. Он работал в перчатках. На очереди был ее кабинет, где он уселся и огляделся, потом занялся ее папками. Судя по виду, он никуда не торопился.

Этот человек работал на Вонна Дьюбоза. Вот Джо-Хелен и попала под подозрение.

В полдень Элли Пачеко заехал в КПДС, чтобы рассказать, как продвигается дело. Они устроились в кабинете Гейсмара, за столом, заваленным материалами по другим делам. Элли старался не хвастаться достигнутым успехом, но выглядел определенно гордым: от Клайда Уэстби они многого добились. Но главное было впереди.

Федеральный судья поддержал все их запросы на прослушивание переговоров, и теперь техники ФБР слушали несколько десятков телефонов. Фэбээровцы разузнали, где живут Вэнс и Флойд Мейтоны, Рон Скиннер и Хэнк Скоули, четверо из пяти «кузенов». Их босс Дьюбоз в данный момент проживал в коттедже в Розмари-Бич. Накануне вечером

Хэнк возил Вонна в модный ресторан в Панама-Бич на встречу с неизвестным из округа Брансуик. Цель встречи осталась невыясненной, этот разговор ФБР не прослушивало.

Дьюбоз по-прежнему ставил ФБР в тупик. Эта фамилия была, очевидно, вымышленной, таившийся за ней человек целых тридцать-сорок лет успешно скрывал свою истинную личность. Прошлое всей этой публики и ее взаимное родство оставались непроницаемыми. Учитывая нравственную ущербность их предков, степень родства «кузенов» вызывала сомнения. Впрочем, это имело значение только для установления личности Вонна.

Клайд назвал имена еще семи менеджеров. Пока ФБР идентифицировала около тридцати баров, ресторанов, отелей, торговых центров, стриптиз-клубов, винных магазинов, жилых комплексов и огороженных кварталов, а также полей для гольфа под управлением восьми человек, включая Клайда. Всеми ими владели оффшорные компании, зарегистрированные главным образом в Белизе, на Багамах и на Каймановых островах.

Размах расследования разрастался с каждым часом. Начальник флоридского отделения ФБР в Джэксонвилле предоставлял для него столько людей и средств, сколько требовали из Таллахасси. Луна, шеф Пачеко, забросил ради этого дела все остальные. Прокуратура отрядила в помощь ФБР четырех своих людей.

Пачеко пребывал в приподнятом и одновременно деловом настроении. Он и его коллеги работали по 20 часов в сутки; в такой ситуации на интерес к Лейси за пределами офиса у него уже не оставалось сил. Когда Пачеко убежал, Гейсмар спросил ее:

— Вы с ним встречаетесь?

— Сейчас была как раз такая встреча.

— Ты знаешь, о чем я.

— Один обед, два ужина, две вечерних бутылки вина. Кажется, он мне нравится, но все продвигается очень медленно.

— Разве ты не всегда медлишь?

— Всегда, а что?

— Просто так. Считаю, что я за тебя переживаю.

— Мы с тобой уже это обсуждали. Мы с ним на одной стороне улицы, но в разных кабинетах. Он не может встречаться с другим агентом в этом городе, но на меня эти правила не распространяются. Ты собрался нас разлучить?

— Что, если я отвечу, что да?

— Ты босс, я твоя подчиненная, твое слово — закон. Только он все равно никуда не денется.

— Я ничего не говорю. Кажется, у вас все в порядке, просто думай, что ему говоришь. Не сомневайся, он нам говорит далеко не все.

— Это верно, но и знает он гораздо больше, чем мы.

Глава 36

Джо-Хелен медленно ехала домой, мысленно перебирала возможные варианты действий и приходила к выводу, что ни один ей не нравится. Попросту удрать, исчезнуть? Невозможно. Сначала надо войти, оглядеться, проверить, не пропало ли что, хотя съемка ясно показывала, что неизвестный ничего не унес. Он пробыл в доме 93 минуты — многовато для ежемесячного обслуживания. Он пришел и ушел без ключа, зная код ее охранной системы. Что помешает ему снова нагрянуть в два часа ночи? Как ей быть: остаться дома или съехать? Но куда?

Джо-Хелен мысленно выбрала Коули и тут же себя одернула. Они давно были друзьями не разлей вода, партнерами по многообещающей затее. Что поделаться, если у него сдали нервы! Коули не стал дожидаться, пока Дьюбоз до него доберется, и оставил ее одну, беззащитную, уязвимую, напуганную и не знающую, куда бежать.

Ворота открылись автоматически, от сигнала передатчика на ее ветровом стекле. Сэнди Гейблз, номер 58. Глядя из машины на свой дом, Джо-Хелен понимала, что он уже не будет для нее прежним. Сейчас было самое время, чтобы... что? Остаться? Сбежать? Спрятаться? Откуда ей это знать? Настал как раз тот критический момент, когда ей требовался совет друга. Но друг как сквозь землю провалился.

Джо-Хелен схватила сумочку, вылезла из машины и подошла к двери дома. Отперла ее, но не открыла. Армстронг, сосед из дома напротив, возился у своей крытой стоянки. Она подошла к нему и объяснила, что нашла дверь своего дома отпертой и боится войти одна. Не пойдет ли он с ней? Ей неудобно просить, но в наши дни женщина должна быть осторожной. Пенсионер Армстронг, добрая душа, был рад любому разнообразию и охотно согласился. Они вместе вошли в дом, и Джо-Хелен выключила сигнализацию. Пока сосед, стоя в гостиной, подробно описывал мучения своей жены от опоясывающего лишая, она бегала из комнаты в комнату, не забывая задавать приличествующие вопросы об этом тяжком недуге. Она заглянула в стенные шкафы, под кровати, в душ, в кладовую, не пропустила ни одного места, где мог бы спрятаться человек. Джо-Хелен знала, что никого не найдет, но это не имело значения. Не обыскав дом, она не смогла бы здесь остаться.

Унявшись, она поблагодарила Армстронга и угостила его диетической колой. Он ухватился за шанс поболтать и задержался на целый час. Джо-

Хелен не спешила остаться одна. Когда сосед наконец ушел, она села и попыталась привести мысли в порядок. От треска на чердаке она подскочила как ужаленная. С бешено колотящимся сердцем, тяжело дыша, она ждала новых звуков. Вдруг наверху кто-то ходит? Но больше звуков не последовало. Решив уехать, Джо-Хелен быстро переоделась в джинсы. Что взять с собой? Если за ней наблюдают, то отъезд с вещами разоблачит ее планы. Дождавшись темноты, можно было бы забросить в машину большую сумку, даже две, но ждать в доме, пока стемнеет, очень не хотелось. Она набила самую вместительную из своих дамских сумочек туалетными принадлежностями и нижним бельем, сунула в большой бумажный пакет пустую спортивную сумку и две смены одежды. Поблизости были магазины, необходимое всегда можно купить.

Уезжая, она помахала Армстронгу, гадая, когда сможет вернуться.

Джо-Хелен поехала на юг, к пляжам, свернула на запад, на шоссе 98, и влилась в поток, бежавший параллельно берегу, через прибрежные поселки, мимо еще не тронутых участков побережья. Сначала она следила, нет ли за ней «хвоста», но потом махнула на это рукой. Если слежка есть, от нее не избавиться. В Дестине Джо-Хелен залила полный бак и стала объезжать Пенсаколу по второстепенным дорогам. Сообразив, что оказалась в Алабаме, она повернула на восток и вернулась на федеральную автостраду № 10, описав большую петлю. Когда стемнело, она подъехала к мотелю и заплатила за номер наличными.

Джо-Хелен никогда не разговаривала с Греггом Майерсом. Это имя было ей известно, но он сам ничего о ней не знал. Она получила от Коули копию исковой жалобы Майерса на ее начальницу. Он решил рискнуть, разоблачить коррупцию ради крупного куша, хотя никто из них троих — ни Майерс, ни Коули, ни Джо-Хелен — не знал, когда иску будет дан ход. Майерс, юрист и истец, должен был возглавить усилия по выбиванию из ответчицы денег, бывший адвокат Коули выступал посредником между ней и Майерсом за свою долю награды. Третья часть причиталась Джо-Хелен. Сделка выглядела многообещающей и надежной — в теории.

Но Майерса, видимо, больше не было в живых. Коули сдрейфил и дал деру. Самой Джо-Хелен Хупер приходилось прятаться в дешевом мотеле и таращиться на дешевый одноразовый телефон, с которого можно было позвонить на один-единственный номер. В 10 часов вечера она сказала в телефон:

— Мисс Штольц, меня зовут Джо-Хелен Хупер. Ваш номер мне дал Коули. Помните его?

— Да.

— Я звоню на телефон, который вы получили от него?

— Да. Вы информатор?

— Да, это я. «Крот», источник, информатор. Коули говорил, что Майерс хотел назвать меня «свистуном», потому что я должна была дунуть в свисток и привлечь внимание к судье Макдоувер. Что вы обо мне знаете?

— Ничего, для меня новость даже то, что вы женщина. Почему вы мне звоните?

— Потому что Коули дал мне ваш номер и сказал, что у вас второй такой же телефон и что я должна на него позвонить, если все пойдет плохо и мне станет страшно. Такой момент наступил: все плохо, мне страшно.

— Где Коули?

— Не знаю. Он сам перепугался и сбежал, сообщив, что покидает страну, прежде чем Дьюбоз до него доберется. До Майерса он, как вы знаете, добрался. Кроме вас, мне не с кем поговорить.

— Что ж, поговорим. Как вы познакомились с судьей Макдоувер?

— Последние восемь лет я работаю у нее судебной стенографисткой, но сейчас не об этом. Сегодня, когда мы находились в суде, ко мне в дом проник неизвестный человек и обшарил там каждый дюйм. Я за ним наблюдала, у меня в доме скрытые камеры, а на телефоне аппликация, чтобы следить за происходящим. Он ничего не взял, потому что пришел не за этим. Он ничего не нашел: по понятным причинам я храню важные материалы вне дома. Мы с Коули задумали эту авантюру много лет назад и старались соблюдать осторожность. Отсюда системы охраны, временные телефоны, тайники для документов и много других способов и привычек, обеспечивающих безопасность.

— Там живет кто-нибудь еще?

— Нет, я разведена, детей нет.

— У вас есть догадки, кто к вам пожаловал?

— Нет, но я бы опознала этого человека, хотя сомневаюсь, что у меня будет такой шанс. Уверена, он работает в том или ином качестве на Дьюбоза. Боюсь, я вызвала у них подозрение. Информацию о Клаудии Коули и Майерс могли получать из считанных источников. Я в этом коротком списке. Мне очень жаль вашего друга.

— Спасибо.

— Я серьезно. Он остался бы жив, если бы не мое решение вывести судью на чистую воду.

— Почему вы приняли решение сделать это?

— Это долгая история, оставим ее на другой раз. Сейчас мне

необходим совет, и мне больше не к кому за ним обратиться. Я прячусь в мотеле, потому что боюсь возвращаться домой. Сегодня мне страшно, а что будет завтра? Если я не явлюсь на работу, это вызовет подозрение. Все эти восемь лет я редко пропускала службу, Клаудия и без того настороже. А выйти на работу значит снова заступить на ее территорию, от этого у меня заранее нервный тик. Вдруг они — кто бы они ни были — уже решили меня устранить? На работе убрать меня можно в два счета, по пути туда или обратно — и подавно. Сами знаете, какое опасное место — дорога.

— Скажитесь больной, сошлитесь на желудочный вирус — заразную гадость, от которой никто не застрахован.

Джо-Хелен невольно улыбнулась. Как она сама не додумалась до такого простого решения? От страха ум заходит за разум.

— Допустим. А завтра что?

— Главное — не оставаться на одном месте.

— Вы знали, что Коули установил в автомобиле Клаудии устройство слежения? Все удовольствие — триста долларов и минута на установку. Пустячное дело! Вы не знали?

— Знали, что ее перемещения отслеживаются, но кем и как — нет.

— Я хочу сказать, что следить за людьми проще простого, болтаться с места на место — это не спасение. Они могут поставить «жучок» в мою машину, слушать мой сотовый, мало ли что еще... У Дьюбоза есть деньги, ему все доступно. Я чувствую себя очень уязвимой, мисс Штольц.

— Называйте меня Лейси. У вас в мотеле есть бар?

— Наверное, есть.

— Сидите там до закрытия. Если к вам прицепится молодой красавчик с плоским животом, пригласите его на ночь к себе в номер. Если не повезет, сядьте в машину и найдите ночную закусочную. Стоянка грузовиков тоже подойдет. Убейте несколько часов. Если в мотеле дежурит ночной портье, посидите до рассвета в лобби. А потом позвоните мне.

— Это я могу.

— Главное, чтобы рядом с вами были люди.

— Спасибо вам, Лейси.

Глава 37

Клайд, следуя инструкции, нашел Хэнка Скоули на громыхающей стройке в двух милях от Панама-Сити, в одной миле к северу от берега залива. Судя по огромным щитам, совсем скоро здесь должен был вырасти объект под названием Хани-Гров — кварталы чудесных жилых домов, манящих магазинов, гольфа, о каком можно лишь мечтать, — и все это в считанных минутах от Изумрудного берега. Неподалеку бульдозеры корчевали лес, бригады рабочих деловито раскладывали дерн и тянули дренаж. Вдоль дороги буквально на глазах вырастали дома.

Клайд пересел в черный «мерседес»-внедорожник Хэнка. Они проехали по немногим уже замощенным улицам, виляя среди беспорядочно расставленных грузовиков и фургонов. Повсюду суетились сотни людей. В конце улицы дома были уже почти готовы, три из них, сверкающие образцы обещанного рая, распахнули двери, маня потенциальных покупателей. Хэнк остановился на подъездной дорожке, и они, пройдя под навесом для машины, вошли в дом. Внутри не было ни людей, ни мебели.

— Иди за мной! — велел Хэнк Клайду и стал подниматься по лестнице.

В пустой хозяйской спальне их ждал Вонн Дьюбоз. Он смотрел в окно, как будто, не замечая суету и развороченную землю, уже любовался готовым объектом. Они поздоровались за руку, обменялись парой реплик; Вонн улыбался, пребывая, похоже, в приподнятом настроении. Клайд не видел его год с лишним, но он ничуть не изменился: подтянутость, приятный загар, рубашка для гольфа, брюки цвета хаки — обыкновенный состоятельный пенсионер.

— Ну, что ты надумал? — обратился к Клайду Вонн.

«Жучок» вставили в часы «Таймекс» на левом запястье Клайда — точно такие же он носил последние три года. Клайд не обращал внимания на часы Хэнка или Вонна и почти не сомневался, что им все равно, какие носит он. Мужчины таких вещей почти не замечают, но Пачеко и его специалисты предпочли не рисковать. Кожаный ремешок был тугим — из-за крохотного вибратора на задней крышке часов. Когда фургон с аппаратурой находился в рабочем радиусе, вибрация подсказывала Клайду: приступай.

Сейчас фургон, точная копия обыкновенного фургона службы

доставки «ФедЭкс», остановился перед соседним домом. Водитель в форме «ФедЭкс» вышел и открыл капот: рядовое устранение неисправности. В фургоне прятались фэбээровцы — Пачеко и трое его подручных со своими приборами. Когда расстояние между ними и «Таймексом» Клайда составило менее 200 футов, они нажали кнопку, и часы завибрировали. В пустой спальне встроенный в часы микрофон мог уловить любой шепот на удалении 30 футов.

Накануне Клайд посвятил четыре часа репетиции своей роли; режиссерами выступали Элли Пачеко и еще двое агентов. Сейчас должен был начаться решающий прогон. Сдав Дьюбоза, Уэстби отсидел бы несколько лет и получил возможность состариться на свободе.

— Две вещи, Вонн, — начал Клайд. — Я не нахожу Зика Формана. Две недели назад я велел ему исчезнуть и звонить мне через день. Мы говорили несколько раз, а потом его телефон умолк. Думаю, парень со страху удрал куда подальше.

Вонн посмотрел на Хэнка, пожал плечами и перевел взгляд на Клайда.

— Мне это уже известно.

В животе у Клайда так булькало, что «Таймекс» фиксировал эти нежелательные звуки. Попытавшись заглушить их шарканьем, он продолжил:

— Послушай, Вонн, это я напортачил, я признаю свою ответственность. Я допустил глупую ошибку. Не знаю, что теперь будет.

Вонн снова покосился на Хэнка.

— Я думал, ты выполнил мою просьбу предупредить о моем неудовольствии от случившегося. — Следующий взгляд Вонна предназначался Клайду. — Да, глупая ошибка. Но что сделано, то сделано, я больше об этом не думаю. Ущерб, похоже, устранен. Делай дальше свое дело, управляй отелями. Впредь грязную работу я буду поручать другим людям.

— Спасибо, Вонн, — сказал Клайд. — И второе, просто для твоего сведения. Мне бы хотелось уехать примерно на годик. Было бы правильно, знаешь, немного попутешествовать, скрыться из виду, пока все не стихнет. Понимаешь, Вонн, мы с женой последнее время не очень ладим, и, признаться, мне пора от нее отдохнуть. Это еще не окончательный разрыв, просто она не возражает, если мы на время расстанемся.

— Не самая плохая идея, я подумаю об этом.

— Моя физиономия на видеозаписи... Не знаю, как быть, если копы заявятся ко мне с вопросами. Что-то я нервничаю, Вонн. Лучше мне временно отвалить. Я доверяю своим сотрудникам, достаточно было бы

каждую неделю их контролировать. В отелях ничего не изменится.

— Говорю же, я подумаю.

— Хорошо. — Клайд пожал плечами, словно ему нечего было добавить. Он шагнул к двери, там остановился и оглянулся. Настал момент для реплики, достойной премии «Оскар».

— Знаешь, Вонн, я не могу тебе этого не сказать... Я люблю свою работу и горжусь принадлежностью к твоей организации, но ты обмолвился о «грязной работе», и... — Клайд поперхнулся, с трудом подбирая слова. — В общем, Вонн, я для такого не гожусь, ну, ты понимаешь, о чем я... Я не знал, что этот человек умрет, не знал, что таков был план. Кто-то испортил ремень и подушку безопасности, и бедняга застрял в ветровом стекле. Ты бы его видел, Вонн! Все лицо изрезано, кровь хлещет, предсмертные судороги... Он посмотрел на меня, Вонн, знаешь, какой это был взгляд, и произнес: «Пожалуйста... пожалуйста...» Теперь меня мучают кошмары, Вонн. Я оставил его умирать. Я был сам не свой. Кто-то должен был обо всем меня предупредить, Вонн.

— Тебе было сказано сделать работу! — прорычал Дьюбоз и шагнул к нему.

— Но я не знал, что работа включала убийство человека.

— Это называется устрашением, Клайд. На этом все основано, таков мой принцип. Если бы не умение внушать страх, меня бы здесь не было, а ты не катался бы как сыр в масле, управляя моими отелями. В этом бизнесе рано или поздно приходится ставить людей на место, только вот люди, бывает, не понимают, что к чему, если их хорошенько не припугнуть. Не хочешь — не надо, твое дело. Выходит, я в тебе ошибся. Я думал, ты парень с яйцами.

— Я тоже так думал, но они оторвались, когда я увидел, как человек умирает от потери крови.

— Да, не без этого.

— Тебе приходилось наблюдать, как кто-то истекает кровью, Вонн?

— Да! — гордо ответил Вонн.

— Глупый вопрос.

— У тебя все? — Вонн зыркнул на Хэнка, как бы приказывая: «Убери его отсюда!»

Клайд поднял руки в знак своего поражения и попятился.

— Ладно, ладно, но мне хочется на годик затаиться. Очень тебя прошу, Вонн!

— Я подумаю.

Сидевший в фургоне Элли Пачеко снял наушники и улыбнулся своим сотрудникам.

— Красота! — пробормотал он. — «Это называется утрашением, Клайд. На этом все основано, таков мой принцип».

Водитель фургона «ФедЭкс» вдруг сообразил, как завести непослушный мотор. Одновременно с выходом Клайда и Хэнка из дома-модели он тронулся с места. Клайд проводил его взглядом, не зная, что внутри сидят фэбээровцы.

Хэнк молча запетлял по широко раскинувшейся стройке. Дорогу им перегородил груженный кирпичом самосвал. Фургон «ФедЭкс» затормозил перед самосвалом раньше их. Хэнк, барабанив пальцами по рулю, буркнул:

— Не пойму, откуда здесь взялась «ФедЭкс». Здесь еще никто не поселился.

— Вездесущая служба! — отозвался Клайд.

«Таймекс» снова завибрировал.

— Не молчи! — приказал Пачеко, сидевший в двух шагах.

— Как считаешь, Хэнк, — послушно заговорил Клайд, — напрасно я признался Вону, что не хочу заниматься грязной работой?

— Зря ты это сделал. Вонн презирает слабаков. Лучше бы помалкивал. Раз предложил встретиться, сказал бы, что хочешь исчезнуть, и дело с концом. Это в порядке вещей. А такой трусливый лепет Вонну не по вкусу.

— Я попытался объяснить, что не подряжался на убийство.

— Не подряжался. Но Вонн что-то такое в тебе разглядел, и я тоже. Выходит, мы ошиблись.

— Что именно? Что вы с ним во мне разглядели?

— Что ты из тех, кому понравится испачкать руки.

— Правда, что ли?

— Ты бы заткнулся, Клайд, и так уже наболтал выше крыши.

«Как и ты», — с улыбкой подумал Элли.

Пересев в свою машину, Клайд уехал из Хани-Гров и, как ему было велено, вернулся в Форт-Уолтон-Бич, к себе в отель «Серфбрейкер». Там он показался секретарше, сделал один телефонный звонок и был таков. Выйдя через задний ход и спрыгнув с грузовой платформы, он залез на заднее сиденье серого внедорожника. Впереди сидели два агента ФБР. Отъезжая, водитель сказал:

— Образцовая работа! Пачеко на тебя не нахвалится. Ты прихватил голубчика за самое не могу!

Клайд промолчал. Ему не хотелось отвечать, тем более выслушивать поздравления. Ему было стыдно и страшно: он предал своих сообщников и

знал, что дальше станет только хуже. Его мутило даже от попытки представить, как он войдет в полный людей зал суда и на глазах у обвиняемого, Вонна Дьюбоза, поведает присяжным, как убил Хьюго Хэтча.

Сняв с запястья часы, он передал их агенту впереди себя со словами:
— Я вздремну. Разбудите меня в Таллахасси.

В 9 утра в пятницу Лейси, не дождавшись звонка от Джо-Хелен, позвонила ей на телефон, с которого та звонила ей накануне, — безуспешно. Лейси уведомила о происходящем Гейсмара, и вместе они пришли к выводу, что есть основания для опасений. Лейси позвонила в Стерлинг, в окружной суд, и добилась ответа, что судьи Макдоувер на рабочем месте нет и она, возможно, разбирает дело в городе Экмен. Допуская, что Джо-Хелен отправилась туда работать, Лейси позвонила в суд Экмена, где женский голос сообщил: ее честь в суде, но не на заседании.

Оставалось сидеть и ждать. Лейси поболтала с Гюнтером, у которого не оказалось планов на уик-энд, кроме его обычных «неоконченных сделок», в связи с чем он не исключил прилета на субботний ужин. Лейси пообещала ему перезвонить.

Джо-Хелен разбудил яркий солнечный свет. Временный телефон, врученный ей Коули, разрядился, а зарядку она забыла дома. Она позвонила со своего сотового Клаудии и довольно убедительно наврала про проблему с желудком. Клаудия не подвергла ее рассказ сомнению и даже слегка посочувствовала. На счастье, работы для судебной протоколистки в эту пятницу не имелось. Это не значило, что Джо-Хелен могла отдыхать: у нее всегда был запас нерасшифрованных протоколов.

Ей была необходима проклятая зарядка, а за ней требовалось ехать домой. Она досидела в баре до полуночи, уйдя последней. В роли ее постельного партнера мог бы выступить разве что сорокалетний шофер грузовика с неряшливой бородой, упорно наполнявший пивом свое емкое брюхо. Джо-Хелен позволила ему угостить себя стаканчиком, но желания идти дальше этого не испытала.

В девять она выписалась из мотеля и покатила на пляж, находившийся в часе езды на юго-восток. В дороге она то и дело напоминала себе смотреть в зеркало заднего вида, но даже этот простейший элемент шпионского ремесла оказался ей не по плечу. Подъехав к своему дому, Джо-Хелен с горечью признала, что больше не сможет здесь жить. Каждый дюйм ее личного пространства был перетроган и изучен человеком с

дурными намерениями. Даже поменяв замки и установив вдвое более чуткую охранную систему, она бы не чувствовала себя здесь в безопасности. Сосед Армстронг, половший сорняки у своего крыльца, был не прочь с ней полубезничать. Очаровав его широкой улыбкой, Джо-Хелен предложила что-нибудь выпить. Сосед вошел в дом вместе с ней и стоял в двери, пока она отключала сигнализацию. После этого она поспешила в спальню, заглядывая по пути во все комнаты и не переставая болтать: как там опоясывающий лишай миссис Армстронг, и вообще? Зарядка лежала там, где Джо-Хелен ее оставила, — в ванной. Подключив к ней телефон, она вернулась в гостиную.

— Где вы ночевали? — поинтересовался сосед. Они с женой славились любопытством и бесцеремонностью. Все события на улице вызывали у них жгучий интерес, и Армстронги без зазрения совести совали нос в чужие дела.

— У сестры, — ответила Джо-Хелен, зная, о чем будет следующий вопрос.

— Где она живет?

— В Пенсаколе. — Убедившись, что дома все в порядке, она добавила: — Я передумала, лучше выпьем содовой вместе с Глорией.

— Она будет очень рада!

Сидя в теньке на задней веранде у Армстронгов, они тянули напитки через соломинки. На счастье, лишай располагался у Глории в нижней части поясицы, и заглядывать туда было бы не совсем удобно, поэтому Джо-Хелен избавили от этого сомнительного удовольствия.

— У вас забило сток? — спросил ее Армстронг.

— Кажется, нет, а что?

— Сегодня утром к вам приходил сантехник.

Сантехник? Джо-Хелен решила не волновать пожилых соседей:

— Стык прохулся, но я жду его в понедельник.

— Назойливый субъект, доложу я вам. На вашем месте я бы ему не доверял.

— Почему?

— Я видел, как он сначала позвонил в звонок, а потом стал возиться с дверью. Вынул из кармана какую-то длинную штуковину, прямо как взломщик. Надеюсь, вы меня не осудите: я его окликнул, спросил, что он делает. Парень убрал свою штуковину в карман и сделал вид, что все в порядке. Ее нет дома, говорю. Он пробормотал, что придет позже. Видно было, что ему не терпится убраться. Советую поискать другого водопроводчика, этот какой-то подозрительный.

— В наше время никому нельзя доверять, — посетовала Джо-Хелен и вернулась к теме опоясывающего лишая, которую Глория могла обсуждать бесконечно. Пока соседка повествовала об обострении хронического недуга, третьем за ее многотрудную жизнь, Джо-Хелен лихорадочно соображала, как ей дальше быть.

Глория без предупреждения сменила тему.

— Ты говорил ей про вчерашнего дезинфектора? — спросила она у мужа.

— Забыл! Я был на лужайке для гольфа. Глория утверждает, что какой-то дезинфектор провел вчера в вашем доме не меньше часа.

Чтобы их не насторожить и не вызвать град новых вопросов, Джо-Хелен произнесла:

— Это Фредди, новенький. У него свой ключ.

— Какой обстоятельный, неторопливый! — похвалила новенького Глория.

При первой же возможности Джо-Хелен пресекла этот разговор, сказав, что позвонит в сантехническую компанию и пожалуется на поведение их сотрудника. Потом попрощалась и перешла улицу. Дома она схватила временный телефон и позвонила Лейси.

Глава 38

Большая федеральная коллегия присяжных собралась в пятницу 14 октября в час дня. Этот состав, 23 человека, был созван четыре месяца назад; все — зарегистрированные избиратели и вообще добросовестные граждане из шести административных округов, образовывавших Северный судебный округ Флориды. Состоять в жюри присяжных являлось нелегкой обязанностью, особенно для тех, кто не вызывался заседать в нем добровольно; плата — 40 долларов в день — едва покрывала их расходы. Зато это была важная и порой даже захватывающая работа, особенно когда ФБР и прокуратура преследовали преступные организации.

Своевременно примчаться на зов смогли семнадцать человек при том, что для кворума хватало шестнадцати, поэтому тратить время на раскачку не пришлось. Расследование разрасталось стремительно, суля редкий шанс предъявить обвинения в тяжком убийстве богатым белым людям, поэтому делом занялась генеральный прокурор Пола Гэллоуэй, назначенная президентом Обамой ветеран прокуратуры. Ее главной помощницей была Ребекка Вэбб, к тому времени посвященная в тонкости дела лучше, чем кто-либо, кроме Элли Пачеко, вызванного в качестве первого свидетеля.

После предъявления обвинения Зикку Форману и Клайду Уэстби присяжные уже были знакомы с фактами, связанными с убийством Хьюго Хэтча. Элли быстро напомнил основные и ответил на несколько вопросов. К удивлению коллегии, следующим Гэллоуэй вызвала самого водителя.

Зик Форман, уже охраняемый в рамках федеральной программы защиты свидетелей, обещал под присягой говорить только правду. Условия сделки о признании вины не обсуждались, как и его нынешнее местонахождение. Присяжные слушали его с разинутыми ртами. Удовлетворенные тем, что уже предъявили ему обвинение, они были заморожены подробностями событий 22 августа. Зик обстоятельно отвечал на их многочисленные вопросы, был спокоен и полон раскаяния, не поверить ему было невозможно. Гэллоуэй, Вэбб и Пачеко вместе с другими агентами ФБР внимательно за ним наблюдали. Ему предстояло давать в суде показания против «кузенов», чьи адвокаты не станут жалеть сил, подвергая сомнению его ценность как свидетеля обвинения.

Следующим свидетелем был Клайд Уэстби, не испытывавший стеснения в присутствии той же самой федеральной коллегии присяжных, которая меньше недели назад предъявила ему обвинение в убийстве. Он

только что прошел первую крупную проверку, выдержал, оснащенный «жучком», опасный тет-а-тет с самим боссом и спровоцировал того на изобличающий разговор. Сначала Клайд час объяснял свою роль в автомобильной аварии, потом два часа рассказывал об организации Дьюбоза и своем в ней участии. О доении казино он ничего не знал, зато присяжные очень заинтересовались описанием системы отмывания денег за игорными столами.

Присяжный из Апалачикколы по фамилии Крафт признался в пристрастии к игре в «очко» и в том, что сам проводит немало времени в казино «Трежеар Ки». Внимательно выслушав рассказ об отмывании, он стал задавать вопросы. Видя, что им не будет конца, Гэллоуэй предложила перейти к дальнейшим показаниям.

Когда настало время Пачеко, он воспроизвел присяжным разговор Клайда с Вонном Дьюбозом, записанный за восемь часов до этого.

После пяти часов свидетельских показаний Гэллоуэй познакомила присяжных с федеральными законами, в соответствии с которыми им предстояло принять решение. Пересечение угнанным пикапом границы между штатами означало, что оружие убийства использовалось на федеральном уровне. Тот факт, что Зику заплатили за содеянное 5 тысяч, однозначно переводил преступление в категорию убийства по найму, то есть тяжкого. Вовлеченность организованной преступной банды в виде одного или более членов, совершивших преступление в ее интересах, означало, что уголовному преследованию подлежит она вся.

К 8 часам вечера коллегия присяжных единодушно проголосовала за предъявление Вону Дьюбозу, Хэнку Скоули, Флойду Мейтону, Вэнсу Мейтону и Рону Скиннеру обвинения в тяжком убийстве Хьюго Хэтча и в нападении с отягощающими обстоятельствами на Лейси Штольц. К обвиняемым был причислен Клайд Уэстби, хотя в дальнейшем его имя должно было исчезнуть из обвинительного акта: по соглашению о признании вины вместо тяжкого убийства ему впоследствии вменяют убийство первой степени. Пока — и это имело первостепенную важность — Дьюбоз и остальные должны были считать Клайда сообвиняемым, одним из своих. О его соглашении с властями им предстояло узнать гораздо позже.

Лейси стояла у плиты, добавляя последний ингредиент — свежие грибы — в итальянский томатный суп чиопино, который готовила по своему собственному рецепту, хотя и с соблюдением главных правил: в блюде обязательно присутствовали гребешки, другие моллюски, креветки и

треска. Стол уже был накрыт, свечи зажжены, бутылка вина из Сансерра охлаждалась на льду. Элли помчался к ней сразу после слушаний, благо что ехать было не больше десяти минут. Лейси встретила его в дверях умеренным, пусть и нежным, поцелуем. Они оставались на стадии поцелуев, дальше этого еще не заходя. Наслаждаясь друг другом в этих пределах, они напряженно друг друга изучали и гадали, что принесет будущее. Лейси была не готова к следующему шагу ни физически, ни эмоционально, а Элли не напирал. Было видно, что он обожает ее и готов ждать.

Пока он снимал пиджак и галстук, она налила вино. Давал о себе знать 18-часовой, а порой и 20-часовой рабочий день: Пачеко был на пределе сил. При всей секретности работы большой коллегии он знал, что Лейси можно доверять. В конце концов, они играли в одной команде и одинаково понимали конфиденциальность.

Предъявлять готовые обвинительные акты ФБР должно было при аресте членов банды. Элли не знал, когда это произойдет, но признавал неизбежность развязки.

Пола Гэллоуэй и ФБР согласились на стратегию двух обвинительных актов. Первый был самым срочным, самым важным и простым. Показания Зика Формана и Клайда Уэстби придавали делу об убийстве ясность, улики исключали обоснованные сомнения. При условии неведения о том, что им грозит, Дьюбозу и его подручным в ближайшие дни грозил арест без права выйти под залог. Тогда же ФБР нагрянет в их дома и офисы, то же самое произойдет с домами и рабочими местами Клаудии Макдоувер, Филлис Турбан, вождя Кэппела, Билли Кэппела и адвокатов из Билокси, двадцать лет представлявших интересы Дьюбоза. Под ударом окажутся все бизнесы, имеющие отношение к организации, многие из которых будут временно закрыты. В казино хлынут агенты с ордерами на обыск. Прокурор пытался убедить федерального судью закрыть казино на неопределенный срок. За вторым обвинительным актом, по делу о рэке, последует волна арестов, начиная с Макдоувер и, вероятно, вождя таппаколов.

— Майерс назвал это «кассетной бомбой с начинкой из RICO», — сообщила Лейси. — От взрыва такой бомбы в свое время пострадал он сам.

— Меткое сравнение! — одобрил Элли. — Наша бомба будет обладать убойной силой. Дьюбоз станет метаться по тюремной камере, ломая голову, как его угораздило попасть под обвинение в убийстве, и тут мы ему подносим новый подарочек — RICO!

— Ему понадобится десяток адвокатов.

— Откуда он их возьмет? Все его счета будут заморожены.

— Майерс, Майерс... Куда он подевался? Он мне нравился.
— Сомневаюсь, что вы снова свидитесь.
— Мы когда-нибудь узнаем, что с ним произошло?
— Сомневаюсь. Полиция Ки-Ларго разводит руками. Бесследное исчезновение! Если за этим стоит Дьюбоз, то вряд ли мы что-то узнаем, разве только кого-то из его специалистов по «мокрым» делам удастся вывести на чистую воду.

Лейси подлила в бокалы вина. Присяжным полагалось работать по субботам, а при необходимости и по воскресеньям. Срочность была оправданной: промедление в расследовании, при котором свидетели выступают с показаниями перед большой коллегией, грозило утечкой, поэтому требовалось поторапливаться. Члены преступной организации умели мгновенно исчезать. После ареста «кузенов» по обвинению в убийстве их менеджеры, посыльные, водители, телохранители, курьеры могли податься в бег. После восьми дней напряженного круглосуточного подслушивания ФБР располагало 29 именами вероятных членов банды.

— Сначала стреляете, вопросы потом? — усмехнулась Лейси.

— Типа того. Не забывай, мы всегда можем вносить в обвинительный акт дополнения, добавлять или исключать обвиняемых. После такого массированного расследования приходится долго разбираться, что к чему. Главное нанести сильный первый удар и всех похватать, чтобы не позволить манипулировать уликами. Я умираю от голода!

— Ты обедал?

— Если считать обедом жирный бургер в закусочной «драйв-фру».

Пока Лейси снимала с плиты чиопино и наполняла бокалы, Пачеко ронял слюнки, размешивая салат.

— У меня томатный суп, к нему лучше подойдет красное вино. Ты не против?

— Я за красное.

— Хорошо. Откупорь вон ту бутылку бароло.

Лейси достала из духовки багет с маслом и положила на тарелки салат. Они уселись друг напротив друга и пригубили вино.

— Упоительный запах! — сказал он. — Спасибо, что подождала.

— Не хотелось есть одной.

— Ты часто готовишь?

— Нет, зачем? У меня к тебе вопрос.

— Спрашивай.

— Каково место информатора на этом этапе расследования?

— Которого из информаторов?

— «Крота», человека из окружения Макдоувер, сообщавшего подробности Коули, а через того Майерсу.

Элли внимательно смотрел на нее и жевал салат.

— Сейчас он не важен, но потом понадобится.

— Это женщина. Вчера она мне звонила, она сильно напугана. В ее дом вошли и все там перешукали. Она каждый день видит Макдоувер и считает, что судья что-то подозревает.

— Кто она такая?

— Я дала слово ее не выдавать, по крайней мере пока. Может, позже. Говорю, она напугана и не знает, кому доверять.

— В конечном счете она станет важным свидетелем.

— Не уверена, что она согласится свидетельствовать.

— У нее не обязательно будет выбор.

— Вы не можете заставить ее давать показания.

— Заставить — нет, но есть действенные способы убеждения. Суп — объединение! — Элли обмакнул в тарелку кусок хлеба, отложил ложку и пустил в ход пальцы — так увлекся.

— Рада, что тебе нравится. Значит, завтра у тебя рабочий день?

— Да. Присяжные соберутся в девять утра. Мне надо быть там к восьми. Очередной длинный субботний день. Воскресный тоже.

— Вы всегда столько вкалываете?

— Нет, но такие крупные дела бывают нечасто. Работаешь на одном адреналине. Взять сегодняшнее утро: я жарился с тремя нашими техниками в фургоне и слушал разговор Уэстби с Дьюбозом. Знаешь, как сердце колотилось? Вот тебе одна из причин, почему я люблю свою работу.

— Как много ты готов мне рассказать?

Элли оглядел кухню, будто их могли слышать нежелательные уши.

— Что ты хочешь узнать?

— Все. Что сказал Дьюбоз?

— Ну, это вообще красота...

Глава 39

Утром в субботу Лейси проспала почти до семи утра, проснувшись на час позже обычного, но и тогда была не готова начинать день. Понезжиться в постели ей не дал песик Фрэнки: он, как обычно, фыркал и вообще вел себя шумно, напоминая, что ему пора на улицу. Когда Лейси, выпустив собаку, стала варить кофе, завибрировал айфон. Элли Пачеко. В 7 часов 2 минуты.

— Мне очень понравился ужин, — сказал он. — Выспалась?

— Да, а ты?

— Мне не до того. Вчера вечером мы записали один разговор — мягко говоря, тревожный. Не хотелось бы, чтобы источником, о котором ты говорила, была судебная стенографистка.

— Почему?

— Потому что если источник — судебная стенографистка, то ей грозит опасность. Мы прослушиваем сразу кучу телефонов, так что я не смогу точно процитировать, там говорили на каком-то дурацком тайном языке, но, похоже, босс отдал приказ.

— Она и есть источник, Элли. Майерс называл ее «свистуном».

— Она в опасности. Знаешь, где она сейчас?

— Нет.

— Можешь с ней связаться?

— Попробую.

— Давай, потом перезвони мне.

Элли впустила Фрэнки, налила себе в чашку кофе и позвонила по временному телефону Джо-Хелен. После пятого звонка робкий голос ответил:

— Это Лейси?

— Да. Вы где?

После долгой паузы Джо-Хелен сказала:

— Вдруг нас подслушивают?

— Нет, никто не подслушивает. Про телефоны никто не знает. Где вы сейчас?

— В Панама-Сити-Бич, в дешевом отеле, заплатила наличными. Смотрю на океан.

— Я только что говорила с ФБР. Судя по разговору, который они подслушали сегодня рано утром, вам грозит опасность.

— Я уже два дня вам это твержу.
— Сидите в номере, я звоню в ФБР.
— Нет! Не надо, Лейси! Коули учил меня не доверять ФБР. Не звоните им.

Лейси, грызя ноготь, смотрела на Фрэнки, требовавшего завтрак.

— Придется довериться, Джо-Хелен. Речь идет о вашей жизни.

Телефон умолк. Лейси дважды перезвонила, но ответа не было. Она быстро покормила собаку, натянула джинсы и выбежала из дома. Из своего новенького хэтчбека «мазда», купленного всего четыре дня назад, она позвонила Элли и объяснила, что к чему. Он ответил, что занят с присяжными, но попросил держать его в курсе. На пятый по счету звонок Джо-Хелен все-таки ответила. Голос у нее был испуганный, и она отказалась назвать свой отель. Лейси знала, что Панама-Сити-Бич — это часть дороги № 98 с десятками маленьких отелей на одной, океанской стороне и с закусочными и магазинчиками на другой.

— Зачем вы прервали разговор? — спросила Лейси.

— Не знаю. Со страху. Я боюсь, что нас подслушивают.

— Не бойтесь, у нас с вами надежные телефоны. Запритесь и никому не открывайте. Увидите что-то подозрительное — звоните портье или в полицию. Я уже еду.

— Что вы делаете?

— Я еду за вами, Джо-Хелен. Ждите. Я буду у вас примерно через час.

Номер Дельгадо находился на третьем этаже отеля «Уэст-Бэй-Инн». Она была совсем рядом, в «Нептуне». Оба отеля принадлежали к категории дешевых. Сейчас постояльцами, занимавшими от силы половину номеров, были туристы из северных штатов, привлеченные скидками после завершения летнего сезона. Дверь ее номера открывалась на узкую бетонную галерею второго этажа. Поблизости была лестница. На перилах сохли пляжные полотенца и купальники. Впрочем, ей явно не до купания. Купание превратило бы ее в чересчур легкую мишень.

С расстояния ста футов Дельгадо наблюдал за ее дверью и окном. Она плотно задернула занавески, чем спасла себе жизнь. Для его винтовки со снайперским прицелом достаточно было бы даже узкой щелки, но она не оставила даже ее. Приходилось терпеливо ждать. Субботние часы бездарно проходили, и он уже был готов просто подойти к ее двери и позвонить в звонок. «Простите, мэм, ошибся номером...» Потом он распахнул бы дверь ударом ноги — и все было бы кончено в считанные секунды. Его удерживало только опасение визга или еще какого-нибудь звука,

вызванного испугом, который привлек бы внимание: это казалось слишком рискованно. Если бы она покинула номер, Дельгадо пошел бы за ней и дождался удобного момента, но надежды на это было маловато. В мотелях и кафе вдоль берега слишком многолюдно — не та обстановка.

Томясь ожиданием, Дельгадо недоумевал, почему она прячется. Зачем, если не бояться, не чувствовать свою вину? Что так ее напугало, что она сорвалась с места и теперь скрывается в комнатухах дешевых гостиниц? До ее дома меньше часа пути, и жить там, без сомнения, гораздо приятнее, чем в этих гадюшниках. Он не исключал, что попался на глаза ее соседям, когда наведлся к ней в четверг под видом дезинсектора с баллоном за плечами. Надоедливый старикашка, сосед из дома напротив, мог рассказать ей о неуклюжем сантехнике, ломившемся в ее дом утром в пятницу. Выходит, она знает, что виновата, и у нее приступ паранойи.

Дельгадо учитывал вариант, что у нее назначена встреча с кем-то, с кем ей не стоило бы встречаться, хотя это и казалось сомнительным. Она сидела в одиночестве, попросту убивала время и ждала — чего? Кого? Трудно было поверить, что она задумала сексуальное приключение. Прогулка вдоль океана — вот разумный поступок. Или океанский заплыв. Сделай хоть что-нибудь из того, чем занимаются остальные, предоставь заждавшемуся человеку возможность выполнить его работу! Но дверь оставалась закрытой, она замерла внутри — таким был его вывод.

* * *

— Мне это не нравится, Лейси, — говорил Пачеко. — Ты не представляешь, во что суешься.

— Успокойся.

— Пусть этим займутся местные копы. Узнай название отеля и вызови полицию.

— Она отказывается назвать отель и против вызова полиции. Она напугана, Элли, ее не проймешь. Она и со мной-то еле говорит.

— Я могу в два счета прислать к ней двух агентов из нашего отделения в Панама-Сити.

— Нет, она боится ФБР.

— Глупо с ее стороны, в ее-то положении! Как ты ее найдешь, не зная, где она?

— Надеюсь, скажет, когда я доеду до места.

— Что ж... Мне пора, присяжные заждались. Позвони мне через час.

— Обязательно позвоню.

Можно было бы посоветоваться с Гейсмаром, но было совестно беспокоить его в субботу. Босс приказывал докладывать ему обо всех незапланированных перемещениях, но это уже явный перебор. Свой выходной Лейси могла проводить по собственному усмотрению. Какая опасность ей угрожает? Если она найдет Джо-Хелен, то увезет ее от греха подальше в какое-нибудь безопасное место, только и всего.

Джо-Хелен знала, что он караулит ее, поселившись в соседнем «Уэст-Бэй-Инн». Он ошибался, решив, что все предусмотрел. Преследователь не знал, что она видела его благодаря скрытым камерам в своем доме, наблюдала, как он переходил из комнаты в комнату, как перебирал ее белье и посматривал ее документы. Крупный мужчина, рост не меньше шести футов двух дюймов, узкая талия, толстенные ручки, слегка припадает на левую ногу. Перед рассветом Джо-Хелен видела, как он пересекал стоянку мотеля с саквояжем странной формы. Его ничего не стоило узнать даже без дурацкой формы дезинфектора.

Коули не отзывался на ее звонки. Трус, мерзавец, бесстыжий лгун! Сбежал, бросил ее одну! Она знала, что сейчас не время о нем думать, но не могла с собой справиться. Позвонить Лейси? Что толку, она слишком далеко, в Таллахасси. Да и чем бы она ей помогла? Оставалось ждать, пытаюсь размышлять здраво. На случай, если в дверь постучат, Джо-Хелен заранее набрала на телефоне 911, чтобы достаточно было нажать одну кнопку.

Когда в 9.50 зазвонил временный телефон, она схватила его, как горячий пирожок.

— Да, Лейси, — сказала Джо-Хелен, изображая спокойствие.

— Я уже рядом. Ты где?

— Мотель «Нептун» напротив «Макдоналдса». Какая у тебя машина?

— Красный хэтчбек «мазда».

— Я буду ждать в переднем лобби. Скорее!

Джо-Хелен проскользнула в дверь и плотно закрыла ее за собой. Деловито, без паники она спустилась по лестнице на первый этаж, прошла через двор, мимо бассейна, где нежилась на солнце пожилая пара. В лобби поздоровалась с портье и подошла к окну, чтобы следить за соседним мотелем. Шли минуты. Портье предложил ей помощь. Пожалуй, ей пригодилась бы снайперская винтовка. «Нет, благодарю». Когда на стоянку мотеля свернул ярко-красный хэтчбек, Джо-Хелен выскочила из лобби через боковую дверь и побежала к машине. Распахнув дверцу, она

взглянула на «Уэст-Бэй-Инн». Мужчина трусил по галерее третьего этажа, глядя на нее в упор, но был бессилен ее остановить.

— Наверное, вы Джо-Хелен Хупер, — сказала Лейси.

— Да, рада познакомиться. Он бежит сюда. Поехали!

Они свернули на шоссе № 98 и помчались на восток. Джо-Хелен ехала, повернув голову, изучая машины сзади.

— Кто он такой? — спросила Лейси.

— Не знаю, как его зовут. Мы не знакомы, и мне не хочется с ним знакомиться. Главное — оторваться.

На первом же светофоре Лейси повернула налево, на следующем — направо. Погони как будто не было. Джо-Хелен открыла на своем смартфоне карту улиц и превратилась в штурмана, подсказывая, как зигзагами выехать из Панама-Сити-Бич и дальше тем же способом двигаться на север. Заторы остались позади, движение стало достаточно свободным. Лейси поднажала, не боясь полиции; более того, встреча с полицией была бы сейчас даже полезной. Ориентируясь по карте, они сворачивали на все местные дороги на своем пути, время от времени возвращаясь на автостраду штата.

Обе наблюдали за происходящим сзади, поэтому им было не до разговоров. Через час они проехали под федеральной автострадой № 10, еще через полчаса увидели щит с надписью: «Добро пожаловать в Джорджию!»

— Куда мы, собственно, едем? — спросила Джо-Хелен.

— В Валдосту.

— Почему туда?

— Я подумала, никто не догадается, что мы выберем это место. Бывали там?

— Как будто нет, а вы?

— И я нет.

— Вы не похожи на свою фотографию на сайте КПДС.

— Тогда я носила длинные волосы, — объяснила Лейси, сбавляя скорость до разрешенной.

В городке Бейнбридж они остановились у придорожного ресторанчика, воспользовались туалетом и решили поесть внутри, не спуская глаз с дороги. Обе были убеждены, что преследования нет, но их не отпускало волнение. Сидя рядом у окна, они утоляли голод бургерами с жареной картошкой и провожали взглядами каждую проезжавшую мимо машину.

— У меня тысяча вопросов, — сказала Лейси с набитым ртом.

— Не уверена, что у меня столько же ответов, но давайте попробуем.

— Имя, звание, личный номер. Ну, вы понимаете: пару слов о себе.

— Сорок три года, родилась в 1968 году в Пенсаколе. У матери была примесь индейской крови — кажется, слишком маленькая. Отец был принципиальным бабником, я его не знала. Дважды я была замужем, теперь этот институт меня не привлекает. А вы, Лейси?

— Я замужем не была. — Обе быстро ели. — Индейская кровь сыграла во всей этой истории какую-то роль?

— Конечно. Меня растила бабка, хорошая женщина, наполовину индианка. Ее муж не имел отношения к индейцам, так что моя мать была уже «четвертинкой». Она утверждала, что мой отец был индейцем наполовину, но подтвердить это было невозможно, его давно след простыл. Я годами его искала — не из эмоциональной привязанности и не из сентиментальности, а сугубо по денежным соображениям. Если он был — или есть — наполовину индеец, тогда я — индианка на одну восьмую.

— Из племени таппаколов, разумеется?

— А как же! Одной восьмой части этой драгоценной крови достаточно для «регистрации». Кошмарная терминология, правда? Одно дело — регистрировать людей с судимостью и совершавших преступление на сексуальной почве, но людей с индейской кровью?.. В общем, я сражалась с племенем, доказывая свое происхождение, но не наскребла достаточно доказательств. Кто-то из предков наградил меня светло-кариими глазами и светлыми волосами, а это не совсем то, что им требуется. В общем, те, кто распоряжается расовой классификацией, меня не признали, и в племя меня не впустили.

— Прощайте, дивиденды!

— Да, дивидендов мне не досталось. Некоторые, в ком крови племени еще меньше, чем во мне, прошли сито и присосались к казино, а мне дали от ворот поворот.

— Я встречала мало таппаколов, но все равно скажу, что вы, конечно, на них не похожи.

Джо-Хелен была на дюйм-два выше Лейси, худенькая и стройная, в облегающих джинсах и в тесной блузке, с горящими глазами, совершенно без морщин и вообще без каких-либо признаков возраста. Она не пользовалась косметикой и не нуждалась в ней. Даже тревога ее нисколько не портила.

— Наверное, это комплимент. Но у меня от моей внешности одни неприятности.

Лейси сунула недоеденный бургер в пакет и предложила:

— Давайте уносить отсюда ноги.

Они покатали по шоссе № 84 на восток. Глядя на дорогу сзади и облегченно переводя дух — слабое движение позволяло не напрягаться, — Лейси старалась не превышать скорость. Это были благоприятные условия для того, чтобы внимательно слушать.

Фамилия Коули оказалась вымышленной, что не вызвало у Лейси удивления; настоящее имя партнера Джо-Хелен не раскрыла. Они познакомились двадцать лет назад, после неудачи ее первого брака. У него была скромная практика в Дестине и неплохая репутация адвоката по бракоразводным делам. Ее первый муж пил и распускал руки, и Джо-Хелен прониклась к Коули доверием, когда он защитил ее во время ссоры с мужем в своем кабинете. Она обсуждала с адвокатом план действий, когда вломился пьяный муж. Коули его вышвырнул, пригрозив револьвером. Развод прошел гладко, и бывший супруг испарился. Джо-Хелен и Коули встречались и расставались на протяжении нескольких лет, не испытывая желания строить совместную жизнь. Он женился на другой женщине, сделав неважный выбор, она совершила ошибку того же сорта. Коули снова помог ей развестись, и они возобновили прежнюю игру — встречи без обязательств.

Он был хорошим юристом, а был бы еще лучше, если бы держался в стороне от людей, не ладящих с законом. У него была склонность представлять стороны в грязных бракоразводных процессах, наркоторговцев и байкеров. Были среди его клиентов и более темные личности, заправлявшие барами и стриптизами по всему «отростку». Он был обречен пересечься с Вонном Дьюбозом, это было вопросом времени. Совместных дел у них не имелось, Коули неоднократно убеждал Джо-Хелен, что не знаком с Дьюбозом, но успех его организации вызывал у него зависть. Пятнадцать лет назад до Коули дошел слух, что «береговая мафия» связалась с индейцами и намерена построить в их резервации казино. Ему захотелось нагреть на этом руки, но тут федералы уличили его в уклонении от налогов, и дельце не выгорело. Он лишился лицензии на адвокатскую деятельность и сел в тюрьму, где познакомился с Рэмси Миксом, другим проворовавшимся адвокатом, своим будущим сообщником.

Имя «Грег Майерс» она впервые увидела на исковой жалобе на Клаудию Макдоувер. Коули и Джо-Хелен боялись сами подать жалобу на судью, замешанную в незаконных махинациях. Он предложил найти кого-то третьего, кто сделал бы это вместо них за обещание приличной доли.

Джо-Хелен хотелось узнать о Майерсе побольше. Лейси рассказала об

их первой встрече на яхте в Сент-Огастине, о его мексиканской подружке Карлите, об их второй встрече там же, о третьей встрече в Мехико-Бич, о том, как он вдруг появился к ней домой вскоре после аварии, о его исчезновении в Ки-Ларго и о том, как они с братом спасли Карлиту. Лейси верила информации ФБР о том, что расследование его исчезновения не дало результатов.

Она тоже задавала вопросы: от кого они бегут, кто подстерегал Джо-Хелен в мотеле. Джо-Хелен объяснила, что не знает, как зовут этого человека, но видела его на записи камеры наблюдения. Лейси остановилась возле магазинчика в Кайро и просмотрела на ее смартфоне часть видео со взломщиком, орудовавшим в ее квартире. Джо-Хелен объяснила, что камеры там установил Коули, бывший на ты с электроникой и со всевозможными гаджетами. Он же приладил устройство джи-пи-эс под задним бампером «лексуса» Клаудии и, арендовав кондо напротив, снимал судью и Вонна, навевывавшегося к ней в первую среду каждого месяца.

Что случилось с самим Коули? Джо-Хелен не знала, но это не мешало ее гневу. Все это от начала до конца было его затеей. Он много знал о Вонне Дьюбозе и о казино. Они с Джо-Хелен были близки, их отношения возобновлялись много раз на протяжении долгих лет, и он воспользовался ее обидой на племя. Это он уговорил ее наняться в суд к Макдоувер стенографисткой после увольнения прежней восемь лет назад, чтобы собирать материалы для будущего разоблачения. Он хорошо знал законы и, изучив дела и решения судьи, убедился, что Макдоувер — карманная судья Вонна. Он делал все, чтобы распутать паутину оффшорных компаний и постигнуть систему их действий. Потом он привлек Грега Майерса и спрятался за его спиной. Ему хватило ума скрыть от Майерса, кто он такой. Он оттачивал свой план не один год, и порой его затея выглядела обреченной на успех.

И вот теперь Хьюго Хэтч погиб, Майерс пропал — возможно, его тоже больше не было в живых. Коули дезертировал с корабля и оставил ее на веслах одну. При всей своей ненависти к Клаудии Макдоувер Джо-Хелен уже тысячу раз раскаялась, что согласилась помогать ему в этом разоблачении.

По мнению Джо-Хелен, Дьюбоз, похитив Майерса, мог быстро выколлотить из него всю правду. После этого под ударом непременно оказался бы Коули. Рано или поздно банда вышла бы на первоначальный источник всех сведений, то есть на нее. Джо-Хелен была перед ними совершенно беззащитной.

До отсидки Коули был крут, носил оружие и якшался с бандитами

мелкого пошиба. Но три года за решеткой сделали его совершенно другим человеком. Он утратил былую задиристость и уверенность и отчаянно нуждался в деньгах. Без адвокатской лицензии и с судимостью Коули не знал, куда деваться. Вымогательство в рамках закона — чем не способ поправить свои дела?

Глава 40

Найти терминал авиации общего назначения в региональном аэропорту Валдосты не составило труда. Заперев машину, Лейси еще раз оглянулась и не заметила ничего подозрительного. Гюнтер, прервав разговор с девушкой за стойкой, так стиснул сестру, будто они не виделись много лет. Она не представила ему Джо-Хелен, потому что не хотела называть имен.

— Без вещей? — спросил Гюнтер.

— Хорошо, что хотя бы наши сумочки при нас, — отозвалась Лейси. — Скорее!

Они выбежали из здания терминала на летное поле, миновали несколько самолетиков и остановились перед тем же самым «Бич Бароном», на котором Гюнтер спасал Карлиту. Он повторил, что самолет принадлежит его другу. В этот день им предстояло убедиться, что у Гюнтера много верных друзей. Прежде чем юркнуть в дверцу, Лейси позвонила Элли Пачеко, чтобы узнать последние новости. Тот ответил без промедления: сказал, что коллегия присяжных все еще заседает. Куда она запропастилась? Лейси заверила его, что с ней все в порядке, что сейчас она взмоет в воздух и перезвонит позже.

Гюнтер пристегнул их ремнями и залез в кабину. Внутри было жарко, как в сауне, все мигом вспотели. Он запустил оба двигателя, и самолет задрожал от носа до хвоста. Начав движение, пилот приоткрыл щелку в иллюминаторе и впустил внутрь спасительный ветерок. На полосе было пусто, им сразу дали разрешение на взлет. Гюнтер отпустил тормоза и приступил к разбегу. Джо-Хелен, крепко зажмурившись, вцепилась в руку Лейси. Погода была, к счастью, ясная. Стояла жара не по сезону, 15 октября как-никак. Со дня гибели Хьюго прошло почти два месяца.

На высоте пяти тысяч футов Джо-Хелен перевела дух. Благодаря заработавшему кондиционеру в самолете стало свежо. Рев двигателей мешал разговору, но Джо-Хелен все-таки попыталась:

— Меня разбирает любопытство. Куда мы летим?

— Не знаю! — проорала в ответ Лейси. — Он не говорит!

— Шикарно!

Когда «Барон» вскарабкался на крейсерскую высоту в 8 тысяч футов, рев двигателей сменился мерным рокотом. Джо-Хелен провела две последние ночи в дешевых мотелях, где не смыкала глаз, дрожа в ожидании

худшего, поэтому теперь ее сморила усталость. Она уронила голову на грудь и уснула. Лейси от нечего делать последовала ее примеру.

Проснувшись спустя час, она увидела, что Гюнтер протягивает ей наушники. Настроив микрофон, она сказала:

— Привет!

Брат кивнул, не отрывая взгляда от приборов.

— Как делишки, сестренка?

— Порядок, Гюнтер. Спасибо!

— Она тоже в порядке?

— Как в кому впала. Немудрено, ей выпало два непростых дня. На земле я объясню, что к чему.

— Всегда пожалуйста. Я счастлив быть полезным.

— Куда летим?

— В горы. У моего друга хижина, которую никто никогда не отыщет. Тебе понравится.

Еще через полтора часа «Барон» стал понемногу снижаться. Местность внизу сильно отличалась от плоских пространств, по которым они несколько часов назад мчались из Флориды в Валдосту. Насколько хватало глаз, до самого горизонта, протянулись горы, уже окрасившиеся в красный, желтый, оранжевый цвета. Гюнтер приготовился к посадке, и горы стали ближе. Лейси потрепала Джо-Хелен по руке, чтобы разбудить. Посадочная полоса находилась в долине, окруженной красивыми горами. Гюнтер мастерски, почти неслышно, коснулся шасси бетона. Они подкатили к маленькому ангару, рядом с которым отдыхали четыре одномоторные «Сессны».

Заглушив двигатели, он сказал:

— Добро пожаловать в аэропорт округа Мейкон, Франклин, Северная Каролина. — Гюнтер вылез из кабины, открыл дверцу и помог им спуститься на летное поле. Шагая к ангару, он предупредил: — Сейчас я познакомлю вас с Расти, он здешний. Он отвезет нас к себе в горы. Это полчаса езды наверх.

— Ты останешься? — спросила Лейси.

— А как же! Я тебя не брошу, сестренка. Как тебе погода? То ли еще будет, когда мы поднимемся повыше!

Расти был с виду как медведь, с густой бородой, могучей грудью и широченной улыбкой, ставшей еще шире при приближении двух симпатичных женщин. Судя по виду и состоянию его «форда эксплорер», машина была знакома только с горным бездорожьем. Покидая аэродром, Расти поинтересовался:

— Заедем в город?

— Неплохо бы купить зубные щетки, — заметила Лейси.

Он заехал на стоянку перед маленьким магазином.

— Как у тебя с припасами? — спросил у Расти Гюнтер.

— Полный комплект: виски, пиво, попкорн. Если надо что-то еще — покупайте здесь.

— Мы сюда надолго? — пискнула Джо-Хелен. До этого она помалкивала, пребывая в шоке от резкой смены обстановки.

— На пару дней, — отозвалась Лейси. — Точнее не скажу.

Они накупили туалетных принадлежностей, яиц, хлеба, мясной и сырной нарезки. Городок кончился, не начавшись, асфальт остался позади. Начался подъем, и у Лейси заложило уши. Расти без умолку болтал и опасно гнал по кромкам ущелий, по деревянным мостикам, под которыми с грохотом неслись горные потоки. Как выяснилось, Гюнтер всего месяц назад побывал здесь с женой: неделю они наслаждались прохладой и красотами наступающей осени. Мужчины беседовали, женщины молча притаились сзади. Гравий на сузившейся дороге сменился желтым грунтом. Последний подъем оказался устрашающе крутым, зато на круче синело горное озерцо. На его живописном берегу притулилось то, что Гюнтер назвал хижиной.

Расти помог гостям выгрузить покупки и познакомил их с «берлогой». В пути Лейси приготовилась к жалкой лачуге с уличным туалетом — и сильно ошиблась. Их встретило трехуровневое треугольное сооружение с крылечками и верандами, с пристанью, рядом с которой покачивалась лодка, с современными удобствами и приспособлениями, перед которыми меркло оборудование квартиры Лейси в Таллахасси. Под навесом поблескивал джип «вранглер». Гюнтер объяснил, что хозяин дома — его друг, преуспевающий владелец отелей, прячущийся здесь от летней духоты Атланты.

Расти попрощался с гостями, наказав звонить ему по любой надобности. Связь была хорошей, и всем троим было кому позвонить. Лейси позвонила управляющему домом и попросила передать соседу Саймону ее просьбу позаботиться о Фрэнки. Следующий ее звонок был Пачеко: она сообщила ему, что они прячутся в горах, где им совершенно ничего не угрожает. Джо-Хелен позвонила соседу Армстронгу и попросила его понаблюдать за ее домом, хотя он и Глория и так занимались этим минимум 15 часов в сутки. У Гюнтера имелись, разумеется, срочные дела, которые он принялся увлеченно обсуждать по телефону.

Женщины постепенно приходили в себя. После флоридской жары они

наслаждались горным воздухом. Старый термометр на веранде показывал всего 18 градусов. В доме, вознесшемся на полуторакилометровую высоту, было все, что душе угодно, кроме ненужного здесь кондиционера.

Под вечер, следя, как прячется за горой солнце, и отдыхая от Гюнтера, расхаживавшего по дальней веранде и безостановочно трещавшего по телефону, Лейси и Джо-Хелен, устроившиеся на причале, над рыбацкой лодочкой, тянули из банок холодное пиво.

— Расскажи мне про Клаудию Макдоувер, — попросила Лейси.

— Ох! С чего начать?

— С первого дня. Почему она приняла тебя на работу и продержала восемь лет?

— Хотя бы потому, что я хорошо делаю то, чему обучена. После первого развода я решила стать судебной протоколисткой и постаралась добиться поставленной цели. Я училась на лучших курсах, работала с лучшими специалистами и следила за всеми технологическими новинками. Когда Коули пронюхал, что Клаудии нужна новая сотрудница, он уговорил меня подать заявление. Меня приняли, и его схема заработала: у него появился инсайдер. Судебные протоколисты-стенографисты в курсе всего, Лейси. Поступив к Клаудии, я уже ее подозревала. Моя задача облегчалась тем, что она ничего не знала. Я сразу стала кое-что замечать. У нее был дорогой гардероб, но Клаудия пыталась это скрывать: на важные слушания, привлекавшие много народу, одевалась подчеркнуто скромно. А вот когда выдавался ленивый денек в офисе, она одевалась чуть ли не во все лучшее. Ничего не могла с собой поделать: любила модели от лучших дизайнеров. Вечно меняла драгоценности, увешивалась бриллиантами и изумрудами. Не уверена, что кто-то, кроме меня, это замечал, особенно в таком месте, как Стерлинг. На одежду и украшения Клаудия тратила гораздо больше, чем позволяла ее зарплата. Каждый год меняла секретаря, чтобы никого не подпускать слишком близко. Надменная, нелюдимая, сама суровость. Я не вызывала у нее сомнений, потому что соблюдала дистанцию — так ей казалось. Однажды в разгар судебного заседания я стянула ее набор ключей и отдала его подъехавшему к суду Коули. Он сделал копии всех ключей. Клаудия хватилась ключей, долго искала, потом нашла рядом с мусорной корзиной и не догадалась, что их скопировали. Коули, получив доступ в ее кабинет, не оплошал: поставил «жучки» на ее телефоны и нанял хакера для взлома ее компьютера. Вот тебе и источник информации. Клаудия соблюдала осторожность, особенно в делах с Филлис Турбан. Для служебных дел у нее был кабинетный компьютер, для личных — лэптоп.

Потом завела еще один лэптоп, для своих секретов. Майерсу Коули ничего этого не рассказывал, потому что боялся, что если с Майерсом что-нибудь случится, то провалится вся наша операция. Он дал Майерсу ровно столько, чтобы тот сумел убедить вас начать вынюхивать. — Джо-Хелен сделала большой глоток. Женщины смотрели на круги на воде, оставляемыми рыбками, хватавшими мошек.

— Меня настораживали ее наряды и драгоценности, но когда мы поняли, что они с Филлис с шиком летают в Нью-Йорк, в Новый Орлеан, на Карибы, нам стало ясно, что у нее существует постоянный источник крупных сторонних поступлений. Реактивные самолеты всякий раз арендовались на имя Филлис, имя Клаудии никогда не звучало. Потом выяснилось, что у судьи квартира в Нью-Джерси, дом в Сингапуре, вилла на Барбадосе — всего не припомню. Все тщательно спрятано — так они думали. Но Коули не сводил с них глаз.

— Почему он не обратился в ФБР? Зачем ему понадобились мы?

— Они это обсуждали, но у обоих, особенно у Майерса, не было доверия к федералам. Он даже грозил выйти из игры, если вмешается ФБР. Думаю, Майерс их здорово боялся — они хорошо его прижали, когда он погорел. Полиция штата не имеет власти в индейской резервации, поэтому Коули с Майерсом в конце концов остановились на вашей КПДС. Они знали, что у вас ограниченные полномочия, но кто-то должен был начать расследование. Они не знали, как оно станет развиваться, но трупы в их расчеты точно не входили.

У Лейси завибрировал телефон. Звонил Пачеко.

— Я должна ответить, — сказала она.

— Конечно.

Она отошла к дому.

— Я слушаю.

— Ты где?

— В горах Северной Каролины. Гюнтер доставил нас сюда по воздуху и теперь сторожит.

— Никак не успокоится?

— Он молодец.

— Послушай, на сегодня присяжные устали заседать. Все возобновится завтра, с новыми силами. У нас на руках ордера на арест.

— Когда приступите?

— Сейчас решим. Буду держать тебя в курсе.

— Поосторожнее там!

— Не смей меня, какая осторожность? Впереди бессонная ночь.

В сумерках они разожгли костер в углублении в скале на берегу озера и устроились рядом в старых плетеных креслах-качалках, укрывшись одеялами. Гюнтер нашел кувшин красного вина, и Лейси постановила, что вино годное. Она выпила совсем чуть-чуть, Джо-Хелен и того меньше. Трезвенник Гюнтер пил кофе без кофеина и поддерживал огонь.

Джо-Хелен попросила рассказать об аварии и о гибели Хьюго, и Лейси не пожалела подробностей. Гюнтера интересовал Коули и его старания разоблачить Макдоувер. Джо-Хелен не умолкала целый час. Лейси спросила, как брат, пройдя через три банкротства, остался в бизнесе, и за рассказом Гюнтера пролетел остальной вечер. На ужин был белый хлеб с ветчиной и сыром. Смех и болтовня продолжались до полуночи.

Глава 41

Первые аресты были прямо загляденье.

Среди семи полей для гольфа в собственности Вонна его любимым был «Роллинг Дьюнс», элитный клуб на юге округа Брансуик с живописными видами на залив и со всей приватностью, какую мог потребовать серьезный гольфист. Презируя ритуалы, Вонн все же позволял себе раз в неделю небольшое баловство. Каждое воскресенье в 8 утра он собирал своих сообщников в мужском гриль-баре этого гольф-клуба на завтрак и коктейль «Кровавая Мэри». Настроение там всегда царило расслабленное, даже игривое, чему способствовала сугубо мужская атмосфера, ценимая в возрасте 60–70 лет. Их ждали пять часов на образцовом поле, пиво, изысканные сигары, пари на каждую лунку с попытками простительного жульничества, возможность сквернословить, не хватая себя за язык, травить забористые анекдоты — и все это без вмешательства подручных, подносящих клюшки, и незнакомых игроков. Первый удар назначался на 9 утра, и Вонн всегда бронировал полчаса до и полчаса после. Он терпеть не мог столпотворение на поле и однажды уволил стартера, из-за которого пять минут прождал, пока уберутся две медлительные пары игроков.

Братья Мейтоны, Вэнс и Флloyd, вечно цапались, их приходилось разводить. Вонн всегда играл с Флloydом, Вэнс был партнером Рона Скиннера. В воскресенье 16 октября четверо из пяти «кузенов» начали игру, не зная, что их подстерегает.

Пятый, Хэнк Скоули, привез босса и укатил, чтобы снова за ним приехать через пять часов. Он терпеть не мог гольф и обычно проводил воскресное утро с женой и детишками. Он ехал домой, прокручивая в голове очередные дела, управлял машиной осторожно и не превышал скорость, тем не менее на шоссе № 98 был остановлен патрульным. Он не собирался перед ним лебезить и уже открыл рот, дабы заявить, что ничего не нарушил, как вдруг услышал, что арестован за убийство. Через считанные минуты после остановки Хэнк уже сидел в тесных наручниках на заднем сиденье патрульной машины.

Четвертая лунка в «Роллинг Дьюнс» принадлежала к трудной категории «пар 5» с загибом вправо. Грин от «ти» не был виден, лунка находилась у края поля, неподалеку от улицы, заслоненной деревьями и густыми кустами. За кустами притаился Элли Пачеко со своими людьми. К

бункеру на грине подъехали два гольф-кара, и агенты дождались, пока Вонн, Флойд, Вэнс и Рон выйдут со своими клюшками-паттерами. Гольфисты курили сигары и хохотали. Внезапно откуда ни возьмись появилась дюжина людей в темных костюмах и сообщила, что игре конец. Прямо на грине всей четверке надели наручники. Их увели за живое ограждение и посадили в машины. Сотовые телефоны и бумажники были конфискованы, клюшки, ключи и холодное пиво остались в гольф-карах, паттеры, мячи и сигары — на опустевшем грине.

До выхода на поле следующих двух пар игроков оставалось полчаса. Загадка исчезновения гольфистов будет будоражить гольф-клуб еще целые сутки.

Для каждого «кузена» предназначалась отдельная машина. Элли Пачеко ехал на заднем сиденье с Вонном Дьюбозом, который после нескольких минут молчания пробурчал:

— Вот досада! Такую игру испортили! Я хорошо прошел три лунки.

— Рад, что вам понравилось, — сказал Элли.

— Может, объясните, что все это значит?

— Тяжкое убийство.

— Любопытно, кого убили.

— Всех сразу не упомянуть, да, Вонн? Хьюго Хэтча.

Вонн принял это спокойно и больше ничего не сказал. Хэнк Скоули, братья Мейтоны и Род Скиннер, верные своему кодексу, доехали до тюрьмы, не произнеся ни слова.

Лишь только арестованные оказались в наручниках и лишились сотовых телефонов, бригады фэбээровцев нагрянули в их дома и офисы и принялись описывать и выносить компьютеры, телефоны, чековые книжки, целые шкафы дел — все, что могло послужить уликами. Офисы Мейтонов и Рона Скиннера казались с виду безобидными, со штатами помощников и секретарей, но дело было в воскресенье, и вторжение ФБР происходило без свидетелей. Хэнк Скоули держал свои записи в подвале дома, поэтому их перенос в фургон мрачными агентами происходил на глазах у испуганной жены и детей. У Вонна Дьюбоза не оказалось ни при себе, ни дома ровным счетом ничего изобличающего.

После снятия отпечатков пальцев и фотографирования свежее испеченных обвиняемых развели по отдельным камерам. Снова свидетелься им предстояло только через много месяцев.

Вонну предложили на обед черствый сэндвич. Он отказался и был препровожден в комнату для допросов, где его ждали Элли Пачеко и Дуг

Хан. Кофе и воду он тоже отверг, зато запросил адвоката. Пачеко зачитал его права, но подписать форму, подтверждавшую, что он с ними ознакомлен, Вонн отказался. Последовало повторное требование предоставить адвоката, а также просьба сделать телефонный звонок.

— Это не допрос, Джек, — небрежно бросил Элли и продолжил: — Так, разговор, первое знакомство, благо что мы теперь знаем твое настоящее имя. Мы пробили по базе твои отпечатки и наткнулись на интересный факт: в 1972 году тебя арестовали за нападение при отягочающих обстоятельствах и покушение на убийство. Тогда ты был Джеком Хендерсоном и состоял в банде однокашников, торговавших наркотиками и крышевавших проституцию и букмекерские конторы. После вынесения приговора в Слиделле, Луизиана, ты решил, что тюрьма не для тебя, и сбежал. Отказался от прежнего имени, назвался Вонном Дьюбозом и целых сорок лет успешно оставался невидимкой. Теперь игре пришел конец, Джек.

— Мне нужен адвокат.

— Будет тебе адвокат, Джек, только не тот склизкий болтун, которого ты задумал пригласить. Ребята этого сорта стоят кучу денег, а ты с девяти утра превратишься в полного банкрота, совсем как твой папаша, повесившийся в тюремной камере. Все твои банковские счета будут заморожены, Джек. Больше тебе до денежек не дотянуться.

— Адвоката!

Клайду Уэстби предоставили привилегию полуприватного ареста. Рано утром в воскресенье ему позвонил фэбээровец, сообщивший, что его время пришло. Клайд сказал жене, что возникла проблема на работе, и ушел. Приехав на почти пустую стоянку торгового центра, он остановился рядом с черным «шеви тахо». Оставил ключ зажигания под водительским ковриком, вышел, вытянул руки и уже в наручниках сел на заднее сиденье «тахо». Он не предупредил жену, что с ним произойдет, — не хватило духу.

Располагая его офисными ключами, две бригады агентов ФБР нагрянули в офисы оффшорной компании «Старр С», находившиеся в его отелях. В понедельник всех гостей попросят съехать, все заказы номеров будут аннулированы. Отели закроются на неопределенный срок.

«Кузенам» предоставили право позвонить по телефону, об их аресте стало известно, и эта новость распространилась по всей организации, как пожар по лесу. Бежать или нет — вот какой вопрос в панике задавали себе менеджеры. Решение еще не было принято, а большинство уже оказались арестованы, их офисы подверглись тотальному обыску.

В Билокси адвокат Стейвиш, отправлявшийся с женой в католический собор на воскресную службу, был остановлен по пути двумя агентами. Его уведомили, что он и его партнер обвиняются в нарушениях акта RICO и он подвергнут аресту, после чего предоставили выбор: либо он отдает ключи, либо фэбээровцы сами вышибают двери. Стейвиш нежно простился с женой и, не обращая внимания на удивленные взгляды других прихожан, в слезах отправился в сопровождении агентов к себе в офис.

В казино «Трежеар Ки» четверо агентов сообщили дежурному менеджеру, что заведение закрывается. Оставалось уведомить о закрытии игроков и вывести их из помещения. Еще один агент позвонил вождю Кэппелу и пригласил его в казино. Вождь в считанные минуты примчался и сразу был взят под арест. Взвод приставов вывел рассерженных игроков из казино и проводил на стоянку. Постояльцев обоих отелей при казино заставили немедленно собрать вещи и съехать. Срочно примчавшегося туда Билли Кэппела арестовали вместе с Адамом Хорном и еще тремя менеджерами казино. Приставы с трудом справлялись с возникшим хаосом: игроки, постояльцы отелей и сотрудники казино были растеряны, расходиться никому не хотелось, но выбора не оставалось: все двери заперли и опечатали.

В 3 часа пополудни в воскресенье Филлис Турбан пила на своей веранде чай со льдом и читала книжку. Ее сотовый телефон, завибрировав, отразил незнакомый номер. Некто, не называя себя, сообщил: «Вам вместе с вашей подружкой Макдоувер, Вонном Дьюбозом и еще сотней мошенников предъявлены обвинения. ФБР врывается в офисы по всему побережью. На очереди ваш». По временному телефону, номер которого уже был известен ФБР, она тут же позвонила Клаудии, пребывавшей в неведении, та — Хэнку Скоули, своему непосредственному связному, но его номер не отвечал. Обе женщины стали лихорадочно искать новости в Интернете, но ничего не нашли. Филлис предложила на всякий случай убраться подальше и позвонила в компанию авиачартеров в Мобиле. Реактивный самолет мог поднять их в воздух не позднее чем через два часа.

Чартерная компания, проинструктированная на подобный случай, связалась с ФБР. Агенты, наблюдавшие за Филлис, проследовали за ней в ее секретный офис, находившийся в дорогом стрип-молле около аэропорта. Она вошла туда с одним ключом в руках, а вышла с двумя увесистыми сумками «Прада». Агенты направились за ней к терминалу авиации общего назначения регионального аэропорта Мобила.

Чартерная компания сообщила в ФБР, что их регулярная клиентка

желает совершить посадку в Панама-Сити с целью подобрать там одного пассажира. Пунктом назначения числился Барбадос. ФБР и Федеральное авиационное агентство велели чартерной компании осуществить заказ. В 16.50 «Лир-40» вылетел из Мобила и через 20 минут приземлился в Панама-Сити.

Тем временем судья Макдоувер примчалась в свой любимый кондо при гольф-клубе «Рэббит Ран», быстро набила большую сумку и метнулась в аэропорт. Она была там в 17.15, сразу после приземления «Лиры». Капитан поприветствовал ее на борту и отлучился в терминал для оформления документов. Через четверть часа второй пилот предупредил Клаудию и Филлис, что из-за нелетной погоды в Мексиканском заливе вылет задерживается.

— Нельзя, что ли, облететь грозу? — крикнула Филлис.

— Сожалею.

Со стороны хвоста к самолету подъехали две огромные черные машины. Увидев их у левого крыла, Клаудия выругалась под нос.

Надев на обеих женщин наручники и выведя их из самолета, агенты провели в нем обыск. Вместо смены одежды арестованные взяли с собой столько ценностей, сколько сумели унести: бриллианты, рубины, редкие монеты, пачки денег. Инвентаризация, произведенная спустя месяцы, оценила все это в 4,4 миллиона долларов. Арестованные не ответили на вопрос, как они собирались пронести свой драгоценный багаж через таможню Барбадоса.

Еще более внушительным был результат обыска в кондоминиуме судьи Макдоувер в «Рэббит Ран». Найдя после долгих поисков хранилище, агенты застыли в удивлении: они не ожидали увидеть столько денег, драгоценностей, предметов искусства, редких книг и часов, антиквариата. Зато обыск самого жилища судьи дал совсем небогатый улов. В ее офисе агенты, как обычно, конфисковали компьютеры, телефоны, судебные дела. Компьютеры из офиса Филлис Турбан для противозаконной деятельности как будто не использовались. А вот два лэптопа из ее секретного офиса были забиты банковскими счетами, переводами, корпоративными данными, записями о сделках с недвижимостью, перепиской с юристами в странах, известных как «налоговый рай».

По всему «отростку» штата прошлишь широким мелким гребнем. К вечеру воскресенья под арестом оказались двадцать один мужчина и две женщины, которым готовились предъявить кучу обвинений, и в предстоящие недели эта куча грозила многократно вырасти. Среди

арестованных был и Дельгадо, которому агенты испортили тренировку с серьезным утяжелением в гимнастическом клубе. По бумагам он числился работником бара, принадлежавшего компании, в которую он не входил; его преступления, судя по обвинительному акту, состояли в отмывании денег. Пройдут годы, прежде чем вскроются совершенные им куда более серьезные преступления.

Глава 42

В 6 часов вечера в воскресенье новостные каналы впервые — с ходу, без подготовки — стали сообщать об арестах. Не зная, кто обвиняемые и за что их арестовывают, телевидение мало что могло сказать. Но потом произошло два события, резко изменивших положение: закрытие казино и произнесение неназванным человеком термина «береговая мафия». На обе эти сенсации было совершенно немыслимо не отреагировать, и вскоре пошли прямые репортажи от закрытых ворот «Трежеар Ки».

Лейси и Джо-Хелен прилипли к телеэкрану, не веря своим глазам и ушам. По преступной организации был нанесен сокрушительный удар, разоблачивший коррупцию. Преступники оказались за решеткой. Начинала торжествовать справедливость. От одной мысли, что именно они подняли эту очистительную волну, у обеих перехватывало горло. Гордиться этим пока было трудно — слишком тяжелые потери приходилось нести на пути к победе. Когда очередной репортаж прервался анонсом экстренной новости и на экране появилось лицо судьи Клаудии Макдоувер, Джо-Хелен зажала себе ладонью рот и зарыдала. Репортер приподнятым тоном сообщала подробности ареста судьи и ее личного юриста на борту частного самолета при попытке покинуть страну. Действительности соответствовала только половина сказанного; недостаток сведений репортер восполняла воодушевлением.

— Это слезы радости? — спросила Лейси.

— Наверно. Еще не знаю. Но точно не от грусти. Просто все так невероятно!

— Согласна. Совсем недавно я знать ничего не знала обо всех этих людях, и казино тоже не занимало мои мысли.

— Когда мы сможем спокойно вернуться домой?

— Пока не могу сказать. Сначала я должна поговорить с ФБР.

Гюнтер привез из города мясо и уголь и теперь жарил на веранде мясо на ребрышках и пек в золе картошку. Время от времени он заглядывал в гостиную, чтобы узнать последние новости, но вскоре сообщения стали повторяться. Он то и дело говорил:

— Поздравляю, девочки, вы только что вытряхнули из мантии самую продажную судью во всей американской истории! Молодцы!

Но у них не было настроения праздновать победу. Джо-Хелен почти не сомневалась, что сохранит работу, хотя судья, который придет на смену

Макдоувер, имел право пригласить вместо нее другого протоколиста. Если Джо-Хелен и вспоминала о предполагаемых преимуществах, которые дала бы ей роль заявителя, то не упоминала о них вслух. В данный момент такой план выглядел очень сложно, его осуществление потребовало бы слишком много времени; к тому же она потеряла юриста, способного провести ее в этих опасных, кишаших рифами водах.

Перед ужином Лейси позвонила Гейсмару, и они обменялись впечатлениями. Следующий звонок был Верне: с ней она обсудила арест обвиняемых в убийстве Хьюго. Элли Пачеко на звонки не отвечал. Они не разговаривали весь день, но Лейси понимала причину: Элли был слишком занят.

В 9 утра в понедельник прокурор Пола Гэллоуэй обратилась к федеральному судье в Таллахасси с представлением о немедленном прекращении деятельности тридцати семи бизнесов. Большинство располагалось в округе Брансуик, остальные были разбросаны по всему «отростку». Это были бары, винные магазины, рестораны, стриптиз-клубы, отели, ночные магазины, торговые центры, парки развлечений, публичные поля для гольфа, три строящихся жилых комплекса. Щупальца организации обвинили несколько жилых комплексов вроде «Рэббит Ран», хотя большая часть домов там были проданы частным лицам. Гэллоуэй предоставила судье список из 84 банковских счетов и попросила их временно заморозить. Большинство счетов принадлежали бизнесам, но некоторые были оформлены на частных лиц. Например, Хэнк Скоули держал 200 тысяч долларов на низкодоходном депозите и еще 40 тысяч на совместном чековом счете. Его честь, тоже ветеран юриспруденции, часто сотрудничавший с прокурором Гэллоуэй, заморозил все. Ввиду важности происходящего запросы прокурора никто не опротестовал. Кроме того, Пола потребовала назначить юриста из большой фирмы в Таллахасси администратором-ликвидатором всех компаний из списка.

Обязанности администратора были обширными. К нему переходил юридический контроль над всеми бизнесами, полностью или частично финансировавшимися за счет преступной деятельности организации, получившей теперь название «синдикат Дьюбоза». Администратор-ликвидатор должен был докопаться до корней каждой компании и вытащить наружу ее бухгалтерские документы. С помощью судебных бухгалтеров ему предстояло начертить схему путаных денежных следов, связывавших все предприятия воедино, и пройти по этим следам к синдикату. Работа в связке с ФБР предполагала проникновение в лабиринт

созданных Дьюбозом оффшорных компаний и обнаружение их активов. Но главной задачей ликвидатора была конфискация и последующая продажа всей связанной с синдикатом Дьюбоза собственности.

Через два часа прокурор Гэллоуэй провела пресс-конференцию — настоящий отрепетированный балетный номер, мечту любого прокурора. Представ перед оравой репортеров, выставивших перед ней бесконечный ряд микрофонов, она не дрогнула. За ее спиной стояли помощники, в том числе Ребекка Вэбб и несколько фэбээровцев. Справа от нее, на большом экране, красовались физиономии всей пятерки «кузенов» и Клайда Уэстби. Пола рассказала о предъявленных им обвинениях в убийстве, сообщила, что они уже задержаны, подтвердила свое намерение требовать для них смертного приговора. Предложив подождать с вопросами, Гэллоуэй перешла с обвинений в убийстве к нарушениям законов RICO. Облава еще продолжалась, однако двадцать шесть из тридцати трех обвиняемых уже находились под арестом. ФБР и прокуратура находились на ранней стадии расследования, впереди было еще много работы. Преступная деятельность синдиката Дьюбоза оказалась очень разветвленной и искусно организованной.

Стоило Поле предложить задавать вопросы — и они просыпались, как бомбы из бомболока.

К полудню понедельника убежище в горах утратило свое очарование. Смотреть новости по телевизору наскучило, дремать и подавно; то же самое относилось к чтению старых книжек, подобранных кем-то другим, к сидению на причале и к любованию красками ранней осени при всей прелести окружающих пейзажей. Друг Гюнтера уже требовал назад свой летательный аппарат. Лейси ждала работа. Джо-Хелен не терпелось вернуться в здание суда округа Брансуик: ее вдохновляла мысль, что уже не придется видеть там Клаудию Макдоувер. Ей ужасно хотелось послушать, что говорят обо всем происходящем другие.

Важнее всего было, конечно, то, что угроза для Джо-Хелен, по мнению Элли Пачеко, уже миновала. У Дьюбоза появились дела поважнее, чем устранение проболтавшейся судебной протоколистки. Все ключевые фигуры уже сидели под арестом, лишены телефонов, так что расправиться с ней теперь было бы очень затруднительно. Но на всякий случай Элли пообещал Джо-Хелен охрану ФБР на две недели.

Расти приехал за ними в 2 часа дня. Дорога вниз с горы оказалась еще страшнее, чем путь вверх. Укачало даже стойкого Гюнтера. Во Франклине они от всего сердца поблагодарили Расти, покривили душой, пообещав

встретиться с ним снова, и взмыли в воздух.

Лейси хотелось улететь напрямик домой, но это было невозможно. Новый хэтчбек дожидался ее в Валдосте, поэтому выбора не оставалось, пришлось отправиться туда. Перелет проходил сложно, Гюнтер увиливал от грозовых туч и напрасно искал высоту, где полет можно было бы выровнять. Ко времени посадки Лейси и Джо-Хелен так нанервничались, что пересели в автомобиль с огромным облегчением. Перед этим они по очереди заключили Гюнтера в крепкие объятия. Дождавшись, пока он снова взлетит, женщины умчались. Таллахасси находился на полпути между Валдостой и Панама-Сити, где на стоянке мотеля «Нептун» Джо-Хелен оставила свою машину.

Их ждал долгий путь, поэтому Лейси предложила переночевать у нее дома в Таллахасси, а перед этим пригласить на ужин Элли. За пастой и хорошим вином женщины выслушали бы его рассказ о событиях трех последних дней и вытянули все подробности, которые сам он, наверное, считал несущественными. Кто арестовывал Дьюбоза, что тот говорил при аресте? Как и куда пыталась сбежать Клаудия? Кто другие обвиняемые, где они теперь? От кого убегала Джо-Хелен? Миля за милей у них рождались все новые вопросы.

Лейси позвонила Элли и спросила про ужин. Присутствие Джо-Хелен должно было послужить ему дополнительной приманкой.

— Значит, мне повезет и я познакомлюсь с Информатором? — поинтересовался он.

— С ней самой.

— Жду не дождусь!

Эпилог

В считанные дни после арестов и облав сюжет о них обосновался на первых страницах всех газет не только Флориды, но и всего Юго-Востока. Неуемные репортеры проявили прыть, взялись за собственные раскопки, сами разматывали ниточки и добывали жареные факты. Запертые ворота казино «Трежеар Ки» стали излюбленным задником для телерепортажей. Репортеры стояли шумным лагерем прямо под окнами Верны, пока их не принудили удалиться; они отодвинулись совсем немного и обосновались на улице перед домом, мешая проезду. Двоих, самых настырных, пришлось арестовать, но помогло даже не это: до репортеров дошло наконец, что Верне нечего сказать, и лагерь был свернут. Прокурор Пола Гэллоуэй ежедневно проводила брифинги, умудряясь не сообщать на них почти ничего нового. Элли Пачеко, официальное лицо ФБР в этом деле, вообще отказывался разговаривать. Два дня репортеры и операторы роились перед домом Макдоувер в Стерлинге и перед окружным судом Брансуика. Привлекательными съемочными площадками служили также два пятачка: перед запертым офисом Филлис Турбан и перед зданием юридической фирмы в Билокси. Но постепенно сюжет стал перемещаться с первых страниц на вторые.

Все внимание отвлекли на себя ФБР и прокуратура, Комиссия же по проверке действий судей, незначительная с виду структура, осталась в тени. Сначала репортеры звонили Лейси и Гейсмару, но те не отвечали на звонки. Как и все остальные, они следили за развитием событий по прессе и поражались ее падкости на дезинформацию. Для самой КПДС дело было закончено. Ответчица по поддержанной Комиссией исковой жалобе сидела за решеткой, вот-вот ожидалась ее отставка.

Но жить и работать дальше как ни в чем не бывало сотрудникам КПДС, особенно Лейси, было нелегко. Ее эмоциональная вовлеченность в это дело оказалась слишком велика, чтобы деловито приступить к следующему на очереди. Крупнейшее в ее карьере расследование завершилось, но она была обречена жить им еще не один месяц. Они с Пачеко, проводя много времени вместе, не могли говорить на другие темы, так их поглотила эта.

Спустя две недели после ареста Макдоувер и банды Дьюбоза, приехав днем домой и уже собравшись выйти из машины, Лейси увидела мужчину, сидевшего на ступеньке и, видимо, ждавшего ее. Она позвонила соседу

Саймону и попросила его выглянуть в окно. Саймон не только выглянул, но и вышел, чтобы проконтролировать ситуацию.

На мужчине была белая рубашка для гольфа и шорты хаки, козырек бейсболки надвинут низко на глаза, короткие волосы выкрашены в черный цвет. Когда Лейси подошла, он с улыбкой произнес:

— Привет, Лейси.

Грег Майерс!

Она отпустила Саймона и пригласила Майерса в квартиру. И, закрыв за собой дверь, сказала:

— Я считала вас умершим.

— Без пяти минут! — отозвался гость со смешком. — Мне бы пива...

— И мне.

Она откупорила две бутылки, и они сели за кухонный стол.

— Вряд ли вы виделись с Карлитой, — начала разговор Лейси.

— Эту ночь я ночевал у нее, — сообщил Грег со смехом. — Она жива-здорова. Передает вам пламенный привет и благодарность за спасение.

— Привет? Бросьте, Майерс! Начинайте рассказывать.

— Что вам хочется узнать?

— Все! Почему вы пропали?

— Это долгая история.

— Не сомневаюсь. Самое время ее поведать.

Мейерс был к этому готов. Настало время занять место в созданном им самим сюжете. Он приложился к бутылке, утер тыльной стороной ладони губы — знакомый Лейси неуклюжий жест — и начал:

— Почему я пропал? По двум причинам. Первая: это с самого начала подразумевалось вспомогательным планом. Я знал, что ФБР будет раскачиваться, прежде чем согласится вступить в игру, и не ошибся. В случае моего исчезновения вы и ФБР поверили бы, что до меня добрался Дьюбоз. Так и вышло. Еще одно убийство — мое — побудило бы ФБР взяться за ум. Я не хотел его участия, но все мы быстро поняли, что без них ничего не добьемся. Разве я ошибся?

— Может, и нет. Ваше исчезновение обострило их интерес, но не оно повлияло на их решение.

— Что же тогда?

— ДНК. Мы нашли на месте преступления кровь и вышли на водителя пикапа. После его опознания ФБР поняло, что дело можно раскрыть. Оно почуяло большой успех и, что называется, взялось за оружие.

— Как вы раздобыли образец крови?

— Подробности потом. Вы сказали, что у вас было две причины,

чтобы сбежать с корабля.

— Да, и вторая поважнее первой. Однажды утром в Ки-Ларго я возился с двигателем яхты. Чувствую, в кармане вибрирует временный телефон. Открываю его, говорю «алло» или что-то в этом роде. Слышу голос: «Майерс?» Я думал, это Коули, но что-то мне подсказало, что нет, не он. Я разъединился и позвонил Коули по другому телефону. Нет, говорит, я не звонил. Тогда я понял, что кто-то напал на мой след и этот «кто-то» — Вонн Дьюбоз. Я спустился вниз, стер все на компьютере, набил карманы деньгами и сказал Карлите, что пойду купить льда. Полчасика поболтался в порту, понаблюдал, а потом нанял местного водителя, чтобы отвез меня в Хомстед. Оттуда я перебрался в Майами и скрылся с глаз. Я едва избежал гибели и был до смерти перепуган.

— Обязательно было вот так бросать Карлиту?

Майерс снова присосался к бутылке.

— Я знал, что Карлита справится. Они могли начать ее запугивать, но за ее жизнь я не опасался. Конечно, я рисковал. Нужно было убедить ее, Коули, вас, даже ФБР, что я — еще одна потеря в бою. Людей можно заставить говорить, Карлита и Коули тоже не исключение. Поэтому они не должны были узнать, как именно я исчез.

— Вы сбежали, Коули тоже. Вы подвергли свою женщину опасности, как и он.

— Да, это выглядит именно так, но на самом деле все гораздо сложнее. У меня был выбор: сбежать или получить пулю. С Коули другая история. Когда я пропал, он испугался, что теперь доберутся и до него, поэтому спрятался, как ящерица под камень.

— И теперь вы оба возвращаетесь, привлеченные блеском золота.

— А как же! Вспомните, Лейси, ничего этого не произошло бы, если бы не мы. Коули — мозг всей затеи, он долго все это придумывал. Гений, да и только! Он руководил Джо-Хелен и все делал правильно, пока не перетрухнул. Я тоже оплошал: подписал иск и чуть не поплатился за это жизнью.

— Она тоже.

— Поверьте, Джо-Хелен рисковала не напрасно. Мы трое будем щедро вознаграждены за страх, которого натерпелись.

— Коули уже выяснил отношения с Джо-Хелен?

— Идет процесс выяснения, скажем так. На протяжении двадцати лет они сходились и расходились, то были любовниками, то нет. Им ли не понимать друг друга!

Лейси со вздохом покачала головой. Она не сделала ни глотка пива, а

Майерс успел осушить свою бутылку. Она достала из холодильника еще одну и отошла к окну.

— Попробуйте взглянуть на это иначе, Лейси, — продолжил Майерс. — Мы с Коули и Джо-Хелен задумали взять Дьюбоза и Макдоувер за горло. Все пошло не так, ваш напарник погиб, вы пострадали. Нам повезло, что все ограничилось этим. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, что лучше было не рыпаться. Но что сделано, то сделано, преступники за решеткой, а мы трое остались в живых. Мы вступили в мирные переговоры и в конечном итоге радостно поделим куш.

— Уверена, вы читаете газеты.

— Не пропускаю ни одного словечка.

— Тогда вам знакомо имя Элли Пачеко.

— Энергичный фэбээровец?

— Да. Мы встречаемся. Думаю, ему следует послушать ваш рассказ.

— Я не против. Я не сделал ничего дурного и не прочь все рассказать.

Расследование ФБР по делу синдиката Дьюбоза продолжалось еще 14 месяцев и увенчалось еще шестью обвинительными актами. Всего арестовали 39 человек; всех их сочли склонными к побегу от следствия, в связи с чем им было отказано в освобождении под залог. Половина из них являлись второстепенными фигурами, работавшими в структурах, принадлежавших синдикату, но мало знавшими об отмывании денег и о доении казино. Временно лишённые свободы, с замороженными банковскими счетами, представляемые назначенными по суду адвокатами, они соглашались на сделки о признании вины, едва Пола Гэллоуэй успевала обмолвиться о такой возможности. За полгода, прошедшие после ареста Вонна Дьюбоза, дюжина его соответчиков согласилась признать себя виновными и изобличить своих прежних боссов. Обвинение, жертвуя мелюзгой, затягивало петли на шеях самых закоренелых преступников. Но те держались твердо. Никто из одиннадцати менеджеров, исключая Клайда Уэстби, не дрогнул, не говоря обо всех пяти «кузенах».

Однако за пределами синдиката нашлось-таки слабое место. Гевин Принс, уважаемый член племени таппаколов, выпускник университета Флориды, испугался тюремного срока. Он был вторым человеком в казино, посвященным в большинство грязных секретов. Его адвокат убедил Полу Гэллоуэй, что Принс — не преступник и при условии соответствующей досудебной сделки готов помочь стороне обвинения. Он согласился признать один пункт обвинения, грозивший только условным сроком.

Согласно показаниям Принса, каждый игорный стол независимо от

игры — «очко», рулетка, покер, кости — имел недоступный для крупье денежный ящик, устроенный как копилка. 90 процентов ставок делаются наличными. Крупье берет их, считает на виду у игроков и у камеры, кладет в приделанный к столу ящик и меняет на фишки. Больше всего денег приносит «очко», меньше всего — рулетка. Казино работало круглосуточно, не закрываясь даже в Рождество; меньше всего игроков оставалось там к 5 часам вечера. Ежедневно в это время вооруженная охрана собирала ящики с деньгами, ставила в тележку и заменяла пустыми. Ящики отвозили в бронированное помещение, официально именовавшееся «комнатой для подсчета», где они передавались в распоряжение четырех профессиональных счетчиков. За спиной каждого счетчика стоял охранник, над его головой висела камера. Содержимое каждого ящика пересчитывалось четыре раза. Обычно число ящиков составляло 60. Задача Принса состояла в том, чтобы каждое утро забирать ящик VJ-17, набитый деньгами с самого доходного стола для игры в «очко». Он просто снимал его с тележки, прежде чем ее вкатывали в «комнату для подсчета». Он делал это молча, охранники отворачивались. С ящиком VJ-17 Принс уединялся в камерке без камер, ставил его в сейф и захлопывал дверцу. Насколько он знал, ключ от сейфа был только один — у вождя таппаколов, ежедневно наведывавшегося в казино и забиравшего деньги.

В среднем один стол для игры в «очко» приносил в день 21 тысячу долларов, хотя стол № 17 был прибыльнее остальных. По прикидке Принса, один этот стол давал в год не менее 8 миллионов, исчезающих без следа.

Записи камер наблюдения за этим столом загадочным образом стирались каждые три дня, на случай, если кто-нибудь станет задавать ненужные вопросы, хотя никто никогда ни о чем не спрашивал. Да и кто стал бы совать туда нос? Все происходило на земле племени!

Принс был одним из трех управляющих, переправлявших денежки в сейф вождя. Все трое сидели за решеткой, им предъявлялись обвинения, предусматривавшие длительные сроки. Когда Принс пошел на сотрудничество со следствием, они быстро последовали его примеру. Все трое утверждали, что у них не оставалось выбора, что доение казино было для них вынужденной необходимостью. Они знали, что вождь не все деньги забирает себе: часть их идет на дальнейший подкуп и так далее. Но система требовала помалкивать, она диктовала свои законы, и ее участники считали, что никогда не попадутся. Троица дружно утверждала, что слыхом не слыхивала ни о каком Вонне Дьюбозе.

Казино закрыли на три недели. Две тысячи человек остались без

работы, под угрозой оказались священные дивиденды. Таппаколы наняли дорогих адвокатов, и те убедили судью, что племя способно на самоочищение. Было решено пригласить в казино команду профессиональных управленцев из лас-вегасской корпорации «Харрас».

Вождь Кэппел сидел в тюрьме, ему светило провести в заключении не один десяток лет. Униженное племя отказало ему в доверии. 90 процентов таппаколов подписали петицию с требованием его отставки и проведения новых выборов. Вождь сложил полномочия, то же самое сделали его сын Билли и их приятель Адам Хорн. Через два месяца абсолютным большинством голосов вождем был избран Лиман Гритт. Первым делом новый вождь пообещал Уилтону Мейсу выволить из тюрьмы его брата.

Старания адвокатов «кузенов» разморозить хотя бы часть средств клиентов не приносили успеха. «Кузены» хотели прибегнуть к услугам прославленных юристов, которые отыскиали бы в позиции обвинения слабые места. Но судья воспротивился растрате нечистых денег на юридическую помощь. Он ответил решительным отказом и назначил защитниками обвиняемых опытных адвокатов по уголовным делам.

Подготовить к суду дело о тяжком убийстве, гораздо более серьезное, чем обвинение в нарушении законов RICO, оказалось проще. За отсутствием Клайда Уэстби на процесс выводили всего пятерых, а не два десятка, как в случае с RICO. Пола Гэллоуэй давно решила сосредоточиться на суде по обвинению в убийстве, где были гарантированы обвинительные приговоры; после того как «кузенов» приговорят к смерти или к пожизненному заключению, можно было бы активно торговаться с оставшимися ответчиками по RICO. Всех отловив и рассадив по камерам, Пола и ее команда рассчитывали завершить процесс по делу об убийстве за полтора года. На процесс по RICO требовалось не меньше двух лет.

В апреле 2012-го, через полгода после арестов, назначенный судом администратор-ликвидатор приступил к продаже активов. Применив давно пользующийся недоброй славой, противоречивый федеральный статут, он организовал аукцион по продаже девяти автомобилей последних моделей, четырех яхт, двух двухмоторных самолетов. Адвокаты «кузенов» протестовали, заявляя, что такое отчуждение в ситуации, когда их клиенты, рассуждая технически, остаются невиновными людьми, является преждевременным. Этот довод защитники применяли на повышенных тонах последние двадцать лет. Но закон, даже кажущийся несправедливым, остается законом; аукционы позволили выручить 3,3 миллиона — первая капля, предшествовавшая бурному потоку.

Через неделю ликвидатор продал за 2,1 миллиона долларов и за

признание долга торговый центр. Демонтаж синдиката Дьюбоза набирал обороты.

За всем этим пристально наблюдал адвокат, представлявший интересы Верны Хэтч. После аукциона он подал 10-миллионный иск по факту смерти вследствие противоправных действий в рамках гражданского статута RICO и уведомил ликвидатора о намерении потребовать наложения ареста на конфискованное имущество. Ликвидатору было все равно: деньги принадлежали не ему. По примеру Верны Лейси тоже предъявила иск по факту причинения ей тяжких телесных повреждений.

Отследить активы Клаудии Макдоувер и Филлис Турбан оказалось проще, чем найти грязные деньги синдиката. Завладев бухгалтерий Турбан, ФБР вышло на верный след. Две женщины, действуя под прикрытием оффшорных компаний, приобрели виллу на Барбадосе, квартиру в Нью-Джерси, дом в Сингапуре. Продажа этой недвижимости дала 6,3 миллиона. Клаудия и Филлис контролировали одиннадцать корпоративных банковских счетов, спрятанных по всему миру, с совокупным балансом свыше 5 миллионов. По распоряжению суда, уступив давлению госдепартамента, сингапурский банк вскрыл в своем хранилище принадлежавший обеим сейф. Тот оказался полон бриллиантов, рубинов, сапфиров, редких монет и золотых слитков весом в 10 унций каждый. Такое же давление было оказано на банк на Барбадосе, в сейфе которого обнаружили содержимое того же свойства. По результатам оценки, в сейфах хранилось ценностей на 8,8 миллиона долларов. Проданы были за миллион каждый и четыре кондоминиума в «Рэббит Ран».

В отделении ФБР в Таллахасси богатства двух подруг прозвали «фондом Заявителя». В результате неторопливых продаж, проведенных ликвидатором в течение года после арестов, фонд вырос до 38 миллионов. На бумаге цифра выглядела умопомрачительно, но по мере ее постепенного роста первоначальный шок проходил.

Адвокат Грег Майерс потребовал вознаграждения из «фонда Заявителя». Назначенные судом защитники Макдоувер и Турбан заявляли в связи с продажей активов стандартные возражения, но без малейшего результата. После полной распродажи остались только деньги, и защитники лишились аргументов. Что они могли сказать? Разве деньги не были украдены? Адвокаты отозвали протесты и попрятались.

С утверждением адвокатов таппаколов, что деньги принадлежали племени, судья согласился. Однако найти деньги было невозможно, зато благодаря храбрости Джо-Хелен, Коули и Грега Майерса оказалась разоблачена целая коррупционная сеть. Сами таппаколы тоже не были

невинными овечками: они избирали и переизбирали вождя-преступника. Из 38 миллионов судья выделил на выплату вознаграждения 10: половину Джо-Хелен, по 25 процентов Майерсу и Коули. Он также не оставил сомнений, что им будет причитаться гораздо больше, когда — в отдаленном будущем — будут найдены и распроданы все активы синдиката Дьюбоза.

14 января 2013 года, через год и три месяца после ареста, в федеральном суде Пенсаколы начался процесс пяти «кузенов». К этому времени они уже знали, что против них дали показания Клайд Уэстби и Зик Форман. Им было известно, что в день своего ареста Клайд признал себя виновным в убийстве при отягощающих обстоятельствах и что ему вынесут менее суровый приговор — пока еще неясно, какой. О том, что Зик Форман скрывается, они не знали, да и не проявляли к этому интереса. Их партия была сыграна, теперь их занимало только собственное мрачное будущее.

В полном зрительном зале суда от имени США выступала Пола Гэллоуэй, юрист, не утратившая любви к публичности. Ее первой свидетельницей была Верна Хэтч, второй — Лейси. Демонстрировались фотографии и видеозаписи с места происшествия. Лейси провела на свидетельской трибуне целый день и совершенно обессилела. Тем не менее она сохранила интерес к процессу и просидела на нем вместе с Верной от начала до конца. Все восемь дней с ними были друзья и родственники Хьюго. Они увидели сцену угона «додж-рама» и видео, снятое камерой Фрога. Зик Форман проявил себя блестящим свидетелем обвинения. Клайд Уэстби тоже не оплошал, несмотря на нервозность и нежелание смотреть на подсудимых. Те выступить в суде отказались. Их защита была коллективной: один за всех, все за одного. Пострадать — так сразу всем.

Присяжные, просоветовавшись шесть часов, признали виновной всю пятерку. На следующей неделе Пола Гэллоуэй поднажала, требуя для всех пятерых смертного приговора, но добилась не всего, чего хотела. Присяжные без колебаний приговорили к смерти Вонна Дьюбоза и Хэнка Скоули. Вонн отдал приказ, на Хэнке была детализация. Но осведомленность о плане акции братьев Мейтонов и Рона Скиннера осталась под сомнением. По закону член банды виновен в ее преступлениях, не важно, участвовал он в них или нет, но присяжным не хватило духу приговорить к смерти и эту троицу. Они назначили им пожизненное заключение без права на условно-досрочное освобождение.

Расправившись с «кузенами», Пола Гэллоуэй проявила больше готовности к досудебным сделкам с ответчиками по RICO. Большинство согласилось признать вину и в обмен были приговорены к умеренным

срокам, в среднем по пять лет каждому.

Но одному, давнему исполнителю мелких поручений, пользовавшемуся доверием «кузенов», по имени Уиллис Моран, сидеть в тюрьме не захотелось. Его брата изнасиловали и убили в заключении, и Уиллис страшился подобной же участи. Допрос за допросом он намекал, что кое-что знает об убийстве Сона Разко и Эйлин Мейс, а также об исчезновении тюремного доносчика Диггера Роблеса. У ФБР не имелось специального намерения засадить Морана в тюрьму надолго, да хотя бы и на короткий срок, вследствие чего была заключена досудебная сделка, по которой он отсиживал только уже проведенный в заключении срок, то есть выходил на свободу после суда.

Моран годами имел дело с Дельгадо, которому Вонн предпочитал поручать «мокрые» дела. Ветеранам банды было хорошо известно, как ловко у Дельгадо получалось убирать неугодных. Скорее всего, он и прикончил Сона и Эйлин.

Элли Пачеко без большой охоты открыл в истории Дьюбоза новую страницу.

Через два месяца после процесса по делу об убийстве в зал федерального суда в Таллахасси ввели Клаудию Макдоувер и Филлис Турбан со свитой адвокатов. Обе уже признали себя виновными в подкупе и в отмыывании денег. Оставалось вынести приговор. Судья начал с Филлис: от души ее выбравив, он объявил приговор — десять лет.

Речь судьи, клеймившая Клаудию, была достойна анналов. Он хорошо подготовился: в ход пошли и «умопомрачительная алчность», и «тошнотворная лживость», и «трусливое предательство доверия избирателей». Стабильное общество зиждется на верности справедливости и правосудию, и судьям, «таким, как мы с вами», надлежит обеспечивать защиту всех граждан от гнили, насилия, сил зла... Судья был то язвителен, то насмешлив, но не проявлял ни малейшего сочувствия. Его разоблачительная тирада затянулась на полчаса и многих в зале суда немало удивила. Клаудия, хрупкая, исхудавшая за почти полтора года на тюремной кормежке, старалась стоять как можно прямее и мужественно принимать удары. Всего однажды она покачнулась — видимо, не выдержали и подкосились колени. Она не пролила ни слезинки и ни разу не оторвала от судьи взгляд.

Он приговорил ее к двадцати пяти годам.

Лейси, сидевшая в первом ряду, между Элли и Джо-Хелен, почти готова была ее пожалеть.

notes

Примечания

Закон 1970 г. «О подпавших под влияние рэкетиров и коррумпированных организациях». — *Здесь и далее примеч. пер.*

«Отростком», или «ручкой сковороды», называется длинный узкий участок территории штата, расположенный между двумя другими штатами либо между штатом и побережьем. В США такими «отростками» обладают штаты Аляска, Западная Виргиния, Оклахома, Техас и Флорида.

Treasure Key — «Ключ к сокровищу» (*англ.*).

4

Модная во Флориде игра в мяч, сходная с гандболом.

Собирательное название законов о расовой дискриминации.